Проф. М. М. Тарѣевъ.

РЕЛИГІОЗНАЯ ЖИЗНЬ.

Основы христіанства.

Томъ дополнительный.

ГОРОДСКАЯ
имени Л. Н. ТОЛСТОГО
БИБЛІОТЕКА-ЧИТАЛЬНЯ

ОСНОВЫ ХРИСТІАНСТВА.

Томъ I *Христосъ.*

Томъ II *Евангеліе.*

Томъ III *Христіанское міровоззрѣніе.*

Томъ IV *Христіанская свобода.*

Томъ дополнительный (V) *Религіозная жизнь*

Проф. М. М. Тарѣевъ.

РЕЛИГІОЗНАЯ ЖИЗНЬ.

Основы христіанства.

Томъ дополнительный.

Живыя души. Церковность. Проповѣдь. Приложеніе: Планъ „Основъ христіанства".

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.

Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры.

1910.

ОСНОВЫ ХРИСТІАНСТВА.

СИСТЕМА РЕЛИГІОЗНОЙ МЫСЛИ.

Томъ дополнительный (V').

РЕЛИГІОЗНАЯ ЖИЗНЬ.

БИБЛІОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.
1410
27

Печатать дозволяется. Октября 15 дня, 1909 года.
Ректоръ Академіи, Епископъ *Θеодоръ*.

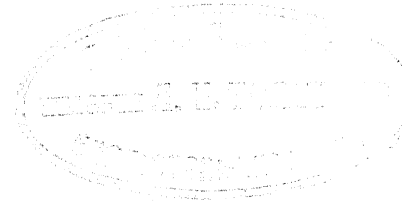
I. ЖИВЫЯ ДУШИ (Третье изданіе).

II. ЦЕРКОВНОСТЬ.

III. ПРОПОВѢДЬ (Второе изданіе).

Приложеніе. ПЛАНЪ „ОСНОВЪ ХРИСТІАНСТВА“.

ЖИВЫЯ ДУШИ.



ЖИВЫЯ ДУШИ.

ОЧЕРКЪ

нравственныхъ силъ современной Россіи.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Я давно собирался лично посѣтить и внимательно осмотрѣть мѣста и учрежденія, въ которыхъ дѣлаются опыты практическаго осуществленія христіанскихъ идеаловъ, опыты христіанской жизни. Такіе опыты имѣютъ ближайшее отношеніе къ той каѳедрѣ (нравственнаго богословія), которую я занимаю въ Академіи. Мы слишкомъ часто повторяемъ слова о томъ, что̀ христіане *должны* дѣлать, какъ они *должны* жить, и совсѣмъ не справляемся о томъ, что̀ *дѣлаютъ* лучшіе христіане, какъ они *живутъ*. Между тѣмъ изображеніе идеала и долга, чтобы не быть пустымъ отвлеченнымъ звукомъ, должно сообразоваться съ условіями наличной жизни. Для моралиста и проповѣдника важно и интересно знать, до чего простираются силы человѣка и какія границы христіанской дѣятельности намѣчаются условіями наличной жизни. Здѣсь дается необходимый коррективъ требованіямъ моралиста и проповѣдника, здѣсь же и источникъ того воодушевленія, которымъ должна характеризоваться христіанская проповѣдь, ибо—благодареніе Богу!—жизнь свидѣтельствуетъ не только о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя зло ставитъ на пути добра, дѣлая этотъ путь узкимъ и труднымъ, но она громко возглашаетъ и о тѣхъ неисчерпаемыхъ силахъ, которыя гнѣздятся въ груди человѣческой. Много зла въ нашей жизни, оно бросается въ глаза, но есть и труже-

ники на нивѣ Христовой—будемъ лишь внимательны къ ихъ дѣятельности, скромной и тихой, и она выростетъ предъ нами въ грандіозныхъ размѣрахъ, она поразитъ насъ несокрушимостью энергіи, силою любви, красотою организаціи и всепобѣждающею немощью вѣрующей личности, въ которой дѣйствуетъ сила Божія. И тогда самое лицо земли русской предстанетъ предъ нами въ свѣтлыхъ краскахъ, осіянное разсѣянными тамъ и сямъ свѣтлыми точками,—и тогда надежда на радостное будущее христіанскаго дѣла въ Россіи окрѣпнетъ въ нашемъ сердцѣ....

Я интересуюсь опытами христіанской жизни во всемъ ихъ разнообразіи, какое только наблюдается въ русской дѣйствительности. Въ умѣ читателя прежде всего, конечно, возникнетъ образъ монастырскаго подвижничества, которое не только въ своемъ историческомъ прошломъ, но и въ своемъ настоящемъ состояніи находило и находитъ многихъ описателей. Но для наблюдателя, интересующагося глубиною и широтою христіанской жизни, монастыри обычнаго типа доставляютъ мало матеріала, такъ какъ здѣсь надъ всѣмъ царятъ установившіяся формы, скрывающія подъ собою личную жизнь. Мы наблюдаемъ въ монастыряхъ толпы богомольцевъ, собирающихся за многія сотни верстъ, видимъ здѣсь торжественныя богослуженія, можемъ любоваться строемъ монашеской жизни, стройнымъ пѣніемъ, но жизни мы здѣсь не можемъ наблюдать: истинное подвижничество, по существу своему, скрывается отъ наблюденія, которому доступно лишь въ реликвіяхъ. Наблюдатель жаждетъ новыхъ формъ, личнаго почина, живого дѣла. Кромѣ того, извѣстно, съ какою настойчивостью въ литературѣ послѣднихъ дней противопоставляются созерцательное подвижничество и дѣятельная христіанская жизнь. Не нужно въ возникшемъ спорѣ стать на ту или другую сторону, чтобы признать, что болѣе привлекаютъ къ себѣ вниманіе наблюдателя опыты дѣятельной христіанской жизни, или наивозможно глубокой по энергіи благотворительной любви, или наивозможно широкой по полнотѣ проведенія въ жизнь христіанскихъ началъ. Для нашего времени чрезвычайное значеніе имѣетъ вопросъ о томъ, что даетъ христіанство для жизни, что оно привноситъ въ дѣйствительную жизнь въ качествѣ ли благотворительной любви или въ опытахъ устроенія всей полноты

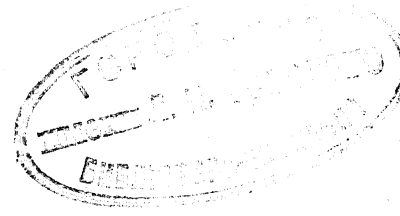
жизни на христіанскихъ началахъ. Наше время внимательно не къ тому, что совершается за монастырскою стѣною, въ уединеніи пустыни, въ затворѣ аскета, а къ тому, что даетъ христіанство для всѣхъ сторонъ дѣйствительной жизни—для экономическихъ нуждъ, для соціальныхъ потребностей, для брачной жизни, для трудовыхъ общинъ, для братскаго общежитія. При этомъ, легко понять, наблюдатель, который стоитъ на почвѣ научнаго изученія христіанства, никакъ не можетъ ограничиться оффиціальными предѣлами церкви: для него столь же интересны христіанскія дѣла, совершаемыя въ оградѣ церкви, какъ и опыты христіанской жизни внѣ ея. Подобно тому, какъ свойства и жизнь организма познаются не только въ анатоміи и физіологіи, но и въ патологіи, такъ и для научнаго изученія христіанства важно наблюсти не только традиціонную церковную жизнь, но и свободные опыты устроенія христіанской жизни, не только успѣшные опыты, но и опыты безуспѣшные. Не будемъ думать, что всѣ пути христіанской жизни давно исхожены, всѣ распутія давно испытаны, что нашимъ современникамъ остается на долю ходить проторенными тропами, усвоивать готовые отвѣты. По мѣрѣ того какъ идетъ впередъ и осложняется исторія, неумолчно и съ неслабѣющею силою потворяется христіанскій вопросъ; съ каждою ступенью культурнаго прогресса, для каждаго времени и поколѣнія онъ звучитъ въ новыхъ тонахъ, выливается въ новыхъ словахъ, для каждаго дня онъ составляетъ „свою злобу“. Всякій долженъ поставить его для себя, въ индивидуальныхъ особенностяхъ мѣста, времени, культуры, экономическихъ и бытовыхъ условій, всякій долженъ отвѣтить на него по своему. Вотъ почему теряетъ почти всякую цѣнность традиціонное сохраненіе древнихъ формъ безъ привнесенія въ нихъ живого содержанія, болѣзненно раздражаетъ проторенная дорога, уравнивающая лицемѣрную привычку и мертвую обрядность съ живою жизнью; напротивъ пріобрѣтаютъ громадную цѣнность всякіе новые опыты, въ которыхъ видна живая душа человѣческая. Тутъ дорого разнообразіе опытовъ, дорога ихъ типичность. Внимательный къ нимъ повсюду извлечетъ для себя пользу и урокъ. Успѣшныя начинанія покажутъ ему, въ чемъ ихъ сила, въ чемъ залогъ ихъ успѣха; на опытахъ неудачныхъ онъ научится, чего должно избѣгать, въ чемъ

причина неуспѣха. Лишь бы начинаніе было искренне, лишь бы проведено оно было съ достаточною энергіею и послѣдовательностью, лишь бы съ силой и репрессіей отразилась въ немъ личность человѣческая, ея живая разумная энергія. Время и труды, потраченные на наблюденіе, не пропадутъ безплодно: въ самомъ крайнемъ случаѣ, въ самыхъ неуспѣшныхъ дѣлахъ, странныхъ начинаніяхъ и искусственныхъ организаціяхъ, мы узнаемъ живую душу человѣческую. Какъ ни цѣнно преданіе, но живая мысль ищетъ новыхъ словъ; какъ ни цѣнно старое преданіе, но въ рѣчи своихъ современниковъ мы прислушиваемся только къ новымъ словамъ. Такъ и въ жизни—обнаруживается живая христіанская личность лишь въ *своихъ* дѣлахъ, въ новыхъ начинаніяхъ, въ новыхъ формахъ, которыя и притягиваютъ къ себѣ взоры наблюдателя. И обратно—самое драгоцѣнное въ каждомъ христіанскомъ дѣлѣ, въ каждомъ учрежденіи, въ каждой формѣ не само дѣло и учрежденіе, не сама форма, а христіанская возрожденная личность, проявившаяся въ дѣлѣ и формѣ, дорога человѣческая свобода, открывшаяся съ достаточною энергіею и красотою. Въ томъ и значеніе новыхъ формъ и учрежденій, что въ нихъ видно живое дѣло свободы. Вотъ почему принадлежность дѣла и формы къ опредѣленной категоріи оказывается безразличною: не все изъ того, что стоитъ подъ флагомъ ортодоксальной традиціи, оказывается живымъ дѣломъ живой свободы, но въ дѣлѣ, надъ которымъ развѣвается протестующее знамя, можно подмѣтить живое біеніе мятущейся христіанской души. Это ничего, что дѣло созидается изъ плохого строительнаго матеріала, изъ сырого дерева и даже изъ соломы,—душа строителя можетъ быть полна самыхъ благородныхъ порывовъ, возвышенныхъ стремленій, которыя цѣнятся на судѣ Божіемъ. Солома сгоритъ, не устоитъ и дерево, но душа человѣческая, если только жила свѣжею и полною жизнью, спасется. Интересы догматиста и интересы моралиста не вполнѣ совпадаютъ: перваго интересуютъ формы опредѣленной категоріи, дѣла опредѣленнаго вида и слова точно формулированныя, второй слѣдитъ за біеніемъ живой христіанской души, христіанской жизни, въ какихъ бы дѣлахъ она ни проявлялась, въ какихъ бы формахъ ни открывалась. Для моралиста вся сложность жизненныхъ отношеній, все богатство

дѣлъ и формъ есть лишь система отображеній живой души, есть лишь рядъ вѣхъ, отмѣчающихъ ея развитіе и ея ростъ. Для него путь добра не путь опредѣленныхъ дѣлъ, а путь живой жизни, для него лучшіе не старшіе сыновья, пребывающіе вѣрными въ дому отца, строгіе блюстители преданій и заведенныхъ порядковъ, а младшіе, идущіе на дальнюю сторону, пролагающіе свой путь, пытающіе свои силы въ новыхъ дѣлахъ. Лучшая жизнь — наиболѣе полная, наиболѣе свободная, сильная, смѣлая, пытливая, жертвующая безъ разсчета, не оглядывающаяся назадъ, идущая прямымъ путемъ. Такихъ богопоклонниковъ ищетъ Отецъ Небесный. Такіе дѣятели даютъ богатый матеріалъ для наблюденій...

Такъ я намѣтилъ себѣ ознакомиться съ Кіевскимъ Покровскимъ, Княгининымъ, монастыремъ, съ Лѣснинскимъ Богородичнымъ монастыремъ, съ Вировской Спасовой пустынью, съ Крестовоздвиженскимъ трудовымъ братствомъ, съ Толстовскими колоніями...

Съ лѣта 1905 года мои намѣренія стали осуществляться.



I.

Кіевскій Покровскій (Княгининъ) монастырь.

Начну историко-біографическими свѣдѣніями.

Предо мною *Обзоръ дѣятельности больничныхъ учрежденій Императора Николая II при Кіевскомъ Покровскомъ женскомъ общежительномъ монастырѣ за 1-е десятилѣтіе* (1893—1903). *Составили врачи больницы. Кіевъ 1905.* Рецензентъ можетъ усиленно рекомендовать вниманію читателей эту тщательно составленную и изящно изданную книгу. Она составлена изъ статей двухъ родовъ: а) біографическаго и общаго содержанія и б) спеціально-медицинскаго. Къ первому ряду относятся статьи: Проф. И. А. Сикорскаго *О жизни и кончинѣ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Александры Петровны, въ иночествѣ Анастасіи*,—Д-ра Г. Г. Левицкаго *Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Александра Петровна (инокиня Анастасія)*—довольно обстоятельный біографическій очеркъ,—Д-ра В. Ѳ. Бушуева *Н. В. Соломка (некрологъ)* и *Объ участіи монастырей въ дѣлѣ народнаго врачеванія*. Второй рядъ составляютъ многочисленныя статьи, имѣющія предметами содержаніе больницы, комитетъ по управленію больничными и благотворительными учрежденіями при монастырѣ, списокъ врачей, работавшихъ въ больницѣ за первое десятилѣтіе (изъ коихъ первымъ врачемъ больницы, много содѣйствовавшимъ Августѣйшей Строительницѣ больницы при устройствѣ ея, былъ Н. В. Соломка), цифровой отчетъ о дѣятельности больничныхъ учрежденій за 1900—1903 г. и, наконецъ, обзоры дѣятельности разныхъ отдѣленій больницы—терапевтическаго, дѣтскихъ болѣзней, гинекологическаго, хирургическаго и др. Послѣднія статьи имѣютъ значительный научно-медицинскій интересъ, но наше вниманіе главнымъ образомъ останавливается

на статьяхъ, изображающихъ благотворительную дѣятельность Великой Княгини. Нижеслѣдующія біографическія данныя заимствованы преимущественно изъ статьи д-ра Г. Г. Левицкаго. Кромѣ того существуютъ (и имѣются у меня) слѣдующія изданія, впрочемъ достаточно использованныя д-ромъ Левицкимъ: Проф. Сикорскій *Кончина Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Александры Петровны* (въ нѣсколько измѣненномъ изложеніи статья вошла въ *Обзоръ*), Проф. Подвысоцкій *Участіе монастырей въ дѣлѣ охраненія народнаго здравія,* Скворцовъ *Памяти царственной Инокини Анастасіи*—изданіе журнала „Миссіонерское Обозрѣніе“ и др.

Великая Княгиня Александра Петровна, Вдова Августѣйшаго фельдмаршала Великаго Князя Николая Николаевича (брата Императора Александра Николаевича), происходила изъ рода принцессъ Ольденбургскаго дома и родилась въ С.-Петербургѣ 2 мая 1838 года отъ брака принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго и принцессы Терезіи-Вильгельмины-Фридерики-Изабеллы-Шарлоты Нассауской. Уже отецъ Великой Княгини, Принцъ Петръ Георгіевичъ, пользовался извѣстностью широкаго филантропа. Въ 1860 году ему ввѣрено было управленіе всѣми учрежденіями Императрицы Маріи. Его заботамъ и трудамъ принадлежитъ широкое развитіе этого вѣдомства. По его личной иниціативѣ и просвѣщенной заботливости возникъ цѣлый рядъ воспитательныхъ и образовательныхъ заведеній. Заслуги его въ этомъ направленіи увѣковѣчены постановкой ему памятника на Литейномъ проспектѣ въ С.-Петербургѣ въ 1889 году, на которомъ надписано: „Просвѣщенному Благотворителю“. Титулъ Императорскаго Высочества принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому пожалованъ былъ въ 1845 году.

Отъ брака принца съ принцессой Терезіей Нассауской родились 4 сына (Николай, Александръ, Георгій, Константинъ) и 3 дочери: (Александра (Екатерина и Терезія).

Дочь покойнаго великаго гуманиста, Великая Княгиня съ юныхъ лѣтъ унаслѣдовала отъ своего отца его взглядъ и убѣжденія на то, въ чемъ должна выражаться любовь къ людямъ и помощь имъ. Въ юныхъ уже годахъ она отдавала всѣ свои „карманныя“ деньги на помощь бѣднымъ и больнымъ дѣтямъ.

Вся первая половина ея филантропической дѣятельности протекла въ Петербургѣ, гдѣ она обильно и широко распредѣляла свое состояніе на различныя гуманитарныя цѣли. Но и помимо оказываемой ею матеріальной помощи дѣламъ и учрежденіямъ, гдѣ только чувствовалась нужда въ ней, она являлась дѣятельнѣйшей руководительницей въ возникавшихъ по ея иниціативѣ, различныхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ.

Вскорѣ послѣ замужества ею основана въ Галерной гавани Покровская община сестеръ милосердія, больница, клиническая амбулаторія, лѣчебница, отдѣленіе для дѣвочекъ—сиротъ младшаго возраста, училище для образованія фельдшерицъ, преобразованное нынѣ въ образцовую женскую гимназію министерства народнаго просвѣщенія. Кромѣ того почившая Великая Княгиня по 1881 г. состояла предсѣдательницей совѣта дѣтскихъ пріютовъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи и, благодаря заботамъ ея, былъ составленъ капиталъ, достигшій въ настоящее время двухъ милліоновъ рублей. На эти деньги содержатся 23 обширныхъ и благоустроенныхъ дѣтскихъ пріюта, изъ коихъ 21 находятся въ Петербургѣ, одинъ въ Царскомъ селѣ и одинъ въ Петергофѣ. Въ нихъ призрѣваются до пяти тысячъ сиротъ.

Во время русско-турецкой войны почившая Великая Княгиня на собственныя средства организовала санитарный отрядъ.

Въ 1879 году почившая Великая Княгиня оставила Петербургъ, вслѣдствіе своей тяжелой и, казалось, неисцѣлимой болѣзни, и переѣхала на жительство въ Кіевъ, гдѣ ей суждено было обрѣсти воскресеніе къ новой жизни, всецѣло посвященной высокимъ подвигамъ исканія правды вѣчной и трудамъ христіанскаго благотворенія. Здѣсь она достигла высшихъ степеней душевной красоты и нашла свой идеалъ въ служеніи Богу и ближнему.

Поселившись въ Кіевѣ и получивъ облегченіе въ своей тяжкой многолѣтней болѣзни, Великая Княгиня приступила къ осуществленію своей великой мысли, созиданію живого монашества, живого монастыря. „Живое монашество—писала покойная Великая Княгиня—вотъ знамя, которое столь дорого моему сердцу и которому я уповаю служить до послѣдняго издыханія... Никакіе монашескіе обѣты и правила

не мѣшаютъ ближняго любить, какъ самого себя, служить болящимъ, питать неимущихъ, призрѣвать сирыхъ и убогихъ, обучать желающихъ, ибо монастыри будутъ имѣть двойную силу и значеніе". Въ другой разъ Великая Княгиня писала по тому же вопросу о монашествѣ: „Современное монашество должно имѣть цѣлью мирить мірянъ съ монашествомъ. Исключительно созерцательная жизнь есть удѣлъ немногихъ особыхъ избранниковъ Божіихъ по особому промыслу Божію, а жить въ келіи, занимаясь рукодѣліемъ, дабы путемъ продажи этого труда кормить и одѣвать себя, не можетъ привлечь никого. Общежитіе единственная благопріятная община и та обитель достойна названія общежительнаго монастыря, гдѣ есть полное общеніе духа, кромѣ общей пищи и одѣянія. Больничное дѣло было предусмотрѣно уставомъ Василія Великаго. Въ св. уставѣ о больницѣ говорится. Монашки, опасающіяся, что путемъ больничнаго послушанія онѣ уклоняются отъ монашества, не понимаютъ церковнаго устава, не понимаютъ заповѣди Христовой и не понимаютъ того, что Господь во время Своего земного странствованія такъ много заботился о болящихъ, а равно и св. апостолы. Когда мы сподобляемся приблизиться къ болящему, то мы невидимо приближаемся ко Христу, и если при служеніи болящимъ хранимъ на умѣ, въ сердцѣ и творимъ устами Іисусову молитву, то это—тѣ живыя четки, та идея, за которую радостно можно горѣть на кострѣ, за которую можно радостно принимать всякое поношеніе! Величайшая отрада сподобляться жить въ св. обители, быть монахомъ и осуществлять дорогое, живое, любвеобильное монашество. Нужно вдуматься въ этотъ типъ монашества, дающій вѣчное радованіе на земли и на небеси"! Для покойной великой подвижницы живое монашество означало именно монашество любвеобильное, живой подвигъ—подвигъ любви. Согласно евангельскому слову, она не знала ничего выше любви. Своимъ „возлюбленнымъ о Христѣ больничнымъ сестрамъ" она писала впослѣдствіи: „Душою я съ вами и въ этомъ нахожу большое утѣшеніе. Я несомнѣнно уповаю, что вы вполнѣ умѣете цѣнить и благодарить Господа, что сподобляетесь служить болящимъ; любовь къ страждущимъ пріемлется Господомъ. Всякій вашъ трудъ приближаетъ васъ къ исконному душевному служенію ради

спасенія души. Любовь—это высшая добродѣтель, и буду посильно молиться, чтобы эта добродѣтель пріумножалась въ душахъ вашихъ". Въ частности, старшей сестрѣ хирургической больницы Великая Княгиня писала: „Благодари непрестанно Бога, поставившаго тебя на такое послушаніе, гдѣ каждый съ любовью поданный стаканъ воды пріемлется Господомъ. Въ св. евангеліи Господь постоянно проповѣдуетъ о любви къ ближнему. Онъ Самъ показывалъ примѣръ исцѣленія и служенія болящимъ. Единственное на землѣ неотъемлемое счастіе—это служеніе болящимъ, въ какой бы формѣ оно ни проявлялось. Сестры, которыя готовятъ кушанье, шьютъ, пекутъ, стираютъ для боляшихъ, тоже благоугождаютъ Господу... Трудись съ любовью, трудись мужественно. Господь воздастъ тебѣ сторицею! Все принимай съ горячею любовью отъ руки Господа, тогда все будетъ на душѣ присное радованіе. Будешь себя забывать, жить для страждущихъ, ради страждущихъ"...

Такой высокій идеалъ монашескаго подвижничества покойная Великая Княгиня носила въ своей душѣ. Созданіемъ Кіевскаго общежительнаго монастыря съ его многочисленными лѣчебными и благотворительными учрежденіями Великая Княгиня свою завѣтную мысль привела въ исполненіе.

Лѣчебно-благотворительныя учрежденія Покровскаго монастыря въ настоящее время имѣютъ слѣдующій видъ: лѣчебница для приходящихъ больныхъ, больница съ двумя отдѣленіями на 108 человѣкъ, при ней заразный баракъ на 12 мѣстъ, и изоляціонный на 5 мѣстъ, въ общемъ 125 мѣстъ, и два пріюта—одинъ для неизлѣчимо больныхъ, другой для слѣпыхъ. Лѣчебница для приходящихъ больныхъ въ иные дни вмѣщаетъ 400—500 приходящихъ больныхъ, при чемъ не замѣтно ни тѣсноты, ни порчи воздуха. Знакомые съ больничнымъ дѣломъ у насъ говорятъ, что эта лѣчебница „по своей обширности и благоустройству является единственной въ Россіи". Нужно замѣтить, что лѣчебница эта въ случаѣ нужды (войны или эпидеміи) въ нѣсколько часовъ можетъ быть обращена въ образцовую больницу на 100 мѣстъ. Вообще о врачебныхъ учрежденіяхъ Покровскаго монастыря бывшіе въ Кіевѣ въ 1896 и 1898 г. съѣзды врачей засвидѣтельствовали, что они составляютъ гордость не

только Кіева, но и всей Россіи. „Необыкновенная чистота, изящество, привѣтливый видъ зданій и особый, не поддающійся описанію, привлекательный оттѣнокъ, лежащій на всемъ, произвелъ впечатлѣніе и оставилъ слѣдъ, который никогда не изгладится изъ памяти посѣтителей". Одинъ изъ этихъ врачей свои впечатлѣнія при осмотрѣ ихъ выразилъ въ слѣдующихъ авторитетныхъ словахъ: „Я началъ свой осмотръ съ лѣчебницы для приходящихъ, которая внутри расположена въ видѣ прямоугольнаго креста: въ правомъ и лѣвомъ крылѣ этого креста устроены кабинеты по всевозможнымъ спеціальностямъ; каждый кабинетъ снабженъ всѣми необходимыми принадлежностями по своей спеціальности; чистота, свѣтъ, воздухъ и, если угодно, роскошь не оставляютъ желать ничего лучшаго. Осмотрѣвши эту амбулаторію, для которой очевидно сдѣлано все, что можно сдѣлать по послѣднему слову науки и техники и, конечно, не жалѣя стредствъ, я отправился въ больницу для стаціонарныхъ больныхъ; эта больница представляетъ прекрасное двухъэтажное зданіе, въ которомъ помѣщается небольшая домашняя церковь, столовая для больныхъ, двѣ операціонныхъ залы, которыя блещутъ чистотой, свѣтомъ и изяществомъ обстановки и инструментовъ, и затѣмъ, то большія, то меньшія палаты для хирургическихъ больныхъ женщинъ и дѣтей... Я въ восторгѣ отъ всего видѣннаго,— я здѣсь видѣлъ нѣчто подобное тому, что видѣлъ въ нѣкоторыхъ больницахъ въ Берлинѣ и новыхъ клиникахъ въ Москвѣ".

О дѣятельности больничныхъ учрежденій Покровскаго монастыря могутъ свидѣтельствовать слѣдующія цифровыя данныя изъ отчета за десятилѣтіе съ 1893—1903 г. Лѣчебница приняла 194. 993 больныхъ, сдѣлавшихъ 466. 523 посѣщеній; въ больницѣ пользовалось 5020 человѣкъ; въ обоихъ пріютахъ призрѣвалось 123 человѣка; изъ аптеки выдано безплатно 501,064 номеровъ лекарствъ.

И вся эта система благотворительности была создана энергіей и трудами Великой Княгини, ближайшимъ сотрудникомъ которой былъ названный уже Н. В. Соломка.

Великой Княгинѣ—говоритъ ея біографъ, д-ръ Г. Г. Левицкій — желалось дѣятельной любви и своихъ идеаловъ достигла она въ Покровской обители, созданіемъ и дѣя-

тельностію которой совершенъ первый трудный шагъ на пути реальнаго участія монастырей въ дѣлѣ охраненія народнаго здравія. Этимъ шагомъ начинается новая эра въ культурномъ значеніи монастырей на Руси. Учрежденія, созданныя великимъ духомъ Великой Княгини, будутъ безусловно имѣть значеніе не только какъ осуществленіе высокихъ гуманитарныхъ цѣлей, но и памятной страницы въ исторіи Россіи. Въ чудномъ уголкѣ Кіева—Лукьяновкѣ, на высокомъ живописномъ откосѣ Вознесенской горы, сплошь покрытомъ вѣковѣчными деревьями, скоро выросъ цѣлый городокъ Покровскаго монастыря, въ русскомъ стилѣ. Монастырь этотъ съ каждымъ днемъ, каждымъ годомъ разростался, устроялся, украшался и крѣпъ. Все здѣсь создавалось подъ личнымъ наблюденіемъ почившей Великой Княгини: всѣ планы составлялись ею, счета по постройкѣ и содержанію всѣхъ учрежденій велись лично Великой Княгиней, здѣсь не было деревца, которое не было бы посажено по указанію ея, не было гвоздя, вбитаго не по ея распоряженію, а часто и въ ея присутствіи. Выстроенъ соборъ, дома для монастырскихъ сестеръ съ помѣщеніемъ для навѣщавшей семьи Ея Высочества, грандіозная больница, лѣчебница для приходящихъ больныхъ, образцово-устроенная аптека, училище для дѣвочекъ-сиротъ, пріютъ для слѣпыхъ, пріютъ для неизлѣчимыхъ хронически-больныхъ женщинъ, бараки для заразныхъ больныхъ, анатомическій покой для нуждъ больницы, прачешныя, столовыя и кухни для больницы и сестеръ монастыря, странноприимница, куда шелъ холодный и голодный и находилъ заботу, пріютъ и ночлегъ. Великая мысль Царственной Труженицы возродилась здѣсь въ реальную жизнь, полную энергіи, любви, самосовершенствованія, жизнь преисполненную труда и подвижничества, жизнь для сирыхъ, больныхъ и бездомныхъ. И все это въ тиши и глубочайшемъ смиреніи, все въ стремленіи къ высшей красотѣ, къ высшимъ идеаламъ, въ стремленіи къ Богу. Среди поля выросъ дивный, прекрасный, благоухающій цвѣтокъ, на которомъ отрадно останавливались взоры и усталаго больного путника и великихъ міра сего и людей науки. Возвышенная, всеобъемлющая любовь Великой Княгини одухотворяла, согрѣвала и цвѣтила новыми красками этотъ дивный цвѣтокъ. Все здѣсь созидалось крайне

быстро, энергично; буквально не было ни мгновенія, когда бы живая дѣятельность Почившей замирала. Казалось, она спѣшила увидѣть поскорѣе воплощеніе своихъ мыслей въ реальную оболочку, она какъ бы чувствовала непродолжительность своей жизни и спѣшила съ устроеніемъ монастырскаго городка. „Я боюсь не смерти, но боюсь не успѣть сдѣлать все то, что я должна еще сдѣлать здѣсь на землѣ“, часто говорила Великая Княгиня. И сколько прекрасныхъ проектовъ и предначертаній она унесла съ собой въ могилу. Всѣ особенныя свои заботы и материнскую любовь почившая Великая Княгиня отдала больничнымъ учрежденіямъ. Ея любовь и довѣріе къ своей больницѣ были такъ велики, что операція, которой ей пришлось подвергнуться вскорѣ послѣ устройства монастыря, была совершена благополучно въ монастырской больницѣ; въ той же больницѣ, въ своемъ рабочемъ кабинетѣ она и скончалась. Она жила больницей, жила въ больницѣ, работала въ больницѣ и умерла въ больницѣ. Участь завидная для истиннаго поборника науки и любви къ ближнему...

Покровскій монастырь есть монастырь не по названію только, а въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова; обитающія въ немъ насельницы проводятъ монашескую жизнь по строгому студійскому уставу. Первый день новооткрытаго Покровскаго монастыря начался совершеніемъ въ 12 ч. ночи полунощницы, собравшей множество молящихся. Сколь часто Великая Княгиня напоминала монастырскимъ сестрамъ о подвигѣ любви къ ближнему, столь же строго слѣдила она и за ихъ молитвеннымъ подвигомъ. „Всѣ эти живыя четки, писала она о монахиняхъ-послушницахъ, работаютъ сильно и все и вся за св. послушаніе. Въ каждой больницѣ въ 6 час. утра литургія, поютъ наши слѣпыя 20 дѣвицъ... Въ больницѣ все строго-монашеское. Всѣ въ бѣломъ... Приготовленіе къ массѣ операцій — все дѣлается и успѣвается, молитвенно окропляется водой, все тайно, твердо, убѣжденно и ничего напоказъ“. Другой разъ, въ письмѣ къ сестрамъ больницы, Великая Княгиня, восхваляя любовь, какъ высшую добродѣтель, вмѣстѣ съ тѣмъ призываетъ сестеръ къ молитвѣ: „Непрестанно творите Іисусову молитву: это — могущественная сила, все дурное поглощающая. При этомъ настроеніи вы всегда будете благодушны и счастливы“. „Всякій шагъ съ

молитвой на умѣ! писала она снова. — Имѣйте въ сердцѣ и умѣ великое орудіе — Іисусову молитву". О соединеніи съ подвигомъ „служенія болящимъ" умной, сердечной и словесной молитвы Іисусовой писала Великая Княгиня и въ другомъ письмѣ — въ отрывкѣ, который мы уже приводили выше. Покойная Княгиня, какъ мы слышали отъ близко знавшей покойную сестры М., внимательно слѣдила за совершеніемъ богослуженія, сама писала расписаніе церковныхъ службъ. Однажды она сдѣлала священнику строгій выговоръ; гнѣвъ ея быстро утихъ,—какъ это всегда съ нею бывало,—и она смиренно сказала батюшкѣ: „пожурите меня старуху". О глубокомъ религіозномъ настроеніи покойной Великой Княгини краснорѣчиво говоритъ, нынѣ уже оконченный вчернѣ, величественный соборный храмъ во имя св. Николая, заложенный Великой Княгиней въ 1896 г. въ присутствіи Ихъ Величествъ. Эскизный проектъ храма былъ составленъ сыномъ Великой Княгини, Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Петромъ Николаевичемъ. Своею обширностью храмъ этотъ превосходитъ всѣ кіевскіе храмы. Покойная Великая Княгиня, создавая храмъ, хотѣла, чтобы ея обитель не уступала другимъ монастырямъ богослужебнымъ великолѣпіемъ. Покровская обитель—монастырь, по богослужебно-молитвенному подвигу не уступающій другимъ (конечно лучшимъ) монастырямъ. Но она -- не только монастырь въ обычномъ смыслѣ этого слова: въ ней монастырь неразрывно связанъ съ больницей, молитвенные подвиги съ подвиговъ любви. Сестры обслуживаютъ всѣ лѣчебно - благотворительныя учрежденія, исполняя въ нихъ всякую посильную (женскую) работу, не гнушаясь грязной работы, не отступая ни предъ какими трудами. Уходъ за больными это по преимуществу женское дѣло, требующее вниманія, ласки, нѣжности; больничная сидѣлка замѣняетъ дѣтямъ мать, взрослымъ сестру или дочь. Союзъ женскаго монастыря съ больницей, поэтому, представляется особенно естественнымъ. Одинъ очевидецъ говоритъ: „трогательно было видѣть, то въ одномъ углу, то въ другомъ, стоящихъ на колѣняхъ молодыхъ женщинъ надъ кроватками маленькихъ паціентовъ и кормящихъ ихъ (во время обѣда); тутъ какъ бы сказывалась не только женская, но и материнская нѣжность".

БИБЛІОТЕКА ДУХОВНОЙ СЕМИНАРІИ АКАДЕМІИ.

Во главѣ сестеръ, въ ихъ святомъ дѣлѣ, стояла сама покойная Великая Княгиня. Она стояла во главѣ сестеръ, потому что шла впереди ихъ въ ихъ общемъ дѣлѣ. И прежде всего, она была среди монахинь монахиня, имѣла монашеское постриженіе, хотя это событіе въ жизни почившей оставалось тайной. Она подписывалась подъ своими письмами своимъ прежнимъ именемъ: „грѣшная Александра", „грѣшная послушница Александра". Но въ Кіевѣ давно были убѣждены въ томъ, что она имѣетъ другое имя. И дѣйствительно, духовное завѣщаніе ея, хранившееся въ ризницѣ Кіево-Софійскаго собора и вскрытое тотчасъ по ея смерти, подтвердило, что въ инокиняхъ Ея высочество Анастасія. И она была инокиней не на словахъ только: она проводила простую аскетическую жизнь. Даже въ дни праздничныхъ торжествъ обители, на которыхъ присутствовали ея августѣйшіе родственники, была та же монастырская скудная трапеза, безъ всякихъ напитковъ, та же простая утварь — деревянныя ложки и чашки. Также близко участвовала Августѣйшая инокиня и въ монастырской молитвѣ. Пока позволяло ей здоровье, она присутствовала на всѣхъ ежедневныхъ монастырскихъ службахъ, при чемъ иногда сама читала шестопсалміе, часы, канонъ и пр. Но покойная Великая Княгиня участвовала не только въ молитвенно-аскетическомъ подвигѣ сестеръ,—она была иниціаторомъ и вдохновительницей и ихъ подвиговъ на служеніе ближнему. Прежде всего она внесла въ это дѣло свои капиталы, она была основательницей и строительницей монастырско-больничныхъ учрежденій. „Мы, писала покойная Великая Княгиня, скудны добродѣтелью, мы богаты матеріальными средствами, ибо я получаю огромныя средства; стало быть, весьма естественно, что, какъ монахинѣ, мнѣ не нужно никакихъ затратъ на пищу и одежду, т. е. минимально мало, и, стало быть, долгъ совѣсти повелѣваетъ все отдать, что имѣю, къ осуществленію своего идеала". Покойная подвижница поступала по этому долгу своей совѣсти. Но она не откупалась отъ нищихъ и больныхъ одною денежною подачкою, она не думала замѣнить подвигъ матеріальною жертвою, сваливши трудъ на другихъ, на монастырскихъ сестеръ. Она была первою сестрою милосердія въ устроенныхъ ею лѣчебно-благотворительныхъ учрежденіяхъ. Буду говорить словами проф.

БИБЛІОТЕКА

И. А. Сикорскаго. Покойная Великая Княгиня, пишетъ проф. Сикорскій, отдала всѣ свои обширныя милліонныя средства на благое дѣло, довольствуясь монастырскимъ столомъ и скромной одеждой сестры милосердія. Но не въ матеріальныхъ щедротахъ сказалось величіе Ея души. Она совершила большее. Она рѣшилась отдать личныя свои силы на служеніе страждущимъ и показать на дѣлѣ возможность практическаго осуществленія новой мысли, созрѣвшей въ ея умѣ и сердцѣ. Со своимъ крайне слабымъ здоровьемъ и тѣлесными немощами, она вознамѣрилась совершить дѣло новое и на нашей памяти невиданное—связать больницу и монастырь въ одно учрежденіе. Для этого понадобилась твердая, непреклонная рѣшимость, необходимъ былъ не только личный починъ, но и личный примѣръ, чтобы показать на дѣлѣ и воочію осуществимость того, что казалось для многихъ неосуществимымъ и невозможнымъ! Она лично стала на службу страждущимъ людямъ съ тою любовію и тѣмъ величайшимъ нравственнымъ напряженіемъ, которое можно назвать исключительнымъ и безпримѣрнымъ. Ея дѣло и ея личная служба этому дѣлу произвели глубокое впечатлѣніе на врачей и членовъ VI Пироговскаго съѣзда въ Кіевѣ въ 1896 году. Въ стѣнахъ Покровскаго монастыря врачи посѣтители увидѣли истинную благотворительность и не могли не отдать дань уваженія подвигамъ Женщины, которая въ своемъ лицѣ довела служеніе святому дѣлу до поэтическаго одушевленія и художественной высоты; впечатлѣніе оказалось тѣмъ болѣе сильнымъ, что посѣтитель, ждавшій встрѣтить земной блескъ, не увидѣлъ другого величія, кромѣ величія нравственнаго. Осмотрѣвъ больничныя учрежденія, члены съѣзда убѣдились, что заботливость объ удобствахъ больного, о расширеніи врачебной помощи, до самыхъ утонченныхъ усовершенствованныхъ способовъ, повидимому, не знаетъ границы. Но наблюдателей поразили не эти матеріальныя щедроты, а болѣе всего этотъ рѣдкій примѣръ беззавѣтной преданности дѣлу и долгу, какой показала Великая Княгиня, и въ особенности ея неутомимое служеніе ближнему во всѣхъ роляхъ, начиная отъ роли крупнѣйшаго жертвователя до роли сестры милосердія, сидѣлки, матери; и все это такъ просто, такъ радостно! „Кто захотѣлъ бы воочію увидѣть истинное счастье, доставляемое служеніемъ

идеѣ, говорили члены съѣзда, тотъ можетъ видѣть его въ Покровскомъ монастырѣ"...

Цѣлые годы, продолжаетъ проф. Сикорскій, проведены Великой Княгиней среди больныхъ въ полномъ значеніи слова: она жила въ одной изъ больничныхъ палатъ, въ постоянномъ непосредственномъ соприкосновеніи съ больными такъ, какъ живутъ фельдшерицы и сидѣлки. Здѣсь Великая Княгиня проводила дни и ночи въ такихъ условіяхъ и при такой обстановкѣ, что эту жизнь необходимо признать непрерывнымъ подвигомъ. Дверь ея комнаты не закрывалась для того, чтобы и въ ночное время она могла слышать стоны и жалобы больныхъ и идти къ нимъ на помощь. По ея собственнымъ словамъ, тишина и покой будили ее, такъ какъ она боялась пропустить минуту необходимой помощи страждущимъ. Эта святая боязнь отгоняла сонъ отъ ея очей. Только спокойствіе больныхъ давало и ей немногіе минуты покоя. Ко всѣмъ труднымъ больнымъ она вставала по нѣскольку разъ въ теченіе ночи, и этимъ нерѣдко лишала себя и того, наименьшаго отдыха, который необходимъ для поддержанія здоровья и силъ. Изъ ея рукъ больные получали лекарства, изъ ея устъ они постоянно слышали слова ободренія, утѣшенія и состраданія. Простые люди и особенно дѣти такъ цѣнили ея доброту и ласковость и такъ вѣрили въ помощь, подаваемую ея руками, что желали принимать лекарство непремѣнно изъ ея собственныхъ рукъ. Она всегда радостно исполняла этотъ нерѣдко тяжелый долгъ. При всѣхъ хирургическихъ операціяхъ Великая Княгиня лично присутствовала и помогала, какъ опытный помощникъ, своей умѣлой и твердой рукой. Всѣхъ больныхъ, которымъ предстояли тяжелыя операціи, она собственными руками омывала, чтобы обезпечить необходимую чистоту и зависящій отъ того успѣхъ операціи, не полагаясь въ этомъ случаѣ на другихъ.—Кто знакомъ съ больничной жизнью, кто проводилъ часы среди стоновъ и человѣческихъ страданій, тотъ пойметъ силу подвига Великой Княгини. Нося въ себѣ самой давній недугъ, переживъ двѣ тяжелыя операціи, страдая одышкой и часто задыхаясь, великая труженица не думала о себѣ, не заботилась о своемъ собственномъ здоровьѣ и вся отдалась избранному ею высокому служенію. Самыя тяжелыя обязанности она несла съ полною отвѣтственностью,

не полагаясь на другихъ. Ея примѣръ производилъ глубокое впечатлѣніе на окружающихъ. Трогательно было видѣть Великую Княгиню передъ началомъ какой-либо тяжелой операціи,—что случалось почти ежедневно въ больницѣ Покровскаго монастыря. Въ эту минуту она мысленно переживала и чувствовала всю предстоящую опасность и всю отвѣтственность не только за исходъ операціи, но и за самую жизнь человѣка. Великая Княгиня съ глубочайшимъ, но нерѣдко непримѣтнымъ для окружающихъ, чувствомъ волненія творила благоговѣйно крестное знаменіе и послѣ этого спокойно, съ твердостью духа и рѣдкимъ умѣньемъ, помогала оператору, ободряя и вдохновляя сестеръ. Свои труды, сопровождавшіеся непрерывнымъ напряженіемъ силъ, безсонными ночами и тревогами, Великая Княгиня несла съ радостью и считала себя, среди этой очень тяжелой жизни, „счастливѣйшей въ мірѣ“. И таковою она была на самомъ дѣлѣ: неустанный трудъ служенія ближнему, личное участіе ко всѣмъ, кому она могла облегчить физическія или нравственныя страданія, и нескончаемыя заботы о дальнѣйшемъ расширеніи созданныхъ ею благотворительныхъ учрежденій — все это давало ей такую полноту жизни, что она, поистинѣ, познала счастье на землѣ! Ея бодрый и радостный видъ укрѣплялъ и ободрялъ окружающихъ...

Письма покойной Великой Княгини, писанныя ею къ различнымъ лицамъ, причастнымъ къ больничной дѣятельности, когда ей приходилось отсутствовать—большею частью изъ Ниццы, гдѣ она проживала послѣ операціи,—эти письма показываютъ, какъ сильно покойная Великая Княгиня любила свое дѣло. Въ разныхъ письмахъ она писала: „Не дождусь я счастливаго часа возвращенія во святую нашу обитель... Не могу выразить словами моихъ чувствъ радованія, когда я представляю себѣ близость возвращенія въ дорогую св. обитель! Радость узрѣть всѣхъ васъ, дорогихъ сестеръ, болящихъ, слѣпыхъ, убогихъ, всѣхъ дѣточекъ!.. Все близко моему сердцу—писала Великая Княгиня по полученіи письма отъ одной изъ сестеръ съ обстоятельнымъ описаніемъ состоянія больницы—все близко моему сердцу, всякое дыханіе моихъ дорогихъ больныхъ для меня интересно. Радуюсь, что въ ихъ здоровьѣ есть нѣкоторое улучшеніе... Не до-

ждусь писемъ... Душою я всегда съ вами всѣми, тѣло лишь мое въ Ниццѣ"...

Такъ Великая Княгиня жила, работала и чувствовала до дня своей кончины...

Въ теченіе нѣсколькихъ дней мы осматривали Кіевъ—мы видѣли его во всемъ его церковно-историческомъ величіи: поклонились многочисленнымъ святынямъ Кіево-печерской лавры, съ высокаго балкона гостепріимной лаврской гостинницы любовались „купелью русскаго народа" — чуднымъ Днѣпромъ и при блѣдномъ сіяніи тихой луны и въ страшную грозу, какой не запомнятъ старожилы; предъ нами прошелъ цѣлый рядъ древнихъ и новыхъ храмовъ и церковныхъ памятниковъ—Аскольдова могила, соборъ Андреевскій, Десятинная церковь, соборы Софійскій, новый Владимірскій, памятникъ св. Владиміру съ его чуднымъ электрическимъ крестомъ, другіе древніе монастыри... Впечатлѣніе было громадно, предъ нами воскресала родная исторія, предъ нами проходили судьбы русской церкви, тысячи паломниковъ свидѣтельствовали, что эта исторія еще не кончилась, что пульсъ христіанской жизни русскаго народа бьется сильно. Волна церковной исторіи невольно охватывала сердце и наполняла его религіознымъ восторгомъ. Послѣднимъ пунктомъ нашихъ наблюденій былъ намѣченъ Покровскій-Княгининъ монастырь. Мы подошли къ нему уже въ приподнятомъ религіозномъ настроеніи, съ сердцемъ жаждущимъ видѣть живой человѣческій подвигъ, расцвѣтшій на этомъ церковно-историческомъ древѣ. Уже обращено вниманіе на то, что „этотъ яркій свѣточъ благочестія и иноческаго подвижничества въ царственной семьѣ возгорѣлся въ эпоху благодатнаго обновленія русской національной мысли,—въ благодѣтельное царствованіе Александра III, когда Россія превозмогла сбросить съ себя тлетворныя (?) духовныя путы Запада и рѣшительно поворотила на свой исконный путь церковно-историческихъ идеаловъ національной жизни и мысли". И не прибѣгая къ тенденціозной окраскѣ факта, можно сказать, что покойная Княгиня любила православіе. Въ письмѣ къ одному церковно-общественному дѣятелю мы находимъ слѣдующія высоко-знаменательныя слова Великой

Княгини: „Все, о чемъ я пишу, старо, но и не нужно новшествъ, напротивъ—возвращеніе ко временамъ Ѳеодора Студита!.. Усердно прошу писать мнѣ—все, что касается св. Церкви; люблю ее какъ душу"... Идеалы покойной Великой Княгини были истинно-церковные идеалы!

Когда мы проходили садомъ, заполняющимъ все пространство между зданіями Покровскаго монастыря, первое, что остановило на себѣ наше вниманіе, былъ большой надмогильный крестъ, съ надписью на немъ: Ея Императорское Высочество Августѣйшая строительница Благовѣрная Государыня Великая Княгиня Александра Петровна, во иноктняхъ Анастасія, скончалась 13 апрѣля 1900 года на 62 году.

И величественный образъ Подвижницы-благотворительницы наполнилъ наши души, всколыхнулъ въ нашихъ сердцахъ глубокія чувства... Великая Княгиня, оставившая царственную высоту для скромной аскетической жизни подвижницы-инокини, до конца сохранила смиреніе. Въ послѣднія минуты своей жизни, при тяжелыхъ физическихъ страданіяхъ, она сдѣлала всѣ распоряженія о своемъ погребеніи, могилѣ, отпѣваніи и даже о поминовенномъ столѣ. Простой сосновый, некрашенный гробъ былъ уже готовъ около десяти лѣтъ назадъ. Воля Царственной Инокини была та, чтобы ее погребли непосредственно въ землѣ, безъ сводовъ, на мѣстѣ, ею давно предназначенномъ—противъ алтаря монастырскаго храма (рядомъ съ Августѣйшей внучкой, дочерью Великаго Князя Петра Николаевича). При погребеніи, согласно той же волѣ покойной, не было ни рѣчей, ни вѣнковъ; отпѣваніе совершено по иноческому чину; простой деревянный крестъ—единственный надмогильный памятникъ. И невольно припоминались намъ глубоко-прочувствованныя слова описателя кончины Ея Императорскаго Высочества: „Скромная могила сокрыла отъ нашего взора Ея физическія черты, и тѣмъ съ большей силой возстаетъ предъ нами Ея нравственный обликъ во всемъ его величіи. Народной святыней станетъ ея скромная могила потому, что Она сослужила великую службу русскому народу! Земной поклонъ принесетъ Ей Кіевъ и возвеличитъ Ея память, потому что Она создала Кіеву новую славу, избравъ его мѣстомъ своей жизни и дѣлъ! Преклонится предъ Нею русская женщина,

какъ предъ идеальнымъ образомъ Милосердной Сестры русскаго народа! Своей жизнью, своими дѣлами, своею близостью къ простому народу усопшая Великая Княгиня скрѣпила русскій народъ съ Царемъ и Царствующимъ Домомъ—скрѣпила тою новою прочною нитью, которая соткана изъ самыхъ возвышенныхъ душевныхъ качествъ, изъ любви къ народу и милосердія къ страждущимъ. Велики ея заслуги въ этомъ дѣлѣ. Земной поклонъ ей отъ всѣхъ живыхъ!"

Съ глубокимъ чувствомъ поклонились и мы праху Великой Женщины.

И пошли видѣть свидѣтелей ея великихъ дѣлъ.

Предъ нами одно за другимъ выплывали изъ-за густоты сада монастырскія больничныя зданія. Мы видѣли ихъ, удивлялись обширности этого благотворительнаго учрежденія, восторгались ихъ поразительною чистотою, обиліемъ свѣта... Но что говорить о томъ, что уже достаточно описано и оцѣнено людьми компетентными, что засвидѣтельствовано статистическими данными.

Съ наибольшимъ вниманіемъ мы осмотрѣли хирургическую больницу, гдѣ насъ встрѣтила сестра Магдалина—старшая сестра хирургической больницы, интеллигентная, въ высшей степени любезная, преданная своему дѣлу. Она пребываетъ въ монастырѣ двадцать девятый годъ и двѣнадцатый годъ завѣдуетъ больницей. Она—ближайшая сотрудница и воспитанница Великой Княгини, о которой не можетъ говорить безъ слезъ... Мы осмотрѣли палаты, операціонные залы, больничную церковь, столовую. Въ столовой обращаетъ на себя вниманіе мраморная доска съ начертанными на ней словами: „Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ Николай Александровичъ и Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна осчастливили больницу своимъ посѣщеніемъ 1896 года 21 августа". Его Величеству Государю Императору благоугодно было сдѣлать щедрое пожертвованіе на расширеніе больницы и именно на это пожертвованіе было воздвигнуто въ 1897—1898 г.—рядомъ съ хирургической больницей—новое зданіе терапевтической больницы Императора Николая II. Тогда же, въ 1896 году, въ присутствіи Ихъ Величествъ, былъ заложенъ и новый соборный храмъ во имя Святителя Николая. Это уже показываетъ, на сколько Ихъ Величества остались довольны лѣчебно-благо-

творительными учрежденіями Покровскаго монастыря. Впослѣдствіи, по смерти Великой Княгини, Его Величество Государь Императоръ еще разъ выказалъ участіе къ благотворительному дѣлу покойной Великой Княгини. Все хозяйство больницы (и монастыря), при жизни Великой Княгини, велось лично ею, безъ всякой табели и нормировки. По смерти ея, вопросъ о содержаніи лѣчебно-благотворительныхъ учрежденій Покровскаго монастыря остался совершенно открытымъ. На содержаніе ихъ въ теченіе 9 мѣсяцевъ 1900 года Государю Императору угодно было повелѣть отпустить изъ суммъ Министерства Двора и Удѣловъ 57 тыс. руб., а также 64 тыс. руб. для уплаты за пріобрѣтенный Почившей Августѣйшей Строительницей участокъ усадебной земли, прилегающей къ обители. Дальнѣйшее содержаніе медицинскихъ и благотворительныхъ учрежденій при монастырѣ навсегда было упрочено Высочайше утвержденнымъ ежегоднымъ отпускомъ изъ Государственнаго Казначейства 80 тыс. руб. (съ 1-го января 1901 года). Все это служитъ достаточнымъ основаніемъ того, почему больничныя учрежденія при Кіевскомъ Покровскомъ женскомъ общежительномъ монастырѣ носятъ имя Императора Николая II. Все это въ свою очередь достаточно показываетъ, почему посѣщеніе Ихъ Императорскихъ Величествъ въ 1896 г. 21 августа было счастьемъ для Покровской обители.

Но изъ всѣхъ помѣщеній хирургической больницы преимущественное наше вниманіе къ себѣ приковала комната Ея Высочества Великой Княгини, въ которой протекли ея подвиги. Комната находится рядомъ съ церковью. Она не велика и въ ней все сохранилось такъ, какъ было при покойной Великой Княгинѣ. Здѣсь вѣетъ Ея великій духъ, здѣсь на всемъ видны слѣды Ея великихъ думъ и великаго сердца. Все, что извѣстно о подвигѣ этой Царственной Женщины, наполняетъ душу паломника, при вступленіи его въ эту подвижническую келію, религіознымъ благоговѣніемъ. Здѣсь горѣла христіанская дѣятельная любовь яркимъ пламенемъ, здѣсь въ тиши и скромности совершалось истинно-христіанское дѣланіе, которое названо въ евангеліи „единымъ на потребу“, здѣсь жила христіанская душа полною духовною жизнью, жизнью вѣры и единой любви къ Богу и ближнему,—здѣсь жила та, которая сказала: „Мнѣ

не долго остается жить, но я свои старческія силы всецѣло желаю отдать на служеніе Господу и ближнему моему". Печать этого единаго подвига служенія Богу и ближнему лежитъ здѣсь на каждой вещи, во всѣхъ углахъ.

Недалеко отъ двери, налѣво, въ углу, стоитъ недлинная кушетка съ незатѣйливой подушкой, предъ нею на полу туфли, рядомъ съ нею небольшой круглый столикъ. Это, говорила намъ, охваченная горячимъ потокомъ воспоминаній, сестра Магдалина, это—мѣсто, гдѣ покойная Матушка спала. Обыкновенно спала сидя. У нея были больныя ноги. Едвали она когда ложилась. Голову склоняла на этотъ столикъ, ничего не стлала, только ноги закутывала одѣяломъ. И какъ спала! Двери открыты и она прислушивалась къ тому, что происходило въ палатахъ. Едва только дежурная на звонокъ больной приходила не ту же минуту, являлась уже покойная матушка и дѣлала, что было нужно. Даже дежурила по ночамъ.

Налѣво у стѣны книжный шкафъ. Это тѣ немногія книги изъ богатой библіотеки покойной Великой Княгини, которыя были для нея настольными. Мы прочитали на корешкахъ имена свв. Димитрія Ростовскаго, Іоанна Златоустаго, Макарія Египетскаго, Василія Великаго и т. д.

Направо, въ переднемъ углу, икона: предъ этою иконою покойная Великая Княгиня, возвращаясь къ себѣ въ келію послѣ больничныхъ трудовъ, имѣла обыкновеніе молиться, произнося вслухъ: „благодарю Тебя, Господи, что Ты удостоилъ меня послужить больнымъ".

Предъ иконой аналой, на которомъ большое славянское богослужебное евангеліе. Почти весь текстъ подчеркнутъ или краснымъ или синимъ карандашомъ.

Что скрывается подъ этими помѣтками, трудно сказать; но во всякомъ случаѣ здѣсь мы видимъ указаніе на внимательное чтеніе этой священной книги.

Впереди аналоя въ стѣнѣ оконце въ церковь, а предъ нимъ кресло: здѣсь покойная Великая Княгиня внимала богослуженію, когда силы не позволяли ей стоять въ храмѣ.

На одномъ изъ столовъ, заполненныхъ разнаго рода вещами, обращаетъ на себя вниманіе псалтирь, можетъ быть снятая съ аналоя: псалтирь примѣчательна тѣмъ, что внут-

ренняя обложка заполнена многими изреченіями, начертанными собственною рукою покойной Великой Княгини: „Аще Господь восхощетъ и живи будемъ.—Разумъ убо кичитъ, а любы созидаетъ.—Въ скорби призвалъ мя еси и избавихъ тя.—Тѣмже, братіе моя возлюбленная, тверди бывайте непоступни, избыточествующе въ дѣлѣ Господни всегда, вѣдяще, яко трудъ вашъ нѣсть тощъ предъ Господемъ.—Не надѣйтеся на князи и на сыны человѣческія.—Азъ бо язвы Господа Іисуса на тѣлѣ моемъ ношу“ и т. д. Зная религіозныя воззрѣнія покойной Великой Княгини, ея взглядъ на первенствующее значеніе любви, ея смиреніе, ея болѣзненность, мы легко можемъ понять, почему ея взоры прилежно останавливались на этихъ изреченіяхъ. Мы какъ бы прочитываемъ лѣтопись ея душевной жизни, подслушиваемъ ея бесѣду съ Богомъ, ея молитвенные вздохи.

На столѣ же мы видимъ большую разграфленную тетрадь, въ которую покойная Великая Княгиня собственноручно вписывала вновь прибывавшихъ въ ея больницу. Всякая, вновь поступающая больная, какъ бы вступала въ семью, ее уже не считали чужою, ее считали своею, родною. Великая Княгиня старалась узнать не только болѣзнь, но и душу больной, ея психику. Особенно она любила простой народъ, удрученныхъ не только болѣзнью, но и горемъ, бѣдностью. По ея настояніямъ часто не отказывали такимъ больнымъ, у которыхъ роковой исходъ не могъ уже быть задержанъ ни хирургіей, ни терапіей, -- оставляли ихъ въ больницѣ, чтобы по крайней мѣрѣ доставить имъ на послѣдніе дни относительныя удобства, дать имъ внѣшній покой. „Если бы можно было, я бы весь міръ обняла любовью“, часто повторяла Великая Княгиня. Въ ея шкафѣ хранились лакомства и вина для больныхъ. И она обыкновенно сама несетъ больной то рюмку портвейна, то чаю съ ромомъ, то дѣтямъ лакомствъ.

Мы посмотрѣли на послѣднюю исписанную страницу записной тетради: 1900 г. 26 марта. Воскресенье. № 145 Influenza Дарья Нѣмая 3 отд. — 232 Tubercul. art. cub. Грисюкова.—№ 228 Sarcoma mam. Ерохина.

Это былъ послѣдній день дѣятельности покойной Великой Княгини. 26 марта она слегла въ постель и уже не поднималась до смерти, послѣдовавшей 13 апрѣля. Богослуженіе страстныхъ дней и Свѣтлой Пасхи она уже вы-

слушивала, лежа въ своей келіи. Плащаница вокругъ церкви обносилась чрезъ келію Великой Княгини и, для лобзанія, была поднята на ея голову. Лежа, Ея Высочество смотрѣла на огни пасхальной иллюминаціи, устроенной подъ непосредственнымъ руководствомъ Великаго Князя Николая Николаевича. Святую Пасху Покойная встрѣтила въ кругу своихъ Августѣйшихъ родственниковъ. Скончалась она на 2-й день Пасхи.

II.

Вировская обитель.

Вировскій монастырь находится въ Сѣдлецкой губерніи, Соколовскомъ уѣздѣ. Отъ станціи ж. д. Соколовъ до Вирова что-то около 25 верстъ. Нашъ поѣздъ прибылъ въ Соколовъ часовъ въ 9 утра 17 сентября. Этотъ день въ Вировѣ праздникъ. У вокзала я съ своимъ спутникомъ сѣлъ на одноконку. Скверныя мостовыя уѣзднаго города смѣнились, едва мы выѣхали изъ него, великолѣпнымъ казеннымъ шоссе. Мы вдругъ поняли, почему нашъ возница обѣщалъ намъ съ увѣренностью, что мы еще застанемъ въ Вировѣ праздничную службу. Лошадка бѣжала быстрою рысью... Былъ чудный солнечный день, въ блескѣ котораго разстилались поля Сѣверо-западнаго края. Хотѣлось не говорить, а думать и думать. На фонѣ дѣйствительности въ воображеніи развертывались картины далекаго и недалекаго прошлаго. „Это фольваркъ пана такого-то“, говорилъ намъ время отъ времени нашъ возница. Всюду возвышались громадные кресты съ латинскими распятіями. И эти черточки придавали пейзажу своеобразный характеръ, будили воспоминанія о своеобразной исторіи, заставляли думать о грядущемъ и „нашихъ“ задачахъ. Мы ѣхали по полямъ католиковъ и калакутъ (упорствующихъ уніатовъ). Невольно думалось на темы, затронутыя священникомъ-публицистомъ І. Фуделемъ въ извѣстной трилогіи *Наше дѣло въ Сѣверо-западномъ краѣ*. „Обитель расположена въ мѣстности, заселенной сплошь упорствующими, которые въ своей ненависти ко всему православному поддерживаются тайною іезуитской пропагандой. Эти несчастные, забывъ вѣру предковъ, десятки лѣтъ находятся внѣ церковнаго воздѣйствія, отказываясь войти въ церковную

ограду; не крестятъ младенцевъ, вырастаютъ и умираютъ безъ церковнаго напутствія. Безпроглядное невѣжество и дикость, сбитая съ толку вражьими навѣтами, служатъ причиной такого положенія дѣлъ". Католичество Польши имѣетъ политическое значеніе. Въ 64—65 годахъ Муравьевъ рѣшился очистить край отъ католичества. Появились „обращенія" крестьянъ-католиковъ цѣлыми приходами. Миссіонерами оказались чиновники, которые сами посѣщали храмъ только въ табельные дни. Наряду съ чиновниками-миссіонерами появился особый типъ „боеваго" священника, въ политическомъ смыслѣ этого слова. „Это совсѣмъ особый типъ священника, незнакомый центральной Россіи и выработанный жизнью западной окраины преимущественно воздѣйствіемъ на нее католическихъ понятій. Такъ и называются эти священники боевые. Они представляютъ изъ себя довольно точную копію ксендзовъ. По крайней мѣрѣ дѣйствія ихъ всецѣло исходятъ изъ положенія: цѣль оправдываетъ средства. Высокомѣрное отношеніе къ своимъ прихожанамъ, подчиненіе ихъ себѣ посредствомъ тонко-выработанной дисциплины, разжиганіе въ нихъ политической ненависти къ своимъ противникамъ — достаточно характеризуетъ ихъ. Борьба явная и тайная съ ксендзами всѣми возможными средствами, постоянные розыски лицъ, упорно отклоняющихся отъ Православія, воздѣйствіе на нихъ чрезъ посредство чиновъ полиціи, постоянное хожденіе по судамъ и возбужденіе дѣлъ о совращеніи—занимаютъ у этихъ пастырей все ихъ свободное время". Результаты такого миссіонерства чиновниковъ и пастырей, легко понять, были не особенно благопріятны для истиннаго дѣла православной церкви. Необходимо искать новыхъ путей православнаго миссіонерства. „Чѣмъ больше свѣта будетъ внесено въ эту тьму упорствующихъ, чѣмъ больше тепла почувствуютъ эти закоснѣвшіе люди, тѣмъ скорѣе рухнетъ искусственная преграда между ими и нами. И этотъ свѣтъ и это тепло можетъ внести только женщина. Кому неизвѣстно громадное вліяніе женщины въ семьѣ? Женщина можетъ внести въ семью тотъ духъ, который ей самой внушенъ, и дѣлаетъ она это всегда съ тою долею фанатизма и упорства, на которое способна только женщина. Стало быть воспитаніе дѣвочки, воспитаніе будущихъ женъ и матерей—есть пер-

вое условіе и единственно-вѣрное средство для достиженія нашихъ цѣлей. Мы говоримъ *воспитаніе* и подчеркиваемъ это слово, такъ какъ простое обученіе грамотѣ еще слишкомъ недостаточно для воздѣйствія на семью. Тутъ нужна выработка въ извѣстномъ направленіи, закалка духа. Эту выработку даетъ религіозно-нравственное воспитаніе въ хорошей церковно-приходской школѣ подъ воздѣйствіемъ Церкви".

Такова обстановка, въ которой дѣйствуютъ наши знаменитые сѣверо-западные монастыри новаго типа — Вировскій и Лѣснинскій. Я ѣхалъ не съ тѣмъ, чтобы видѣть миссіонерскіе плоды дѣятельности этихъ монастырей,—я интересуюсь исключительно ихъ нравственными, евангельскими задачами,—и меня радуетъ, что почтенный пастырь-публицистъ ставитъ наше сѣверо-западное дѣло на нравственную почву. Но ужъ если зашла рѣчь о церковной обстановкѣ, которая придаетъ особый оттѣнокъ нравственной дѣятельности ихъ, то считаю нужнымъ отмѣтить тѣ измѣненія, которыя произведены въ этой обстановкѣ недавнимъ манифестомъ о свободѣ совѣсти. Многіе рѣшали этотъ вопросъ, съ теоретической точки зрѣнія, радикально и безъ ограниченій. Но трудно было предвидѣть, къ какимъ послѣдствіямъ привела свобода совѣсти на сѣверо-западной окраинѣ. Православіе быстро оказалось гонимымъ и совершенно беззащитнымъ. Національное католичество Польши отпраздновало свободу совѣсти необычайно торжественно. Мѣстность, по которой мы ѣхали, изобиловала, кромѣ старинныхъ крестовъ, свѣжими тріумфальными воротами изъ зелени. Это слѣды объѣзда мѣстности католическимъ епископомъ при новыхъ условіяхъ. Его сопровождали огромныя толпы ликующаго народа, его окружала конница изъ нѣсколькихъ сотенъ всадниковъ въ національныхъ костюмахъ. Уже одна эта пышность угнетала православныхъ. Но этого мало. Всюду раздавались побѣдные клики католичества: „пришелъ конецъ русской схизмѣ. Самъ царь принялъ польскую вѣру. Спѣшите, говорили католики православнымъ, принять католичество, — иначе вы скоро останетесь безъ крещенія и вѣнчанія". Цѣлые приходы обращенныхъ прежде въ православіе политическими средствами объявляли себя теперь католиками. Исконно-православнымъ ставились всякія затрудненія въ удовлетвореніи религіоз-

нымъ потребностямъ. Раздался плачъ православныхъ... Конечно, эти побѣдные клики католичества, его наступленіе— не подавляли бы православія, если бы православные оказались болѣе подготовленными къ новымъ порядкамъ. Но новые порядки явились неожиданно; православный народъ къ нимъ не былъ подготовленъ. Наканунѣ манифеста у насъ не позволялось писать о свободѣ совѣсти. Въ моментъ радостнаго по существу манифеста сказались горькіе плоды византійскаго строя церковной жизни. И вотъ, независимо отъ того, какъ рѣшается вопросъ о свободѣ совѣсти съ теоретической точки зрѣнія, практически отношеніе православія къ католичеству въ сѣверо-западномъ краѣ поставило предъ поборниками евангельскаго мира высокую задачу—укрѣпить, утѣшить, ободрить гонимыхъ, умиротворить враждующихъ...

По Дрогичинскому шоссе мы проѣхали отъ Соколова до Скрешева верстъ 19. Здѣсь дорога на Вировъ сворачиваетъ въ сторону. Еще не такъ давно этотъ остатокъ пути до обители представлялъ путешественникамъ затрудненія, почти неопредолимыя въ распутицу. Нынѣ же, по ходатайству покойной игумени Анны, и этотъ путь шоссированъ до самой обители... Мы спустились въ лощину, поднялись на откосъ,—и предъ нами открылась Вировская обитель, расположенная на высокомъ берегу Буга. Обнесенная всего лишь невысокою изгородью, не прячась за стѣнами, скромная обитель показывала намъ, едва мы стали приближаться къ ней, свою внутреннюю жизнь: лужайка внутри изгороди, между зданіями, была усѣяна праздничнымъ людомъ—въ глубинѣ предъ главнымъ храмомъ, гдѣ шла еще не окончившаяся литургія, богомольцами, которые не могли помѣститься въ небольшомъ храмѣ, а ближе къ изгороди и повсюду—дѣтьми. Пестрая праздничная толпа. И непріятно поразило насъ, что подъ самымъ монастыремъ шла оживленная работа—осенняя пахота. Нашъ возница разсѣялъ наше недоумѣніе: небольшой—обидно небольшой участокъ, занимаемый монастырскими зданіями, окруженъ землею, не принадлежащею монастырю. Если бы не отсутствіе панскихъ построекъ близъ монастыря, если бы не широкій видъ, открывающійся въ сторону Буга, если бы не извѣстная скромность святого мѣста и всепобѣждающая кротость его обитательницъ, не отгораживающихся отъ міра, но несущихъ

ему любовь и добро,—то было бы жутко за эту затерявшуюся на чуждой окраинѣ обитель... Шагомъ въѣхали мы въ монастырь. Справа и слѣва живою веселою стѣною стояла дѣтвора, уже отслушавшая свою обѣдню. На насъ смотрѣли сотни любопытныхъ довѣрчивыхъ глазъ, насъ привѣтствовали дружелюбные дѣтскіе голоса. Мы видѣли своими глазами то, что трудно видѣть жителямъ средней Россіи: монастырь, переполненный дѣтьми.

Мы въѣхали въ монастырь съ запада; съ восточной стороны отъ него протекаетъ Бугъ, на высокомъ берегу котораго стоитъ главный монастырскій храмъ во имя Всемилостиваго Спаса—бывшій католическій костелъ. Два ряда монастырскихъ зданій идутъ съ сѣверной и южной сторонъ. Съ сѣверной стороны, слѣва отъ въѣзжающихъ, первыми бросаются въ глаза два красивыхъ и огромныхъ зданія—дѣтскій пріютъ и далѣе школа съ Свято-Леонтьевскою церковью для дѣтей. Зданія новыя каменныя, двухъэтажныя. Далѣе, противъ храма, въ глубинѣ сада небольшая гостиница, предъ нею, ближе къ храму, два миніатюрные домика—одинъ служитъ для пріема почетныхъ гостей и другой живописная. Этотъ рядъ построекъ оканчивается службами, расположенными уже внизу на берегу рѣки и не видными со стороны въѣзда. Справа отъ въѣзжающихъ, еще внѣ изгороди, находятся пять домиковъ для монастырскаго причта. Затѣмъ, внутри монастыря, идетъ рядъ зданій, кажется, соединенныхъ между собою—богадѣльня, больница, „монашеская“ церковь во имя св. Серафима, кельи и, уже противъ храма, въ глубинѣ сада, трапезная, помѣщеніе игумени, канцелярія. Послѣднія помѣщенія—старый ксендзовскій домъ, обнесенный верандою, которая и служитъ трапезною въ лѣтнее время. Ужъ бѣглый обзоръ монастырскихъ зданій въ высшей степени поучителенъ и наводитъ на многія размышленія. Все бросающееся въ глаза, возможно красивое, удобное и даже богатое—это храмы и благотворительныя учрежденія. Храмы еще сравнительно бѣдны. Бѣденъ и недостаточно помѣстителенъ главный храмъ; умиляетъ своею скромностью „монашеская“ домовая церковь, но уже хороша дѣтская церковь—высотою въ два этажа, съ хорами. Настоящимъ архитектурнымъ украшеніемъ монастыря служатъ оба зданія для дѣтей. Во всякомъ случаѣ поражаетъ наряду съ

красивыми и богатыми дѣтскими помѣщеніями скромность монашескихъ помѣщеній. Въ манашескомъ зданіи имѣются келліи только для немногихъ монахинь; комната игуменіи болѣе, чѣмъ проста и неприхотлива. Видъ монастырскихъ зданій невольно заставляетъ спросить: гдѣ же помѣщаются сестры? Ближайшее знакомство съ монастырскою жизнью дало намъ отвѣтъ на этотъ вопросъ: сестры—а ихъ до 200—находятъ себѣ пристанище тамъ же, гдѣ проходятъ послушаніе: въ аптекѣ, въ больницѣ, въ богадѣльнѣ, въ дѣтскомъ пріютѣ, въ школѣ. Какой-нибудь уголокъ, каморка на чердакѣ, на полу въ комнатѣ, которая освобождается на ночь—въ дѣтской столовой и т. д. и т. д.—вотъ мѣста ночного покоя сестеръ-труженицъ. Все для другихъ и почти ничего для себя—таковъ девизъ монастыря.

Въ гостиницѣ мы помылись съ дороги и переодѣлись,—и поспѣшили въ церковь. Мы застали конецъ литургіи, которую совершалъ холмскій преосвященный Евлогій. Изъ боковой комнаты при алтарѣ, гдѣ мы стали, не было видно хода богослуженія, издали доносились слова и пѣніе. И мысль уносилась вдаль; думалось о томъ, что было прежде тамъ, гдѣ теперь мѣсто свято. „Вировъ когда-то былъ страшилищемъ всякаго запоздалаго путника. Овраги надъ Бугомъ, прикрытые кустами въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь обосновалась женская Вировская пустынь, служили удобнымъ уголкомъ, за которымъ въ былое время таился не одинъ разбойникъ и бродяга. Разумѣется, это было давно и быльемъ поросло. Окрестные жители и даже власти имѣли основаніе тогда избѣгать этого мѣста, а странникъ дѣлалъ значительный кругъ, лишь бы обойти завѣдомый притонъ. Позднѣйшая исторія Вирова не сложна. Въ 1894 году вировскій, много лѣтъ пустовавшій по случаю закрытія, костелъ былъ перестроенъ въ церковь, а 31 іюля того же года новоустроенный храмъ былъ освященъ“: вотъ что уже прежде я прочиталъ у С. Колосова „Изъ дорожной записной книжки“. Въ воображеніи рисовались картины изъ прошлаго по контрасту съ настоящимъ.

По окончаніи литургіи былъ совершенъ крестный ходъ на могилу покойной игуменіи Анны, находящуюся недалеко отъ храма съ южной стороны. Скромная могилка, но какъ много она говоритъ и напоминаетъ обитательницамъ Вирова. Это

ихъ святыня. Покойная игуменія Анна то же для Вировской обители, что В. Княгиня—въ иночествѣ Анастасія для Покровскаго монастыря и что игуменія Екатерина для Лѣснинскаго монастыря. Какъ при ея жизни монастырь жилъ ею, такъ теперь живетъ памятью о ней. „Чтобы убѣдиться, писала намъ игуменія Софія (въ мірѣ княгиня С. А. Шаховская), преемница игуменіи Анны, отъ которой я получилъ сердечное благословеніе посѣтить Вировъ,—чтобы убѣдиться, до какой степени жива и постоянна память о святой подвижницѣ въ обители нашей, Вамъ необходимо пріѣхать къ намъ и тогда Вы увидите, что, какъ выразилась одна богомолица, не знавшая ея,—въ Вировѣ пѣснь „Вѣчная память“ совершенно теряетъ свое ужасающее значеніе, такъ постоянно и съ любовью слышится она и въ церкви и на дорогой могилкѣ, гдѣ сестры и дѣти по нѣскольку разъ въ день поютъ ее, и въ келліи покойной Матушки, въ которой каждую недѣлю служится литія и которая оставлена нами въ томъ видѣ, какъ она была при жизни усопшей. Не мнѣ, недостойной преемницѣ Ея, возможно что-либо прибавить въ Вировѣ, въ духовномъ строѣ обители, и я только прошу Васъ непремѣнно пріѣхать помолиться у насъ, на нашей могилкѣ“...

Покойная игуменія Анна—центральная фигура въ исторіи Вировской обители.

Участвуя въ искренней и горячей молитвѣ вировскихъ труженицъ объ усопшей, я воспроизводилъ въ своей памяти ея жизнь. (Нижеслѣдующія біографическія свѣдѣнія взяты изъ „Некролога игуменіи Вировскаго монастыря Анны“, принадлежащаго перу священника Мизецкаго, бывшаго настоятеля Сѣдлецкой церкви (и нынѣ, кажется, служащаго въ Варшавѣ), который принималъ близкое участіе въ жизни Вировской обители и издалъ нѣсколько брошюръ съ цѣлью популяризаціи свѣдѣній о ней).

Скончавшаяся 29 августа 1903 года игуменія Вировскаго монастыря Анна, въ мірѣ Анна Александровна Потто—дочь завѣдывающаго артиллерійскими складами Брестской крѣпости, родилась въ Брестѣ 9 декабря 1865 года. Еще младенцемъ осталась сиротой, безъ матери. На фотографической карточкѣ, сохранившейся съ того времени, когда ей было 6 лѣтъ, видимъ Анну Александровну худенькою, съ задумчи-

выми, не по лѣтамъ серьезными, скромными глазками, съ густыми длинными двумя косами...

Въ Варшавѣ „Аня“ дѣлается неузнаваемою, другимъ существомъ. Она тамъ въ нѣмецкомъ пансіонѣ г-жи Брендель, откуда ходитъ въ первую женскую гимназію. Когда она на каникулы пріѣзжаетъ въ Брестъ, ее не узнаютъ: живая, граціозная, танцующая, всѣхъ одушевляющая. 15½ лѣтъ отъ роду Анна Александровна кончаетъ гимназію съ медалью. Назначенная на должность помощницы главной воспитательницы Холмскаго Маріинскаго училища Маріи Наумовны Нолле, она въ ней находитъ свою вторую мать, подъ ея руководствомъ проходитъ житейскую науку, дѣлается серьезнымъ труженикомъ. Шесть лѣтъ административной, учебной и хозяйственной жизни въ Холмѣ были отличною подготовкою для будущей игуменіи Вировскаго монастыря. Совершенно новый, невѣдомый дотолѣ міръ вносятъ въ идеальную душу Анны Александровны Потто Холмская гора, Архіепископъ Леонтій, Епископъ Флавіанъ, ученые монахи— Антоній, Владиміръ, Серафимъ... Въ это время и Лѣснинская обитель стала манить къ себѣ своими подвигами уже замѣчательную Анну Александровну. Когда она пріѣзжала изъ Холма въ Брестъ, новая перемѣна съ нею бросалась въ глаза. „Правда-ли, что *Аня* въ монастырь поступаетъ“, спрашивали прежніе ея друзья и подруги... Выходъ въ отставку М. Н. Нолле и переводъ Анны Александровны изъ Холма въ Калишскую гимназію сдѣлалъ ее замкнутою, пока она черезъ два года послѣ того не поступила въ Лѣснинскій монастырь. Здѣсь она имѣла предъ собою житіе препод. Ѳеодосія въ Кіевопечерской лаврѣ до игуменства: первою въ церковь приходила, послѣднею выходила; усердно участвовала въ чтеніи и пѣніи на клиросѣ. Подъ руководствомъ старца протоіерея Тимоѳея Софроновича она изучила практически весь церковный уставъ, отъ буквальнаго исполненія котораго до смерти не отступала и на іоту. Знавшіе ее знаютъ и ея искусство владѣть перомъ,—этотъ даръ она принесла на службу обители, работая постоянно въ ея канцеляріи. Знаніе канцелярской работы весьма пригодилось потомъ для Вирова. Она же уроки давала дѣтямъ въ монастырской школѣ, она же и благочинною скоро стала въ оби-

тели... 22 сентября 1890 года Архіепископъ Леонтій постригъ ее въ рясофоръ.

Много выпустила изъ своего Лѣснинскаго гнѣзда знаменитая игуменія Екатерина птенцовъ своихъ. Въ разныхъ мѣстахъ они продолжаютъ нести великіе ея апостольскіе труды. Теолинъ, Радочница, Турковицы, Красностокъ... Но труды м. Анны въ Вировѣ паче другихъ.

Пробывъ годъ въ Теолинѣ, съ 18 октября 1893 года, гдѣ она трудилась въ дѣлѣ созиданія обители, 18 сентября 1894 года она получила назначеніе быть завѣдывающею Вировскимъ отдѣленіемъ Лѣснинскаго монастыря. Что она тогда застала и что оставила? Застала церковь и два деревянныхъ ветхихъ дома, еще покостельныхъ,—оставляетъ созданныя ею многочисленныя зданія... Земли въ обители мать Анна прикупила у помѣщика на 6 тысячъ рублей, пожертвованныхъ Государемъ Императоромъ изъ личныхъ средствъ. Много хлопотала Матушка, пока получила для обители пожалованное имѣніе Ставы въ Гродненской губерніи. Оно еще въ арендѣ отъ казны. Вблизи монастыря м. Анна купила два имѣнія—одно въ Чекановѣ за 37 тысячъ руб., лично ею выпрошенныхъ у Государя Императора. Тамъ она устроила сельско-хозяйственную школу для дѣтей. Другое—въ Моложевѣ, гдѣ возвела нѣсколько каменныхъ и деревянныхъ построекъ для двуклассной мужской школы. На какія же средства все это въ обители Вировской, въ Чекановѣ и Моложевѣ м. Анна построила и устроила? Трудно вообразить, какими она неимовѣрными трудами добывала на все это средства. Крѣпко вѣруя въ помощь Божію, огнемъ горя состраданіемъ къ ближнимъ, она никому не отказывала, всѣхъ принимала, строила для нихъ въ долгъ, въ долгъ одѣвала и кормила, и потомъ слезы лила предъ кѣмъ слѣдуетъ и просила. Въ какихъ она постоянно затруднительныхъ обстоятельствахъ была—ужасъ находитъ! И такъ все время, такъ до смерти. Посѣтивъ обитель въ первый годъ житія м. Анны въ Вировѣ, ея жизнеописатель протоіерей Мизецкій узналъ здѣсь, что м. Анна и 12 сестеръ нѣсколько уже дней ничего не ѣдятъ; хлѣба и картофеля нѣтъ. А онѣ и не говорятъ ничего и не пишутъ. Чтобы увеличить свою личную помощь, почтенный протоіерей сдѣлалъ въ Сѣдлецѣ подписку среди дамъ и собранное отправилъ въ Вировъ.

Скоро въ обители обучалось до 30 дѣтей. Для нихъ тоже сборъ былъ въ Сѣдлецѣ. Собирались пожертвованія всѣмъ— платьемъ, полотномъ, платками, обувью и пр. Прошелъ годъ, а нищета въ Вировѣ была неописанная. Получилъ о. протоіерей отъ Архіепископа Флавіана письмо прибыть къ нему по дѣлу о печальномъ состояніи Вировскаго отдѣленья Лѣснинскаго монастыря, такъ какъ оное не имѣетъ средствъ къ существованію. Это отдѣленіе Лѣснинскаго монастыря тогда существовало только церковною землею въ Чекановѣ. Уже поѣхалъ онъ съ м. Анною въ Варшаву. Но какъ разъ въ этотъ день на имя м. Анны прислалъ первое свое письмо съ деньгами о. Іоаннъ Кронштадтскій. Радости м. Анны конца не было. И Владыка согласился продлить существованіе Вирова.

Высокоподвижническая, просвѣтительная и благотворительная дѣятельность матери Анны въ Вировѣ стала извѣстною въ Варшавѣ, Москвѣ и Петербургѣ. Отовсюду ей стали присылать помощь. Особенно сталъ благоволить къ ней о. Іоаннъ Кронштадтскій, который даже посѣтилъ обитель Анны. Въ Варшавѣ къ ней очень благоволилъ князь Имеретинскій и супруга его Анна Александровна... Архіепископъ Флавіанъ часто благотворилъ обители и былъ внимателенъ къ нуждамъ ея настоятельницы. Любилъ ее, едва-ли не больше всѣхъ, Высокопреосвященный Іеронимъ и много ей лично и обители помогалъ. Отеческую любовь свою къ ней онъ особенно выразилъ въ рѣчи при возведеніи ея въ санъ игуменьи 1 авг. 1899 года, вручая ей игуменскій жезлъ. Тогда же и Вировъ возведенъ былъ въ первоклассный монастырь.

Слава о Вировской обители и о ея настоятельницѣ дошла и до Государя. 23 мая 1898 года на докладѣ синодальнаго оберъ-прокурора онъ написалъ: „Благотворная дѣятельность Вировской общины имѣетъ важное значеніе для всего населенія въ краѣ. Пріобрѣтеніе земли настоятельно необходимо. Нужную для этого сумму 6000 рублей жертвую отъ себя". Чрезъ два мѣсяца послѣ этого, 21 іюля, м. Анна имѣла счастье представляться Государю Императору и Государынѣ Императрицѣ. 9 октября 1901 года въ Спалѣ второй разъ представлялась она Ихъ Величествамъ и тамъ удостоилась продолжительной бесѣды о состояніи своей обители. Государь не только исполнилъ всѣ просьбы м. Анны, но потомъ

къ празднику Рождества Христова и сверхъ просьбы осчастливилъ присылкою обители 1000 руб. Предъ своею смертью м. Анна была утѣшена извѣстіемъ, что Государь Императоръ повелѣлъ выдавать изъ Государственнаго казначейства на нужды Вировской обители ежегодно по 23 тысячи 500 руб.

Въ апрѣлѣ 1902 года м. Анна была по дѣламъ обители въ Петербургѣ, и тамъ открылась въ ней сильная чахотка. Чтобы спасти драгоцѣнную жизнь дорогого человѣка, м. Анну отправили 22 апрѣля въ Италію, откуда 20 іюля она возвратилась поправившеюся, съ надеждою на выздоровленіе. Но она немедленно съ такимъ жаромъ отдалась работѣ, что болѣзнь возвратилась, и ее, больную, опять отправили въ Nervi 17 ноября. 7 мая 1903 года она возвратилась изъ-заграницы безъ голоса, еле двигаясь. По пути въ Nervi она, по особому случаю, была у Венеціанскаго патріарха, кардинала Джузеппе Сарто и получила отъ него благословеніе. Тогда никто не зналъ, что онъ скоро будетъ папою Піемъ X. За мѣсяцъ предъ смертью м. Анна получила отъ Кіевскаго митрополита 2 тысячи рублей на постройку трапезной церкви во имя Серафима Саровскаго. 31 іюля была закладка этой церкви, но м. Анна этого торжества не могла видѣть, болѣзнь уже приковала ее къ одному мѣсту. 19 іюля ее въ послѣдній разъ носили въ церковь. Съ 1 августа она ежедневно причащалась. Въ послѣдній день причастилась два раза, утромъ и вечеромъ. Сама сказала читать молитвы на исходъ своей души. Когда что не внятно читали, она просила читать медленно и ясно. Прощалась со всѣми сестрами, плачущими и рыдающими. Около 12 часовъ ночи просила читать евангеліе. Читали о блаженствахъ. Претерпѣвая страшныя страданія, она просила поминутно: „молитесь, молитесь, чтобы Господь помогъ мнѣ вынести эти страданія. Я просила у Бога страданій. Не знала, что они такъ тяжелы“. Своего духовника она просила положить руки ей на голову и молиться. Говорила, что ей такъ легче. Въ 12 часовъ ночи она отпустила духовника, сказавъ ему: „идите домой и тамъ молитесь, чтобы Господь принялъ мою душу“. Сестры потомъ слышали, какъ умирающая говорила: „Господи, слава Тебѣ! Господи, благодарю Тебя!“ Въ 1 часъ ночи подвижница Христова предала Ему духъ свой...

Это жизнеописаніе — житіе святой, но и отличается нѣко-

торыми чертами отъ обычнаго типа житій. Была живая, граціозная, любила танцы... Затѣмъ самое острое подвижничество,—такое подвижничество, что Лѣснинская игуменія Екатерина отсылаетъ ее отъ себя на самостоятельный постъ въ Вировъ съ словами: „я не хочу, чтобы ты у меня на глазахъ умирала въ чахоткѣ“. Эти слова оказались пророческими. Но и умирая отъ своего подвижничества, м. Анна не умѣщалась въ застывшей формѣ житійной святости. „Ей хотѣлось жить“, говорила намъ м. Софія, сопровождавшая покойную въ Nervi. „Ей не хотѣлось умирать“, передавала и м. Екатерина. „Ты на меня не сердись, говорила ей, прощаясь, усопшая,—каюсь, каюсь“... На полотнѣ такой жизнерадостности картина христіанскаго устремленія къ небу оказывается религіозною тайною, выступающею за рамки соціальной пользы. Съ религіозной точки зрѣнія цѣнны личности, а не дѣла.

Въ описаніи погребенія м. Анны мнѣ глубоко запала въ душу одна страничка. Первый день и ночь по смерти ея были дождливые. Въ воскресенье 31 августа утромъ выкатилось изъ-за Буга чудное ясное солнце. Такъ оно, пишетъ протоіерей Мизецкій, восходило и въ XV вѣкѣ, когда, по свѣдѣніямъ изъ Виленскаго центральнаго архива, здѣсь была православная церковь; такъ оно восходило и въ 1712 году, когда умеръ незабвенный создатель церкви Іоанна Крестителя въ Вировѣ Іоаннъ Годлевскій; такъ оно восходило и 100 лѣтъ послѣ того, когда Кушель сжегъ все, созданное Годлевскимъ; такъ оно восходило, когда въ наши дни, послѣ возсоединенія уніатовъ, ксендзъ Вировскій сдѣлалъ Вировъ центромъ упорства; такъ оно восходило, когда этотъ ксендзъ въ день воскресный утромъ застрѣлилъ себя двадцать лѣтъ назадъ; такъ оно восходило, когда 10 лѣтъ назадъ опять въ Вировѣ воскресла церковь и православіе... Былъ такой случай. Чей-то черепъ изъ размытаго Бугомъ кладбища Вировскаго, древняго, принесла вода къ берегу обители, когда тамъ стояла мать Анна. Она взяла изъ воды черепъ, благословила его, сотворила надъ нимъ молитву, зря къ востоку. И солнце глядѣло на тотъ черепъ. Матушка понесла его на гору свою и погребла при церкви. Девять лѣтъ солнце Вировское, восходя за Бугомъ, первымъ дѣломъ глядѣло въ келлію м. Анны и почти всегда заставало ее за ра-

ботою, измученную, еще не дававшую сна очамъ своимъ. Иногда солнце видѣло тамъ то, что такъ тщательно скрывалось отъ всѣхъ, напр. лежащаго въ крошечной келліи игуменьи больнаго нищаго... Въ послѣдніе два мѣсяца солнце глядѣло уже и на нее болящую, изсохшую, зрящую къ смерти. 31 августа оно явилось, послѣ предшествовавшихъ пасмурныхъ дней, во всей славѣ видѣть славное погребеніе закрывшей очи навѣки неусыпавшей въ нощныхъ и дневныхъ трудахъ и молитвахъ Вировской Анны.

Я припомнилъ эту страницу, потому что и 17 сентября 1905 года яркое солнце освѣщало и славу крестнаго хода и толпы слезно молящихся монастырскихъ сестеръ и монастырскихъ дѣтей. Мѣсто своей могилы покойная подвижница сама выбрала,—съ правой стороны Вировскаго храма, противъ алтаря. Сюда она просила выносить ее въ послѣдніе дни; тамъ сидѣла и говорила: „вотъ сюда вы будете ходить ко мнѣ и бесѣдовать со мною на моей могилѣ“...

Красный звонъ обратилъ наше вниманіе на... знаменитую монастырскую колокольню. Она находится къ югу отъ входа въ храмъ, недалеко отъ него. По виду это верхушка вѣтряной мельницы, ветхая - преветхая. Конечно, это единственная по своему убожеству колокольня. Не менѣе примѣчателенъ и обитающій въ ней звонарь Ѳеона. Звонарь этотъ, по чьему - то совѣту, звонилъ по смерти м. Анны день и ночь—40 дней и 40 ночей. Въ брошюркѣ П. Земного *Среди друзей человѣчества* при описаніи этой колокольни сказано: „здѣсь подъ колоколами въ миніатюрной келійкѣ ютится мать Фіона-звонарь“. Эта описка даетъ поводъ къ добродушному монастырскому юмору... Я позднѣе видѣлъ этого прислужника Вировскаго храма. На его лицѣ сіяла такая безконечная евангельская простота, которую не часто приходится встрѣчать...

По окончаніи службы я былъ свидѣтелемъ трогательной картинки изъ монастырской жизни... Игуменія Софія оставила управленіе монастыремъ по слабости своего здоровья и особенно по болѣзни ногъ; утромъ этого дня игуменскій посохъ былъ врученъ ея преемницѣ, м. Сусаннѣ. Въ саду, на небольшой площадкѣ предъ бывшимъ ксендзовскимъ домомъ происходило сердечное прощаніе Вировскихъ обительницъ, сестеръ и дѣтей, съ своей Матушкой, оставлявшей

управленіе монастыремъ, хотя и не покидавшей монастыря. То, что я видѣлъ, краснорѣчиво говорило о сердечной и нѣжной любви монастырскихъ труженицъ и дѣтей къ достойной замѣстительницѣ покойной м. Анны... Новая игуменія Сусанна (дочь знаменитаго петербургскаго артиста Мельникова), непосредственно предъ тѣмъ подвизавшаяся въ Красностокскомъ монастырѣ—изъ той же „Лѣснинской“ школы, своя въ этой „семьѣ“...

Вслѣдъ затѣмъ мы были приглашены къ трапезѣ на верандѣ „ксендзовскаго“ дома и съ той минуты до самаго отъѣзда мы непрерывно находились въ ласковой атмосферѣ привычнаго и простосердечнаго гостепріимства прежней игуменіи Софіи и новой игуменіи Сусанны. Кромѣ преосвященнаго Евлогія, отбывшаго вскорѣ послѣ обѣда, здѣсь были Лѣснинская игуменія Екатерина и Красностокская Елена. Предъ нами была семья родныхъ душъ, согрѣтыхъ одною идеею христіанскаго добра, однимъ родомъ христіанской дѣятельности, хотя и съ индивидуальными оттѣнками. Оживленная и поучительная бесѣда, съ перерывами, затянулась до поздняго вечера.

Въ этомъ же „ксендзовскомъ“ домѣ находится и келлія покойной м. Анны. Трудно представить жилую комнату меньшихъ размѣровъ и съ такою незатѣйливою обстановкою. Передній уголъ завѣшанный иконами; предъ нимъ аналой. Подвижническое ложе. Миніатюрный некрашенный столикъ, на которомъ усопшая вела обширное письмоводство... Сколько было пережито, передумано и перечувствовано въ этихъ стѣнахъ, сколько здѣсь утерто слезъ, сколько облегчено страданій. Здѣсь умеръ восьмидесятилѣтній старикъ, которому не нашлось мѣста въ богадѣльнѣ. Здѣсь лежала 14-лѣтняя католичка, болѣвшая натуральною оспою. Здѣсь помѣщалась больная дифтеритомъ дѣвочка,—за нею м. Анна ухаживала и послѣ того сама опасно хворала. Многочисленная семья офицера, попавшаго въ бѣду, вся была принята м. Анною въ Вировъ и была помѣщена въ домъ за обителью, на полное содержаніе, пока бѣда не миновала. Семья чиновника, попавшаго въ тюрьму и позднѣе по суду оправданнаго, спаслась отъ голода и холода тоже въ Вировѣ.

Когда все это узнаешь, то начинаешь понимать, что такое великія дѣла, въ которыхъ обнаруживаются великія души.

„По дѣламъ ихъ узнаете". И двойное чувство переполняетъ сердце. Съ одной стороны глубоко постигаешь собственное ничтожество,—но вмѣстѣ съ тѣмъ радуешься за человѣка, за человѣчество,—и въ этомъ соприкосновеніи съ великими душами, съ ихъ дѣлами, самъ становишься лучше, чище; по крайней мѣрѣ хочется быть лучше. Вотъ въ чемъ цѣнность „иного подвига человѣческаго", отличная отъ соціальной пользы. Прекрасныя больницы и школы можно устроить на деньги и ужъ конечно успѣхъ медицинскаго дѣла или учебнаго не зависитъ отъ того, что для этого дѣла, для его основанія „потеряна жизнь человѣческая". Но цѣнность подвига не въ томъ только, что онъ замѣняетъ хорошія учрежденія,—онъ дорогъ по своему дѣйствію на человѣческую душу. Когда его видишь, слышишь объ немъ, на сердцѣ становится тепло и радостно, — и радости этой ничто не отниметъ, напротивъ она освѣтитъ всякую тьму, побѣдитъ всякую злобу.

Тотъ же характеръ душевнаго умиротворенія имѣетъ и миссіонерство такихъ „православныхъ", какою была м. Анна. Вотъ уже оглашенный въ печати разсказъ ксендза о покойной подвижницѣ. „Приглашенъ я былъ—передаетъ ксендзъ—настоятельницей обители напутствовать умирающаго въ обители католика. Я немедленно отправился исполнить свой долгъ. Подъѣзжаю къ монастырю и что же увидѣлъ? Это худая, блѣдная и высокая м. Анна впереди, а за нею всѣ монахини съ возженными свѣчами въ рукахъ ожидали ксендза съ Св. Дарами и привѣтствовали меня, служителя Божія, смиреннымъ поклономъ. Я видалъ всякіе въ жизни виды, но истинно христіанскій поступокъ вировскихъ монахинь сбилъ меня съ толку, и я не сразу нашелся, чтобы дать понять почтеннымъ людямъ, какъ меня тронуло ихъ поведеніе. Въ душѣ моей явилось недоумѣніе: какъ же это такъ—еще вчера ко мнѣ доносились побѣдные клики о томъ, что вировскія монахини пришли сюда бороться и побѣждать, а сегодня вижу ихъ смиренными, воздающими достодолжную честь моей религіи, моей святынѣ? Съ тѣхъ поръ прошло уже не мало времени, я ближе поузналъ о дѣлахъ и жизни вировскихъ монахинь. Я не знаю, побѣдятъ ли монахини исторію, добьются ли онѣ коренного переворота въ религіозныхъ воззрѣніяхъ извѣстной части населенія, но

что онѣ доживутъ до общаго къ себѣ уваженія отъ окрестнаго населенія, въ томъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Какъ ксендзъ, представитель противной партіи, я могу имѣть особые на миссію монахинь взгляды; но, какъ человѣкъ-христіанинъ, я могу только радоваться, что обаяніе православной вѣры и русскихъ людей вступаетъ къ намъ съ восточной границы не при посредствѣ земской стражи, штрафовъ и ограниченія правъ, а чрезъ истинныхъ подвижницъ"...

А вотъ другой, тоже оглашенный въ печати, разговоръ съ католичкой-полькой, которой хотѣлось бы отдать своего мальчика въ Вировъ.

— Развѣ ты знаешь вировскихъ?

— Довольно ихъ тутъ всѣ знаютъ. Всѣмъ помогаютъ, кто бы и зачѣмъ ни пришелъ.

— А развѣ ты не боишься, отдавъ ребенка монахинямъ, что тамъ вѣру перемѣнятъ?

— Э, тамъ вѣрѣ выучиваютъ и калакутъ даже. Всѣ одному кресту поклоняемся. Нашей вѣры онѣ не трогаютъ. Вонъ онѣ-то молятся, тамъ молятся! Праведные люди...

Все это достаточно убѣдительно...

На слѣдующій день мы отстояли раннюю литургію въ монашеской церкви и зашли на нѣсколько времени на хоры въ дѣтскую церковь во время поздней литургіи. Монашеская церковь была заполнена инокинями къ одной сторонѣ и богомольцами-мірянами въ остальной части храма. Эти богомольцы—изъ Гродненской губерніи, изъ Забужья. Долженъ засвидѣтельствовать строгую уставность вировскаго богослуженія. Смотря на ряды темныхъ фигуръ и строгихъ лицъ, легко было вообразить, что находишься среди монашеской общины, которая не имѣетъ другой цѣли, кромѣ „спасенія своихъ душъ". И даже, пожалуй, не во всякомъ „идеальномъ" монастырѣ молятся такъ много и такъ уставно, какъ въ Вировскомъ. И уже, конечно, такого прекраснаго пѣнія можно было бы пожелать для любого монастыря. Хочется спросить, чѣмъ же навѣянъ извѣстный отрицательный взглядъ на эти монастыри. Истинно-религіозные люди съ ужасомъ прочитали эти строки: „Никто и въ нѣдрахъ церкви православной не препятствуетъ устраивать общины по подобію монастырей; такую общину создала въ Бозѣ почившая княгиня-подвижница нашихъ дней. Но это не мо-

настырь въ собственномъ смыслѣ сего слова: это идеальное, если угодно, благотворительное заведеніе и только. Пусть въ немъ строй жизни походитъ на монастырскій, пусть даже именуется такое учрежденіе монастыремъ,—это будетъ только исключеніемъ изъ общаго правила, нѣкоторымъ отклоненіемъ отъ высшаго идеала монашества. Такихъ уклоненій мы можемъ указать и еще не мало. Таковы наши женскія обители въ западномъ краѣ: Лѣснинская, Вировская". Высшій идеалъ монашества по мнѣнію автора этихъ строкъ — исключительно душеспасеніе, служеніе „святому эгоизму". И то обстоятельство, что въ поименованныхъ обителяхъ молитвенный подвигъ доведенъ до совершенства—да и кто можетъ такъ молиться, какъ не тотъ, кто видитъ человѣческія страданія?—это обстоятельство показываетъ, что съ извѣстной точки зрѣнія для идеальнаго состоянія монастыря считаютъ недостаточнымъ положительное условіе—молитвенный подвигъ, но требуютъ еще отрицательнаго условія — принципіальнаго воздержанія отъ подвига служенія ближнему. И эти взгляды высказываютъ подъ знаменемъ православія. Пусть эти монастыри новаго типа представляютъ собою уклоненіе отъ установившагося вида,—вѣдь это уклоненіе въ сторону идеала. И если представители историческаго монашества отрекаются отъ этого новаго типа, то тѣмъ хуже для нихъ. Можно было бы радоваться, если бы такихъ уклоненій было „не мало".

Когда я вошелъ на хоры Свято-Леонтьевской церкви, то моимъ глазамъ представилось зрѣлище, подобнаго которому я никогда не видалъ. Вся церковь была полна дѣтьми,—лишь вверху стоялъ хоръ инокинь и въ корридорѣ нѣкоторые богомольцы. Дѣти стояли группами, посреди — малолѣтки. Костюмчики однообразные, съ незначительными отличіями въ цвѣтѣ по группамъ. Мальчики въ красныхъ рубашкахъ, дѣвочки въ синихъ сарафанчикахъ. У малышей черезъ плечо сумки съ носовыми платками. Дѣти вымыты, здоровы и радостны; стоятъ чинно и молятся осмысленно. Здѣсь было болѣе 400 дѣтей. Картина была восхитительная; трудно было оторвать глаза. Это побѣдное знамя Вировскаго монастыря, это свидѣтельство его подвижницъ предъ Богомъ и людьми. „Это письмо Христово, чрезъ служеніе ихъ написанное не чернилами, но Духомъ Бога живаго, не на

скрижаляхъ каменныхъ, но на плотяныхъ скрижаляхъ сердца". Богу и обществу они уготовляютъ людей, въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Вѣдь все это или дѣти бѣдныхъ родителей или брошенныя на произволъ судьбы,—это матеріалъ, изъ котораго естественно вырабатываются враги общества и Бога, дѣятели и страдальцы дна, хулиганы, разрушительные элементы. И ихъ Вировскія сестры приняли, подобрали, обмыли, накормили, выучили, научили молиться Богу—своими согрѣтыми любовью сердцами.

Потомъ мы осматривали помѣщенія дѣтей и школы. Въ зданіи съ церковью—второклассная женская школа, насчитываетъ до 130 дѣвочекъ. Въ пріютѣ для дѣтей и учениковъ школы грамоты—163; тамъ же малютокъ 11. Затѣмъ двухклассная мужская школа въ селѣ Моложевѣ—120 учениковъ; къ богослуженію они пока ходятъ въ монастырскую дѣтскую церковь. Наконецъ Чекановская практическая школа сельскаго хозяйства и домоводства—24 дѣвочки.

Мы сначала осмотрѣли оба дѣтскихъ монастырскихъ зданія. Не буду касаться учебной и воспитательной техники. Скажу лишь: дѣлается здѣсь для дѣтей все, что только въ человѣческихъ силахъ. Приходится во всемъ экономить, и прежде всего въ помѣщеніи, потому что принимаютъ болѣе, чѣмъ сколько позволяетъ мѣсто, хотя все-же монастырь вынужденъ многимъ отказывать. Особенно тѣснятся въ спальняхъ: устроены здѣсь двухъэтажныя сплошныя нары, раздѣленныя небольшими перегородками. Легко понять, что постельное бѣлье не тонкое голландское, но чистое. Опрятный видъ постелекъ и хорошій воздухъ вскрываютъ предъ наблюдателемъ добровольную и сердобольную заботу подвижницъ-сестеръ. Даже и такихъ наръ не для всѣхъ достаетъ. Въ углу сложены тюфячки, которые на ночь раскладываются на полу. Какъ бы легко избѣгнуть этой тѣсноты, лишь бы... сократить число призрѣваемыхъ дѣтей. Но здѣсь знаютъ только одну границу—физическую необходимость, сердце же расширено любовью до безконечности. Дѣти съ видимымъ удовольствіемъ пѣли и читали стихи. Особенно хорошо удается хоровое произношеніе стиховъ. Не умѣющіе читать и писать, малыши научиваются пѣнію и произношенію стиховъ съ голоса. Особенно сильное впечатлѣніе производила комната малютокъ...

Въ брошюркѣ *Среди друзей человѣчества* П. Земного, посѣтившаго Вировскую обитель, разсказывается: „Для игръ каждый ребенокъ имѣетъ ...быстрыя ножки. Когда я спросилъ, есть ли у нихъ еще какія-нибудь игрушки или игры, напр. мячики, кегли, то у многихъ ребятъ появились грустныя мины. Очевидно, они если и знаютъ объ этихъ хорошихъ и для нихъ полезныхъ играхъ, то только по названію. Одинъ изъ мальчиковъ нерѣшительно попросилъ: Дядя, привезите намъ игрушекъ! Его поддержали другіе, и видно было, что всѣмъ имъ хочется получить какія-нибудь игрушки. Можетъ быть, просьбу малютокъ услышатъ и другіе, откликнутся на нее, и сообща удастся доставить дѣтямъ радость и дать имъ возможность безъ шалостей и скуки, но съ пользой и удовольствіемъ проводить долгіе зимніе вечера"...

Я прочиталъ эти строки, прежде чѣмъ поѣхалъ въ Вировъ. Я воспользовался этимъ напоминаніемъ ихъ автора и могу быть ему только благодарнымъ. Повторяю теперь эти строки въ надеждѣ, что кто-нибудь и изъ моихъ читателей, пожелавъ посѣтить знаменитыя обители, вспомнитъ доставить дѣтямъ небольшую радость...

Съ неменьшимъ вниманіемъ осматривали мы затѣмъ богадѣльню и больницу. Въ богадѣльнѣ было до 40 призрѣваемыхъ. Старухи и дѣти. Есть мужчина—совершенно парализованный, принятъ въ богадѣльню чуть не брошенный на улицѣ. Припоминается мнѣ такой случай. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Тамбовѣ доживалъ свой вѣкъ семидесятилѣтній старикъ-протоіерей, у котораго, въ довершеніе его бѣдствій, отнялись ноги. Грошовой пенсіи едва доставало на наемъ прислуги-сидѣлки. Единственная дочь его, служившая въ женской гимназіи и имѣвшая тамъ квартиру, вынуждена была взять его къ себѣ. Начальство воспретило ей это подъ тѣмъ предлогомъ, что неприлично „мужчинѣ" жить въ стѣнахъ женско-учебнаго заведенія... Очевидно, вировскія сестры далеки отъ такой фарисейской щепетильности. Среди остальныхъ призрѣваемыхъ есть слѣпая, припадочная—всякія представительницы человѣческаго страданія. Я поинтересовался узнать, гдѣ тотъ мальчикъ—мегалоцефалъ, о которомъ сообщалось въ печати, что „умственныя способности его угасаютъ съ каждымъ годомъ, но возрастаетъ неимовѣрная физическая сила, такъ что съ нимъ подчасъ

никто изъ сестеръ не можетъ сладить". Оказывается, что онъ отправленъ въ извѣстное петербургское благотворительное заведеніе для такого рода несчастныхъ.

Медицинскую помощь сестры оказываютъ въ широкихъ размѣрахъ. Амбулаторныхъ больныхъ они принимаютъ въ годъ нѣсколько тысячъ; безплатно выдаютъ и лекарства. Занимающіяся леченіемъ сестры рѣдко обращаются къ врачу, тѣмъ болѣе, что это сопряжено съ значительными затрудненіями: ближайшій отъ больницы врачъ живетъ за нѣсколько верстъ. Въ больничныхъ палатахъ, кромѣ больныхъ сестеръ, при насъ въ одной комнатѣ находились три дѣвочки: одна изъ нихъ, недавно принятая, страдаетъ туберкулезомъ костей. Жалкій ребенокъ, дни котораго сочтены. По крайней мѣрѣ будутъ облегчены послѣдніе часы его ласковымъ уходомъ.

Послѣ обѣда мы отправились въ Моложево и Чеканово. Моложево находится къ сѣверу, верстахъ въ двухъ, отъ обители, вверхъ по теченію Буга. При выѣздѣ изъ села, противъ улицы, господствуя надъ нею, высится теперь архитектурно-изысканное каменное, двухъэтажное зданіе Моложевской школы, начатое постройкой еще при покойной м. Аннѣ. Оно вполнѣ удовлетворяетъ всѣмъ новѣйшимъ требованіямъ, какія предъявляются къ школьнымъ зданіямъ. Обиліе свѣта и воздуха. Осталось лишь немного просушить зданіе внутри и въ него переселяются ученики школы. Домашняя церковь внутри еще совсѣмъ не отдѣлана. Въ подвальномъ этажѣ помѣщеніе для кухни. Трудно повѣрить, что это зданіе стало всего тысячъ 30. Земли здѣсь у Вировскаго монастыря около 15 морговъ, изрѣзанныхъ неудобною черезполосицей, устранить которую монастырю не удается, несмотря на всѣ старанія. На этой землѣ разведенъ школьный садъ, огородъ и устроена пасѣка. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ каменнаго зданія находится деревянный новый домъ, гдѣ теперь помѣщается школа. Домъ довольно удобный, но недостаточно помѣстительный для 120 человѣкъ, живущихъ въ школѣ на полномъ содержаніи. Вблизи новаго каменнаго зданія до сего времени сохраняется первое помѣщеніе Моложевской школы, о которомъ въ Цер. Вѣд. за 1900 г. № 24 сказано: „Школа эта помѣщается въ зданіи старой корчмы. Прогнившія стѣны кое-какъ замазаны извест-

кой. На всемъ отпечатокъ крайней скудости". Преданіе свѣжо, но вѣрится съ трудомъ. Но нельзя не вѣрить, видя и теперь эту жалкую хибару. Въ ней теперь школьныя мастерскія—сапожное, столярное и др. Удовлетворяются надобности вировскихъ школъ и вмѣстѣ ученики пріучаются къ разнымъ ремесламъ.

По пути изъ Моложева въ Чеканово мы проѣхали мимо Вировской обители. Здѣсь мы простились съ м. Сусанной, которая дальше насъ не сопровождала. Вся обитель была предъ нами... Когда затѣмъ мы проѣзжали деревню Вировъ, мы наблюдали обычай Вировскихъ игуменій—проѣзжая деревней, раздавать дѣтямъ гостинцы...

Чекановскимъ имѣніемъ, которое находится на пути отъ Вирова къ Соколову, завѣдуетъ управляющая, бывшая помѣщица, опытная хозяйка. Мы осмотрѣли садъ, птичій и скотный дворы и пруды, въ которыхъ разводится рыба... Слышали пѣніе ученицъ, видѣли ихъ разнообразныя работы... За вечерней трапезой, въ квартирѣ любезной управляющей, мы продолжали „вировскую" бесѣду.

Позднимъ вечеромъ мы простились съ м. Софіей.

Была темь осенней ночи, усиленная пасмурной погодой. Но удобный монастырскій экипажъ дѣлалъ не страшнымъ это ночное путешествіе.

Глубокія чувства благоговѣнія къ подвигамъ Вировскихъ труженицъ и сердечной благодарности за гостепріимство Вировскихъ игуменій переполняли наши сердца.

III.

Лѣсна.

Игумени знаменитаго Лѣснинскаго монастыря, м. Екатеринѣ, я представился въ Вировѣ и здѣсь—что входило въ мои планы—получилъ отъ нея приглашеніе посѣтить Лѣсну.

Возвращаясь изъ Вирова, я съ своимъ спутникомъ со станціи Сѣдлецъ свернулъ на Варшаву. Не было силъ отказать себѣ въ удовольствіи полюбоваться на „столицу" Польскаго края, расположившуюся на берегахъ Вислы. Съ особымъ вниманіемъ разсматривали мы здѣсь старинные католическіе костелы и новый, еще только отстраивающійся внутри, православный соборъ.

Изъ Варшавы мы проѣхали назадъ, за Сѣдлецъ, до ст. Бѣлы, находящейся въ 12 верстахъ отъ Лѣснинскаго монастыря. Было не особенно пріятно оказаться въ незнакомомъ уѣздномъ городкѣ въ началѣ темной осенней ночи. Но насъ дожидались лошади изъ Лѣсны. Быстро промелькнули мигающіе огоньки еврейскаго городка и мы погрузились въ мракъ, который на небольшое пространство разгоняли экипажные фонари. Раза два въ ихъ свѣтѣ, какъ во снѣ, померещились крестьянскіе воза, сейчасъ же оставшіеся позади. Дорога, особенно во второй половинѣ, была очень тяжела. Въ Лѣснинскій монастырь мы прибыли около 11 часовъ ночи. На вопросъ кучера, куда насъ подвезти, мы отвѣтили, что самое лучшее—къ гостиницѣ. Но, какъ бы раскаиваясь въ минутномъ искушеніи, онъ тутъ же добавилъ: „нужно спросить у матушки". Едва мы подъѣхали къ домику, гдѣ находилась матушка, и ей доложили о насъ, какъ сейчасъ же мы услышали ея голосъ: „конечно, сюда, сюда". Вслѣдъ за нею мы вошли въ столовую, гдѣ былъ готовъ для насъ ужинъ...

Разумѣется, это прежде всего мелкая подробность изъ путевыхъ впечатлѣній, которую съ удовольствіемъ вспоминаешь. Но этой мелкой черточкѣ въ ходѣ моего разсказа слѣдуетъ придать болѣе серьезное значеніе, такъ какъ она является характерною для направленія Лѣснинскаго монастыря и его руководительницы: вниманіе къ людямъ, забота объ ихъ нуждахъ, а не аскетическая замкнутость—здѣсь занимаютъ первое мѣсто.

Эти основные взгляды на монашеское дѣланіе я слышалъ отъ м. Екатерины еще въ Вировской бесѣдѣ. Они придаютъ Лѣснинскому монастырю новый характеръ, отличный отъ традиціоннаго. Извѣстный проповѣдникъ архіеп. Амвросій говорилъ м. Екатеринѣ: „Вы основываете новый монастырь по новому уставу. Богъ васъ благословитъ". Новизна Лѣснинскаго устава въ рѣшительномъ предпочтеніи любви всѣмъ другимъ заповѣдямъ. Евангеліе въ любви, а монастыри должны жить по евангелію. „Типикона я терпѣть не могу", говоритъ м. Екатерина, разумѣя, конечно, не богослужебный строй типикона, такъ какъ богослуженіе въ Лѣснѣ совершается благолѣпно и уставно, а разумѣя особенную любовь къ типиконнымъ іотамъ, къ уставной казуистикѣ, поставленіе типиконной правды выше всего. Уставная строгость, по словамъ м. Екатерины—если она не является лицемѣрною внѣшностью, обыкновенно встрѣчается у неврастениковъ. Бываетъ нервный аскетизмъ,—аскетизмъ съ надрывомъ. Налагаетъ его на себя человѣкъ или подъ дѣйствіемъ какого-нибудь случая или подъ чьимъ-нибудь вліяніемъ. Убѣждается онъ или убѣждаютъ его въ спасительности аскетизма,—и ему нужно постоянно поддерживать въ себѣ это убѣжденіе, нужны для этого средства. Однимъ изъ такихъ средствъ и является типиконная буква. Это своего рода гипнозъ, и нельзя отрицать его психологическаго значенія. Но не слѣдуетъ пѣть ему гимны. Не слѣдуетъ налагать этого ига на всѣхъ, не должно имъ придушать живое дѣло. Это форма, которую можно терпѣть только при наличности живого содержанія, живого дѣла любви, и которая безъ этого условія легко обращается въ обманчивую внѣшность. У натуръ честныхъ и прямолинейныхъ, но не далекихъ по уму, система поклоновъ и вѣчно пустого желудка производитъ, прямо сказать, умопомраче-

ніе, которое ихъ дѣлаетъ никому и ни на что ненужными. М. Екатерина не только не слѣдитъ въ своемъ монастырѣ за строгимъ исполненіемъ аскетическаго устава, а даже сдерживаетъ ревность инокинь, когда это бываетъ нужно. О лицемѣріи въ ея монастырѣ не можетъ быть рѣчи, такъ какъ жизнь въ этой обители не представляетъ ничего привлекательнаго въ матеріальномъ отношеніи, напротивъ, на долю каждой сестры выпадаетъ слишкомъ много живого дѣла, которое могутъ безропотно вынести только любовь къ ближнему и вѣра въ Божію правду. Можно опасаться скорѣе другого—излишней ревности въ аскетическомъ подвижничествѣ. И за этимъ слѣдитъ игуменія. Она запрещаетъ постническое изнуреніе тѣмъ сестрамъ, которымъ это угрожаетъ болѣзненностью, отвлекающею отъ дѣла. Такимъ образомъ, нѣкоторыя сестры, въ качествѣ послушанія, пользуются мяснымъ столомъ. Здѣсь смотрятъ на жизнь какъ на Божій капиталъ, который долженъ приносить пользу, а не лежать зарытымъ въ землѣ. Охраняютъ жизнь и ухаживаютъ за нею, чтобы она сіяла добрыми дѣлами. Смотрятъ на здоровье съ точки зрѣнія пользы ближняго. Знаютъ только одну жертву—на благо людей, знаютъ только одно служеніе—служеніе Богу въ ближнихъ. Съ полнымъ и яснымъ сознаніемъ м. Екатерина выставляетъ это знамя на своемъ монастырѣ; она подбираетъ инокинь своей обители исключительно съ этой точки зрѣнія, она хочетъ управлять лишь подвижницами любви, она цѣнитъ въ своихъ монахиняхъ лишь одну работоспособность—въ служеніи ближнимъ. Она не принимаетъ къ себѣ или удаляетъ отъ себя не только тѣхъ, которыя монашескою рясою прикрываютъ наклонность къ тунеядству и лѣность, но и истинныхъ, заслуживающихъ полнаго уваженія подвижницъ, если только въ нихъ нѣтъ убѣжденія, что типиконъ—дѣло второстепенное. А крайности аскетическаго направленія вызываютъ въ ней негодованіе. „Не моются для Бога! Да развѣ Богу нужна наша грязь? Богъ есть Богъ чистоты и свѣта, а не Богъ грязи. Уже съ чисто философской точки зрѣнія, грязь это—тлѣніе, а тлѣніе—область сатаны, а не область Божія“. Нѣтъ, этого мало—признать служеніе любви, служеніе ближнимъ подѣліемъ. Мало считать его дѣломъ наряду съ другими дѣлами. Оно можетъ

быть истиннымъ дѣломъ лишь тогда, когда ставится на первомъ мѣстѣ, когда ставится выше всего, когда считается единымъ на потребу. М. Екатерина не хочетъ допустить, чтобы фанатики аскетизма имѣли любовь. „Ихъ сердце исполнено ненавистью. Повѣрьте, они способны призвать народъ къ рѣзнѣ... Я была у одного изъ „вашихъ" подвижниковъ. Когда онъ узналъ во мнѣ игуменію того монастыря, въ которомъ ѣдятъ скоромное и въ которомъ воспитываются дѣти, онъ застучалъ на меня ногами, закричалъ, забранился. „Такой монастырь, говорилъ онъ, нужно проклясть. Не монастырь—тотъ, гдѣ ѣдятъ скоромное. Не свято то мѣсто, гдѣ есть дѣти. Младенцы—чертенята"... Боже мой, Боже! воскликала м. Екатерина,—дѣти, которымъ Господь обѣтовалъ царствіе Божіе, которыхъ Онъ съ любовью и нѣжностью благословлялъ, которымъ мы должны уподобиться, чтобы войти въ царство небесное, дѣти обзываются чертенятами! Да это не только не евангельское христіанство, это хуже язычества, это отрицаніе всякой религіи и морали. Евангеліе не проклинаетъ міра, какъ творенія Божія, не проклинаетъ всего, что въ немъ естественно и законно, не хочетъ на все набросить черное покрывало, не хочетъ всѣхъ облечь въ черную рясу. Изъ міра появляются дѣти Божіи,—и дѣти міра становятся дѣтьми Божіими, переживая сначала мірское. Ближе къ евангелію сказавшій: „блаженъ, кто въ молодости былъ молодъ", чѣмъ фанатики аскетизма, служители тлѣнія и грязи. Скорѣе придетъ ко Христу тотъ, кто любилъ въ мірѣ, кто жилъ его радостями и горями, чѣмъ тѣ, которые насильно заглушили въ себѣ все человѣческое. Они близки къ стѣнамъ царства Божія, но далеки отъ его дверей". Съ неменьшею опредѣленностью высказывается м. Екатерина и противъ другихъ сторонъ спеціальной техники монастырскаго душеспасенія, напр. откровенія помысловъ. Въ этомъ случаѣ она опирается на авторитетъ Іоанна Кронштадтскаго, который наставлялъ ее: „не заводи въ своемъ монастырѣ откровенія помысловъ. Это бѣда, бѣда". Этотъ совѣтъ встрѣтилъ воспріимчивую почву. М. Екатерина противъ того, чтобы монахъ копался въ своей душѣ! Побольше дѣла, и поменьше самолюбованія, возьни съ собой. По дѣламъ нужно узнавать не только другого, но и себя. Ни къ чему такъ не склоненъ человѣкъ, какъ къ самолюбованію. М. Екатерина

припоминаетъ слова И. С. Тургенева: „о всемъ человѣкъ можетъ говорить съ удовольствіемъ, съ восторгомъ, но съ аппетитомъ только о себѣ". Откровеніе помысловъ сводится обыкновенно къ самовыхваленію, къ самооправданію. „Подозрительна мнѣ любовь къ частой исповѣди... Не одобряю я записыванія грѣховъ... Желательна исповѣдь открытая и краткая".

Сама м. Екатерина (въ мірѣ графиня Евгенія Борисовна Ефимовская) приняла монашество на тридцать пятомъ году. До того времени она много пережила и много передумала. Начать съ того, что она росла слабымъ, болѣзненнымъ ребенкомъ. Дѣтская фантазія рисовала заманчивые образы здоровой жизни, крѣпкаго организма. Краски для работы фантазіи брались изъ дѣтскихъ учебниковъ. „Я буду спартанкою": таковъ былъ первый идеалъ будущей христіанской подвижницы. Въ семьѣ, подъ надзоромъ матери, нянекъ и боннъ было трудно осуществить этотъ идеалъ. Но съ 21 года мечты становятся дѣйствительностью: молодая мечтательница спитъ при открытомъ окнѣ даже въ холодную погоду. Жесткая постель. Холодныя обмыванія. Умѣренный столъ. Этотъ суровый режимъ входитъ въ привычку, закаляетъ организмъ, укрѣпляетъ волю.

Первоначальное образованіе впослѣдствіи дополняется самообразованіемъ. Не систематическимъ, педантическимъ прохожденіемъ курсовъ, а порывистымъ устремленіемъ въ ту или другую область. Переживается послѣдовательно рядъ увлеченій въ погонѣ за истиной и красотой. Душа не знаетъ половиннаго дѣла; всему отдается всецѣло, ищетъ своего призванія, которое поглотило бы всѣ ея силы, стало бы для нея религіей. Увлекается Евгенія Борисовна ваяніемъ, нѣмецкими поэтами, театромъ. Въ періодъ увлеченія театромъ, мечтаетъ поступить на сцену. Беретъ уроки итальянскаго языка у пѣвца-итальянца,—и въ 6 недѣль овладѣваетъ этимъ языкомъ. Слѣды эстетическаго воспитанія доселѣ замѣтны въ христіанскомъ воззрѣніи м. Екатерины. Болѣе глубоко и продолжительно увлекалась Евгенія Борисовна литературой. Нѣкоторое время она и духовно и матеріально жила литературными трудами. На этой почвѣ она имѣла много знакомствъ—съ Тургеневымъ, Е. Туръ, Маркевичемъ, Аксаковыми. Съ И. С. Тургеневымъ она познакомилась въ Парижѣ. Читала ему

свои литературныя произведенія, слушала его замѣчанія и сужденія; бесѣды съ нимъ выступали и за предѣлы собственно литературныхъ интересовъ.

Мнѣ бы хотѣлось представить себѣ, въ какомъ направленіи вліялъ И. С. Тургеневъ на Евгенію Борисовну... Я перечиталъ страницы изъ сочиненій его, относящихся ко времени знакомства съ нимъ Евгеніи Борисовны. Къ этому времени принадлежитъ его стихотвореніе въ прозѣ „Нимфы". Кто не знаетъ этихъ чудныхъ строкъ?.. „По всему широкому полукружію зеленыхъ горъ прокатился дружный хохотъ, поднялся радостный говоръ и плескъ. Панъ воскресъ! шумѣли молодые голоса. Все тамъ, впереди, внезапно засмѣялось, ярче солнца въ вышинѣ, игривѣе ручьевъ, болтавшихъ подъ травою. Послышался торопливый топотъ легкихъ шаговъ, сквозь зеленую чащу замелькала мраморная бѣлизна волнистыхъ туникъ, живая алость обнаженныхъ тѣлъ... То нимфы, нимфы, дріады, вакханки бѣжали съ высотъ въ равнину... Онѣ разомъ показались по всѣмъ опушкамъ. Локоны вьются по божественнымъ головамъ, стройныя руки поднимаютъ вѣнки и тимпаны—и смѣхъ, сверкающій, олимпійскій смѣхъ, бѣжитъ и катится вмѣстѣ съ ними... Впереди несется богиня. Она выше и прекраснѣе всѣхъ, — колчанъ за плечами, въ рукахъ лукъ, на поднятыхъ кудряхъ серебристый серпъ луны... Это Діана. Но вдругъ богиня остановилась... и тотчасъ вслѣдъ за нею остановились всѣ нимфы. Звонкій смѣхъ замеръ. Я видѣлъ, какъ лицо внезапно онѣмѣвшей богини покрылось смертельной блѣдностью; я видѣлъ, какъ окаменѣли ея ноги; какъ невыразимый ужасъ разверзъ ея уста, расширилъ глаза, устремленные вдаль... Что она увидѣла? Куда глядѣла она? Я обернулся въ ту сторону, куда она глядѣла... На самомъ краю неба, за низкой чертою полей, горѣлъ огненной точкой золотой крестъ на бѣлой колокольнѣ христіанской церкви... Этотъ крестъ увидала богиня. Я слышалъ за собою неровный, длинный вздохъ, подобный трепетанію лопнувшей струны, — и когда я обернулся снова, уже отъ нимфъ не осталось и слѣда"...

Трудно указать другой, столь же прекрасный и сильный образъ отношенія христіанства къ язычеству. Эта проблема несомнѣнно предносилась великому уму Тургенева.

Болѣе продолжительно было сближеніе Евгеніи Борисовны

съ семьей Аксаковыхъ, — и вліяніе съ этой стороны было несомнѣнно болѣе опредѣленнымъ и болѣе прочнымъ. Вліяніе славянофильства съ его вѣрою въ особое призваніе русскаго народа. „Исторія русскаго народа есть единственная во всемъ мірѣ,—исторія народа христіанскаго не только по исповѣданію, но по жизни своей, по крайней мѣрѣ, по стремленію своей жизни... Русская исторія, въ сравненіи съ исторіей Запада Европы, отличается такою простотою, что приведетъ въ отчаяніе человѣка, привыкшаго къ театральнымъ выходкамъ. Русскій народъ не любитъ становиться въ красивыя позы; въ его исторіи вы не встрѣтите ни одной фразы, ни одного красиваго эффекта, ни одного яркаго наряда, какими поражаетъ и увлекаетъ васъ исторія Запада; личность въ Русской исторіи играетъ вовсе не большую роль; принадлежность личности—необходимо гордость, а гордости и всей обольстительной красоты ея и нѣтъ у насъ. Нѣтъ рыцарства съ его кровавыми доблестями, ни безчеловѣчной религіозной пропаганды, ни крестовыхъ походовъ, ни вообще этого безпрестаннаго щегольскаго драматизма страстей. Русская исторія — явленіе совсѣмъ иное. Здѣсь другую задачу задалъ себѣ народъ на землѣ, христіанское ученіе глубоко легло въ основаніе его жизни. Отсюда, среди бурь и волненій, насъ посѣщавшихъ, эта молитвенная тишина и смиреніе, отсюда внутренняя духовная жизнь вѣры"...

Глубокая любовь къ своему народу внушена славянофилами м. Екатеринѣ, — и это вліяніе мы должны принять во вниманіе, если хотимъ вполнѣ понять ея столь новую для монастырскихъ традицій дѣятельность. Христіанская любовь для нея является не отвлеченнымъ понятіемъ, не мертвой заповѣдью, но живой силой, воплощенной въ любви къ народу. На сколько это важный моментъ въ христіанскомъ обликѣ Лѣснинской игуменіи, видно изъ того, что ей твердо хотѣлось принять монашество 19 февраля... И все-же не пришлось...

Практическимъ поборникомъ идеаловъ славянофильства въ узкой области отношеній къ дѣтямъ былъ С. А. Рачинскій — племянникъ поэта Баратынскаго и другъ славянофиловъ. Оставивъ профессорство въ университетѣ, онъ посвятилъ свою дѣятельность народной школѣ. Его взгляды на первоначальное обученіе народа имѣютъ характеръ строгой

систематичности. Русская школа должна быть своеобразна, какъ своеобразенъ русскій народъ. Какими же чертами опредѣляется образъ первоначальной русской школы? Прежде всего наша народная школа проявляетъ, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, рѣшительную тенденцію быть школой религіозной, церковной. Несмотря на то, что до введенія церковно-приходской школы позднѣйшаго типа наше духовенство относилось къ школамъ и къ законоучительству въ нихъ съ равнодушіемъ, вопреки тому, что интеллигенція шла въ народъ съ нигилистической пропагандой, народныя школы пріобрѣтали сами собою болѣе и болѣе церковный характеръ, отводя центральное мѣсто среди своихъ учебныхъ предметовъ Закону Божію. Этотъ религіозный, церковный характеръ, налагаемый на нашу школу силою вещей, обусловливаетъ другую ея рѣзкую особенность — учебную программу, отличающуюся отъ учебныхъ программъ всѣхъ школъ иноземныхъ. Въ программѣ русской школы должны занимать почетное мѣсто церковно-славянскій языкъ и церковное пѣніе. Изученіе церковно-славянскаго языка, составляя само по себѣ превосходную умственную гимнастику, должно придать жизнь и смыслъ изученію языка русскаго, придать незыблемую прочность пріобрѣтенной въ школѣ грамотности. Участіе въ церковномъ чтеніи и пѣніи откроетъ, далѣе, нашему народу широкіе горизонты религіозно-художественнаго развитія. Въ послѣдніе дни принято говорить о нуждѣ народнаго театра. Несомнѣнно, нужно развивать въ народѣ эстетическіе вкусы. Но не въ сферѣ отрѣшеннаго искусства нужно искать удовлетворенія эстетическихъ потребностей народа, а въ сферѣ его практическихъ нуждъ, въ сферѣ его обыденной жизни. Русскій народъ — народъ глубоко вѣрующій, и первая изъ его практическихъ потребностей, наряду съ удовлетвореніемъ нуждъ тѣлесныхъ, есть общеніе съ Божествомъ. Эта потребность, источникъ и условіе всякаго человѣческаго искусства, прежде всего должна быть удовлетворена и можетъ быть удовлетворена лишь при помощи искусства. Не театръ ему нуженъ, а церковь, достойная своего высокаго назначенія,—школа, раскрывающая предъ нимъ сокровища церкви. Мало—дать народу въ сценическихъ представленіяхъ художественныя впечатлѣнія, нужно возбудить его умственную и художественную дѣя-

тельность. Такой именно дѣятельности открываетъ широкій просторъ наша церковь для всякаго человѣка, получившаго дѣйствительное, а не мнимое элементарное образованіе, возможное въ русской сельской школѣ. Эта дѣятельность заключается въ церковномъ чтеніи и пѣніи. Церковное чтеніе есть искусство, имѣющее свои преданія, свои неписанные законы, — искусство, требующее и природнаго таланта, и многолѣтняго упражненія,—искусство, которое можетъ быть доведено до высокой степени совершенства, самое популярное изъ искусствъ. Но еще болѣе широкій просторъ истинно народной художественной дѣятельности даетъ церковное пѣніе. Въ немъ можетъ участвовать всякій, кто обладаетъ хотя бы самыми ограниченными голосовыми средствами, хотя бы самою посредственною музыкальною способностью. Эти задатки, столь распространенные въ нашемъ народѣ, совершенно недостаточные для одиночной художественной дѣятельности, въ хоровомъ пѣніи пріобрѣтаютъ глубокій смыслъ, высокую цѣну, даютъ доступъ къ высшимъ сферамъ человѣческаго искусства. Вызывать и развивать эту дѣятельность значитъ идти навстрѣчу потребностямъ русскаго народа. Присмотритесь—глохнутъ и гаснутъ въ народѣ народная пѣсня, народная сказка, эти живучіе отголоски иной вѣры, иного міросозерцанія. Среди тягостнаго однообразія сѣрой, трудовой жизни, среди лжи и пошлости, вѣющей отъ полуобразованнаго слоя сельскаго населенія, гдѣ просвѣтъ для души нашего крестьянина, гдѣ отзывъ на тѣ стремленія, которыя лежатъ на днѣ этой души, составляютъ существеннѣйшую ея суть? Въ церковномъ праздникѣ, приносящемъ ему полуискаженный отголосокъ дивнаго древняго напѣва; въ баснословномъ, но согрѣтомъ вѣрою, разсказѣ темнаго странника, въ походѣ въ дальній монастырь, гдѣ его молитва обрѣтаетъ достойные ея звуки, въ чтеніи Священнаго Писанія или Житій Святыхъ. Школа должна дать русскому народу средства использовать всѣ эти сокровища духовной жизни. И если въ настоящее время, въ минуты пробужденія въ нашемъ народѣ сознательнаго христіанства, соперникомъ церкви является кабакъ; если пьяный разгулъ слишкомъ часто заглушаетъ въ немъ всякое движеніе духа; если въ этой борьбѣ не произойдетъ скорый и рѣшительный поворотъ,—то вѣчный позоръ всѣмъ намъ, людямъ до-

суга и достатка, мысли и знанія! Позоръ и проклятіе нашему мертвому образованію!...

Третья особенность нашихъ сельскихъ школъ (сѣверной полосы) обусловлена причинами чисто внѣшними, но имѣетъ на ея внутреннюю жизнь неизмѣримое вліяніе. Девять десятыхъ изъ учениковъ нашихъ сельскихъ школъ не ходятъ въ школу, а живутъ въ ней. Деревни наши такъ разбросаны, ученики наши такъ малы и такъ плохо одѣты, что лишь изъ одной, много двухъ, трехъ деревень они могутъ ходить ежедневно въ школу. Всѣ живущіе въ деревняхъ болѣе отдаленныхъ приходятъ на цѣлую недѣлю, съ запасомъ хлѣба, цѣлый день сидятъ въ школѣ... Это обстоятельство превращаетъ сельскую школу изъ учебнаго заведенія въ воспитательное. Школа захватываетъ всю жизнь ребенка, и становится великою силою, налагающею на него неизгладимую печать. Какую? Это зависитъ отъ духа школы, отъ ея организаціи, отъ лицъ, ею управляющихъ... Одно несомнѣнно, что людямъ досуга и достатка, мысли и знанія, недостаточно строить школьныя помѣщенія, снабжать ихъ пособіями, приставлять къ нимъ патентованныхъ учителей. Намъ самимъ нужно жить тою жизнью духовною и нравственною, которую мы хотимъ вдохнуть въ учениковъ нашихъ школъ...

Этому призыву С. А. Рачинскій самъ первый послѣдовалъ. Выстроивъ въ своемъ родовомъ Татевѣ превосходное школьное зданіе, С. А. „покинувъ всѣ свои привычки, все удобство и покой цивилизованной жизни въ кругу родныхъ, переселился изъ барскаго дома въ школу и началъ жить одною жизнью съ своими учениками“...

На тѣхъ, кто „учился“ у С. А. Рачинскаго школьному дѣлу, его образъ производилъ обаятельное впечатлѣніе. Одинъ изъ таковыхъ пишетъ: „Непобѣдимое увлеченіе Сергѣя Александровича, его вдохновенное учительство не могло не увлекать и насъ. Мы видѣли, что онъ трудится непрестанно круглый годъ, видѣли неугасающій огонь его самоотверженнаго служенія, и намъ ли было жалѣть себя?.. Между моими воспоминаніями о годахъ моего учительства въ Глуховѣ, объ этомъ соревнованіи въ неутомимости, воспоминаніе объ этомъ восторгѣ работы—одно изъ самыхъ дорогихъ“...

Графиня Е. Б. Ефимовская „подвизалась“ и „училась“ въ Татевѣ. И конечно, многому она здѣсь научилась. Церковный характеръ лѣснинскихъ школъ не есть только вывѣска, сдѣланная внѣшнею властью,—онъ служитъ выраженіемъ ея внутренняго убѣжденія. Наблюдая эти школы и, въ частности, внимая прекрасному церковному пѣнію, которымъ поистинѣ Лѣсна можетъ славиться, невольно припоминаешь школьные взгляды Татевскаго подвижника.

Этими указаніями я не думаю исчерпать всѣ вліянія, подъ которыми складывалась душа будущей игуменіи Лѣснинскаго монастыря, но, кажется, отмѣчены важнѣйшія изъ нихъ. Теперь попытаюсь набросать очеркъ внѣшнихъ событій ея жизни,—событій, которыми Промыслъ пріуготовлялъ ее для лѣснинскаго служенія.

Отецъ Е. Б. Ефимовской служилъ въ Смоленской губерніи по выборамъ и состоялъ 23 года предводителемъ дворянства Гжатскаго уѣзда. Когда его экономическое положеніе пошатнулось и наслѣдственное имѣніе Клементьево перешло въ казну, онъ поступилъ на государственную службу (въ Калишъ), что давало основанія зачислить на пенсію прежнюю службу по выборамъ. Онъ переселился на мѣсто новой службы, а семья его переѣхала въ Москву. Вскорѣ съ нимъ сдѣлался апоплексическій ударъ; мать, собравши, что было, уѣхала къ нему,—и Евгенія Борисовна съ сестрою остались въ Москвѣ предоставленныя себѣ и безъ средствъ. Нужно было стать на свои ноги и начать трудовую жизнь. И по природной энергіи и по развитію Е. Б. была къ этому вполнѣ подготовлена. Начальница Николаевскаго института предложила ей мѣсто учительницы французскаго языка, — предложеніе было принято. Впрочемъ, Е. Б. здѣсь пробыла недолго,—не болѣе года. Для нея были стѣснительны казенные шаблоны учебно-воспитательнаго дѣла и тяжела атмосфера чопорныхъ отношеній между собою служебнаго женскаго персонала. Между тѣмъ мать съ больнымъ отцомъ возвратилась въ Москву, послѣдовалъ второй ударъ и отецъ скончался. Е. Б. искала „своего“ дѣла, въ которомъ могла бы найти просторъ ея душа. По совѣту учителей Николаевскаго института, она открыла пансіонъ на двѣнадцать дѣвочекъ для приготовленія къ гимназіи. Здѣсь въ первый разъ нашли себѣ примѣненіе ея педагогическія наклонности и учебно-воспита-

тельные пріемы. Особое вниманіе обращалось на воспитаніе какъ нравственное, такъ и физическое. Практиковалось ежедневное обмываніе. Учебные труды съ Е. Б. раздѣляли ея сестра и одна наемная учительница. Широко поставленное дѣло въ матеріальномъ отношеніи не могло принести ничего, кромѣ убытка и долговъ. На четвертомъ году случилось обстоятельство, которое заставило прекратить это дѣло. Смѣнялась квартира для пансіона. Поздно ночью Е. Б. укладывала книги. Лампа стояла на полу. Погруженная въ работу, Е. Б. остановилась слишкомъ близко къ лампѣ: на ней вспыхнуло платье. Прибѣжавшая на крикъ горничная дѣвушка такъ потерялась, что не могла оказать никакой помощи. Напрасно Е. Б. кричала ей: „шубу, шубу". Та ничего не понимала. Объятая пламенемъ, Е. Б. вынуждена была, не теряя присутствія духа, сойти въ переднюю комнату, взять шубу и накрыться ею. Пламя было потушено, но ноги оказались страшно пострадавшими. Послѣдовали одиннадцать мѣсяцевъ тяжелыхъ страданій. Открывшіяся на ногахъ раны упорно не поддавались медицинскому уходу. Ноги свело. При первыхъ признакахъ выздоровленія больную перевезли въ деревню. „Я узнала—разсказываетъ м. Екатерина—всю прелесть деревенской тишины. Я будто просыпалась послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, проведенныхъ въ лихорадочной дѣятельности"... Съ теченіемъ времени отъ болѣзни не осталось слѣдовъ; но Е. Б. получила отвращеніе къ мясу и доселѣ не можетъ выносить запаха дыма.

Это несчастье случилось въ 77 году. Дѣло съ пансіономъ остановилось. Нужда заставляла искать новыхъ занятій. Слѣдуетъ замѣтить, что мать Е. Б. вторично вышла за мужъ. Е. Б. послѣдовательно приготовляетъ въ школу одного мальчика въ Саратовѣ, воспитываетъ двухъ сиротъ, брата и сестру, въ Петербургѣ, затѣмъ изъ Москвы сопровождаетъ одну больную дѣвицу заграницу—въ Ментону и Парижъ. При больной, кромѣ Е. Б., состоялъ русскій врачъ, получавшій 12.000 р. въ годъ, и дѣвушка для услугъ. Врачъ, наблюдая честное и безкорыстное отношеніе къ дѣлу Е. Б., не могъ скрыть своего удивленія и сказалъ ей: „Ваше мѣсто въ монастырѣ". Это первое въ жизни Е. Б. предуказаніе на ея позднѣйшую дѣятельность. Въ Парижѣ Е. Б. познакомилась съ И. С. Тургеневымъ... Когда затѣмъ Е. Б. снова по-

селилась въ Петербургѣ, занимаясь исключительно литературой, ей пришлось глубоко перечувствовать трагическое событіе 1881 года... Прежде, въ обществѣ студентовъ-товарищей своего брата, она близко ознакомилась съ либеральными теченіями русской мысли. Чернышевскій, Добролюбовъ, Писаревъ были близки ея думамъ. Печальное событіе 81 года произвело рѣзкую перемѣну въ ея симпатіяхъ... Черезъ нѣсколько времени она получила мѣсто въ Екатерининскомъ институтѣ. Но работала здѣсь недолго. При посредствѣ врача, съ которымъ она сопровождала за границу больную, она получила предложеніе отъ Преосвященнаго Іоанна завѣдывать младшими классами епархіальнаго училища, помѣщавшимися въ Великобудищскомъ монастырѣ, игуменія котораго была и начальницей училища. Въ стѣнахъ этой монастырской школы еще разъ и шире, чѣмъ прежде, развернулись педагогическія способности Ев. Б.,— и при томъ въ направленіи не только гуманитарномъ, но христіанско-гуманномъ. Доселѣ она съ содроганіемъ вспоминаетъ то, что встрѣтила въ этомъ училищѣ. Здѣсь неограниченно царила грязь; дѣти, можно сказать, были заброшены. И это было вполнѣ естественнымъ плодомъ односторонне-аскетическаго отношенія къ дѣтямъ и къ грязи. „Если, говоритъ м. Екатерина, дѣти признаются чертенятами, не радостью и украшеніемъ нашей жизни, не началомъ и ручательствомъ царства Божія, а помѣхой душеспасенія и напоминаніемъ о человѣческой грѣховности; если грязь считается даромъ отъ Бога и даромъ Богу; если изнуряютъ себя ради Бога; то какое же основаніе радостно и любовно ухаживать за дѣтьми, заботливо обмывать и кормить ихъ?“ И Евгенія Борисовна подняла рѣшительную борьбу съ этимъ царствомъ грязи. Встрѣчая недовѣріе капризамъ „графини“ и насмѣшки надъ новыми порядками, она принялась сама мыть дѣтямъ и вычесывать головы, пріучала ихъ къ опрятности, слѣдила за ними, какъ они встаютъ и какъ ложатся, слѣдила за приготовленіемъ стола. Приходилось бороться съ странными затрудненіями, встрѣчавшимися въ каждой мелочи. Подавали дѣвочкамъ на ночь воду для питья изъ нечистаго колодца, находившагося недалеко отъ дѣтскаго помѣщенія, хотя въ томъ же монастырѣ былъ хорошій колодезь, но на болѣе или ме-

нѣе значительномъ разстояніи отъ училища. Е. Б. неоднократно просила игуменью распорядиться по этому вопросу. Наконецъ ей передали отвѣтъ игумені: „у насъ нѣтъ лишнихъ рукъ и времени, чтобы носить воду издали; если хочешь, носи сама". И Е. Б. стала носить воду. И только эта мѣра подѣйствовала на игуменію. То же повторилось въ вопросѣ о платьяхъ ученическихъ. Онѣ ходили въ безобразныхъ лифчикахъ, которые кроились матерью казначеею соотвѣтственно монашескому идеалу: укорачивалась передняя сторона лифчиковъ и, напротивъ, удлиннялась спинка, такъ что всѣ дѣвочки выглядывали горбатыми. Избѣгали, видители, всякаго напоминанія о томъ, что дѣвочки будущія женщины. Пріучали ихъ,—дѣтей, дѣвочекъ — стоять выше щегольства. И когда Е. Б., возмущаясь въ своемъ эстетическомъ чувствѣ, стала хлопотать, ей отвѣтили: „доброе дѣло,—крой и шей сама". И она скроила и сшила по своему платьица 108 дѣвочкамъ. Другою стороною монастырской школы, обращавшею на себя невольное вниманіе свѣжаго человѣка, было мрачное отношеніе ученицъ и учительницъ къ монастырскому начальству. Игумені, среди которыхъ нерѣдкость такія, что едва могутъ подписать свое имя, въ школѣ не могутъ пользоваться авторитетомъ. Между тѣмъ монашествующее начальство настаиваетъ на авторитетѣ въ такихъ формахъ, которыя могутъ оскорблять человѣческое достоинство. Требуются низкіе поклоны, цѣлованіе руки: все это тяжело и оскорбительно, когда нѣтъ нравственнаго уваженія къ лицу, когда внутреннее достоинство не соотвѣтствуетъ внѣшней чести. Все это создавало мрачную атмосферу ханжества и мелочной борьбы. Для учительницъ былъ и непрерывнымъ предметомъ разговора и пробнымъ камнемъ ихъ гражданскаго мужества вопросъ о цѣлованіи руки. Встрѣчаясь съ подругами, каждая спѣшила заявить: „не поцѣловала". Нахожденіе училища въ монастырѣ рѣшительно деморализовало и учащихся и учащихъ. Е. Б. съ свойственной ей энергіей взялась за разрѣшеніе этого гордіева узла. Ей помогало крѣпнувшее въ ней за это время религіозное чувство. Сойдясь близко съ учительницами, встрѣтившими ее сначала недовѣрчиво, и съ ученицами, Е. Б. относилась сама и пріучала другихъ относиться почтительно къ монашествующимъ. Уже къ ея пріѣзду въ мо-

настырскомъ воздухѣ носился вопросъ: „поцѣлуетъ ли графиня руку игумени?“ И когда она почтительно поцѣловала руку игумени, у монастырскихъ сестеръ какъ гора съ плечъ свалилась. Примѣръ же ея благотворно подѣйствовалъ и на противную сторону. Репутація новоприбывшей окончательно утвердилась въ глазахъ инокинь, когда она сдѣлала земной поклонъ въ церкви матери казначеѣ, смертельно оскорбившейся за недовѣріе ея кроительному искусству...

Однако при такихъ условіяхъ дѣятельность, требовавшая громадной траты силъ и не дававшая соотвѣтствующихъ результатовъ, сталкивавшаяся на каждомъ шагу съ обидными затрудненіями, не могла долго продолжаться. Узкія полномочія слишкомъ не отвѣчали работоспособности.

Е. Б. переѣхала въ Москву, жила нѣкоторое время у матери. Затѣмъ въ пріютѣ А. Ѳ. Аксаковой замѣняла заболѣвшую надзирательницу. Къ этому времени относится ея сближеніе съ Аксаковыми. Въ Петербургѣ, по указанію графини Толстой, состоявшей членомъ Человѣколюбиваго Общества, Е. Б. принимала участіе въ благотворительной дѣятельности Общества. Потомъ она занималась въ Татевской школѣ подъ руководствомъ С. А. Рачинскаго, съ которымъ впослѣдствіи переписывалась. Мысль посвятить себя какому-нибудь дѣлу всецѣло, отдаться на служеніе ближнему безраздѣльно принимала болѣе и болѣе опредѣленныя черты: Е. Б. рѣшила идти въ монашество. „Иду въ монастырь“, говорила она близкимъ. Куда? спрашивали ее. „Куда Богъ укажетъ“... Въ это время архіеп. Леонтій выработалъ идею просвѣтительно-благотворительнаго монастыря въ цѣляхъ миссіонерскаго воздѣйствія на уніатовъ и упорствующихъ,—мѣстомъ для монастыря была намѣчена Лѣсна. Архіеп. Леонтій искалъ образованной и энергичной игумени, которая съумѣла бы облечь его идею въ плоть и кровь. „Улей есть, матки нѣтъ“, говаривалъ онъ. Ему указали на Е. Б. Послѣдовало предложеніе, которое и было принято съ восторгомъ.

Лѣсна обладаетъ святынею — иконою Божіей Матери. По преданію [1]), эта икона — явленная. Она обрѣтена пастухами

---

[1]) Подробности объ иконѣ и ея исторію см. въ „Сказаніи о лѣснинской чудотворной иконѣ Божіей Матери“ прот. Н. Страшкевича, Холмъ 1900 г.

лѣтъ 200 тому назадъ, именно въ 1683 году 14 сентября, на грушевомъ деревѣ. Икона была поставлена въ Буковичской православной церкви. Но вскорѣ, уже въ 1686 году, поляки „обманомъ и насиліемъ“ отняли икону у православныхъ и на мѣстѣ явленія иконы, въ Лѣснѣ, основали въ началѣ XVIII вѣка монастырь паулиновъ, надолго ставшій центромъ латинской пропаганды. Въ 1863 году паулины за участіе въ мятежѣ были удалены изъ монастыря, а въ 1875 году лѣснинскій костелъ былъ переданъ православному вѣдомству. Въ 1884 году разрѣшено было учредить въ Лѣснѣ, согласно мысли архіеп. Леонтія, православную Свято-Богородицкую женскую общину. 20 октября 1885 г. прибыла въ Лѣсну Е. Б. Ефимовская съ пятью сестрами и двумя дѣвочками. Сначала была основана только община, которою управляла Е. Б., еще не связанная иноческими обѣтами. Община преобразована въ общежительный монастырь 26-го августа 1889 года.

По характеру своей дѣятельности и общему строю Лѣснинскій монастырь то же, что́ Вировскій. Лѣсна, какъ и Вировъ, несетъ мѣстному неселенію духовное просвѣщеніе и медицинскую помощь. Лѣсна воспитываетъ 356 дѣтей—изъ нихъ 245 ученицъ девятилѣтней церковно-учительской школы, 23 ученицы ремесленной школы и 21 — сельско-хозяйственной, 67 малолѣтокъ, среди которыхъ 19 „ползунковъ“. Лѣснинская школа — цѣлая система послѣдовательныхъ школъ: школа грамоты съ 3 лѣтнимъ курсомъ, двухклассная съ пятью отдѣленіями, второклассная трехлѣтняя и церковно-учительская тоже трехлѣтняя. Три года школы грамоты соотвѣтствуютъ первымъ тремъ годамъ двухклассной школы; пройдя эти три класса, однѣ ученицы продолжаютъ въ двухъ старшихъ отдѣленіяхъ двухклассной школы, а другія — лучшія поступаютъ во второклассную школу. Эта послѣдняя выпускаетъ учительницъ для школъ грамоты, но лучшія ученицы продолжаютъ ученіе въ церковно-учительской школѣ, которая, такимъ образомъ, имѣетъ въ общемъ девятилѣтній курсъ, съ программою почти гимназическою, и приготовляетъ учительницъ для церковно-приходскихъ школъ. Ученицы низшихъ классовъ, обнаруживающія менѣе склонности къ теоретическому обученію, переводятся въ практическія школы сельско-хозяйственную и ремесленную. Младшіе

классы являются вмѣстѣ съ тѣмъ мѣстомъ практически-учительскихъ занятій ученицъ старшихъ церковно-учительскихъ классовъ. Едва-ли какой другой изъ нашихъ монастырей содержитъ въ своихъ стѣнахъ столько интеллигентныхъ инокинь, какъ лѣснинскій. Восемь учительницъ этого монастыря—всѣ свои. Получаемое ими жалованье идетъ всецѣло въ кассу монастыря и является единственнымъ денежнымъ пособіемъ отъ казны монастырю. Впрочемъ монастырь имѣетъ въ настоящее время до 370 десятинъ земли и ведетъ довольно широкое хозяйство, являющееся необходимымъ условіемъ существованія школъ сельско-хозяйственной и, отчасти, ремесленной. И всѣ ученицы, въ мѣру возможнаго, принимаютъ участіе въ хозяйственныхъ трудахъ. Другимъ видомъ благотворительной дѣятельности лѣснинскаго монастыря служитъ медицинская помощь окружающему населенію. Всѣмъ больничнымъ дѣломъ, и врачебнымъ и аптекарскимъ и фельдшерскимъ, завѣдываютъ сами сестры, никогда не обращающіяся къ содѣйствію врачей. Во главѣ этого дѣла стоитъ казначея монастыря, м. Нина. Монастырская больница, удовлетворяя собственнымъ нуждамъ монастыря, принимаетъ нѣсколько тысячъ въ годъ стороннихъ амбулаторныхъ больныхъ, которымъ безплатно выдаетъ и лѣкарство. Имѣется лазаретъ. Въ настоящее время выстроено и уже отдѣлывается внутри громадное зданіе лазарета, въ которомъ будетъ постоянныхъ 43 кровати—35 для монастырскихъ обительницъ, изъ нихъ 10 для заразныхъ больныхъ, и 8 кроватей для народа.

Мы начали осмотръ монастыря, утромъ слѣдующаго дня, съ сада и прудовъ. При своемъ основаніи монастырь былъ окруженъ болотомъ, которое приносило только вредъ и въ гигіеническомъ и въ экономическомъ отношеніи. Нужно было осушить его. Былъ приглашенъ инженеръ, который за „приличную плату“ устроилъ прудъ, не достигавшій однако своего назначенія. Пришлось исправлять и довершать это дѣло своими силами. За него взялась мать Нина...

Я долженъ сказать нѣсколько словъ объ этой помощницѣ и другѣ м. Екатерины. Мать Нина—это „миѳическое“ лицо въ лѣснинской обители. Какъ духовный строй обители есть всецѣло созданіе и дѣло м. Екатерины, такъ вся техника экономической и благотворительной жизни монастыря свя-

зана съ именемъ м. Нины. Ея всезнаніе, многосторонность дѣятельности и неисчерпаемость ея энергіи удивительны и даже граничатъ съ невѣроятностью. Начиная съ прудовъ, мы наблюдали связь ея имени со всѣми сторонами и со всѣми уголками монастыря. Въ немъ идутъ въ настоящее время большія постройки,—кромѣ уже готовой больницы, строится большая сельско-хозяйственная школа и производятся нѣкоторыя постройки на скотномъ дворѣ: мать Нина взяла на себя трудъ архитекторскій, включая сюда и составленіе плановъ и общее наблюденіе за исполненіемъ работъ. На ней лежитъ все больничное дѣло: она единственный врачъ и имѣетъ помощницъ лишь въ аптекарскихъ и фельдшерскихъ работахъ. Какъ казначея монастыря, она завѣдуетъ всей монастырской экономіей и всѣмъ хозяйствомъ. Когда она присоединилась къ намъ и мы побыли съ нею нѣсколько часовъ сряду, мы были изумлены количествомъ разнообразныхъ запросовъ, обращенныхъ къ ней, и данныхъ ею указаній и отвѣтовъ: къ ней шли и управляющій хозяйствомъ и завѣдующій скотнымъ дворомъ, она давала распоряженія и въ кухнѣ, и въ столовой, и на полѣ, и малярамъ. И все это съ такимъ авторитетомъ, съ такимъ знаніемъ дѣла и съ такимъ вниманіемъ къ каждой мелочи!

М. Нина (въ мірѣ Наталья Григорьевна Касаковская) много горя пережила въ своей молодости... Впрочемъ, я не уполномоченъ передавать то, что слышалъ отъ нея по этому предмету... Медицинскому дѣлу она научилась у своего брата-врача. Ушла въ монастырь противъ воли своего отца—послѣ того, какъ поставила на ноги всѣхъ братьевъ и сестеръ (она рано лишилась матери). Настроена мистически; ея душа возвышается до видѣній. Такъ она видѣла своего отца въ моментъ его смерти съ поразительною ясностью и съ подробностями, которыя впослѣдствіи подтвердились очевидцами. Уже одно это видѣніе держитъ ея душу въ постоянномъ религіозномъ настроеніи. Но ея душа горитъ и нѣжной дѣятельной любовью. Ея энергія поразительна особенно въ виду того обстоятельства, что она перенесла нѣсколько тяжелыхъ хирургическихъ операцій, вытерпѣла много физическихъ страданій и видѣла смерть на близкомъ разстояніи. Нынѣ она незамѣнимая помощница м. Екатерины, которая всецѣло предоставила ей всю техническую сторону

монастырской жизни. Но она не только ея помощница, она ея другъ въ самомъ высокомъ смыслѣ этого слова. Онѣ— мать и дочь. При работоспособности, превосходящей всякое вѣроятіе, м. Нина живетъ на лѣкарствахъ и нуждается въ постоянномъ вниманіи. Съ материнскою нѣжностью м. Екатерина напомнитъ ей принять капли, наброситъ на плечи въ нужную минуту шаль...

Онѣ говорятъ, что онѣ необходимы другъ другу,—и наблюдателю это кажется аксіомой. Онѣ вмѣстѣ думаютъ, вмѣстѣ чувствуютъ.

М. Нина устроила цѣлую систему прудовъ, соединенныхъ между собою и съ рѣчкою: вода въ нихъ постоянно проточная. Всѣ пруды скрываются въ обширномъ саду, который повсюду показываетъ слѣды внимательнаго ухода. Все это не только гигіенично и экономично, но и художественно-красиво. Работы землекопательныя и садовыя еще продолжаются.

Затѣмъ мы осматривали больницу и школы. Въ больницѣ застали м. Нину съ помощницами за приготовленіемъ лѣкарствъ, которыхъ дожидалось нѣсколько амбулаторныхъ больныхъ: пріемъ только-что окончился... Изъ больницы пошли въ новое зданіе лазарета, гдѣ идутъ послѣднія штукатурныя и малярныя работы. Планъ зданія созданъ съ знаніемъ больничнаго дѣла и съ любовью къ нему. Предвидена каждая мелочь. Обращено особое вниманіе на изоляцію заразныхъ больныхъ: для нихъ и особый ходъ и свое все нужное—аптечка, кухня... Между прочимъ въ устройствѣ больницы принята во вниманіе и мѣстная потребность: дѣти, вновь принимаемыя и возвращающіяся съ каникулъ, обычно страдаютъ накожными болѣзнями. Для такихъ больныхъ отдѣлены особыя палаты... Вообще громадный лазаретъ устроенъ богато. Есть операціонный кабинетъ и комната для приготовленія медицинскихъ травъ и пр. Но вниманіе посѣтителя-неспеціалиста преимущественно привлекаютъ къ себѣ мелочи, свидѣтельствующія о крайней заботливости завѣдующей постройками: напр., печамъ приданы пирамидальныя верхушки, чтобы не задерживали пыли; замазаны штукатуркой углы соединенія стѣнъ и половъ, такъ что отъ щетки не спасется въ углахъ пыль. И т. д. и т. д.

Большое школьное зданіе имѣетъ сложное внутреннее

устройство. Множество классныхъ комнатъ въ разныхъ отдѣленіяхъ школы, комнаты съ классными пособіями—библіотека, физическій кабинетъ, спальныя, умывальныя, помѣщенія для малолѣтокъ... Общее впечатлѣніе то же, что и въ Вировѣ. Разница развѣ та, что въ Лѣснѣ нынѣ обучаются только дѣвочки. Посѣтитель не можетъ не замѣтить здороваго вида дѣтей и ихъ непринужденнаго довѣрчиваго отношенія къ старшимъ. Легко предположить, что дѣти старшаго возраста обладаютъ достаточнымъ умственнымъ развитіемъ. Это не только видно изъ ихъ отвѣтовъ, но и изъ программы школы. Очевидно, въ жизнь края онѣ многое вынесутъ изъ своей alma mater. Нужно также упомянуть объ обычаѣ монастыря отпускать дѣтей на лѣтнія каникулы въ деревни—и не только къ роднымъ имѣющихъ родню, но и сиротъ къ тѣмъ, кто ихъ возьметъ. Такимъ образомъ, дѣти не порываютъ связи съ деревней, изъ которой взяты и въ которой будутъ жить. Монастырь готовитъ ихъ для народа. Готовитъ онъ ихъ съ миссіонерскою цѣлью и воспитаніе ихъ церковное, однако не односторонне-аскетическое... Всѣхъ дѣтей въ сборѣ (за исключеніемъ самыхъ маленькихъ) мы видѣли въ столовой. Тѣсно поставленные столы были, какъ пчелинымъ роемъ, обсажены дѣтворой, усердно работавшей за своими деревянными чашками. Когда мы вошли, было уже покончено съ перловымъ супомъ,—и дежурныя разносили тыкву съ молокомъ. Кушанья были приготовлены сытно и вкусно. Дѣти на посѣтителей не обращали вниманія, которое было достаточно поглощено однимъ дѣломъ.

Въ послѣобѣденное время мы наблюдали дѣтей въ полѣ, въ полуверстномъ разстояніи отъ монастыря, за уборкой картофеля. Работникъ дѣлалъ борозду сохой, къ которой было придѣлано зубчатое колесо, быстро вращавшееся перпендикулярно къ бороздѣ и разбрасывавшее вырываемый картофель. Дѣти, разставленныя на своихъ участкахъ, подбирали его. Работа шла оживленная. Стояла хорошая погода, ярко свѣтило вечернее солнце...

Возвращаясь съ поля, мы зашли въ хлѣбную. Здѣсь много работы: ежедневно выпекается муки на хлѣбъ до 20 пудовъ. Мы застали любопытную процедуру размѣшиванья тѣста: оно производится тутъ посредствомъ соотвѣтствующаго при-

способленія, которое приводится въ движеніе лошадью, медленно кружащеюся предъ окномъ хлѣбной...

Но не это хитрое приспособленіе дѣлаетъ примѣчательнымъ помѣщеніе хлѣбной. Это зданіе, въ которомъ кромѣ хлѣбной находится еще прачешная, оказало первое гостепріимство въ Лѣснѣ новоприбывшей м. Екатеринѣ, тогда еще носившей мірское имя. Нужно лишь взглянуть теперь на это зданіе, чтобы ясно представить себѣ обстановку, въ которой было начато лѣснинское дѣло. Неоднократно съ того времени ремонтированное, зданіе имѣетъ мрачный и жалкій видъ; даже въ качествѣ помѣщенія для хлѣбной и прачешной, оно нынѣ терпится по крайней нуждѣ. Каково же оно было въ то время, когда въ Лѣсну прибыла основательница монастыря? Въ немъ прежде помѣщалось гминное управленіе. Низкіе потолки съ угрожающими балками, окна, едва поднимающіяся надъ уровнемъ земли и украшенныя желѣзными рѣшетками, земляной полъ, сырой воздухъ... По своей привычкѣ м. Екатерина спала съ открытыми окнами, чрезъ которыя набирались въ комнату лягушки... Бѣдность ужасная... Предъ отъѣздомъ въ Лѣсну, Евгенія Борисовна побывала у К. П. Побѣдоносцева, который принялъ ее съ обычною любезностью и съ отмѣннымъ вниманіемъ къ ея планамъ. Когда же она завела рѣчь о матеріальной помощи этому дѣлу, Г. Оберъ-Прокуроръ поспѣшилъ ее успокоить знаменательными словами: „Работайте. Если дѣло будетъ, будутъ и средства". Т. е.—комментировала со вздохомъ м. Екатерина—сначала сдѣлайте дѣло, а потомъ дадимъ средства... И въ этой нищетѣ приходилось работать не одну работу, приходилось дѣлать множество дѣлъ и всюду поспѣвать. Устраивая обитель, ведя обширную переписку, создавая планы построекъ и учебно-воспитательнаго дѣла, Евгенія Борисовна сама носила дрова и воду, сама ухаживала за первой купленной коровой и—сверхъ всего—„отправляла обязанности" псаломщика. А эти обязанности были нелегки. О. Софроновичъ былъ строгій старикъ, любитель устава, вспыльчивый. Службы начинались рано и были продолжительны. Приходилось даже вести церковное письмоводство, имѣть дѣло съ консисторіей. Не обходилось безъ добровольнаго соглядатайства со стороны „нѣкихъ отъ Іакова".

„А тѣ пять сестеръ, которыя прибыли съ Вами, были Вашими дѣятельными помощницами?“ спросилъ я м. Екатерину.

— Онѣ очень скоро покинули меня. Одна вышла замужъ, а остальныя не выказали расположенія къ новому дѣлу. Была среди нихъ одна обычнаго типиконнаго настроенія: блюла строгую букву устава, который не мѣшалъ ей любить покушать, и ничего не дѣлала...

Были еще враги у возникавшей общины. Гдѣ сейчасъ находятся служебныя монастырскія постройки, была католическая деревушка. Крестьяне-католики, озлобленные, вредили новоприбывшимъ всѣми законными и незаконными путями, особенно же досаждали воровствомъ... Долго м. Екатерина хлопотала, пока добилась, чтобы ихъ выселили на отведенный имъ надѣлъ земли.

Это, конечно, слишкомъ неполное описаніе того подвига христіанской любви, какой подняла на себя игуменія Лѣснинскаго монастыря. И однако же легко по этимъ штрихамъ возсоздать картину начальныхъ дней Лѣснинской общины. Можно понять, что представшая работа потребовала отъ м. Екатерины напряженія всѣхъ силъ и давала ей полное нравственное удовлетвореніе. Она почувствовала, что дѣлала теперь настоящее, нужное дѣло, и ей казалось, что „всю предшествующую жизнь она жила только наканунѣ“.

Многое сдѣлано Лѣснинскою игуменіею за годы, проведенные ею въ своемъ монастырѣ. Въ настоящее время около нея болѣе 200 помощницъ, среди которыхъ много интеллигентныхъ. Тяжелые годы непрерывнаго напряженнаго труда, повидимому, не оставили слѣдовъ на ней. Ей нынѣ уже болѣе 50 лѣтъ, но ея бодрость и подвижность необычайны. Сколько мы исходили съ нею въ длинный день по саду, полю, постройкамъ и жилымъ помѣщеніямъ съ постоянными лѣстницами—и всюду едва поспѣвали за нею. Не менѣе физической энергіи сохранилось въ м. Екатеринѣ душевной живости и радости. Бесѣдовать съ нею—истинное наслажденіе. Разсказывая всю свою долгую жизнь, все перенесенное ею, все снова переживая въ памяти, она невольно и въ выраженіи лица, и въ звукѣ голоса, и въ словахъ открывала такое сердечное участіе ко всѣмъ людямъ, съ которыми ей приходилось сталкиваться, что нельзя было не чувство-

вать всей глубины ея сердечной жизни. Любитъ м. Екатерина поговорить и по богословскимъ вопросамъ... Столь же интересно было бесѣдовать и съ м. Ниною и съ сестрами, завѣдующими школой. Все это люди, которые много передумали,—и каждая изъ нихъ за свою вѣру готова положить душу. Это создаетъ любопытную атмосферу живыхъ думъ, живого дѣла, которая столь отлична отъ среды мертвыхъ книгъ и чужихъ словъ. Здѣсь думаютъ по своему, думаютъ свою думу, думаютъ головой и сердцемъ. М. Екатерина собрала ихъ вокругъ себя и дала имъ дѣло. И сколько повсюду скрывается такихъ людей, которые только ждутъ, чтобы началось гдѣ-нибудь живое дѣло, жаждутъ примкнуть къ доброму началу.

Личность м. Екатерины кладетъ свой отпечатокъ на все. Даже храмы свидѣтельствуютъ о ея духѣ, о ея непрестанныхъ порывахъ къ свѣту и любви. Такъ карнизъ церкви во имя св. Софіи, при монастырской трапезной, украшается евангельскою надписью, которая начинается въ алтарѣ, обходитъ всю церковь и возвращается въ алтарь: „Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга: якоже возлюбихъ вы, да и вы любите себе. О семъ разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою. Больши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя". Миніатюрная церковка во имя мучениковъ уніи, Антонія, Іоанна и Евстафія, это храмъ свѣта. Евангеліе въ рукахъ Спасителя, по правую сторону алтаря, открыто на словахъ: „Азъ есмь свѣтъ міру". Эта икона Спасителя, а равно и всѣ иконы, составляющія алтарную преграду, рисованы на стеклѣ и освѣщаются днемъ алтарными окнами, а ночью лампадками, поставленными такъ, что получается тотъ же свѣтовой эффектъ... Церковь въ честь Воскресенія бросается въ глаза своеобразнымъ устройствомъ: это только алтарь съ клиросами, поставленный на высокій склепъ. Все небольшое деревянное зданіе въ русскомъ стилѣ,—украшено узорнымъ куполомъ, и вся церковка цвѣтная. Съ большой площади предъ этою церковью-алтаремъ къ ней ведутъ три лѣстницы—средняя священнослужительская, а двѣ боковыя назначены для причастниковъ, которыхъ по большимъ монастырскимъ праздникамъ бываетъ нѣсколько тысячъ: они поднимаются по одной лѣстницѣ и сходятъ по другой. Церкви Троицкая

и Воздвиженская—старинные храмы. Изъ нихъ первая, небольшая, имѣетъ внутри колодезь, который, по преданію, образовался на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла груша съ иконой. Церковь по устройству простая, но смотрѣть въ широкій и глубокій колодезь, въ которомъ отражается куполъ храма, доставляетъ рѣдкое удовольствіе. Съ одной стороны этого храма находится пристройка съ резервуарами для воды изъ колодца и окнами, въ которыя при праздничномъ стеченіи народа отпускается вода желающимъ ее получить. Вода считается цѣлебною. Съ другой стороны пристроенъ рядъ изъ 8 будочекъ-исповѣдаленъ, къ которымъ народъ предъ причастіемъ подходитъ съ площади. Главный монастырскій храмъ Воздвиженскій, бывшій католическій костелъ, можетъ быть названъ великолѣпнымъ по оригинальному внутреннему устройству. Четырьмя колоннами онъ раздѣляется на три части—широкую среднюю и двѣ боковыя. Алтарь средней части поставленъ очень высоко и къ нему ведетъ широкая величественная лѣстница. Иконостасъ однако низкій и лѣснинская святыня, утвержденная высоко на задней алтарной стѣнѣ, видна изъ храма. Примѣчательно, что алтарь не доходитъ до задней стѣны и, отдѣляясь отъ нея пространствомъ около двухъ аршинъ, ограждается деревянною рѣшеткою. Это не замѣтно изъ храма, да и находясь въ алтарѣ не сразу замѣтишь, что нельзя подойти къ иконѣ. Но это пространство за алтаремъ имѣетъ видъ корридора, по которому народъ идетъ, чрезъ боковыя двери, и во время богослуженія, нисколько не нарушая его, даже незамѣтно. Икона между тѣмъ спускается внизъ и богомольцы, ползущіе обычно по этому корридору на колѣняхъ, прикладываются къ святынѣ. У входа, во всю ширину главной части храма, устроены хоры.

Хорошо въ Лѣснѣ поютъ. Мы были въ Софійской церкви у ранней литургіи. Но и помимо того мы слышали лѣснинское пѣніе—въ главномъ монастырскомъ храмѣ.

Прошелъ рано начавшійся день, богатый впечатлѣніями и многими думами. Утомились и сестры на своихъ обычныхъ тяжелыхъ работахъ... Величественный храмъ былъ скудно освѣщенъ нѣсколькими свѣчами съ хоръ, гдѣ помѣстились пѣвчія сестры. Внизу насъ было немного: м. Екатерина, м. Нина и мы двое—впереди задней правой колонны и нѣ-

сколько сестеръ у лѣвыхъ входныхъ дверей... Съ высоты неслись стройные звуки христіанской молитвы и наполняли темную громаду красиваго храма. Робкій восковой свѣтъ терялся въ густомъ мракѣ и сильные звуки одни овладѣвали всей душой. Въ этой молитвѣ слышалась громкая хвала Богу, даровавшему силы нести эти труды, и дрожали въ ней слезы людского горя, и звучала любовь, могучая и радостная, и сквозила нѣжная надежда, по временамъ переходившая въ нетерпѣливый призывъ грядущаго Господа. И когда раздались трогательныя слова пѣсни „Се женихъ грядетъ въ полунощи и блаженъ рабъ, егоже обрящетъ бдяща“, то почувствовалось, какъ умѣстны здѣсь эти слова,— и сердце усиленно билось отъ наплыва волненій, связанныхъ съ христіанскимъ вопросомъ. Время отъ времени тихій шопотъ м. Нины спрашивалъ: „Не правда ли, у насъ поютъ совсѣмъ, совсѣмъ иначе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ“? И было ясно, что поютъ здѣсь иначе потому, что чувствуютъ здѣсь по своему и живутъ не какъ вездѣ. И съ жадностью внималъ я молитвѣ. Хотѣлось проникнуть въ ея глубину и открыть по ней то, что лежитъ у этихъ труженицъ на самомъ днѣ ихъ сердца, что скрывается можетъ быть отъ ихъ собственной ясной мысли въ дали души... Я не понимаю технической красоты музыки и пѣнія и ихъ дѣйствіе на меня сказывается въ усиленномъ переживаніи собственныхъ мыслей и собственныхъ чувствъ, часто слишкомъ далекихъ отъ словъ автора и мыслей композитора... И въ тѣ незабвенныя минуты я думалъ свою думу. Я думалъ: почему въ этой молитвѣ не слышится вѣры, — той мощной и твердой вѣры, которая угрожала сокрушить міръ и побѣдить его зло? Сюда, въ этотъ уголокъ, доносятся волны мірскихъ бѣдъ и страданій. Немногія жертвы мірской жизни, которыя здѣсь выбрасываются на берегъ, поднимаются милосердными сестрами: онѣ обмываютъ раны несчастныхъ, кормятъ голодныхъ, выхаживаютъ бѣдныхъ дѣтей. Но отчего такъ грозны и несокрушимы волны этого мірского моря? отчего оно такъ необъятно, а этотъ „вертоградъ“ такъ малъ и такъ немощенъ? Почему кажется, что эти сестры вышли изъ пѣны людскихъ страданій, онѣ вырваны у Бога, какъ падучія звѣзды, силою горя и бѣдъ, онѣ сами подавлены этою силою?

Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ
Для міра печали и слезъ...

Она прекрасна — эта душа, прекрасна и божественна, но почему она—нѣжный цвѣтокъ на крѣпкомъ древѣ міра, почему она такъ страстно зоветъ грядущаго Жениха, почему она такъ рвется изъ міра, которому она чужда? Гдѣ та вѣра, которая сама вышла бы въ міръ и увидала его у своихъ ногъ, вышла бы въ міръ съ надеждою измѣнить его, съ сознаніемъ своей силы пересоздать міръ, затопить своею любовью всю поверхность земли? Развѣ не въ этомъ единственно христіанство? Развѣ оно нынѣ только въ нѣжной женской душѣ и уже не имѣетъ мужской бодрости?..

Описанныя мною въ предшествующихъ очеркахъ христіанскіе дѣятели развиваютъ дѣятельность, имѣющую видъ личнохристіанской благотворительности, подвига служенія ближнему, принесенія личной жизни на алтарь человѣческихъ страданій и нуждъ. Далѣе, съ слѣдующаго очерка, я опишу другой видъ христіанской жизни и дѣятельности—устроеніе живой христіанской общины, общежитіе людей, ищущихъ правды.

Въ описаніяхъ перваго типа христіанской дѣятельности я ограничиваюсь изображенными выше лицами и учрежденіями, потому что считаю достаточно обрисовавшимся этотъ типъ въ его наиболѣе яркихъ представителяхъ, но это не значитъ, что этими немногими представителями исчерпывается дѣйствительное число дѣлателей этого вида. Я хочу указать читателямъ, *какіе* бываютъ живые люди, совершающіе и въ наши дни свои тихіе подвиги, но я не беру на себя задачи перечислить всѣхъ, *сколько* такихъ дѣятелей знаетъ сама дѣйствительность. Ихъ больше, гораздо больше, чѣмъ сколько названо выше. Говорю это не въ смыслѣ безпочвеннаго предположенія, а на основаніи имѣющихся въ моемъ распоряженіи свѣдѣній.

Такъ я могъ бы указать на Пюхтицкій Успенскій женскій монастырь [1]). Онъ находится въ Эстляндской губ., Ве-

---

[1]) Краткія свѣдѣнія въ Церк. Вѣд. 1893 г. № 17 и 1901 г. № 43; подробныя въ брош. *Сказаніе о почитаемой чудотворной Пюхтицкой иконѣ Успенія Божіей Матери.* Ревель 1902 (на рус. и эстонскомъ язы-

зенбергскомъ уѣздѣ, верстахъ въ 25 отъ станціи Іевве Балтійской ж. д., въ двухъ верстахъ отъ деревушки Пюхтица, на Богородицкой горѣ; существуетъ съ 15 августа 1891 года. При монастырѣ находятся: Пюхтицкое двухклассное приходское училище съ интернатомъ; Овсовская вспомогательная школа; безплатная народная библіотека; пріютъ, въ которомъ за отчетный годъ 1 августа 1903 г. — 1 августа 1904 года находилось 18 дѣвочекъ въ возрастѣ отъ 7 до 15 лѣтъ; больница и лазаретъ. Близкое участіе въ благотворительныхъ учрежденіяхъ монастыря принимаетъ княгиня Е. Д. Шаховская, супруга бывшаго эстляндскаго губернатора кн. С. В. Шаховскаго, погребеннаго въ монастырѣ...

Я могъ бы назвать далѣе Переславскій Ѳедоровскій монастырь [1]), существующій съ XVI столѣтія, а какъ женскій съ 1667 года; находится верстахъ въ 4 отъ Переславля, на берегу озера. Благотворительно-трудовая дѣятельность монастыря особенно развилась при нынѣ управляющей монастыремъ игуменіи Евгеніи (съ 1875 года). При монастырѣ (и его трехъ пустынкахъ) находятся 4 церковно-приходскія школы и воспитываются нѣсколько маленькихъ безпріютныхъ сиротъ дѣвочекъ. Монастырь славится рукодѣліями. Монастырскія сестры—а ихъ до 400—ткутъ полотна, выдѣлываютъ половики и ковры, шьютъ гладью и золотомъ, вышиваютъ хоругви и иконы, дѣлаютъ всевозможные цвѣты и модели, шьютъ ризы, бѣлье и обувь, дѣлаютъ мыло, вырабатываютъ кирпичи и горшки разныхъ фасоновъ, сами составляютъ краски, красятъ и бѣлятъ, книги переплетаютъ; не желающія заниматься рукодѣліемъ сестры исполняютъ для монастыря земледѣльческія работы. Монастырь поражаетъ посѣтителя работоспособностью и неутомимостью сестеръ.

Я могъ бы назвать Печенгскій монастырь Архангельской губерніи, на Мурманскомъ берегу. Это монастырь въ высшей степени примѣчательный. Не знаю, существуютъ ли о немъ печатныя свѣдѣнія. Основанный въ тяжелыхъ климатиче-

---

кахъ). Я имѣлъ подъ руками также Отчеты Іевенскаго отдѣленія Прибалтійскаго Православнаго Братства за нѣсколько лѣтъ, кончая отчетомъ за время съ 1 августа 1903 г. по 1 августа 1904 года.

[1]) См. брош. Протоіерея А. Свирѣлина *Переславскій Ѳедоровскій женскій монастырь*. Владим. 1903 г.

скихъ условіяхъ, монастырь, подъ руководствомъ энергичнаго архимандрита, развернулъ довольно широкую культурную дѣятельность, приходя съ этой стороны на помощь мѣстному населенію. Монастырь, напримѣръ, видя безысходную нужду какого-нибудь жалкаго лопаря, даетъ ему корову, которая и остается у него до того времени, пока она съ голоду и холоду не сдѣлается безполезною, тогда монастырь отбираетъ ее, снова выхаживаетъ...

Можно было бы назвать и многихъ одиночекъ. Напр. извѣстная сестра Варвара [1]). Потерявъ двухъ мужей, она жила въ Кіевскомъ Покровскомъ монастырѣ подъ руководствомъ Великой Княгини, затѣмъ работала въ Петербургскомъ Обществѣ ревнителей „Вѣры и Милосердія“, наконецъ въ 1897 году поселилась въ деревнѣ Любани Новгор. губ. и посвятила себя на службу босякамъ, которыхъ выбрасываетъ въ обиліи Петербургъ. Она открыла для нихъ даровую столовую, помогаетъ имъ платьемъ и обувью, лѣчитъ больныхъ, утѣшаетъ кающихся у подножія креста, читаетъ имъ евангеліе, бесѣдуетъ съ ними, устраиваетъ общія молитвы съ пѣніемъ. Она глубоко чувствуетъ бѣдственное положеніе этихъ людей съ „проходнымъ билетомъ“, выброшенныхъ изъ Петербурга и не терпимыхъ въ деревнѣ. „Эти несчастные, говоритъ она, отверженные люди — для всѣхъ лишніе, они всѣмъ мѣшаютъ. У нихъ есть только одинъ выходъ изъ этого положенія — попасть въ каторгу... Такъ неужели мы должны навсегда отвернуться отъ этихъ горемыкъ? Неужели мы должны забыть, что и они носятъ образъ Божій? Развѣ нѣтъ у нихъ сердца, души и чувства? развѣ глаза ихъ не плачутъ? развѣ тѣло ихъ не страдаетъ отъ холода и желудокъ не проситъ пищи?.. А какіе они жалкіе, грязные, иззябшіе, голодные, несчастные. Зимой подойдутъ къ двери, жмутся, вздрагиваютъ въ своихъ лохмотьяхъ, переступаютъ съ ноги на ногу въ опоркахъ, въ рваныхъ валенкахъ, въ башмакахъ, въ лаптяхъ... О, Боже мой, думаешь, вѣдь это же люди, люди! Вѣдь Ты ихъ всѣхъ одинаково искупилъ своимъ страданіемъ,—какъ я осмѣлюсь судить ихъ бѣдныхъ? Вѣдь это Твои „малые“, которые и просятъ-то такъ немного... Въ это время, кажется, чего бы имъ не отдала“...

---

[1]) О ней напр. Душ. Чт. 1901, I, 361 слѣд.

Много приходится сестрѣ Варварѣ переживать угрожающихъ исторій съ этими босяками, которые не всегда бываютъ ласковы и нѣжны...

Изъ недалекаго прошлаго было бы преступленіе не вспомнить на этихъ страницахъ „святого“ доктора Гааза (1780—1853). Ему посвящена роскошно изданная и художественно составленная книга А. Ѳ. Кони... Этотъ иностранецъ, пріѣхавъ въ молодости въ Россію, навсегда остался въ ней и посвятилъ всего себя мученикамъ русской тюрьмы. Онъ старался облегчить имъ жизнь, удалить отъ нихъ ненужныя страданія, уменьшить неизбѣжныя, принести возможное утѣшеніе преступникамъ, смягчить страданія больныхъ, возродить и поддержать въ каждомъ изъ нихъ *человѣка*. Что онъ дѣлалъ для борьбы съ жестокой заковкой пересыльныхъ, съ дурнымъ содержаніемъ тюремныхъ зданій и т. д. — все это трудно пересказать въ немногихъ строкахъ. Онъ работалъ неустанно, сносился съ сильными міра сего, падалъ предъ ними на колѣна, проливалъ слезы, вымаливалъ у богатыхъ, убѣждалъ, жаловался, угрожалъ, терпѣлъ обиды, оскорбленія... Посѣщая нѣсколько разъ каждую партію пересыльныхъ, онъ привозилъ имъ провизію, распрашивалъ ихъ о нуждахъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней узнавалъ каждаго изъ нихъ, при прощаніи цѣловался съ ними, провожалъ ихъ пѣшкомъ за нѣсколько верстъ отъ Москвы. Посѣщая больныхъ арестантовъ, онъ садился на край кровати больного, вступалъ съ нимъ въ бесѣду, нерѣдко цѣловалъ больныхъ, приносилъ имъ крендели и лакомства, на Пасху христосовался со всѣми. Онъ любилъ дѣлать пожертвованія на тюрьмы „отъ неизвѣстной благотворительной особы“, бѣднымъ больнымъ на дому вмѣстѣ съ рецептомъ раздавалъ кредитки. Отъ большого состоянія, которое онъ нажилъ въ первые годы своей врачебной практики въ Москвѣ, ко дню его смерти ничего не осталось и его пришлось хоронить на городской счетъ. „Самый вѣрный путь къ счастью, писалъ Гаазъ своему воспитаннику Норшину, не въ желаніи быть счастливымъ, а въ томъ, чтобы дѣлать другихъ счастливыми. Для этого нужно внимать нуждамъ людей, заботиться о нихъ, не бояться труда, помогая имъ совѣтомъ и дѣломъ, словомъ, *любить* ихъ, при чемъ, чѣмъ чаще проявлять эту любовь, тѣмъ сильнѣе она будетъ становиться, подобно тому, какъ

сила магнита сохраняется и увеличивается отъ того, что онъ непрерывно находится въ дѣйствіи". По такому правилу жилъ самъ Гаазъ.

Предо мною встаетъ цѣлый рядъ дѣятелей въ этомъ родѣ. Въ этой галлереѣ живыхъ душъ встрѣчаются имена изъ всѣхъ слоевъ общества и положенія — и титулованныя особы, и купцы, и сельскія учительницы и семинаристъ-учитель...

Думаю, что изъ представленныхъ описаній, которыми я ограничился, для читателя ясно, что такое живая душа. Живыя души—носители христіанской любви. Чтобы достигнуть *жизни* на этомъ пути, нужно отдаться любви всецѣло, не оглядываясь назадъ, нужно видѣть счастье въ дѣлахъ любви, нужно, чтобы любовь къ ближнему вдохновляла человѣка, окрыляла его. Кто считаетъ добрыя дѣла ариѳметически, кто говоритъ: вотъ это отдамъ, а это себѣ,—кто оцѣниваетъ доброе дѣло юридически и ждетъ за него награды, тотъ не понимаетъ, что значитъ жить любовью. Христіанская любовь не понятна въ качествѣ долга, обязательства,—она понятна лишь въ качествѣ вдохновенія. Долгъ для раба, а въ царствѣ Христа—свободные. Вдохновеніе любви даетъ всецѣлую и достаточную награду ея носителямъ...

Я соглашаюсь съ тѣмъ, что устроительницы Лѣсны и Вирова, докторъ Гаазъ, сестра Варвара—наиболѣе яркіе носители живой жизни, дающіе возможность обрисовать ихъ дѣятельность выразительно и наглядно, указать на нее какъ на фактъ нашей жизни, что ими не ограничивается число живыхъ людей. Можно не имѣть такихъ громкихъ дѣлъ, можно дѣйствовать въ болѣе скромной обстановкѣ и все-же жить дѣйствительною жизнью. Можно всю душу свою вложить въ скромное занятіе сельскаго учителя, сестры милосердія,—и жить такъ же полно, какъ докторъ Гаазъ, или сестра Анна... Но я настаиваю на томъ, что дѣйствительная полнота жизни въ сферѣ личнаго подвига можетъ раскрыться только на почвѣ христіанской любви. Пусть оттѣнки будутъ различны и видимость будетъ разнообразна и слова будутъ звучать каждый разъ по своему, но сущность дѣла въ любви. Что меня трогаетъ, умиляетъ, восторгаетъ, тянетъ къ себѣ,—это окрыленность любви, ея самозабвеніе, ея радость. И всѣ мы воспитаны въ такихъ чувствахъ, всѣ мы пропитаны хри-

стіанствомъ, напоены его воздухомъ, обвѣяны его дыханіемъ,—и не можемъ выйти изъ его атмосферы, не можемъ вообразить себя на лунѣ. Не о догматикѣ Макарія я говорю, не о различіяхъ православія, католичества и протестантства, не о границахъ между церковью, расколомъ и сектантствомъ, я говорю о христіанскомъ духѣ, о евангельскомъ міровоззрѣніи, которому мы учимся не изъ книгъ, которымъ насыщенъ нашъ воздухъ. Мы не можемъ представить себѣ подвига человѣческаго не въ сіяніи лучей любви... Ведетъ Немировичъ-Данченко разсказы о „бодрыхъ людяхъ". Курсистки, студенты, улица, чердакъ, полиція, дворникъ—знакомая рамка будничной жизни. Но что сіяетъ въ этой рамкѣ, это все она—любовь, Божья любовь къ ближнему. Въ этомъ гомонѣ, въ этой сутолокѣ, въ этомъ петербургскомъ туманѣ, въ этой пестротѣ полицейской улицы раздаются тихія слова, все покрывающія, все пронизывающія, одухотворяющія, осмысливающія: „Такъ разсуждать нельзя. Если на каждомъ шагу оглядываться да за шкуру дрожать, такъ лучше не жить. Вѣдь не устрицы мы на самомъ дѣлѣ... Люди—братья. Одного ударь,—сосѣду должно быть больно. Другъ за друга, а Богъ за всѣхъ. И потомъ, кому же за правду, какъ не молодымъ? Если мы теперь пріучимся молчать да терпѣть,—нечего сказать,—хороши потомъ будемъ"... Вы видите, бодрые люди это тѣ же живыя души. Это ничего, что здѣсь не видно рубища, или черной рясы Анны, или стариннаго платья доктора Гааза, что здѣсь не слышно выдержекъ изъ Златоустаго—суть дѣла одна и та же. Нашъ героизмъ—героизмъ любви, наша жизнь—жизнь любви. И внѣ ея лучей мы не можемъ представить себѣ жизни. Мы не знаемъ, чѣмъ иначе намъ наполнить ту безграничность, которая предъ нами открывается, ту свободу, въ которой мы себя чувствуемъ, тѣ громкія слова, которыхъ такъ много раздается въ нашей жизни. Взглянувъ въ эту бездну свободы, наслушавшись этихъ громкихъ словъ, одинъ изъ героевъ „Дна" говоритъ: „Я, братъ, боюсь иногда. Понимаешь? Трушу... Потому, что же дальше?.. Все какъ во снѣ... Зачѣмъ я родился"?.. И этотъ вопросъ: „что же дальше" подрываетъ въ корнѣ всякую позитивно-индивидуалистическую философію. И пока не дано отвѣта на этотъ вопросъ, пока не наполнена бездна, пока не подыскано содержаніе для вы-

сокихъ словъ, до тѣхъ поръ пошлы и противны всякое стремленіе къ свободѣ, всякій протестъ. „Иной разъ думаешь, думаешь. И вдругъ все исчезнетъ изъ тебя, точно провалится насквозь куда-то. Въ душѣ тогда, какъ въ погребѣ, темно, сыро и совсѣмъ пусто. Совсѣмъ ничего нѣтъ! Даже страшно... какъ будто ты не человѣкъ, а оврагъ бездонный"... И въ этой безпомощности предъ лицомъ внутренней бездонности люди культурные сходятся съ босяками. Овладѣвъ полною свободою, завоевавъ себѣ полную несвязанность соціальными путами, босякъ въ недоумѣніи остановился передъ ужасающими пустотою и бездонностью. Но и культурный человѣкъ—чѣмъ онъ можетъ оправдать свои протесты, свои революціи, кромѣ поэзіи любви,—любви беззавѣтной къ народу? Дѣти, разрывающія оковы мѣщанской семьи въ погонѣ за свѣтомъ науки, супруги, сбрасывающіе съ себя тяжесть взаимныхъ обязательствъ, сестры, рвущіяся вдаль, родители, бросающіе *своихъ* дѣтей, чѣмъ они могутъ оправдать свою свободу, какъ не красотою всеобъемлющей любви? И выкиньте изъ ихъ стремленій эту нотку любви къ ближнему, отнимите у ихъ порывовъ это оправданіе,—вы увидите на другомъ концѣ то же мѣщанское счастье, отъ котораго они бѣгутъ, то же животное благополучіе, выше котораго они хотятъ стать. Мы не можемъ достаточно надивиться пошлости героя разсказа Арцыбашева „Жена", который возсталъ противъ семейныхъ узъ ради „свободнаго кутежа" ничѣмъ не связанныхъ людей. Мы не можемъ сочувствовать протестующимъ героинямъ новаго драматическаго очерка Е. Чирикова „Иванъ Миронычъ", потому что чувствуемъ, что онѣ и „новую жизнь" наполнятъ старою пошлостью въ родѣ „японскихъ ширмочекъ"...

Но помимо утилитарной пошлости, оспаривающей царство христіанской любви, есть еще врагъ этого царства, нападающій на него съ той стороны, которая кажется наиболѣе безопасной—со стороны религіозной. Этотъ врагъ—современные теоретики традиціоннаго аскетизма.

На традиціонный аскетизмъ можно смотрѣть различно, и мы о немъ не говоримъ. Но современные теоретики его, о которыхъ мы и говоримъ, берутъ его въ опредѣленномъ освѣщеніи. Они считаютъ подвигъ аскетизма высшею формою христіанской жизни, высшимъ христіанскимъ идеаломъ,

и при этомъ аскетизмъ понимается въ смыслѣ, рѣшительно отличающемъ его отъ подвига христіанской любви. Въ этомъ отношеніи современный аскетизмъ говоритъ съ такою ясностью и опредѣленностью, которой можетъ позавидовать любая теорія.

Я разумѣю, преимущественно, статью въ Душ. Чт. (1902, ч. 3 стр. 194 слѣд.). „Что такое монастырь? спрашиваетъ авторъ.—На чемъ должна быть всецѣло сосредоточена мысль монаха? Исключительно на своемъ личномъ спасеніи. Вся цѣль его жизни и подвига,—очистивъ свое сердце отъ страстей, сдѣлать его обителью непрестанной Іисусовой молитвы. На вопросъ: зачѣмъ онъ убѣжалъ въ пустыню изъ міра? онъ могъ бы отвѣтить: пусть міръ забудетъ меня, пусть и я умру для него,—я безраздѣльно хочу принадлежать моему Господу". Это—„эгоизмъ спасенія", „святой эгоизмъ". „Если послѣдователи Будды считаютъ необходимымъ уединеніе, какъ средство къ нравственному совершенству, то кто жъ посмѣетъ отказать въ этомъ тому, кто всѣмъ сердцемъ ищетъ Христа, кто порывается еще во плоти жить жизнью безплотныхъ"? Итакъ монашество, по мнѣнію этого писателя,—подобно буддійскому отшельничеству, есть путь къ достиженію естественнаго, физическаго совершенства—безплотности. Но христіанство тѣмъ и отлично отъ всего язычества, что язычникъ хочетъ подняться до Бога естественнымъ усовершенствованіемъ, достигнуть до Него въ экстазѣ, въ созерцаніи, въ утонченіи природы, въ *мертвой* жизни, а христіанинъ хочетъ, чтобы Богъ вселился въ него, хочетъ жить по-божьему, а какъ Богъ есть любовь, то любить по-божьему. Любить по-божьему значитъ любить безъ конца, абсолютно. И обратно—абсолютная жизнь доступна человѣку единственно въ любви. И это есть *живая* жизнь. Христіанское единеніе съ Богомъ есть единеніе любви. Христіанинъ живетъ не сумрачною стихійною жизнью, а свѣтлою богочеловѣческою жизнью.

Новая заповѣдь евангелія, положившая грань между язычествомъ и христіанствомъ, есть заповѣдь *любви*. Правда, христіанская заповѣдь о любви двухсоставная; христіанская любовь есть прежде всего любовь къ Богу—любовь къ Нему всѣмъ сердцемъ, всею душою, всѣмъ разумѣніемъ. Это первая и наибольшая заповѣдь. Заповѣдь о любви къ ближнему

есть вторая и подобная ей. Нельзя пренебрегать ни одной изъ этихъ двухъ частей христіанской заповѣди. Въ томъ, что религіозная любовь есть прежде всего любовь къ Богу,— въ этомъ абсолютный характеръ христіанской любви, рѣшительно отличающій ее отъ утилитаризма, отъ соціальной этики, которой недостаетъ полета къ небу, которая сводится къ земному благоустройству. Утилитарная этика въ томъ, чтобы люди были счастливы, чтобы общество благоденствовало, хотя бы индивидууму пришлось пострадать ради общества; напротивъ христіанство въ томъ, чтобы любящій жилъ абсолютною божественною жизнью. Утилитарная любовь это расчетъ, христіанская любовь это творчество. Въ утилитаризмѣ объективный результатъ—все; въ христіанствѣ все— въ личномъ творчествѣ, по отношенію къ которому объективный результатъ есть лишь плодъ. Отнимите отъ христіанской любви ея первую часть и она также обратится въ пошлое попеченіе о человѣческомъ благоденствіи, въ мѣщанскія заботы о соціальномъ счастьѣ, въ благотворительность—частную и общественную, цѣна которой въ ариѳметической величинѣ подаянія. Однако не менѣе важна и вторая половина новой христіанской заповѣди. Сила въ томъ, что любовь къ ближнему не есть только математическое добавленіе къ любви Божіей, но образуетъ оболочку для нея, даетъ ей плоть и кровь, дѣлаетъ ее дѣйствительною, придаетъ ей значеніе *живой* силы. Если сказано, что заповѣдь о любви къ Богу есть первая и наибольшая, то сказано также: „нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ". Любить Бога, а не человѣка—это только язычество; любить по-божьему человѣка это христіанство. Въ христіанствѣ кто говоритъ, что любитъ Бога, но не любитъ ближняго, называется лжецомъ, не имѣющимъ въ себѣ *жизни* божественной.

Въ то время какъ евангельская любовь къ Богу неудержно наклоняется въ сторону любви къ ближнему, въ ней воплощается,—монашество въ любви къ ближнему видитъ ущербъ для любви къ Богу, защищаетъ свою религію отъ требованій любви къ ближнему, какъ отъ осквернения. Въ этомъ разрывѣ евангельской заповѣди, въ этомъ непосредственномъ устремленіи къ Богу помимо пути любви къ ближнему монашество полагаетъ личное спасеніе, святой эгоизмъ, въ

этомъ оно видитъ свою специфическую особенность. Статья, о которой у насъ рѣчь, тѣмъ и примѣчательна, что она не останавливается предъ такими выводами. Авторъ признаетъ съ монашеской точки зрѣнія подвигъ любви къ ближнему лишь „исключеніемъ“ по немощи, по неспособности вынести болѣе высокій подвигъ поста и молитвы, признаетъ его лишь дѣломъ „нужды“, лишь второстепеннымъ „подѣліемъ“, оскверняющимъ инока, отвлекающимъ его отъ главнаго, но онъ рѣшительно противъ того, чтобы сдѣлать подвигъ любви обязательнымъ для инока, онъ называетъ это „новшествомъ“. „Кто хочетъ, пишетъ авторъ съ поразительной откровенностью,—кто хочетъ подвига ухода за больными, или трудовъ въ школахъ, тотъ пусть и идетъ въ тѣ благотворительныя заведенія, гдѣ это нужно. Ему нечего дѣлать въ монастырѣ“...

Сопоставляя эти взгляды, оправдываемые практикою монастырей обычнаго типа, съ тѣми носителями христіанской любви, которые описаны выше, мы должны признать *фактъ* расхожденія въ нравственномъ сознаніи современнаго христіанства. Два идеала стали одинъ противъ другого: *идеалъ молитвы*, терпящей около себя любовь какъ слабость, и *идеалъ любви*, молитвенно дѣйствующей,—идеалъ *умертвія* и идеалъ *жизни*,—идеалъ заживо *погребенныхъ* и идеалъ *живыхъ душъ*. Царство христіанской любви представляется намъ чуждымъ какихъ-либо внѣшнихъ границъ, оно обнимаетъ и любящихъ церковное православіе, и аскетически-настроенныхъ, и свободныхъ отъ типиконной законности, и инославныхъ, оно хочетъ быть универсальнымъ и всеобъемлющимъ.

Эта внутренняя борьба—религіозный смыслъ нашего времени. Мы должны оцѣнить ее принципіально, мы должны отнестись къ ней сознательно. Въ ней зародыши нашего развитія. Легко предвидѣть, что идеалъ *умертвія* есть пережитокъ, а идеалъ *живыхъ душъ*—идеалъ будущаго...

IV.

Крестовоздвиженское трудовое братство.

Названные выше христіанскіе дѣятели могутъ быть подведены подъ одинъ типъ дѣятельности—типъ лично-христіанской благотворительности, личнаго подвига. Другою формою христіанской жизнедѣятельности является христіанская ассоціація, христіанское общежитіе, религіозный союзъ. Конечно и личный христіанскій подвигъ можетъ быть поставленъ въ условія той или другой общественной организаціи, и, съ другой стороны, христіанская ассоціація во всякомъ случаѣ предполагаетъ усилія личнаго подвига по самой идеѣ христіанской жизни, не можетъ обойтись безъ содѣйствія со стороны личныхъ стремленій къ внутреннему совершенствованію, не можетъ быть поставлена внѣ цѣлей послѣдняго. Но существенная разница въ томъ, что носители личнаго христіанскаго подвига—въ видѣ ли символической системы личнаго спасенія или въ проявленіяхъ христіанской любви, живой жизни и дѣла—устремляются только въ глубину христіанской жизни, въ глубину личнаго настроенія, жаждутъ полноты религіознаго блага въ степени внутренняго проникновенія имъ, тогда какъ въ христіанской ассоціаціи главное вниманіе направлено на широту христіанскаго дѣла, на устроеніе по христіанскому духу всѣхъ сторонъ жизни, на полноту религіознаго блага въ мѣрѣ расширенія его на всю сферу дѣйствительной жизни. Вотъ почему, какъ прежде мы не говорили объ аскетическомъ душеспасеніи, такъ и теперь не останавливаемся на монастырскихъ общежитіяхъ: въ послѣднихъ, какъ и въ затворничествѣ, жизнь втискивается въ рамки прокрустова ложа по идеалу умертвія. Христіанское общежитіе есть общежитіе любви и труда, ассоціація живыхъ

людей съ цѣлью освященія всей широты мірской жизни религіозными лучами. Вотъ почему, далѣе, особенно поучительно не столько вспоминать исторію первобытно-христіанскаго братства, которое окрашивалось вѣрою въ близкій конецъ міровой жизни, сколько наблюсти опыты христіанскаго братства въ новѣйшее время, когда въ устроеніи религіозныхъ ассоціацій исходятъ изъ желанія религіозно освятить длительное существованіе. Эти опыты служатъ отвѣтомъ на вопросъ, можно ли и какъ можно сдѣлать истинно-христіанскою подлинную человѣческую жизнь, не укороченную ни предположеніемъ ея скораго прекращенія, ни отрѣшенностью отъ ея наличныхъ условій. И являются такіе опыты только въ послѣднее время. Съ тѣхъ поръ какъ апостольская братская община окончательно разложилась со времени Константина, во все протяженіе среднихъ вѣковъ единственными представителями христіанскаго братства были монастыри, исторической заслуги которыхъ въ этомъ отношеніи было бы несправедливо отрицать и дѣйствительно не отрицаютъ сами устроители позднѣйшихъ трудовыхъ братствъ. „Съ той минуты,—говоритъ одинъ изъ такихъ устроителей,—какъ въ первобытную христіанскую общину допущена была разлагающая закваска мірскихъ порядковъ и у нея отнята была всякая самостоятельность, а съ тѣмъ вмѣстѣ и возможность защищать себя отъ вредныхъ элементовъ, церковь омірщилась и очень скоро стало потребностью христіанской совѣсти для людей живой вѣры обособиться отъ омірщившагося прихода, утратившаго духовную суть апостольской общины, ставшаго „міромъ симъ“. И вотъ появляются пустынножители и общежительные монастыри, которые и пронесли сквозь тьму временъ до нашихъ дней великую идею трудового братства, которые и были хранителями великихъ традицій вѣка апостольскаго. Что очень затемняло пониманіе ихъ жизненнаго значенія, это то, что они были „аскетическими“ трудовыми братствами и, такимъ образомъ, отрицая земную жизнь, не могли служить нормою для нея, не могли быть признаваемы явленіемъ нормальнымъ. Если мы высвободимъ идею общежительнаго монастыря изъ-подъ покрова аскетизма, особенно дурно понятаго, самодовлѣющаго аскетизма, получится братская община и общій безкорыстный трудъ на началахъ братолюбія, получится трудовое братство“. Поэтому

съ широкой церковно-исторической точки зрѣнія трудовыя братства не могутъ быть названы новшествомъ, но по условіямъ своего возникновенія въ позднѣйшее время они оказываются новымъ явленіемъ, такъ какъ они народились нынѣ не какъ естественный плодъ наличныхъ формъ церковной жизни, а какъ протестъ противъ безжизненности застывшихъ формъ, какъ плодъ новой концепціи христіанства.

Въ общинной концепціи христіанской жизни важнымъ является то обстоятельство, что здѣсь христіанская вѣра распростираетъ свои крылья надъ всѣмъ міромъ, хочетъ обнять всѣхъ людей и расшириться надъ всѣмъ грядущимъ временемъ. Вѣдь личная дѣятельность любви, милосердія и благотворительности—все равно, является ли она предъ нами въ связи съ христіанскими идеями, или нѣтъ — не имѣетъ въ нашихъ глазахъ характера всеобъемлющей вѣры. Такою именно, сотеріологическою, была дѣятельность любви въ лицѣ Христа-Спасителя міра. Его призваніемъ не было то, чтобы дать большему числу больныхъ облегченіе, большему числу несчастныхъ утѣшеніе, но Его задачею было такъ проявить Свою любовь, чтобы рѣшить религіозную проблему всего міра, чтобы внести радикальную перемѣну въ отношенія Отца Небеснаго къ людямъ, чтобы направить иначе общую историческую жизнь. Его ученики и первые послѣдователи совершали дѣло своей любви подъ тѣмъ же угломъ мірового спасенія, „восполняли“ каждый въ свою мѣру „дѣло“ Христа. Эта концепція дѣла любви стояла въ существенной связи съ эсхатологическими ожиданіями, съ надеждами на скорое завершеніе всемірной исторіи, на измѣненіе неба и земли... Нынѣ эта связь любви съ всепобѣждающею вѣрою забыта. Это съ нашей стороны не догматическое размышленіе, а простое наблюденіе надъ современною дѣйствительностью. Мы нынѣ не видимъ дѣятелей любви, которые исходили бы изъ какихъ-нибудь надеждъ на скорое преобразованіе міра, которые—лучше сказать—ставили бы осуществленіе такихъ надеждъ въ зависимость отъ своей дѣятельности. Поэтому современные дѣятели христіанской любви, не отличаясь въ этомъ отношеніи отъ языческихъ человѣколюбцевъ, опредѣляются къ своей дѣятельности болѣе природною жалостью къ страданіямъ людскимъ, чѣмъ воодушевленіемъ вѣры, вызываются и даже создаются скорѣе наличными страданіями,

чѣмъ грядущими идеалами, скорѣе подавляются безнадежностью людскихъ страданій, чѣмъ надѣются на спасеніе міра. Поэтому съ христіанской точки зрѣнія несомнѣнно любопытными оказываются опыты общиннаго устройства жизни, поскольку именно здѣсь мы видимъ переходъ къ реальному преобразованію міра, къ практическому осуществленію царства Божія, къ пропагандѣ самой любви между людьми, а не къ сообщенію только людямъ продуктовъ своей любви.

Современныя христіанскія общины напоминаютъ всякому, знакомому съ церковною исторіею, первобытную христіанскую жизнь, первобытный христіанскій коммунизмъ. Однако не слѣдуетъ преувеличивать значеніе послѣдняго. Нужно признать или крайнюю недостаточность свѣдѣній о немъ, или же предположить позднѣйшую идеализацію въ древнихъ повѣствованіяхъ о немъ [1]). Во всякомъ случаѣ нужно имѣть въ виду то немаловажное отличіе позднѣйшихъ общинъ отъ первобытной христіанской общины, что въ первые дни христіанства были живы эсхатологическія ожиданія. Еще важнѣе другое отличіе, можетъ быть естественно вытекающее изъ того,—то отличіе, что первобытное общеніе имуществъ было коммунизмомъ потребленія, а не коммунизмомъ производства и труда. Христіанская семья отдавала весь свой избытокъ въ пользу общины или христіанинъ раздавалъ все свое имущество бѣднымъ — вотъ въ чемъ выражался первобытный коммунизмъ, а производство и трудъ всецѣло оставались задачею христіанской семьи, которая не измѣнила своего характера. Но очевидно, только при высокомъ энтузіазмѣ христіанъ и напряженномъ ожиданіи скораго конца было возможно, чтобы всѣ христіане, которые владѣли землями или домами, продавали свои имѣнія и всякую собственность и сносили цѣну проданнаго въ общую кассу, на которую всѣ содержались. Этотъ видъ коммунизма уничтожалъ самую возможность производства, и потому конфликтъ между трудящеюся семьею и общиннымъ потребленіемъ, постепенно усиливаясь, свелъ христіанскій коммунизмъ къ простому приходскому попеченію о бѣдныхъ, къ тепловатой благотворительности. Позднѣйшая горячая проповѣдь Іоанна Златоустаго, Василія Великаго и другихъ учителей церкви не

---

1) Ср. Dobschütz Die urchristlichen Gemeinden, Leipz. 1902, стр. 105—106.

могла произвести ничего существеннаго въ этомъ отношеніи. Напротивъ новѣйшая община, въ зависимости отъ многихъ культурныхъ условій, является кооперацією труда, коммунизмомъ производства и потребленія. Это создаетъ новую концепцію христіанства, ставитъ предъ нимъ новыя задачи. И намъ интересно видѣть не только то, какъ практически рѣшается эта задача, но и то, изъ какого строя представленій и понятій ея рѣшеніе исходитъ.

Учредитель Крестовоздвиженскаго Трудового Братства, Н. Н. Неплюевъ, въ своихъ сочиненіяхъ [1]) раскрываетъ съ неутомимостью и возможною полнотою тѣ основанія, которыя привели его къ новому дѣлу. Эти основанія, эти взгляды на христіанское дѣло во всякомъ случаѣ заслуживаютъ вниманія.

Читателю прежде всего внушается мысль о недостаточности съ христіанской точки зрѣнія аскетическаго подвижничества и подвиговъ личной благотворительности. При аскетическомъ пониманіи религіи, христіанство никогда не станетъ тѣмъ, что должно быть—вселенскою религіей и истинной основой жизни всего человѣчества; оно всегда останется достояніемъ рѣдкихъ исключеній, стремящихся не *жить по вѣрѣ*, а *умереть для жизни ради вѣры*. Монашество никогда не могло и не можетъ быть принято за примѣръ для подражанія именно потому, что, отказываясь отъ всѣхъ радостей жизни, оно тѣмъ самымъ какъ бы отрицаетъ возмож-

---

[1]) Полное собраніе сочиненій Н. Н. Неплюева предположено въ 6 томахъ,—изъ нихъ вышло 4 тома. Кромѣ того имѣются у меня брошюры: *Вѣра и Жизнь—публичная лекція для вѣрующихъ*, Спб. 1905, *Война или миръ? публичная лекція для невѣрующихъ*, Спб. 1904, *Жизненное значеніе трудовыхъ братствъ*, 1905, *19 февраля и крестьянская община*, 1905; *Партія мирнаго прогресса. Ея идеальныя основы и жизненная программа*, 1905; *Письмо къ духовенству*, 1905; *Письмо къ сельскому населенію*, 1905; *Краткія свѣдѣнія о православномъ Кресто-Воздвиженскомъ Братствѣ*, Черн. 1905; *Краткія свѣдѣнія о Воздвиженской школѣ*, Черн. 1903; брошюры членовъ Трудового Братства, напр. Ѳ. Е. Спановскаго *Въ защиту трудового братства*, А. И. Фурсея *Имѣютъ ли основаніе говорить о Неплюевщинѣ и Неплюевцахъ*... Въ виду этого обилія матеріала, охватывающаго всѣ стороны братской жизни, я въ этомъ очеркѣ стараюсь, гдѣ только возможно, говорить *собственными словами* учредителя и членовъ Братства и поставляю своею главною задачею быть точнымъ въ передачѣ ихъ мыслей и въ описаніи строя братской жизни.

ность жить по вѣрѣ, даетъ поводъ уклоняться отъ жизни по вѣрѣ тѣмъ, которые не сочувствуютъ аскетизму и слишкомъ мало знакомы съ вѣчной истиной правды Божіей во всей ея стройности, чтобы судить современную жизнь, не теряясь въ пестромъ разнообразіи ея чрезвычайной осложненности. Даже для такого вѣрующаго человѣка, какимъ былъ нашъ геніальный Достоевскій, христіанское міровоззрѣніе и идеалъ были до того затемнены ложью жизни нашего псевдо-христіанскаго міра, что онъ въ своихъ излюбленныхъ герояхъ, каковы князь Мышкинъ и Алеша Карамазовъ, представляетъ намъ лишь жалкія пародіи на христіанъ. Единственный христіанинъ у Достоевскаго—отрекшійся отъ міра старецъ Зосима невольно наводитъ на мысль, что по его понятіямъ христіанство и аскетизмъ однозначущи и что умные люди, какъ Зосима, непремѣнно должны отречься отъ міра, а не преобразовать міръ, что оставаться въ мірѣ, исповѣдуя Христа, могутъ только такія добросердечныя ничтожества, какъ Мышкинъ и Алеша Карамазовъ, которые умѣютъ только все *переносить* похристіански, а когда коснется до активнаго отношенія къ жизни, не понимаютъ даже и того, что дѣлу Бога Разумнаго и служить необходимо разумно, что крестъ — безуміе лишь для враговъ Христа, для Его же послѣдователей необходимо такъ много разума для того, чтобы разумно принять на себя крестъ и разумно нести его въ жизни, сколько никогда не потребуется на всякое другое менѣе разумное дѣло... Основатель Крестовоздвиженскаго Братства не отрицаетъ значенія аскетизма; онъ вооружается противъ матеріалистическаго порабощенія плотью духа. Онъ не противъ аскетизма, какъ средства духовной жизни, какъ пути къ свободѣ христіанскаго дѣла; но онъ противъ односторонняго аскетизма. Признавая аскетизмъ обязательнымъ для всякаго истиннаго христіанина, онъ считаетъ въ то же время дурно понятый аскетизмъ за громадное зло, за одинъ изъ главныхъ тормазовъ на пути христіанскаго прогресса, на пути осуществленія христіанства въ жизни. Аскетизмъ дурно понятъ, когда изъ средства становится самодовлѣющею цѣлью. Онъ дурно понятъ, когда изъ активнаго становится пассивнымъ, изъ свободнаго изволенія духа становится рабскою покорностью, когда изъ характернаго для данной личности становится шаблоннымъ и, осо-

бенно, когда изъ упорядочивающаго душу становится душу изсушающимъ, мертвящимъ. Не воздержаніе, не жертва, не скорби аскетическихъ подвиговъ богоугодны,—богоугодна любовь. Аскетизмъ долженъ приводить къ любви. Если же плодомъ аскетизма не является любовь, то онъ не имѣетъ цѣны въ очахъ Бога—Любви,—болѣе того, онъ является оскорбленіемъ Бога и грубымъ кощунствомъ, настоящимъ идолопоклонствомъ, обличая полное непониманіе Того, въ Кого вѣруютъ. Жестокій Богъ, для Котораго всякая радость—оскорбленіе и только страданія и жертвы пріятны,—не имѣетъ ничего общаго съ Богомъ—Любовью. Это обращеніе аскета изъ христіанина въ язычника неизбѣжно, какъ только, увлекшись подвигами аскетизма, онъ забываетъ главную цѣль, не алчетъ и не жаждетъ правды любви...

Но недостаточна и личная благотворительность, которая составляетъ одно изъ самыхъ затемненныхъ явленій современной жизни. Одни совсѣмъ успокаиваютъ на ней свою, по временамъ пробуждающуюся, совѣсть; другіе восторгаются ею, какъ однимъ изъ самыхъ изящныхъ проявленій цивилизаціи; третьи спорятъ о преимуществѣ того или другого вида ея; большинство подрываетъ къ ней всякое уваженіе и довѣріе, дѣлая изъ нея заурядное свѣтское развлеченіе, модную игрушку, одинъ изъ видовъ спорта для убиванія времени. Особенно повинны въ послѣднемъ свѣтскія женщины, которыя, внося и въ это дѣло свою легкомысленную суетливость, свою страсть къ тщеславной выставкѣ нарядовъ, свое грубо-самоувѣренное, зазывающее кокетство, слишкомъ часто представляютъ изъ себя не величественный образъ скромной, любвеобильной христіанки, а пошлый типъ разбитной, шансонеточной пѣвицы, ряженой въ костюмъ доброй феи. Конечно не всякая благотворительность имѣетъ такой балаганный видъ, но и самая искренняя безсистемная благотворительность, основанная на чувствѣ сердечнаго участія, живой жалости—только палліативъ, не подготовляющій лучшаго будущаго, не организующій жизнь на началахъ добра и любви,—напротивъ, часто вредный, такъ какъ усыпляетъ совѣсть, покрываетъ грязь и безобразіе жизни цвѣтами совсѣмъ неестественными, несоотвѣтствующими основамъ этой жизни. Это ребяческое отношеніе къ дѣлу любви, при которомъ любовь всегда останется украшеніемъ жизни,

а не станетъ ея основою. Это настоящее вливаніе вина новаго въ мѣхи ветхіе. Конечно, отсюда не слѣдуетъ, что не надо накормить голоднаго, одѣть нагого или облегчить страданія больного. Все это дѣла живой любви. Не надо только успокаиваться на той малой степени любви, при которой довольствуются безсистемной помощью тѣмъ немногимъ, которыхъ видятъ, и тѣмъ немногимъ страданіямъ, которыя непосредственно бьютъ по нервамъ нашимъ, ничего не дѣлая для предупрежденія безвинныхъ страданій, которыя, будучи не менѣе реальными и жестокими, менѣе бьютъ по нашимъ нервамъ. Человѣчество такъ много вѣковъ живетъ на основахъ страха и корысти, что зло является рутиною, а добро—исключеніемъ. Плоды зла неисчислимы. Цѣлая жизнь, самыя большія состоянія—ничто въ дѣлѣ вычерпыванія этого моря зла и скорби. Самая широкая благотворительность въ этомъ направленіи—наивная сантиментальность и близорукая утопія. Безсистемно благотворить—значитъ, плавая на спасательномъ поясѣ богатства по бездонной пучинѣ горя страданій, вытаскивать изъ воды утопающихъ не для того, чтобы поставить ихъ на берегъ, а для того, чтобы, давъ имъ немного подышать, вновь погружать въ ту же бездну, въ которой они раньше захлебывались. Надо дорасти до той степени любви, при которой становится насущной потребностью любящаго сердца не ограничиваться утѣшеніемъ людей, измученныхъ злобою, а является потребностью разумной любви организовать жизнь на началахъ добра, оградить милліоны людей отъ возможности безвинныхъ страданій. Надо быть исключительно жестокосердымъ человѣкомъ, чтобы не пожалѣть изнуреннаго голодомъ, или дрожащаго отъ холода, или покрытаго гнойными ранами. Видъ этихъ страданій возмущаетъ покой души нашей. Накормить, одѣть, вылѣчить при такихъ обстоятельствахъ является вопросомъ приличія, благочинія, собственнаго комфорта. Степень любви, способная стать основой жизни, начинается только съ того момента, когда любовь наша перестаетъ быть капризомъ, когда она становится нормальнымъ отношеніемъ нашимъ ко всему міру, естественнымъ состояніемъ души нашей. Только тогда мы не проглядимъ лѣса изъ-за деревьевъ, не забудемъ обязанности любви ко всему человѣчеству изъ-за прихоти любви или жалости къ отдѣльнымъ лицамъ, не забудемъ

страданій ума и сердца изъ-за болѣе бьющихъ по нашимъ нервамъ страданій физическихъ, поймемъ необходимость идти разумными путями къ цѣлямъ, намѣченнымъ любовью. Накормите голоднаго, но не забывайте, что вы этимъ ничего не сдѣлали для того, чтобы не было безвинно голодныхъ, и пусть то малое дѣло любви, которое вы сдѣлали, не успокаиваетъ совѣсть вашу, не заслоняетъ отъ васъ того великаго дѣла любви, которое вы можете и, слѣдовательно, должны сдѣлать. Если, дѣлая великое дѣло любви, вы отъ него отвлекаетесь на дѣланіе малыхъ дѣлъ потому, что видъ частныхъ страданій такъ сильно бьетъ по нервамъ вашимъ, что капризъ жалости къ одному заставляетъ васъ забыть разумное дѣло жалости ко всему человѣчеству, не обманывайте себя, сознайтесь, что вы отняли у великаго дѣла любви ко многимъ, страданій которыхъ вы не видите, то, что отдали на прекращеніе страданія, случайно попавшаго вамъ на глаза...

Эти слова буквально и безъ запинки повторитъ вамъ любой изъ членовъ Крестовоздвиженскаго Братства, если вы заговорите съ ними по вопросу о личной благотворительности и организаціи любви въ братство. Можно догадываться, что это для нихъ больной вопросъ, что съ этой стороны имъ чаще всего приходится встрѣчать возраженія. Крестовоздвиженское Братство—это оазисъ среди окружающаго его міра, оно сознательно хочетъ быть такимъ оазисомъ. До какой степени оно является изолированнымъ въ средѣ обнимающей его жизни, это видно изъ того, что за богослуженіемъ въ Крестовоздвиженской церкви мы не видали никого изъ постороннихъ братству—не только изъ сосѣднихъ деревень, но и кого-нибудь изъ той же многолюдной Воздвиженской экономіи, въ которой пріютилось братство. Даже храмъ братскій видитъ только братчиковъ. И всякое благодѣяніе здѣсь обставлено условіемъ поступленія въ братство. Достойнаго въ братство примутъ, но на стоящихъ внѣ братства принципіально не расходуется его имущество. И этимъ принципомъ для братства служитъ изложенный взглядъ на личную, безсистемную благотворительность. Я не буду теперь разсматривать этого взгляда критически, такъ какъ вообще въ этихъ очеркахъ прежде и болѣе всего стараюсь быть объективнымъ повѣствователемъ. Но не могу не замѣ-

тить, что этотъ взглядъ недостаточно полно раскрытъ. При внимательномъ изученіи сочиненій Н. Н. Неплюева, я не нашелъ въ нихъ ни одной строки, ни одного слова по слѣдующимъ двумъ пунктамъ. Во-первыхъ. Личная благотворительность почему-то представляется у него преимущественно легкомысленною. Вѣдь противъ благотворительныхъ вечеровъ съ танцами и выставкою не однихъ нарядовъ можно возставать не съ точки зрѣнія лишь организованнаго братства,—и, стало быть, что же говорить о такихъ искаженіяхъ. Это пріемъ дурной полемики,—дурной апологетики. Отъ слабости противника еще далеко до нашей собственной силы. Вѣдь субъективно, по расходуемой энергіи, по внутренней полнотѣ духа, личная благотворительность не есть непремѣнно малая степень любви по сравненію съ организаціей братства,—вспомнимъ доктора Гааза. Напротивъ и въ условіяхъ организаціи труда все-же вмѣстилищемъ любви можетъ быть лишь личность, т. е. и самая организація можетъ быть разсматриваема какъ личная благотворительность, иначе это будетъ лишь форма безъ внутренняго духа, въ нее вложеннаго и ее освящающаго. Въ томъ и состоитъ богословскій вопросъ значительной важности, выражается ли и въ организаціи братства та же христіанская абсолютность, которая несомнѣнно можетъ выражаться въ личной благотворительности. Конечно, съ точки зрѣнія трудового братства остается возможность отвѣтить указаніемъ на недостаточность личной благотворительности, въ самыхъ высшихъ ея представителяхъ, для борьбы съ неисчислимыми плодами зла. Но вѣдь нужно же считаться съ тѣмъ, что и братство недостаточно для огражденія милліоновъ людей отъ возможности безвинныхъ страданій. Братство есть только оазисъ, оно рѣшаетъ вопросъ общежитія, но не рѣшаетъ вопроса общественнаго устройства. Если личная благотворительность не можетъ обнять всѣхъ несчастныхъ, то вѣдь братство принципіально не хочетъ знать всѣхъ тѣхъ страдальцевъ, которые находятся внѣ его границъ. И здѣсь мы переходимъ къ другому пункту. Мы видѣли тѣ разсужденія, силою которыхъ читатель возводится отъ личной благотворительности къ признанію болѣе высокаго значенія братской организаціи. Примемъ силу этихъ разсужденій, но при этомъ переходѣ можемъ ли остановиться

на ступени братства и не должны ли мы дойти до дѣятельности, направленной на устроеніе всего общества, а не одного только братскаго оазиса? Вѣдь только эта дѣятельность направляется именно къ тому, чтобы не было совсѣмъ безвинно голодныхъ—во всемъ обществѣ, во всемъ человѣчествѣ. Впрочемъ къ этому пункту мы вернемся ниже.

Кромѣ критики односторонняго аскетизма и безсистемной благотворительности, отрицательною основою идеи трудового братства служитъ „критика зла“ всей наличной жизни нашей, мнимо христіанской—государства, науки, литературы, искусства, экономическаго строя общества... Не пойдемъ за авторомъ по всѣмъ тропамъ его критики, которая повсюду приходитъ къ одному отрицательному результату,—къ признанію, что наша жизнь по всѣмъ сторонамъ своимъ не имѣетъ христіанскаго характера. Не будемъ останавливаться и на томъ тяжеломъ положеніи, которое занимаетъ въ современномъ антихристіанскомъ экономическомъ строѣ общества рабочій классъ, вообще, и земледѣльческій, въ частности, такъ какъ, съ одной стороны, мы не можемъ признать цѣлью „братствъ“ измѣнять экономическія условія общественной жизни, а съ другой стороны—должны признать право критики современныхъ экономическихъ отношеній не во имя только идеи братства. Современный экономическій строй находитъ себѣ строгихъ судей и въ средѣ представителей личнаго христіанскаго совершенства и со стороны тѣхъ, которые стремятся къ переустройству всего общества. Я хочу этимъ сказать, что какъ ни прекрасны многочисленныя страницы въ сочиненіяхъ Н. Н. Неплюева, на которыхъ живописуются печальные результаты и несчастныя жертвы капиталистическаго строя, онѣ были бы характерными для идеи трудового братства лишь въ томъ случаѣ, если бы единственнымъ логическимъ выходомъ изъ экономическихъ затрудненій настоящаго времени была идея братства. Я выбираю изъ этихъ страницъ лишь тѣ, которыя характерны для идеи трудового братства, логически приводятъ къ этому единственному выводу—и это именно тѣ, которыя говорятъ о грустномъ положеніи среди современнаго общества немногихъ лучшихъ тружениковъ. По наблюденію Н. Н. Неплюева, громадное, подавляющее большинство простого народа живой вѣры не имѣетъ, самыхъ основныхъ христіан-

скихъ истинъ не знаетъ, самыхъ основныхъ христіанскихъ добродѣтелей не понимаетъ, своею участью глубоко недовольно, властей боится, богатымъ завидуетъ, часто унываетъ и съ каждымъ днемъ все болѣе озлобляется. Только въ видѣ рѣдкихъ исключеній являются среди него люди Божіи, вѣрующіе живою вѣрою. Какъ же имъ живется—этимъ рѣдкимъ исключеніямъ? Такой человѣкъ не будетъ тяготиться работою и тѣмъ, что удовлетворяетъ только насущныя потребности, но мученичества онъ не избѣжитъ; капиталистическій строй жизни воздвигаетъ на каждомъ шагу его пути такія изысканныя орудія пытки и ловушки, что вся его жизнь будетъ непрерывной серіей нравственныхъ страданій, среди которыхъ для него поддержкой и отрадой будетъ звучать пророческое слово Того, Который все зналъ и предвидѣлъ, говоря: „блаженны вы, когда будутъ поносить васъ и гнать, и всячески несправедливо злословить за Меня". Если этотъ человѣкъ Божій дѣйствительно сталъ врагомъ міра, чтобы быть другомъ Бога, раньше, нежели избралъ себѣ подругу жизни, повѣрьте, онъ рѣдко найдетъ такую дѣвушку, которую онъ могъ бы полюбить и сдѣлать своею женою, не чувствуя всѣмъ существомъ своимъ, что измѣняетъ тѣмъ и Богу и Христу; всего чаще онъ, лучше другихъ понимающій любовь и болѣе нуждающійся любить и быть любимымъ, будетъ, помимо воли, обреченъ на пожизненную каторгу холоднаго одиночества. Онъ рѣдко найдетъ отвѣтную любовь даже въ формѣ искренняго и прочнаго сочувствія... Если, напротивъ, онъ сталъ сознательнымъ христіаниномъ послѣ брака, имѣя жену и дѣтей, его положеніе можетъ быть много хуже холоднаго одиночества; жить въ постоянномъ общеніи съ существами совершенно чуждыми по духу, любить ихъ и сознавать, что каждое слово и каждый шагъ ихъ находится въ непримиримомъ разладѣ съ собственными убѣжденіями и симпатіями, что каждое собственное слово для нихъ смѣшное чудачество, что каждый собственный поступокъ для нихъ глупая непрактичность, однимъ словомъ, быть другомъ Бога и жить съ тѣми, кто хочетъ оставаться другомъ міра, живя по обычаю міра сего, это ежечасное мученіе, способное превратить всю жизнь въ одну сплошную пытку. Даже въ лучшемъ случаѣ, когда и жена раздѣляетъ его образъ мыслей, когда и она вѣритъ

живою вѣрою и хочетъ жить по вѣрѣ, когда эта христіанская чета, эта малая церковь Христова, глубоко понимаетъ свои родительскія обязанности и смотритъ на дѣтей, какъ на драгоцѣнный залогъ, ввѣренный Богомъ и за который придется дать отвѣтъ, какой непрестанный страхъ, сколько ревнивыхъ страданій для бѣднаго человѣка сознавать тлетворность окружающей нравственной атмосферы, безконечное разнообразіе лукавыхъ искушеній окружающей среды и не быть въ состояніи оградить отъ нихъ дѣтей своихъ... Посмотримъ теперь на экономическое положеніе труженика-христіанина. Проповѣдники фикціи капиталистической идилліи думаютъ, что труженику-христіанину нужны только трудолюбіе и бережливость, чтобы, оставаясь добрымъ христіаниномъ и идеально честнымъ человѣкомъ, не только безбѣдно прожить, но и деньги скопить. Пустыя слова. Трудолюбіе предполагаетъ любовь къ полезному труду, способность охотно и бодро пріобрѣтать хлѣбъ насущный, но трудолюбіе не предполагаетъ непремѣнно эгоистичный трудъ на свою собственную пользу. Трудолюбивый христіанинъ любитъ трудъ, болѣе полезный для многихъ ближнихъ, а не болѣе выгодный, напротивъ, для выгоды необходимо заниматься трудомъ болѣе выгоднымъ, чѣмъ производительнымъ, и тѣмъ самымъ отнимать насущный хлѣбъ у другихъ. При современномъ экономическомъ строѣ христіанинъ не выдержитъ конкуренціи и не заработаетъ лишней копѣйки. Наконецъ, чтобы понять, на сколько невозможно, при настоящемъ строѣ жизни трудолюбивому христіанину отложить копѣйку на черный день, намъ достаточно вспомнить, какая вопіющая нужда его окружаетъ, до какой степени эта нужда у него на виду, постоянно передъ глазами, назойливо вымогая его сочувствіе и жалость, до какой степени эта нужда ему понятна и знакома. Бѣдный человѣкъ не можетъ купить себѣ дорогую роскошь обособленности отъ окружающей нужды и страданія ближнихъ.

Вотъ для такихъ честныхъ тружениковъ и неизбѣжно братство. Въ матеріальномъ отношеніи братство гарантировало бы своихъ сочленовъ, ихъ вдовъ и сиротъ отъ нищеты, слишкомъ часто постигающей людей неповинныхъ. Пожаръ, падежъ скота, болѣзнь, неурожай, дурное поведеніе главы семьи, подвохъ лихого человѣка—всѣ эти бѣдствія, способ-

ныя въ конецъ разорить одинокую, предоставленную самой себѣ среди ожесточенной борьбы за существованіе, крестьянскую семью, не имѣли бы въ братствѣ столь роковыхъ послѣдствій. Братство, отчисляя ежегодно извѣстный процентъ чистаго дохода въ основной капиталъ, могло бы постепенно скопить сумму, достаточную для того, чтобы по временамъ прикупать новыя земли и тѣмъ обезпечивать нормальный приростъ своего населенія. Заболѣвшій братъ пользовался бы уходомъ и вся семья его содержаніемъ на общій братскій счетъ, а по смерти—его вдова и дѣти пользовались бы покровительствомъ и матеріальною поддержкою братства до тѣхъ поръ, пока пожелаютъ жить въ братствѣ, подчиняясь его уставу и строю братской жизни. Дѣти не составляли бы обузы, часто невыносимой, и приростъ не задерживался бы искусственными средствами. Такимъ образомъ хлѣбъ насущный былъ бы обезпеченъ, не представляя однако такой приманки, ради которой согласились бы поступать въ братство корыстные люди. Въ умственномъ отношеніи братство доставило бы возможность развиваться въ общеніи съ людьми болѣе образованными, удѣлять часы досуга на общее чтеніе и бесѣды, завести общую библіотеку, давать дѣтямъ христіанское образованіе въ христіанской школѣ, приглашать на общій счетъ ученыхъ спеціалистовъ, агрономовъ и техниковъ руководителями работъ на поляхъ и заводахъ, принадлежащихъ братству, или давать средства получить спеціальное образованіе собственнымъ дѣтямъ, если братство того пожелаетъ. Въ нравственномъ отношеніи братство обезпечитъ возможность честнаго согласованія всего строя жизни съ вѣрою среди единомыслія и единодушія братскаго общенія съ тѣми, кто искренно желаетъ быть не на словахъ только, но и на дѣлѣ вѣрными чадами Единаго Отца Небеснаго, обезпечитъ возможность дышать живительною атмосферою христіанскаго настроенія всего окружающаго общества, обезпечитъ и неоцѣнимое сокровище спокойной радости духа, оградивъ его отъ хаоса жизненной биржи, оградивъ его, жену и дѣтей отъ тлетворнаго общенія съ тѣми, чье каждое слово и каждый шагъ есть отреченіе отъ Бога и измѣна Христу Его.

Итакъ, братство представляется панацеей отъ всѣхъ тѣхъ бѣдствій, въ которыхъ невольно оказывается каждый тру-

женикъ-христіанинъ, предоставленный самому себѣ. Замѣчу кстати, что, по мнѣнію Н. Н. Неплюева, и для христіанина-землевладѣльца учрежденіе братства въ предѣлахъ его имѣнія представляетъ не менѣе насущную потребность, если онъ не хочетъ превратиться изъ христіанина въ дѣльца или обречь себя на пожизненную каторгу горемычной овцы, терзаемой волками, которымъ онъ же платитъ жалованье. Единственный, будто, выходъ изъ этого невыносимаго положенія для всякаго христіанина-землевладѣльца положить всѣ силы духовныя и матеріальныя на организацію трудового братства, и братству этому отдать всѣ свои земли и заводы въ аренду.

Дается и положительное обоснованіе идеи братства. Раскрывается цѣлая богословская система. Главная мысль этой системы—и можетъ быть единственная, тѣсно связанная съ идеею братства, при чемъ несомнѣнно, что система эта можетъ претендовать на значеніе лишь въ качествѣ введенія въ ученіе о братствѣ—главная есть мысль о первенствующемъ значеніи любви. Восторженные гимны любви. Любовь всегда святыня и все собою освящаетъ, все очищаетъ до святости. Любовь остается святынею при всякихъ обстоятельствахъ. Она не меньшая святыня и въ сердцѣ атеиста, и въ сердцѣ разбойника, и въ сердцѣ блудника. Грѣховно ихъ злое равнодушіе къ Богу и всему остальному его творенію, такъ грѣховно, что въ этой мрачной пучинѣ тонетъ святая капля ихъ исключительной любви, но капля эта остается сама по себѣ не менѣе святою и дѣлаетъ святынею все, что сдѣлано въ духѣ этой искренней любви. Вотъ почему лучше, чище, святѣе атеистъ, разбойникъ и блудникъ, имѣющіе эту каплю святыни въ сердцѣ, нежели самодовольный фарисей, лишенный ея. Безконечно чище, святѣе, болѣе родственны по духу Богу и всѣмъ причастникамъ великаго братства ангеловъ и святыхъ на небѣ тѣ представители живой любви, которые обзываются атеистами, разбойниками и блудниками, нежели тѣ гробы повапленные, которые подъ буквою вѣры, благочестія, законности и строгой нравственности скрываютъ гордое, холодное и злое сердце. „Богъ есть любовь“. Гдѣ любовь, тамъ и Богъ. Именно въ томъ и главное отличіе божественнаго отъ бѣсовскаго, что гдѣ любовь — тамъ и Богъ, гдѣ злоба, насиліе и холодное равнодушіе—

тамъ грѣхъ и адъ, тамъ бѣсъ. И бѣсы вѣруютъ и трепещутъ, но не любятъ. Все доступно бѣсамъ, кромѣ любви, пока они остаются бѣсами. Бѣсъ, который полюбитъ, станетъ ангеломъ.

Это воззрѣніе на любовь утверждается на опытѣ личной жизни. Я, говоритъ о себѣ Н. Н. Неплюевъ, съ ранняго дѣтства носилъ глубоко въ сердцѣ религію любви и былъ въ нѣкоторомъ смыслѣ фанатикомъ любви. Тамъ, гдѣ не чувствовалось любви, я болѣлъ отъ скуки, замерзалъ отъ духовной стужи. Въ этомъ отношеніи я былъ болѣзненно чуткъ. Не только присутствіе человѣка грубо-недоброжелательнаго, но даже присутствіе человѣка равнодушнаго, холоднаго доставляло мнѣ тяжелое, иногда почти невыносимое страданіе,—мною овладѣвалъ параличъ, мучительный какъ смерть. И природу я мало любилъ, и она казалась мнѣ равнодушною, холодною, и она леденила мое сердце до тѣхъ поръ, пока я не понялъ ее, какъ отраженіе мысли и любви, пока не разобралъ на ней печать высшаго разума и высшей любви. Только проявленія любви утѣшали меня, озаряли душу мою тихимъ свѣтомъ, согрѣвали нѣжною лаской, были чѣмъ-то мнѣ роднымъ, дающимъ смыслъ бытію. Такъ воспринималъ я впечатлѣнія внѣшняго міра, такъ относился я и къ тому, что происходило въ тайникѣ собственной души моей. Любить было для меня такою потребностью, что все остальное казалось мнѣ скучнымъ, пошлымъ, мелкимъ, низкимъ, холоднымъ, черствымъ, жестокимъ!.. Эта постоянная жажда любви, эта неспособность удовлетворяться чѣмъ-либо, кромѣ любви, это ежеминутное ощущеніе глубокаго разлада между природою души и явленіями земной жизни, были главною причиною инстинкта живой вѣры моего дѣтства... Конечно, до того, какъ эта дѣтская вѣра перешла въ сознательную опредѣленную православную вѣру въ Бога-Любовь и первенствующее значеніе любви, протянулся длинный путь тяжелыхъ нравственныхъ страданій и горькихъ разочарованій...

Любовь имѣетъ первенствующее значеніе въ жизни христіанина. Но мало сказать это. Необходима логика любви—стройное міровоззрѣніе, освѣщенное лучами любви, необходима дисциплина любви, которая могла бы сдѣлать любовь торжествующею, необходимо дѣло организаціи добра въ

жизни. Это дѣло все болѣе и болѣе необходимо для блага всѣхъ церквей, всѣхъ государствъ, всѣхъ народовъ. Человѣчество слишкомъ умственно развилось для того, чтобы возможно было съ прежнею наивностью и недомысліемъ относиться къ вѣрѣ и жизни. Для народовъ необходимъ опредѣленный идеалъ и опредѣленная программа непрестаннаго прогресса въ направленіи къ этому идеалу. Народамъ надоѣло безсрочно толочься на одномъ мѣстѣ, не понимая, гдѣ они и куда ихъ ведутъ. И церковь, пока она не организуетъ добро въ жизни, пока она не предлагаетъ вѣрующимъ никакой опредѣленной программы, не можетъ имѣть на жизнь никакого опредѣленнаго вліянія и тѣмъ самымъ утрачиваетъ всякое жизненное значеніе. Именно это и констатируютъ невѣрующіе, называя такую вѣру абсурдомъ, устарѣлой утопіей, годной развѣ для утѣшенія больныхъ и слабоумныхъ людей, а вѣрующихъ такою вѣрою—фарисеями, лицемѣрами и идіотизированными ханжами. Поставить высоко знамя вѣры, доказать, что она и теперь живой свѣточъ, способный удовлетворить умы и сердце, доказать, что вѣра заключаетъ въ себѣ и самую разумную программу упорядоченія жизни, организацію добра—вотъ священная обязанность церкви. И для всякаго государства—это залогъ мирнаго развитія и единенія въ братолюбіи всѣхъ классовъ общества.

Организація добра въ жизни сводится главнымъ образомъ къ нравственному воспитанію и къ организаціи труда.

Чтобы быть нравственнымъ, недостаточно однихъ убѣжденій, одной вѣры,—нужна выправка души, воспитаніе съ дѣтства. Невозможно достичь благопріятныхъ результатовъ, смѣшивая дѣло воспитанія съ дѣломъ дрессировки, корыстную дисциплину съ дисциплиною добровольною, устрашающія наказанія и подкупъ наградъ съ безкорыстіемъ любви и нравственнымъ вліяніемъ. Воспитаніе умственное и физическое должно быть приведено въ стройную гармонію съ воспитаніемъ нравственнымъ, составить съ нимъ одно цѣлое, дисциплинируя и улучшая разумъ, тѣло и волю. Невозможно воспитать волю, ограничиваясь проповѣдью нравственности и благими совѣтами. Необходимо, чтобы добро было строго организовано въ жизни дѣтей, на лонѣ школы, такъ, чтобы дѣти немедленно могли прилагать на практикѣ

даваемые имъ совѣты. Такъ, проповѣдуя дѣтямъ вселенскую любовь, логику и дисциплину любви, необходимо, чтобы воспитатели во всемъ этомъ показывали имъ добрый примѣръ, чтобы внутренняя жизнь школы и всѣ отношенія въ ней были стройно организованы на этихъ началахъ, чтобы воспитанники пріучались имъ быть вѣрными въ мелочахъ повседневной жизни и имѣли практику истинно-братскихъ отношеній. Только при этихъ обстоятельствахъ они могутъ постепенно доходить до высоты нравственнаго преображенія, при которой логика торжествующей любви и дисциплина воли становятся естественными для тѣхъ, которые раньше находили злобу, безразличіе и разнузданность. Первая ступень стройной организаціи добра въ жизни школы состоитъ въ организованномъ союзѣ между всѣми дѣтьми доброй воли, составляющими братскій кружокъ, что можетъ создать здоровую нравственную атмосферу и облегчить возможность взаимопомощи въ дѣлѣ нравственнаго самоусовершенствованія. Вторая ступень—старшій братскій кружокъ, объединяющій всѣ лучшія нравственныя силы школы на дѣло систематичнаго нравственнаго воздѣйствія на младшихъ лѣтами и духомъ товарищей. Наказаніе и награды должны быть замѣнены еженедѣльными собраніями, подводящими итоги нравственной жизни школы, долженствующей имѣть характеръ единодушной, тѣсно сплоченной семьи.

Наряду съ воспитаніемъ долженъ быть организованъ трудъ. Онъ долженъ быть строго организованъ на началѣ братолюбія, безъ чего въ экономической области неизбѣжны—грубая борьба или разорительный и постыдный вооруженный миръ, которые неизбѣжно приведутъ къ разъединенію и озлобленію, сдѣлаютъ безплодными и смѣхотворными всѣ попытки, болѣе сантиментальныя, нежели разумныя, исправить зло, съ одной стороны—проповѣдью мира и единенія, съ другой—безпорядочной благотворительностью. Вопросъ не въ томъ, чтобы найти работу для тѣхъ, которые въ ней нуждаются, не въ томъ, чтобы поднять заработную плату тѣхъ, у кого работа есть. Все это входитъ въ разрядъ благотворительности и улучшаетъ положеніе отдѣльныхъ лицъ и семей, не измѣняя характера общаго положенія дѣла, не предупреждая возможности, даже необходимости конкуренціи, борьбы, разъединенія и озлобленія. До тѣхъ поръ, пока ра-

бота самая тяжелая и непріятная будетъ съ тѣмъ вмѣстѣ и наименѣе выгодною и почетною, борьба за положенія почетныя, выгодныя и пріятныя будетъ неизбѣжна. Необходимо, чтобы самый характеръ работы совершенно измѣнился, чтобы работа перестала быть средствомъ наживы и карьеры, что̀ глубоко безнравственно и приводитъ неизбѣжно къ ожесточенной борьбѣ со всѣми тѣми, кто одновременно желаетъ наживаться и дѣлать свою карьеру, приводитъ общество къ обману вооруженнаго мира между конкурентами. Необходимо, чтобы трудъ сталъ насущною потребностью любви, актомъ братскаго геройства, совершенно свободнымъ отъ всякаго характера продажности и корысти. Надо, чтобы всѣ роды труда давали одинаковыя права на совмѣстно вырабатываемыя цѣнности и чтобы трудъ самый тяжелый и непріятный вознаграждался общественнымъ мнѣніемъ, особою общественною благодарностью и уваженіемъ, когда онъ совершается въ духѣ самоотверженія, смиренія и любви. Необходима трудовая община, стройно организованная на истинно братскихъ началахъ, для того, чтобы трудъ находился въ этихъ условіяхъ. Только трудовая братская община и представляетъ истинное разрѣшеніе соціальной задачи, можетъ стройно организовать жизнь, отношенія и всѣ роды труда на основѣ мира, любви и единенія. Между богатыми людьми всѣ люди доброй воли должны понять нравственное преимущество этого мирнаго разрѣшенія соціальнаго вопроса...

Формою, осуществляющею эти идеи мирнаго труда и прогресса, является братство, преслѣдующее три цѣли: 1) воспитывать дѣтей къ сознанію первенствующаго значенія любви и къ добрымъ привычкамъ устойчиваго торжествующаго братолюбія; 2) стройно организовать всю жизнь, всѣ отношенія и всѣ роды труда на началахъ братолюбія, и 3) по возможности и внѣ братства поддерживать явленія жизни, родственныя первымъ двумъ цѣлямъ.

Такимъ братствомъ и хочетъ быть Крестовоздвиженское Трудовое Братство—въ хуторѣ Воздвиженскѣ Глуховскаго уѣзда Черниговской губерніи, въ 20 верстахъ отъ г. Глухова и въ 6 верстахъ отъ ст. Горѣлые Хутора М.-К.-Ворон. ж. д. Уставъ Братства утвержденъ 23 декабря 1893 года.

Не буду касаться поучительной во многихъ отношеніяхъ исторіи Братства. Опишу его современное состояніе.

Въ брошюрѣ Краткія свѣдѣнія о Православномъ Крестовоздвиженскомъ Трудовомъ Братствѣ — изданіе Трудового Братства (Черниговъ 1905 года)—такъ опредѣляется цѣль и характеръ Братства.

Братство представляетъ изъ себя *производительную и потребительную братскую артель, объединяющую въ себѣ всѣ роды благотворительности въ формѣ самопомощи*, и является опытомъ сплоченія и стройной организаціи прихода путемъ воспитанія души народной къ добровольной дисциплинѣ вѣры и любви и созданія изъ этого духовно-здороваго матеріала на основѣ вѣры, дѣйствующей любовью, живой, здоровой общественной клѣтки братства — прихода, столь необходимой для здоровья живого организма Церкви и Государства. Вся собственность Братства составляетъ неприкосновенное достояніе самого дѣла Трудового Братства и находится только въ пользованіи членовъ Братства, пока они остаются на дѣлѣ Братства, при чемъ не только *обезпечено мирное добываніе хлѣба* насущнаго для себя и своей семьи путемъ дружной совмѣстной дѣятельности, но *обезпечена и участь больныхъ и престарѣлыхъ, ихъ вдовъ и сиротъ,* какъ равно обезпеченъ каждый членъ Братства, пока онъ остается ему вѣренъ, и отъ разоренія отъ всякихъ случайностей, каковы—пожаръ, падежъ скота, обманы, вѣроломство и дурныя сообщества. Братство является гарантіей *крѣпости семейныхъ узъ*, нравственнаго достоинства, честнаго быта христіанской семьи и здоровой духовной атмосферы для нормальнаго духовнаго развитія христіанскихъ дѣтей. Такимъ образомъ Братство, доставляя возможность людямъ доброй воли честно согласовать свою жизнь съ идеаломъ вѣры и осуществляя для кроткихъ ихъ неотъемлемое нравственное право обособленія отъ зла и злыхъ, чѣмъ даетъ возможность *перейти отъ самозащиты и борьбы къ мирному созиданію добра* въ жизни, съ тѣмъ вмѣстѣ является для всѣхъ своихъ участниковъ *духовною санаторіей*, столь необходимою для тяжко болѣющаго антихристіанскими привычками ума и сердца человѣчества и для всѣхъ — драгоцѣннымъ опытомъ перехода отъ ожесточающей борьбы къ мирному созиданію добра въ жизни, — настоящею *программою мирнаго прогресса* на христіанскихъ началахъ...

Такое значеніе Крестовоздвиженскому Трудовому Братству

придаютъ его основатели. Посмотримъ, какъ эти высокія цѣли достигаются въ разныхъ сторонахъ братской жизни.

Жизнь религіозная. Крестовоздвиженское Трудовое Братство состоитъ въ Духовномъ Вѣдомствѣ и въ его собственный полный титулъ входитъ наименованіе его „православнымъ". Оно сознательно хочетъ быть религіознымъ братствомъ. По признанію его основателя и его членовъ, завѣты Братства, мира и любви—завѣты Божіи. На осуществленіе ихъ нужны благодатныя силы и силы эти можно получить только отъ Бога Живаго путемъ причастія благодати Его. Согласно тому Братство сознаетъ, что *дѣло Братства не можетъ быть дѣломъ человѣческимъ,* что и доказалъ опытъ жизни человѣчества, всѣ общины котораго распадались, не устаивая въ любви, *а должно и только и можетъ быть* дѣломъ Божіимъ. Братство основано при храмѣ Воздвиженія Креста Господня, въ которомъ совершаются обычныя праздничныя и постовыя службы. Кромѣ того, пріемы новыхъ членовъ Братства и въ братскіе кружки школъ совершаются съ особенною торжественностью въ храмѣ, при чемъ новые члены приготовляются къ тому говѣніемъ, исповѣдью и причащеніемъ святыхъ таинъ. Сверхъ общихъ молитвъ утромъ и вечеромъ по братскимъ семьямъ и по школамъ, существуютъ въ Братствѣ и обѣихъ школахъ *молитвенныя собранія* для особенно ревнующихъ. Помимо того, устраиваются *бесѣды по классамъ* въ школахъ, а иногда и *общія* по всѣмъ вопросамъ вѣры и жизни *съ цѣлью пробужденія христіанскаго самосознанія...*

Мы были на молитвенномъ собраніи Братства—въ пятницу вечеромъ. Это собраніе заслуживаетъ быть описаннымъ. Ничего подобнаго намъ не приходилось видѣть раньше. Все видѣнное нами здѣсь произвело на насъ сильное впечатлѣніе. Особенность этого молитвеннаго собранія въ томъ, что молитвы произносятся частью священникомъ, а большею частью самими молящимися, безъ заранѣе установленной очереди, по непосредственному вдохновенію. И самыя молитвы — живыя импровизаціи, хотя большая ихъ часть — первоначальныя импровизаціи, съ теченіемъ времени установившіяся для обычнаго употребленія. Что здѣсь были полныя импровизаціи, это для насъ-посѣтителей было очевидно по двумъ молитвамъ — одна о родителяхъ - членахъ братства, потерявшихъ ребенка, похороны котораго были въ

тѣ дни, и другая о насъ - посѣтителяхъ. И вдохновенность остальныхъ молитвъ производила на насъ неотразимое дѣйствіе. Кому не извѣстно, что чтеніе въ нашихъ храмахъ самая скучная часть богослуженія? На тѣхъ богослуженіяхъ, на которыхъ преобладаетъ чтеніе, а не пѣніе и священнодѣйствія, каковы великопостныя службы, рѣдко кто присутствуетъ безъ унылаго, скучающаго выраженія лица. Однообразный голосъ церковнаго чтеца, спѣшащаго вычитать положенныя молитвы, наводитъ усыпленіе, съ которымъ трудно бороться. Не то мы наблюдали здѣсь. Молитвы произносились вдохновенно. Едва кончалъ одинъ, начиналъ другой братъ или сестра. Въ голосѣ каждаго сказывалась индивидуальность, слышалась живая, по своему чувствующая, душа. Нѣкоторые произносили слова молитвъ съ такою задушевностію, которая заразительно дѣйствовала на слушателей. Предъ нами воскресала первобытная христіанская община, водимая Духомъ Божіимъ. Особенно въ нашей памяти сохранился голосъ одной сестры, которая произносила двѣ или три молитвы — такъ выразительно, съ такимъ глубокимъ чувствомъ, съ такою искреннею вѣрою...

Молитвенное собраніе происходило въ одной изъ залъ женской школы. У стѣны, противоположной входу, стояла икона, налѣво, недалеко отъ входа, столикъ съ библіей. Мы заняли мѣсто у стѣны направо, а члены Братства — налѣво. Собраніе началось произнесенною священникомъ, ставшимъ предъ иконою, молитвою св. Іоанна Златоустаго предъ чтеніемъ слова Божія: „Господи, Іисусе Христе, отверзи намъ очи сердечныя услышати слово Твое и разумѣти и творити волю Твою, яко странники есьмы на земли: не скрый отъ насъ заповѣдей Твоихъ, но открый очи наши, да разумѣемъ чудеса отъ закона Твоего. Скажи намъ безвѣстная и тайная премудрости Твоея. На Тя уповаемъ, Боже нашъ, да намъ просвѣтиши умы свѣтомъ разума Твоего, не токмо чести написанная, но и творити я, да не въ грѣхъ себѣ словеса прочитаемъ, но въ обновленіе и просвѣщеніе, и въ святыню, и въ спасеніе души, и въ наслѣдіе жизни вѣчныя. Яко Ты еси просвѣщаяй лежащихъ во тьмѣ, и отъ Тебя есть всякое даяніе благо, и всякъ даръ совершенъ“.

Послѣ этого священникъ, сидя предъ столомъ, прочиталъ отдѣлъ изъ библіи. Затѣмъ онъ снова всталъ предъ иконою

и произнесъ обычныя начальныя молитвы. Потомъ слѣдовали молитвы, которыя произносились членами Братства. Сначала молитвы о царѣ. Молитва первая о царѣ, царствующемъ домѣ и отечествѣ: „Помяни, Господи, Государя нашего Императора Николая Александровича, Супругу Его, Мать и Наслѣдника. Въ тяжелую годину, переживаемую нашимъ отечествомъ, не оставь, Господи, по грѣхамъ народа русскаго Помазанника Твоего: пошли Ему мудрость Соломонову, мужество и кротость Давидову; окружи Его мудрыми совѣтниками и помощниками въ великомъ и трудномъ дѣлѣ, да совершитъ Онъ все во славу Твою и во благо народа своего. Господи премилосердый! Съ сердцемъ сокрушеннымъ и смиреннымъ припадаемъ къ Тебѣ и молимъ Тебя, прости грѣхи и беззаконія наша и соотечественниковъ нашихъ и не сотвори со всѣми нами по грѣхамъ нашимъ, но по Своему великому милосердію пощади, Владыко, Твое созданіе, помилуй и сохрани отечество наше отъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ, внутреннихъ и внѣшнихъ". Вторая молитва о царѣ: „О Государѣ нашемъ Императорѣ Николаѣ Адександровичѣ соборно Тебя Бога молимъ,—посѣти Его, Господи, благодатію Своею, да будетъ Онъ Тебѣ рабомъ неизмѣнно вѣрнымъ, царству своему верховнымъ вождемъ, мудрымъ верховнымъ судіею праведнымъ, о благѣ подданныхъ, согласно вѣчной истинѣ правды Твоей, верховнымъ ревнителемъ. Благослови труды Его, направи стопы Его, ангеламъ Твоимъ заповѣдай, да пріимутъ они и умъ и сердце Его подъ сѣнь крылъ своихъ. Да не въ судъ и не въ осужденіе будетъ Ему прохожденіе поприща земного и страшная отвѣтственность могущества власти державы Его, но въ спасеніе души Его, во благо народамъ царства Его, въ созиданіе царства небеснаго и Тебѣ, Царю царствующихъ и Господу господствующихъ во славу вѣчную. Господи! свѣтомъ разумѣнія путей Твоихъ просвѣти умъ Его, вдохновеніемъ святой любви зажги сердце Его, смиренною радостью сознанія нищеты своей содѣлай Его достойнымъ быть соработникомъ Твоимъ на русской нивѣ Твоей и сохрани намъ Его на многія лѣта".

Слѣдующая молитва о Россіи. „На отчизну нашу, Имперію Русскую, излей благодать Твою, Боже! Да соединятся всѣ народы, ее населяющіе, въ одну семью, Тебя, Отца Небеснаго, единомысленно исповѣдующую, всю жизнь свою по-

вѣрѣ единодушно устрояющую, да будетъ едино стадо и Единъ Пастырь. Да будетъ хлѣбъ насущный и духовный для всѣхъ безъ изъятія. Да будетъ миръ и любовь между всѣми нами и да будутъ безсильны козни враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ, злыхъ сѣятелей плевелъ на нивѣ Твоей, писаніемъ, словомъ или дѣломъ вносящихъ шаткость въ умы, горечь въ сердца, соблазнъ, раздоръ и всякую скверну въ жизнь.

Пошли, Господи, дѣлателей добрыхъ на русскую ниву Твою; да огласятъ они ее глаголами правды Твоей, да просвѣтятъ ее примѣромъ жизни по вѣрѣ. Пошли, Господи, народу русскому чуткость сердца, да разумѣетъ онъ святыя рѣчи избранниковъ Твоихъ, да уразумѣетъ онъ святую волю Твою и неизмѣнно и съ радостью творитъ ю, да будетъ Русь воистину свята, да соединится она единомысленно и единодушно въ одно великое Братство Христово, мыслью, словомъ и дѣломъ вѣрное Богу и Христу Его. Да будетъ Русь наша свѣтомъ міра и солью земли, да видятъ всѣ народы примѣръ доброй христіанской жизни и прославятъ Отца нашего Небеснаго. Господи, Владыко міра! посѣти отчизну нашу благодатію Своею, да облечется она святостью, какъ ризою, и да будутъ сыны ея въ смиреніи своемъ достойны одежды брачной, въ ней же внити надлежитъ въ чертоги царства Твоего".

Далѣе слѣдовала молитва о патріархахъ, синодѣ, митрополитахъ, архипастыряхъ, епископахъ и пресвитерахъ христіанскихъ, затѣмъ—молитва о настоятелѣ братскаго крестовоздвиженскаго храма и потомъ слѣдующая молитва за Братство. „Отче нашъ! Помяни Братство наше, Думу Братства, Старшинъ семей, братьевъ и сестеръ, Молитвенные и Братскіе Кружки, воспитанниковъ и воспитанницъ школъ и общежитій Братскихъ, дѣтей Братства нашего, друзей Братства, всѣхъ, заповѣдавшихъ намъ молиться о нихъ и съ любовью о насъ молящихся, всѣхъ въ отечествѣ нашемъ находящихся и въ иныхъ странахъ разсѣянныхъ о Христѣ братьевъ и сестеръ нашихъ, всѣхъ труждающихся на святой нивѣ Твоей, всѣхъ о имени Твоемъ соединенныхъ въ содружества и союзы. Умы наши свѣтомъ разумѣнія правды Твоея просвѣти, любовью и радостью согрѣй сердца наши, слова благопотребныя вложи въ уста наши. Не по грѣхамъ

нашимъ воздай намъ и Духа Твоего Святого не отними отъ насъ. Ангеламъ Твоимъ заповѣдай, да пріимутъ они умы и сердца наши подъ сѣнь крылъ своихъ. Освяти и укрѣпи, Господи, Братство наше, исцѣли душъ нашихъ болѣзни, Жизнодавче, и въ немощахъ нашихъ твори великія и чудныя дѣла Твои. Аминь".

Молитва за Блюстителя Братства. „Посѣти, Господи, благодатію Своею Блюстителя Братства нашего, раба Твоего Николая. Умъ его свѣтомъ разумѣнія правды Твоея просвѣти; любовью и радостью согрѣй его сердце. Ангелу Твоему заповѣдай, да оградитъ онъ его отъ всякаго зла, да руководитъ онъ его на всѣхъ путяхъ Твоихъ, да утѣшитъ и ободритъ его въ минуту усталости и скорби. Настави его, Господи, на путь Твой, да будетъ онъ орудіемъ добрымъ въ рукѣ Твоей и исполнителемъ вѣрнымъ святой воли Твоей. За любовь, съ какою онъ устрояетъ жизнь нашу по ученію Твоему, прости ему ошибки и прегрѣшенія его. Сподоби его вести дѣло наше по пути Твоему и довести его до конца благого. Посѣти его, Господи, благодатію Твоею и дай миръ, покой и тихую радость душѣ его".

Другая молитва о Братствѣ. „Господи Іисусе Христе, Солнце ясное, свѣтъ и радость на міръ изливающее, Братство наше свѣтомъ небеснымъ озари, вдохновеніемъ любви и радости о Духѣ Святѣ непрестанно животвори, на дѣло созиданія царства вѣчнаго, согласно волѣ Отца Небеснаго, благослови и укрѣпи. Іисусе, Радость Свѣтлая, подъ сѣнь любви Твоея Братство наше пріими, да будемъ сынами достойными святыя и непорочныя церкви Твоея, да будемъ христіанскому отечеству нашему и Благочестивѣйшему Государю Императору Николаю Александровичу гражданами и подданными непостыдными, да будемъ согражданамъ нашимъ братьями любящими, правды алчущими, воды живой— глаголовъ жизни вѣчной жаждущими, о волѣ Божіей и жизни по вѣрѣ неустанно ревнующими. Іисусе, Радость Свѣтлая, на дѣло святое созиданія царства небеснаго Братство наше пріими. Да любимъ другъ друга, какъ Ты возлюбилъ насъ, такъ и мы да любимъ другъ друга. Да знаютъ всѣ, что мы Твои ученики по вдохновенію любви нашей къ Богу и ближнему, по свѣту разумѣнія вѣчной истины правды Твоей и чистой христіанской жизни по вѣрѣ.

О братьяхъ нашихъ возлюбленныхъ соборно Тебя умоляемъ, да пребудетъ на нихъ благодать Твоя, да будутъ умы ихъ свѣтомъ, умы ближнихъ озаряющимъ, сердца ихъ пламенемъ святымъ, души ближнихъ согрѣвающимъ, и каждое мгновеніе жизни ихъ выполненіемъ воли Отца Небеснаго.

Вѣруемъ, Господи, что Ты указалъ намъ путь и истину и жизнь. Исповѣдуемъ, что недостойны мы носить святой крестъ Твой, усердно молимъ Тя—прости намъ дерзновеніе наше, пріими жизнь нашу на святое дѣло Твое и въ немощи нашей твори великія и чудныя дѣла Твои, да расточатся враги Бога Живаго и созиждутся стѣны Іерусалима небеснаго".

Молитва о любви въ Братствѣ. „Господи! любовью наполни сердца наши! Дай намъ любовь къ избранникамъ нашимъ. Дай намъ любовь къ Братству, къ братьямъ и сестрамъ о Христѣ. Господи! любовью наполни сердца избранниковъ нашихъ. Да оградятъ они жизнь нашу отъ разлада и искушеній. Да устрояютъ они жизнь нашу достойно Братства Христова. Господи! любовью наполни сердца всѣхъ людей. Дай намъ любовь къ добру и правдѣ. Дай намъ жалость къ горю ближняго. Въ любви мудрость наша! Въ любви наша тихая радость"!

Затѣмъ слышались молитвы—за воспитателей, о болящихъ, Пресвятой Богородицѣ, за скорбныхъ, поминовенныя и покаянныя, молитва священника за свою паству и др.

Минуты, проведенныя нами на этомъ молитвенномъ собраніи, мы считаемъ наиболѣе памятными въ своей жизни... Наша жизнь такъ бѣдна вдохновеніемъ, такъ принижена однообразными формами, что нужно считать счастьемъ всякую возможность наблюдать яркія блестки живой жизни. Выходя съ этого собранія, мы дѣлились между собою своими впечатлѣніями,—и наши мнѣнія сходились въ томъ, что мы присутствовали на таинствѣ живой молитвы, что члены Трудового Братства раскрыли предъ нами души свои, что мы заглянули въ ихъ сокровенную жизнь—и стали родными имъ...

Въ субботу вечеромъ мы присутствовали на всенощномъ богослуженіи... Настоятель Крестовоздвиженскаго храма, о. Александръ, какъ-то въ разговорѣ сказалъ намъ, что иногда

у нихъ всенощное богослуженіе совершается подъ открытымъ небомъ,—и мы упросили его сдѣлать именно такъ теперь. Онъ недолго отказывался, указывая на угрожающее дождемъ небо. Но мы упросили его и онъ уступилъ. Тучки скоро разсѣялись и наступилъ чудный лѣтній вечеръ. Всѣ братскія строенія находятся среди роскошнаго парка,—въ его тѣни и была совершена всенощная. Соединенный хоръ Братства и его школъ, управляемый однимъ изъ членовъ Братства, можетъ одинаково гордиться и отличными голосами и превосходнымъ строемъ. Традиціи хора—наилучшія: это ученики Калышевскаго. Кругомъ стояла теплая тишина замирающаго лѣтняго дня. Стройные, изъ глубины души вырывавшіеся звуки, сжатые со всѣхъ сторонъ чащею лѣса, могучимъ потокомъ поднимались къ небу. Съ совершенною ясностью стало понятнымъ, что вечерняя служба особенно умѣстна подъ открытымъ небомъ, такъ какъ ея содержаніе имѣетъ ближайшее отношеніе къ природѣ. Возставали картины мірового творенія и возникновенія роскошной земной жизни изъ первобытнаго хаоса: вся природа славитъ своего Творца. Славословіе людей должно сливаться съ голосомъ тварей... На лонѣ природы началась исторія—долгая исторія борьбы свѣта и тьмы, печальная ветхозавѣтная исторія, приведшая человѣчество къ сознанію своего полнаго безсилія, къ жаждѣ помощи свыше, съ Востока. „Свѣтъ тихій“ явился Спасителемъ человѣка, пришедшаго на западъ солнца... И было что-то чарующее, гипнотизирующее въ этомъ соотвѣтствіи между природой и священною пѣсней... Настали новозавѣтныя времена, встали предъ человѣкомъ новыя высокія задачи, которыя должны захватить всѣ силы человѣка. И нельзя было безъ глубокаго чувства смотрѣть на эти группы братьевъ и сестеръ въ ихъ простенькихъ однообразныхъ костюмахъ. Они дѣлаютъ серьезное, великое дѣло, они должны и могутъ молиться съ глубокою искренностью...

На слѣдующій день литургію мы отслушали въ братскомъ храмѣ, выстроенномъ въ 1893 году—во имя Воздвиженія Животворящаго Креста Господня. Бросается въ глаза обиліе крестовъ. Большіе, синіе стеклянные кресты въ бѣлыхъ матовыхъ окнахъ, большіе бѣлые кресты на каждой половинѣ наружныхъ дверей. Внутри—крестовъ еще больше. Вся цер-

ковь, въ формѣ креста, выкрашена однообразно свѣтло-голубою краскою съ темно-синими колоннами на углахъ, такими же большими крестами на обѣихъ половинкахъ внутреннихъ дверей, лутками и оконными рамами. Иконостасъ свѣтлаго рѣзнаго дуба, съ инкрустаціями и рельефными украшеніями изъ чернаго дуба. Цѣлый рядъ крестовъ надъ иконостасомъ, множество прямыхъ и андреевскихъ крестовъ чернаго дуба и такихъ же звѣздъ украшаетъ самый иконостасъ. Большая люстра, ставники, висячія паникадила и четыре большіе креста съ трехсвѣчниками и многими висячими небольшими крестами на стѣнахъ—все это сдѣлано изъ хрусталя. На стѣнахъ, по обѣ стороны иконостаса, большія темносинія церковныя хоругви съ золотою бахрамою и двѣ меньшія хоругви старшаго и младшаго Братскихъ Кружковъ школы: одна красная съ большимъ золотымъ крестомъ, другая голубая съ крестомъ серебрянымъ...

За часъ до литургіи происходили бесѣды учителей по отдѣльнымъ классамъ. Мы раздѣлились,—я присутствовалъ на бесѣдѣ съ старшимъ классомъ, которую велъ Ѳ. Е. Чвертка-Спановскій, одинъ изъ трехъ учениковъ перваго выпуска школы, оставшихся въ Братствѣ. Старшій классъ, только-что выдержавшій выпускной экзаменъ, представлялъ изъ себя новыхъ кандидатовъ Братства. На тему о Братствѣ, его значеніи, о мотивахъ вступленія въ Братство и происходила бесѣда. Примѣчательна непринужденность, съ которою здѣсь говорятъ на религіозно-общественныя темы. Бесѣда продолжалась цѣлый часъ,—и все время, не прерываясь, журчала рѣчь Ѳедора Евѳимовича...

Школы—имѣютъ въ жизни братства громадное значеніе: онѣ доставляютъ главный контингентъ членовъ Братства. Нужно замѣтить, что практическое осуществленіе изложенныхъ выше идей Братства началось съ отношенія Н. Н. Неплюева къ сельской школѣ. Онъ разсказываетъ о себѣ слѣдующее. Невозможность жить безъ любви, невозможность любя обходиться безъ сознательной вѣры въ абсолютную истину и правду любви, не приступая къ разумному дѣлу любви, заставила меня ухватиться, какъ за якорь спасенія, за мысль отдать всю жизнь на воспитаніе дѣтей народа въ привычкахъ любви, подготавливая для нихъ возможность стройно организовать жизнь и всѣ роды труда на основѣ

братолюбія. Эта мысль была дана мнѣ сновидѣніемъ, въ которомъ я видѣлъ себя въ избѣ, въ обществѣ крестьянскихъ дѣтей, съ которыми бесѣдовалъ. Лица ихъ были какъ бы преображенными, просвѣтленными гармоничнымъ сочетаніемъ свѣта разума и вдохновенія любви. Среди нихъ я дышалъ дорогою, родною атмосферою любви. Этотъ сонъ далъ толчекъ моимъ мыслямъ и моей волѣ... Онъ взялъ къ себѣ на воспитаніе нѣсколькихъ бѣднѣйшихъ сиротъ м. Янполя. Съ этого началось его дѣло. Нынѣ въ его имѣніяхъ нѣсколько школъ для дѣтей дошкольнаго возраста и—мужская и женская сельско-хозяйственныя школы. Эти двѣ послѣднія и являются собственно братскими школами.

Воздвиженская низшая сельско-хозяйственная (мужская) школа 1-го разряда содержится Братствомъ, которое, по обязательству дарственнаго акта, отпускаетъ на содержаніе ея ежегодно 10,000 рублей. Кромѣ того, ежегодно отпускается на жалованье учителямъ и на учебныя принадлежности правительственнаго пособія 3500 рублей. Сюда нужно прибавить до 2000 р. ежегоднаго дохода отъ школьнаго хозяйства. Всѣ ученики—числомъ до 80—находятся на полномъ содержаніи школы. Курсъ школы пятилѣтній съ опредѣленною теоретическою программою и практическими занятіями. Учебный годъ продолжается съ 1 октября по 1 апрѣля, рабочее время съ 1 апрѣля по 1 октября. Каникулы зимой съ 15 декабря по 15 января. Для практическихъ занятій въ распоряженіи школы имѣется хозяйство, которое составляютъ: около 50 десятинъ пахатной земли, 12 дес. лугу, болѣе 1 д. подъ питомниками, древеснымъ и плодовымъ,—8 воловъ рабочихъ, 4 лошади, 4 коровы, свинарникъ,—необходимый для обработки этого участка земли инвентарь. Воспитанники исполняютъ въ этихъ размѣрахъ всѣ главныя хозяйственныя работы. Учебно-рабочее время распредѣляется такъ: зимой съ 8 до 12 классныя занятія, а съ $12^1/_2$ до 4 часовъ работы въ мастерскихъ (столярно-плотничной и кузнечно-слесарной) и по дежурствамъ—по дому, по скотному двору и пр. Лѣтомъ исключительно работы.

Эта учебно-практическая программа удовлетворяетъ общимъ цѣлямъ школы, которыя въ уставѣ школы опредѣляются такъ: „школа эта имѣетъ цѣлью распространеніе въ народѣ, преимущественно путемъ практическихъ занятій,

основныхъ познаній по сельскому хозяйству вообще, а отчасти по садоводству и по винокуренному производству, а также по ремесламъ—столярному и слесарному". По всему, что мы видѣли, мы имѣемъ возможность засвидѣтельствовать, что Воздвиженская школа стоитъ довольно высоко, обладаетъ выдающимися средствами сельско-хозяйственнаго обученія. Особенно любопытно было видѣть практическія занятія учениковъ въ обѣихъ мастерскихъ, гдѣ успѣхи ихъ обнаруживаются довольно наглядно.

Но это не единственная цѣль школы. Рядомъ съ этой общей стоитъ вторая цѣль, спеціальная—воспитать души дѣтей въ направленіи сознательной вѣры и любви къ Господу Богу, любви и преданности Царю и Отечеству и Церкви православной, а также и въ братской любви къ ближнимъ и искреннемъ желаніи созидать въ жизни Братство. Говоря проще, школа должна приготовить кандидатовъ для Братства. Родители, желающіе помѣстить дѣтей своихъ въ Воздвиженскую школу, предупреждаются, что школа задается цѣлью подготовить изъ среды своихъ питомцевъ возможно большее число убѣжденныхъ дѣятелей Братства и что, слѣдовательно, ихъ дѣти, оканчивая школу, могутъ, въ силу искренняго убѣжденія, пожелать вступить въ Трудовое Братство, такъ что тѣ изъ родителей, которые не желаютъ этого, не должны помѣщать своихъ дѣтей въ школу подъ опасеніемъ крайне нежелательнаго разлада между вліяніемъ школы и родителей. Воздвиженская школа не возлагаетъ въ этомъ отношеніи на воспитанниковъ никакихъ обязательствъ, но открыто выражается желаніе, чтобы воспитанникъ не былъ поставленъ въ необходимость выбирать между любовью, довѣріемъ и уваженіемъ къ школѣ и воспитателямъ съ одной стороны и любовью, довѣріемъ и уваженіемъ къ родителямъ съ другой. Въ этомъ смыслѣ школа заключаетъ съ родителями формальное условіе.

Такая цѣль школы ставитъ предъ нею своеобразныя задачи воспитанія и создала сложную педагогическую систему, на которой мы и должны остановить свое вниманіе.

Предварительно замѣтимъ, что воспитанники ограждены отъ всякаго сторонняго вліянія: всѣ учителя этой школы вышли изъ ея стѣнъ, ея собственные питомцы. Былъ даже проэктъ и священникомъ-законоучителемъ поставить воспи-

танника же этой школы, но намѣченный кандидатъ, одинъ изъ трехъ братчиковъ перваго выпуска школы, скончался вскорѣ по выходѣ изъ школы. Извѣстно, что у Братства долго не ладилось дѣло съ законоучителями. Нынѣ братскимъ священникомъ состоитъ воспитанникъ Новгородской семинаріи, о. Александръ Александровичъ Секундовъ, которымъ въ Братствѣ всѣ довольны. И неудивительно. Непоколебимо твердый въ православіи, сердечно преданный дѣлу Братства, юный батюшка привлекаетъ къ себѣ привѣтливостью, отзывчивостью и прямодушіемъ.

Во главѣ воспитательнаго дѣла стоитъ попечитель школы Н. Н. Неплюевъ. Какъ онъ смотритъ на это дѣло и что онъ дѣлаетъ въ этомъ отношеніи, объ этомъ онъ высказывается съ совершенною опредѣленностью. Я, говоритъ Н. Н., стою во главѣ дѣла нравственнаго воспитанія въ школѣ и ревниво ограждаю его отъ всего, что можетъ тормозить духовный ростъ воспитанниковъ и поддерживать въ нихъ антихристіанскія привычки ума и сердца. Главною моею обязанностью въ этомъ направленіи я считаю уясненіе воспитанникамъ абсолютной истины христіанскаго міровоззрѣнія и руководство въ дѣлѣ согласованія собственныхъ мыслей и чувствъ съ христіанскимъ идеаломъ. Для этого я пользуюсь всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы почитать съ воспитанниками священное писаніе и побесѣдовать съ ними о словѣ Божіемъ. Пользуюсь и каждымъ удобнымъ случаемъ для того, чтобы каждое явленіе окружающей жизни, каждое событіе, происшедшее въ стѣнахъ школы, и каждый поступокъ воспитанника освѣтить для христіанской совѣсти съ точки зрѣнія христіанской правды. Для выполненія моихъ обязанностей по руководству дѣтьми въ дѣлѣ воспитанія характера я не пропускаю ни одного субботняго круга во время моего пребыванія на хуторѣ, очень часто, а по субботамъ вечеромъ еженедѣльно собираю старшій Братскій Кружокъ для совмѣстнаго съ ними обсужденія характеровъ ихъ младшихъ друзей, а иногда и просто на дружескую бесѣду или чтеніе, часто присутствую и на собраніяхъ младшаго Братскаго Кружка, по возможности ежедневно принимаю, по очереди, каждаго изъ членовъ старшаго Братскаго Кружка и его младшихъ друзей, чтобы поговорить съ каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности. Кромѣ того, въ теченіе

всего великаго поста, ежедневно приходятъ ко мнѣ воспитанники группами или въ одиночку молиться, нерѣдко два раза въ день, что служитъ подготовленіемъ къ говѣнію и святому таинству причащенія, служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ попыткою пробужденія молитвеннаго настроенія духа при совмѣстной молитвѣ съ человѣкомъ, искренно вѣрующимъ, внѣ отвлекающаго присутствія многихъ людей разнаго настроенія. Воскресные и праздничные дни я отдаю школѣ и Братству безъ остатка, находя для самого себя высшею радостью какъ можно тѣснѣе слить мою жизнь съ ихъ жизнью. Какъ только ребенокъ поступаетъ въ школу, онъ становится для меня роднымъ и дорогимъ уже тѣмъ самымъ, что сталъ кандидатомъ въ братья о Христѣ. Отношусь я къ нимъ ко всѣмъ одинаково просто и ласково до тѣхъ поръ, пока имѣю право на это, не нарушая справедливости, не измѣняя добру и не насилуя собственныхъ чувствъ. По мѣрѣ того, какъ отношеніе ребенка къ окружающей средѣ становится болѣе сознательно, опредѣляется все болѣе и болѣе и его отношеніе къ добру и злу. Тѣмъ дѣтямъ, которыя высокими качествами своей души пріобрѣтаютъ мою преимущественную любовь и уваженіе, я не стѣсняюсь выказывать эти чувства; они постепенно восходятъ отъ положенія воспитанниковъ до положенія близкихъ друзей, уважаемыхъ помощниковъ и, наконецъ, вполнѣ равноправныхъ братьевъ о Христѣ. По отношенію къ тѣмъ, которые проявляютъ порочныя наклонности, сонливую апатію и упорное грѣхолюбіе, испробовавъ и ласковость, и убѣжденіе, и строгость, я естественно становлюсь болѣе далекимъ, переходя отъ положенія любящаго и ласковаго воспитателя въ положеніе требовательнаго начальника и даже совсѣмъ чужого человѣка. Воспитанникъ, прожившій пять лѣтъ въ нашей школѣ, среди ежедневныхъ призывовъ къ любви и добру, если онъ, выходя изъ школы, заявляетъ, что предпочитаетъ положеніе наемника положенію о Христѣ брата, естественно тѣмъ самымъ становится для меня болѣе чужимъ, чѣмъ всѣ милліоны людей...

Ближайшими помощниками Попечителя являются преподаватели, всецѣло проникнутые его взглядами, дѣйствующіе всецѣло въ его духѣ. Но этими дѣятелями воспитаніе школы не ограничивается, оно переходитъ въ самовоспитаніе, — и это самая любопытная черта Воздвиженской школы.

Въ каждомъ изъ пяти классовъ имѣется старшина, избираемый каждымъ классомъ ежемѣсячно изъ своей среды. Старшина обязанъ наблюдать за порядкомъ въ своемъ классѣ. Всѣ воспитанники обязаны ему повиноваться во всемъ, что касается принятыхъ имъ на себя обязанностей. Дѣло нужно представлять такъ, что избранный старшина имѣетъ право требовать безпрекословнаго повиновенія своимъ распоряженіямъ. Воспитанникъ на обращенное къ нему со стороны старшины требованіе, которое ему кажется неосновательнымъ, можетъ высказать свое мнѣніе; при повторенномъ же требованіи онъ обязанъ повиноваться безпрекословно. Въ субботнемъ собраніи—кругу каждый воспитанникъ можетъ заявить мотивированное неудовольствіе на старшину, дѣйствія котораго такимъ образомъ подвергаются строгой провѣркѣ.

Помимо старшинъ, дѣйствующихъ на цѣлый классъ, помощниками воспитателей изъ среды воспитанниковъ являются такъ называемые старшіе, которые составляютъ вмѣстѣ старшій Братскій Кружокъ: каждому изъ нихъ поручаются для ближайшаго руководства нѣсколько младшихъ воспитанниковъ. Старшіе живутъ съ своими младшими въ самомъ тѣсномъ общеніи, въ дортуарахъ спятъ рядомъ съ ними, причемъ постель старшаго находится въ срединѣ между постелями младшихъ, за обѣдомъ сидятъ съ ними за однимъ столомъ и въ остальное время стараются какъ можно чаще быть для нихъ доступными. Выбираются старшіе самими младшими воспитанниками, которые на запискахъ обозначаютъ имена старшихъ по порядку большаго или меньшаго желанія имѣть того или другого изъ нихъ своимъ руководителемъ. Исключеніе дѣлается только для вновь поступившихъ, которые распредѣляются между старшими безъ предварительнаго изъявленія своего желанія, такъ какъ никого изъ старшихъ они не знаютъ. Если старшій не оказываетъ достаточно благотворнаго вліянія на младшаго, то послѣднему предлагается избрать другого старшаго. Между собою старшіе образуютъ сплоченную ассоціацію—старшій Братскій Кружокъ. Вступающему въ ст. Бр. Кр. не сразу поручаютъ младшихъ; сначала его только допускаютъ присутствовать при всѣхъ собраніяхъ кружка и, только убѣдившись въ его духовной солидарности съ кружкомъ, его торжественно, съ молитвою, принимаютъ въ число членовъ кружка и поручаютъ ему

нѣсколько младшихъ. Ежедневно, по очереди, одинъ изъ членовъ ст. Бр. Кр. приходитъ къ Попечителю со своими младшими. Каждую субботу ст. Бр. Кр. собирается вечеромъ для обсужденія поведенія младшихъ и ихъ отношенія къ старшимъ. Къ 1 января каждаго года всѣ старшіе пишутъ подробныя характеристики своихъ младшихъ; около 7 января характеристики эти прочитываются на собраніяхъ ст. Бр. Кружка [1]).

---

[1]) Вотъ одна изъ тѣхъ характеристикъ, которыя были прочитаны при насъ и списаны мною для себя. Имя въ характеристикѣ замѣнено другимъ. „Иванъ Семеновъ одинъ изъ большихъ въ своемъ классѣ. Поступилъ онъ въ младшій классъ по конкурсному испытанію въ прошломъ 1904 году. Въ школѣ значитъ живетъ первый годъ. Иванъ юноша рослый, но хорошимъ здоровьемъ не отличается. Дома онъ часто и очень сильно болѣлъ. Два раза у него было воспаленіе почекъ и одинъ разъ воспаленіе легкихъ. Въ школѣ Иванъ, зимою, чувствовалъ себя, вслѣдствіе разстроеннаго болѣзнями здоровья, нѣсколько разъ очень плохо: сильно кашлялъ и жаловался на боль въ груди и боку. Но благодаря тому, что болѣзнь не запускалась и Иванъ, при первомъ приступѣ ея, обращался за помощью къ фельдшеру, печальнаго исхода, въ родѣ серьезнаго очень положенія, не было. Тѣмъ не менѣе такое плохое здоровье даетъ себя чувствовать довольно часто, мѣшая ему, и безъ того не привыкшему къ труду, хорошо работать и пріобрѣсти закалъ въ трудѣ. Работать Иванъ, пріѣхавъ въ школу, совершенно не умѣлъ и дома никогда почти ничего не дѣлалъ. Вотъ почему, когда Иванъ во время Рождественскихъ каникулъ, былъ дома и по старой привычкѣ хотѣлъ убрать свою кровать и подмести комнату, то надъ нимъ начали подсмѣиваться и подшучивать и съ вниманіемъ слѣдить, какъ онъ все это дѣлаетъ. Фигура Ивана сложена довольно пропорціонально и красиво, но Иванъ кажется мальчикомъ неряшливымъ и распущеннымъ, придаетъ ей такое положеніе, содержитъ ее такъ, что временами производитъ непріятное впечатлѣніе. Сидитъ и ходитъ онъ сгорбившись, платье на немъ рѣдко когда бываетъ въ порядкѣ, изящныхъ движеній дѣлать онъ не умѣетъ, бываетъ даже на работѣ неловкимъ и нерасторопнымъ. Вообще движеній физическихъ Иванъ очень не любитъ. Онъ имѣетъ большое расположеніе къ непрерывному спокойствію и вялости.

Къ этимъ отличительнымъ чертамъ въ его характерѣ нужно еще прибавить его страшную разсѣянность и большую неряшливость. Напримѣръ, Иванъ дежурный по школѣ. Всѣ обѣдаютъ, а онъ прислуживаетъ. Беретъ Иванъ чашку съ борщемъ и вмѣсто того, чтобы вылить борщъ въ ушатъ съ помоями, онъ выливаетъ его въ ушатъ съ чищеннымъ картофелемъ. Вылилъ, сталъ и смотритъ въ ушатъ, удивляясь тому, что онъ надѣлалъ. Просятъ у него воды. Онъ уходитъ искать кружку. Во время поисковъ забудетъ, что ищетъ, и приноситъ, вмѣсто кружки съ водой, солонку. Начнетъ мести большую комнату

Подготовленіемъ къ старшему Братскому Кружку служитъ младшій Братскій Кружокъ, объединяющій, по терминологіи

и подмететъ только половину, оставивъ другую не подметенною. Шапку свою за зиму онъ нѣсколько разъ мѣнялъ на чужую, такъ какъ положитъ гдѣ-либо и потомъ не можетъ ее найти.

Неряшливость его проявляется почти на каждомъ шагу. Онъ не любитъ заботиться о чистотѣ своего тѣла; умывается очень небрежно, страшно не любитъ ходить въ баню. За столомъ руки вытираетъ о блузу, подложивъ пальцы правой руки подъ мышку лѣвой, пальцы лѣвой подъ мышку правой, хорошо прижавъ потянулъ, вотъ и кончилось дѣло безъ лишняго безпокойства въ поискахъ за полотенцемъ..

Въ парточкѣ у него, первое время, пока я не сказалъ ему, что надо и тутъ поддерживать чистоту и порядокъ, былъ большой безпорядокъ. Книги были перемѣшаны съ тетрадями, тутъ же валялось скомканное полотенце, въ одномъ углу былъ складъ объѣдковъ отъ грушъ и яблокъ, перемѣшанный со старыми перьями, кусочками мѣла и бумаги. Иванъ до того привыкъ мало обращать на порядокъ и чистоту вниманія, что мое замѣчаніе его мало удивило. Ему казалось, что такъ и быть должно.. Сору жъ некуда дѣваться изъ парточки и само собою понятно, что его будетъ все больше и больше, а безпокоиться для того, чтобы убрать парточку, незачѣмъ, такъ какъ съ привычкою хорошо жить среди безпорядка и грязи. Увидя въ Иванѣ эту черту такого неряшливаго человѣка, я обратилъ особенное вниманіе на нее въ его жизни, часто дѣлая указанія, какъ что надо сдѣлать, училъ его застилать койку, показывалъ, какъ скидывать бѣлье, требовалъ, чтобы онъ умываясь полоскалъ ротъ, хорошо и чаще мылъ руки и т. п.

Теперь Иванъ сталъ сравнительно болѣе аккуратнымъ, но до вполнѣ аккуратнаго человѣка ему еще очень далеко.

Я уже сказалъ, что Иванъ вообще дѣлать большихъ движеній не любитъ, а потому въ общихъ играхъ товарищей участія никогда не принимаетъ, хотя иногда съ оживленіемъ слѣдитъ за ходомъ общей игры. Иванъ много читаетъ, такъ что этому занятію посвящаетъ весь свой досугъ. Усиленнымъ чтеніемъ, держа книгу на близкомъ разстояніи отъ глазъ, онъ очень испортилъ себѣ глаза. Насколько онъ видитъ плохо, можно судить по тому, что сидя за парточкой онъ не видитъ того, что написано на доскѣ, между тѣмъ другіе, сидя на его мѣстѣ, свободно читаютъ написанное. Прочитанныя книги оказали ему значительную пользу, потому что прочитанное онъ хорошо продумывалъ и обращался къ учителямъ за объясненіемъ того, чего не понималъ. Любимыя имъ книги это описанія путешествій по различнымъ частямъ свѣта. Въ этомъ выборѣ книгъ сказывается любовь его къ изученію географіи. Прочитавъ довольно много, Иванъ пріучилъ себя къ правильному выраженію мысли и болѣе грамотному письму. Онъ можетъ хорошо передать то, что услышалъ или прочелъ изъ книги. Иванъ внимательно прислушивается къ тому, что говорятъ другіе. Иванъ имѣетъ нѣкоторыя способности. Онъ имѣетъ нѣкоторый талантъ къ рисованію

братской школы, не дѣтей, окончательно побѣдившихъ въ себѣ порочныя наклонности, а тѣхъ изъ учениковъ, кото-

---

и музыкѣ. Хотя рисовать онъ почти нигдѣ не учился, но изображать на бумагѣ различныя картинки можетъ довольно хорошо. Но и здѣсь ему мѣшаетъ его плохое зрѣніе. Музыку онъ чрезвычайно любитъ и, поступивъ въ школу, онъ сразу принялся играть на скрипкѣ. Иванъ очень любитъ литературные и музыкальные вечера, устраиваемые у насъ въ школѣ. Они доставляютъ ему большое удовольствіе. Онъ съ большимъ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ за декламирующимъ стихъ, вслушивается въ звуки скрипки или цѣлаго оркестра. Можетъ быть это будетъ уже слишкомъ много по отношенію къ Ивану, если я скажу, что пожить чувствами, полученными отъ музыки, является для него духовною потребностью, которая у него развита особенно сильно.

За Иваномъ очень замѣтна и скоро обращаетъ на себя вниманіе, при совмѣстной жизни съ нимъ, еще одна привычка. Сидитъ, напримѣръ, онъ и читаетъ, или рисуетъ, а то просто исполняетъ какую либо работу. Потомъ вдругъ оставляетъ свое занятіе и, устремивъ взоръ въ какую либо точку или предметъ, долго пристально смотритъ туда, о чемъ то глубоко задумавшись. Его въ это время посѣтила какая то таинственная мысль, очень его интересующая, но въ которой онъ отдать вполнѣ отчета не можетъ, но онъ смутно вспоминаетъ и переживаетъ ее. Происходитъ это явленіе, какъ мы знаемъ, съ людьми, пережившими много горя, съ людьми нравственно сильно потрясенными. Чтоже заставляетъ Ивана впадать въ такое забытье? О чемъ онъ думаетъ въ такія минуты? Объ этомъ мы можемъ до нѣкоторой степени узнать, прочитавъ выдержки изъ его дневника отъ 1 февраля. Онъ пишетъ слѣдующее. Чувствую себя въ высшей степени плохо. Я не нахожу себѣ мѣста. Ищу развлеченія хоть какого нибудь и не нахожу его. Хочу развлечься книгой, но сейчасъ же бросаю ее. На урокахъ у меня начинаетъ болѣть голова. Боль постепенно увеличивается и я безсознательно слушаю или вѣрнѣе дѣлаю видъ, что слушаю. Передъ глазами все заволакивается туманомъ. Я еле различаю лицо учителя. Я самъ не могу сказать себѣ или я это брежу во снѣ, или это дѣйствительность. Мнѣ сегодня показалось, что я самый несчастный въ школѣ. Сидя на койкѣ во время перемѣнки, я почувствовалъ прикосновеніе чьей то руки.

Поднявъ глаза, я увидѣлъ, что это былъ Яковъ Игнатьевъ. Онъ стоялъ предо мной улыбаясь. Признаюсь, что я теперь позавидовалъ ему. Онъ такой всегда ласковый, веселый. Глядя на него, я дѣйствительно убѣдился въ томъ, что я самый несчастный. Вспоминая прошлое, мнѣ дѣлается еще грустнѣй. И дѣйствительно я очень много пережилъ ужасовъ: при одномъ воспоминаніи о нихъ у меня по кожѣ пробѣгаетъ морозъ.

Я теперь обратилъ вниманіе на слѣдующее: я имѣю привычку устремлять взоръ въ какую либо точку и долго смотрѣть на нее. Когда я обыкновенно смотрю, то мысли мои въ это время бываютъ далеко и я не могу сразу сознательно отвѣтить на вопросъ, что еще больше удивляетъ всѣхъ. А мысли мои бываютъ далеко не веселыя. Послѣ отпуска

рые обнаружили искреннее желаніе бороться съ такими наклонностями и особенно проявили добрыя чувства къ

я какъ то сталъ больше думать о родныхъ, оставшихся тамъ далеко, за цѣлыхъ восемьсотъ верстъ. Мнѣ начинаетъ казаться, что они, можетъ быть, въ сто разъ несчастнѣе меня и, слѣдовательно, я ихъ счастливѣе во сто разъ. Изъ этой выписки изъ дневника Ивана мы видимъ, что онъ очень жалуется на то, что не чувствуетъ себя счастливымъ. Это его очень удручаетъ особенно при видѣ счастливыхъ товарищей. Его въ сильной степени тревожатъ воспоминанія о пережитомъ. Онъ не можетъ отъ нихъ никуда убѣжать. Они мѣшаютъ ему на ряду съ другими товарищами заняться общимъ дѣломъ и тѣмъ пріобрѣсти себѣ удовлетвореніе. Воспоминанія эти никоимъ образомъ не могутъ быть веселыми, такъ какъ пережить ему пришлось много грустнаго и тяжелаго. Въ семьѣ, въ которой родился Иванъ и выросъ, жизнь сначала шла мирно и счастливо. Отецъ состоялъ на должности сидѣльца при винной лавкѣ.

На получаемое жалованье онъ могъ доставить семьѣ все нужное для безбѣднаго существованія. Мать любила Ивана и онъ испыталъ на себѣ материнскую ласку. Жизнь улыбнулась ему. Онъ чувствовалъ себя очень счастливо. Счастливыя минуты жизни запечатлѣлись въ его душѣ. Но счастье семейное и счастье его продолжалось не долго. Въ одно время мать сильно заболѣла. Передъ самой смертью съ ней случилось умопомѣшательство. Въ минуты приступа болѣзни она скатывалась съ постели, начинала бѣгать по комнатѣ и говорить безсвязныя слова и фразы. Когда приступъ болѣзни бывалъ не такъ ужъ силенъ и она до нѣкоторой степени могла совладать съ собой, то тогда она садилась за столъ и начинала разговаривать съ дѣтьми.

Разговоры эти носили характеръ бесѣды человѣка передъ смертью съ тѣми, кого любитъ и съ кѣмъ жаль разставаться.

Происходило все это въ одной комнатѣ съ дѣтьми. Они конечно все видѣли, слышали и не пропускали безъ вниманія. Можно представить себѣ, какое впечатлѣніе производило это на любящихъ мать дѣтей. Что поразило Ивана и потомъ осталось въ памяти на всю жизнь и осталось для него загадкою, такъ это то, что во время одного изъ такихъ разговоровъ матери съ дѣтьми, она сказала имъ, что останется живымъ только Иванъ, всѣ же братья въ скоромъ времени помрутъ. Мать въ скоромъ времени скончалась. Послѣ ея смерти заболѣли и дѣти. Заболѣлъ и Иванъ. Послѣ непродолжительной болѣзни умеръ одинъ братъ; въ одинъ и тотъ же день, немного погодя, умеръ и другой. Иванъ былъ боленъ, но представлялъ, что кругомъ него происходило. Когда отецъ спросилъ у доктора относительно Ивана, то докторъ призналъ положеніе Ивана безнадежнымъ, сказалъ, что Иванъ непремѣнно умретъ.

Сказано было это, хотя и въ другой комнатѣ, но Иванъ услышалъ сказанное.

Потрясло это его страшно. Онъ былъ все время одинъ. Онъ мучился сознаніемъ того, что больше онъ не жилецъ на этомъ свѣтѣ. Пугало

братьямъ по кружку. Цѣль этого союза—взаимная помощь воспитанниковъ въ дѣлѣ самостоятельнаго нравственнаго

его то, что онъ не зналъ, что будетъ съ нимъ послѣ смерти. Онъ не имѣлъ вѣры въ Бога, при которой ему смерть не была бы страшна и переносить постигшее семью несчастье было бы несравненно легче. Онъ рѣдко когда молился, да если и дѣлалъ это когда, то дѣлалъ машинально, въ церкви и на молитвѣ думалъ всегда о постороннемъ. Вся тяжесть горя ложилась на него со всею силой и угнетала его страшно, между тѣмъ онъ не зналъ, для чего все это онъ переноситъ. Ему некому было повѣдать свое горе. Онъ постоянно думалъ, кому и зачѣмъ нужна его жизнь. Пережитое горе, сознаніе безцѣльности жизни дѣлали то, что онъ чувствовалъ себя очень несчастнымъ.

Мысль его еще въ большей степени преслѣдовала тогда, когда онъ пріѣхалъ въ школу, увидалъ много веселыхъ и счастливыхъ воспитанниковъ, между тѣмъ какъ его горе непрестанно преслѣдовало его и становилось еще болѣе ощутительнымъ при видѣ веселыхъ и счастливыхъ сверстниковъ.

Иванъ долго думалъ, почему это такъ? Отчего онъ не можетъ быть такимъ счастливымъ, веселымъ какъ другіе? Онъ разбиралъ свой характеръ много разъ, желая въ немъ найти то, что могло бы дать ему счастье, силы переносить постигшее его горе. Но кромѣ отрицательныхъ сторонъ въ характерѣ, онъ больше ничего не находилъ, что послѣ каждаго такого пересуживанія себя повергало его въ еще большее уныніе. Часто, бывало, я прійду въ свободное время въ классъ, сяду къ Ивану за парточку и начну разговаривать съ нимъ. Чаще я заставалъ его за чтеніемъ прочитанныхъ книгъ, за чтеніемъ которыхъ онъ проводитъ большую часть времени.

Разговоръ обыкновенно завязывался самый непринужденный. Я спрашивалъ его, что онъ читаетъ, что больше любитъ читать, много ли прочелъ книгъ, какихъ писателей и т. п. Разсказывалъ ему, что я читалъ, чѣмъ интересовался, что осталось у меня въ памяти отъ прочитаннаго. Онъ очень интересовался, какъ впослѣдствіи оказалось, тѣмъ, какъ устраивается жизнь у насъ въ школѣ, какія отношенія существуютъ между учителями и учениками, зачѣмъ младшій и старшій кружки и кто можетъ въ него вступить, а потому во время такихъ разговоровъ онъ почти всегда спрашивалъ о томъ, что было для него новинкой, что его интересовало.

Меня удивило то, съ какимъ вниманіемъ онъ слушалъ мои слова.

Я даже былъ удивленъ этимъ, такъ какъ вообще не думалъ, что такого рода вопросы его очень интересуютъ.

Я увидѣлъ, что это было не простое любопытство, вызванное новинкой сообщаемаго свѣдѣнія, а въ томъ, что онъ узналъ о мл. бр. кружкѣ, объ должныхъ отношеніяхъ къ Богу, онъ чувствовалъ, если не видѣлъ, что то такое, что можетъ его успокоить, дать радость въ жизни.

Я ему разсказалъ, объяснилъ, насколько могъ то, почему онъ чув-

самоусовершенствованія. Время отъ времени младшій Братскій Кружокъ собирается для обсужденія поведенія своихъ сочленовъ. Но и младшій Братскій Кружокъ не довольствуется своею внутреннею жизнью,—онъ простираетъ свое наблюденіе и за внѣ-кружковыми товарищами. Какъ только замѣчается въ комъ-либо изъ послѣднихъ желательное настроеніе, члены младшаго Братскаго Кружка ухаживаютъ за нимъ, приглашаютъ его въ свое собраніе и при общемъ ликованіи заявляютъ ему о своихъ надеждахъ на него. Пріемъ новаго члена въ младшій Братскій Кружокъ обставляется молитвенною торжественностью. Читается Мѳ. XVIII, 15—17 съ объясненіемъ. Затѣмъ поютъ и читаютъ приличныя случаю молитвы, вновь поступающій цѣлуетъ крестъ и хоругвь младшаго Братскаго Кружка и обѣщаетъ любить младшій Братскій Кружокъ и всѣхъ его сочленовъ. Торжество заканчивается тѣмъ, что вновь поступающему даютъ первый братскій поцѣлуй и всѣ радостно поздравляютъ другъ друга съ пріобрѣтеніемъ новаго брата.

Другая школа—Преображенская низшая женская сельскохозяйственная школа 2-го разряда, которою завѣдуетъ Марія Николаевна Уманецъ, во всѣхъ отношеніяхъ представляетъ изъ себя копію мужской школы, другую ея, женскую, половину.

Въ общемъ жизнь школъ открываетъ стройную воспитательную систему кружковъ. Преподаватели представляютъ изъ себя братскую семью во главѣ съ попечителемъ; каждый изъ нихъ имѣетъ въ своемъ ближайшемъ попеченіи нѣсколькихъ членовъ старшаго Братскаго Кружка, о которыхъ пишетъ характеристики; каждый изъ членовъ старшаго Братскаго Кружка руководитъ нѣсколькими младшими. Всѣ

ствуетъ себя такимъ несчастнымъ. Что вполнѣ счастливымъ будетъ чувствовать себя только тогда, когда будетъ любить Господа Бога, видѣть въ Немъ источникъ силъ, будетъ любить товарищей и будетъ испытывать на себѣ любовь ихъ. Послѣ этого разговора Иванъ сталъ болѣе спокойнымъ, почувствовалъ себя гораздо лучше, сталъ болѣе веселымъ. Насколько онъ сознательно и съ довѣріемъ отнесется къ сказанному мною, станетъ ясно въ будущемъ. Теперь же онъ, увидѣвъ свое заблужденіе, старается выбраться на свѣтъ. Старается отвыкнуть отъ дурныхъ привычекъ, стать воспитанникомъ добрымъ.

Въ краткихъ чертахъ Иванъ таковъ: распущенный, вялый, разсѣянный, неряшливый, способный, начитанный, не религіозный.

рѣшительно ученики ведутъ личные дневники. Учительская семья, старшій Братскій Кружокъ и младшій Братскій Кружокъ собираются для обсужденія общихъ вопросовъ. Каждая ассоціація ведетъ журналы. Ведутся журналы общей школьной жизни. На субботнемъ кругу бываетъ собраніе всѣхъ школьниковъ. Также общія собранія бываютъ молитвенныя и для бесѣдъ. Бываютъ литературно-музыкальные вечера. Мы присутствовали на такомъ вечерѣ съ участіемъ членовъ Трудового Братства и вынесли наилучшія впечатлѣнія. Образцовая декламація, прекрасный хоръ, очень хорошій оркестръ балалаечниковъ, художественныя и идейныя живыя картины. Особенно хороша была картина, символизирующая трудъ и Трудовое Братство.

Не высказываю критическихъ сужденій объ этой воспитательной системѣ: это дѣло спеціалистовъ педагоговъ. Но не могу не признать, что въ Воздвиженской и Преображенской школахъ дѣтей дѣйствительно воспитываютъ. И это особенно бросается въ глаза, если припомнить дѣло воспитанія въ нашихъ государственныхъ и церковныхъ школахъ, или лучше сказать—полное отсутствіе воспитанія въ нихъ. Система наказаній, отчуждающая отъ учениковъ начальство—вотъ чѣмъ здѣсь замѣняется воспитаніе. На колѣни, безъ обѣда, въ карцеръ—этимъ думаютъ воспитывать. Но, конечно, нисколько не воспитываютъ. Въ нашихъ школахъ отсутствуетъ главный воспитательный элементъ — личный примѣръ начальства и учителей,—и въ этомъ отношеніи церковная школа вполнѣ походитъ на свѣтскую. Учителя сознательно и настойчиво устраняются отъ дѣла воспитанія. Начальство, особенно монашествующее, сознательно и упорно держитъ себя въ отдаленіи отъ дѣтей, чтобы не угасалъ благоговѣйный страхъ въ дѣтяхъ. Помимо того, окружающая общественная жизнь дѣлаетъ совершенно невозможнымъ школьное воспитаніе. Школьныя, равно и церковныя, рѣчи о силѣ добра, о святомъ самоотреченіи, о милости Божіей къ праведникамъ остаются гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, пока въ жизни господствуетъ насиліе, грѣшники благоденствуютъ и судьбами исторіи заправляютъ уже во всякомъ случаѣ не праведники. Жизнь и воспитываетъ—помимо мертвыхъ системъ нравственнаго богословія, вяло повторяющаго чужія старыя слова... Вотъ почему Воздвиженская и

Преображенская школы,—можетъ быть, единственныя у насъ воспитывающія школы. Онѣ окружены жизнью Братства, которое стремится жить по ученію Христа. Дѣти въ нихъ воспитываются личнымъ примѣромъ наставниковъ, ихъ близкимъ словомъ,—воспитываются взаимно. Обычныя школьныя наказанія не примѣняются. Но вмѣсто ихъ озлобляющей системы, здѣсь слѣдятъ за каждымъ ученикомъ—попечитель, учителя, товарищи, знаютъ душу каждаго, его личную жизнь, его настроеніе, характеръ, наклонности, съ нимъ говорятъ о немъ, ему даютъ высказываться и устно и письменно, его заинтересовываютъ въ дѣлѣ самовоспитанія. Передаютъ, что въ этихъ школахъ, какъ и въ братской жизни, не слышно о куреніи табаку, воровствѣ, пьянствѣ. Этому легко можно повѣрить. Не только отсутствуютъ такіе грубые пороки, но не подлежитъ сомнѣнію опредѣленное религіозно-нравственное настроеніе. Я говорилъ съ учениками по вопросамъ христіанской жизни, искушалъ ихъ—и могу засвидѣтельствовать, что они готовы дать отвѣтъ всякому вопрошающему. Это не то, что заучиваніе учебниковъ, на которые такъ много полагаются въ нашихъ семинаріяхъ и которые такъ скоро улетучиваются изъ головы,—здѣсь сказывается привычка къ постояннымъ живымъ бесѣдамъ по этимъ вопросамъ...

Экономическая и общественная жизнь Братства. Въ экономическомъ отношеніи Братство обезпечено землей. Учредитель Крестовоздвиженскаго Братства передалъ ему въ даръ, съ правами полной собственности, Воздвиженское имѣніе, заключающееся въ 16435 дес. земли, со всѣми находящимися на этой землѣ лѣсами, постройками и заводами. Въ настоящее время въ фактическое пользованіе Братства перешло 5313 десятинъ, а остальная земля остается въ пожизненномъ пользованіи дарителя, его матушки и двухъ сестеръ. Братство приняло на себя обязательство содержать двѣ сельско-хозяйственныя школы, храмъ и больницу и взяло на себя долгъ, лежавшій на имѣніи, что требуетъ отъ Братства ежегодно около 28000 рублей.

Члены Братства въ имущественномъ отношеніи раздѣляются на два разряда. Члены, обладающіе личною собственностью внѣ предѣловъ Братства, живутъ на своемъ содержаніи и въ доходахъ Братства не участвуютъ. Полноправные члены Братства живутъ на полномъ содержаніи Брат-

ства, участвуютъ въ доходахъ Братства, не имѣютъ права обладать собственностью на сторонѣ, обязаны жить въ Братствѣ, принимать участіе въ его трудахъ и подчиняться порядкамъ, принятымъ въ Братствѣ. При поступленіи въ число полноправныхъ членовъ Братства, лица, обладающія собственностью, передаютъ ее въ Братство, по оцѣнкѣ, оставляя за собою право при выходѣ изъ Братства получить равноцѣнное имущество.

Полноправные члены Братства являются хозяевами братскаго имущества. Чистая прибыль, получаемая Братствомъ, распредѣляется такъ: 20% отчисляется въ общіе капиталы Братства—основной и запасной, а 80% поступаютъ въ распоряженіе членовъ Братства, которое свободно распоряжается этими процентами, отчисляя нѣкоторую часть ихъ въ личную собственность братчиковъ. Суммами, числящимися на личныхъ счетахъ, члены Братства могутъ свободно распоряжаться при выходѣ изъ Братства и по духовному завѣщанію.

Кромѣ полноправныхъ членовъ Братства могутъ быть пріемные братья—члены, которые поступаютъ въ Братство со стороны. Они подчиняются всему строю братской жизни, живутъ на содержаніи Братства и участвуютъ въ его доходахъ наравнѣ съ полноправными членами, но не имѣютъ рѣшительнаго участія въ управленіи братскою жизнью, которое принадлежитъ только полноправнымъ членамъ. Пріемнымъ братьямъ дается однако право совѣщательнаго голоса. Первый же годъ по поступленіи въ Братство лица называются допущенными на испытаніе и не принимаютъ никакого участія въ управленіи братскою жизнью.

Полноправныхъ, пріемныхъ и допущенныхъ членовъ къ 1 января 1905 года было братьевъ 69, сестеръ 82 и дѣтей 44, всего 195.

Полноправные братья и сестры составляютъ изъ себя *Братскую думу*, которая рѣшаетъ всѣ вопросы братской жизни. Отъ нея зависитъ пріемъ новыхъ членовъ Братства. Она свободно пополняется сама изъ числа пріемныхъ братьевъ, при чемъ наблюдаютъ тотъ принципъ, чтобы руководительство братскою жизнью принадлежало не большинству всѣхъ членовъ Братства, а испытанному и надежному меньшинству. Сама дума выбираетъ изъ своей среды пожизненнаго блюстителя.

Для управленія собственно трудовою жизнью Братства Братская дума выбираетъ изъ всѣхъ членовъ *хозяйственный совѣтъ и правленіе.*

Затѣмъ всѣ члены Братства раздѣляются на братскія семьи. Братская семья представляетъ изъ себя тѣсную артель братчиковъ, занимающихся однороднымъ трудомъ. Въ настоящее время такихъ братскихъ семей—девять. Носятъ онѣ имена святыхъ—семья св. Николая Чудотворца, св. Іоанна Богослова, св. Княгини Ольги и т. д. Одна семья—учителей (св. Николая Чудотворца), другая семья членовъ, занимающихъ разныя административныя должности при Воздвиженскомъ имѣніи (св. Іоанна Богослова), третья семья сыроваровъ, четвертая—прачекъ и пр. Я сейчасъ не сумѣю перечислить въ этомъ отношеніи всѣ братскія семьи, а въ отчетахъ самого Братства онѣ перечисляются подъ именами святыхъ; но я могу сказать, что всѣ братскія семьи въ настоящее время, при незначительномъ количествѣ членовъ Братства и при громадности владѣній и сложности задачъ Братства, или занимаютъ административное и интеллигентное, вообще привиллегированное положеніе въ системѣ братской жизни, или же обслуживаютъ только наличный составъ Братства—шьютъ, моютъ для него и т. д.

Остановимся на жизни братской семьи. Братская семья представляетъ изъ себя соединеніе нѣсколькихъ, брачныхъ и безбрачныхъ, членовъ, имѣющихъ общій трудъ, общій домъ и столъ. Пока всѣ семьи помѣщаются въ домахъ, которые прежде имѣли разное назначеніе въ имѣніи и потому не вполнѣ приспособлены для новой цѣли. Но уже строятся новыя братскія общежитія. Въ новомъ домѣ обитаетъ семья св. Іоанна Богослова. По типу этого дома предполагается и въ будущемъ строить братскія общежитія. Это большой каменный двухъэтажный домъ. Предназначенъ для 12 семейныхъ членовъ Братства. Въ немъ—двѣнадцать частныхъ комнатъ для семейныхъ и общія комнаты—столовая, три комнаты для дѣтей, небольшая прачешная для мойки дѣтскаго бѣлья и кухня. Семейные члены имѣютъ свою отдѣльную комнату, а холостые помѣщаются по нѣскольку въ спальнѣ. Частныя помѣщенія не велики—самое большее, для двухъ взрослыхъ и трехъ дѣтей. Общаго типа. Кромѣ кроватей—гардеробный и бѣльевой шкафы, столъ для пись-

менныхъ и подобныхъ занятій; въ переднемъ углу божница, окаймленная бѣлой занавѣсью, съ лампадой. Убранство комнатъ очень однообразно. Однообразная одежда—черная блуза и черныя брюки у братьевъ и темно-синія платья у сестеръ. Для молитвы утренней и вечерней всѣ члены братской семьи собираются въ столовую. На обѣдъ и ужинъ обычно подаются борщъ съ мясомъ и каша съ саломъ, съ масломъ или молокомъ; на завтракъ или супъ въ семьяхъ, занимающихся физическимъ трудомъ, или чай въ остальныхъ семьяхъ. Содержаніе (столъ и одежда) каждаго члена Братству обходится въ годъ отъ 105 до 125 рублей. Общія дѣтскія служатъ: двѣ спальнями для мальчиковъ и дѣвочекъ старшаго возраста, а одна для общихъ дѣтскихъ игръ. Я долженъ сказать два слова о братскихъ дѣтяхъ. Легко представить себѣ, что все населеніе Братства связано узами тѣснаго содружества, которое замѣтно обнаруживается вовнѣ: всѣ знаютъ другъ друга, называютъ другъ друга ласковыми именами, члены одной братской семьи имѣютъ общій столъ и домъ. Дѣти считаются членами Братства и содержатся на общій счетъ Братства, независимо отъ числа ихъ въ брачной семьѣ. Все это отражается на дѣтяхъ въ высшей степени благотворно. Всѣ они ласковы, довѣрчивы, привѣтливы. Бывало проходишь мимо того или другого братскаго дома, около котораго копошится группа дѣтворы въ возрастѣ отъ 4 до 7 лѣтъ. Завидятъ тебя дѣтишки и подбѣгаютъ. „Здравствуй, дядя! Какъ тебя зовутъ? А гдѣ ты былъ? Куда идешь? Посмотри наши игрушки“... Или проходимъ, при осмотрѣ братскихъ помѣщеній, чрезъ комнату, въ которой сидитъ въ качалкѣ только-что проснувшійся малышъ, и рѣдко кто не скажетъ ему ласковаго привѣтствія, не тронетъ его за ручку—а насъ было около 25 человѣкъ—и онъ смотритъ на всѣхъ своими свѣтлыми глазками, улыбается... И всему поселку эти здоровыя, веселыя и привѣтливыя дѣтишки придаютъ хорошій, сердечный видъ... Самыя старшія изъ братскихъ дѣтей въ настоящее время достигаютъ, кажется, семилѣтняго возраста. И предъ Братствомъ возникаетъ новая задача—создать приготовительную школу для своихъ дѣтей.

Жизнь каждой братской семьи—общая. Во главѣ ея стоитъ старшина, назначаемый Братской думой. Назначается для всѣхъ работа или общая, или обнимающая разныя стороны

потребностей братской семьи. Напр. младшія дѣти поручаются одной сестрѣ, другая находится при дѣтяхъ отъ 4—7 лѣтъ; одинѣ на кухнѣ. Распорядитель работами дѣйствуетъ въ согласіи со всѣми членами братской семьи. Общіе вопросы братской семьи рѣшаются на собраніяхъ всѣхъ ея членовъ. Каждая братская семья ведетъ лѣтопись, которая прочитывается и обсуждается на этихъ собраніяхъ [1]). Между

---

[1]) Вотъ выписка изъ хроники (учительской) семьи св. Николая Чудотворца за недѣлю съ 28 марта по 3 апрѣля, прочитанная при насъ.

„Идутъ экзамены, самый разгаръ, такъ сказать, ихъ; много разговоровъ о разныхъ подробностяхъ того или иного экзамена, вечерами иногда чтеніе сочиненій.

Костя (ребенокъ 4-хъ лѣтъ) сталъ уже совсѣмъ поправляться и Ѳедоръ Евфимовичъ повеселѣлъ. Ожидали пріѣзда Н. Н. во вторникъ, но онъ телеграммой отложилъ свой отъѣздъ на четвергъ, потомъ на субботу, наконецъ совсѣмъ не пріѣхалъ на этой недѣлѣ. Дорога все ухудшается, погода стоитъ очень плохая, сырая, холодная, со снѣгомъ и настоящими мятелями, трудно поэтому бываетъ даже по хутору пройти. Въ среду было обычное собраніе семьи. Читали недѣльныя хроники за послѣднее время за мартъ мѣсяцъ—С. Н. К., А. И. И. и И. С. Д. Въ первой изъ этихъ хроникъ С. Н записалъ собраніе семьи отрывисто и безцвѣтно, такъ что главное совсѣмъ не было подчеркнуто. Выпущено было серьезное указаніе семьи, сдѣланное на этомъ собраніи, на узкій, крайній эгоизмъ, который проявлялся матерями въ стремленіи получше подкормить своихъ дѣтей, выпущенъ былъ также случай съ улучшеніемъ дѣтскаго супа. Фактъ былъ въ томъ, что У. А. Ч. заподозрѣла, что супъ дѣтскій лучше съ тѣхъ поръ, какъ хозяйки стали имъ кормить своихъ маленькихъ дѣтей, а до тѣхъ поръ онъ былъ худшаго качества.

Передавая это подозрѣніе, старшина просилъ сестеръ допросить себя въ совѣсти своей объ этомъ, потому что, если бы это была правда, то это было бы отвратительное проявленіе самаго черствaго семейнаго эгоизма. На это отвѣтъ дали сестры на слѣдующемъ собраніи семьи, записанномъ И. С. Д.; отвѣтъ этотъ безъ предварительной записи въ хроникѣ С. Н. вышеизложеннаго факта—является непонятнымъ.

М. И. Л. просила братьевъ не класть шапокъ на столѣ въ гостинной, а оставлять ихъ въ передней, такъ какъ это придаетъ безпорядочный видъ комнатѣ. Н. К. С. полагалъ по этому поводу, что можно было бы нѣсколько освободить нашу переднюю отъ вещей и поставить тамъ столикъ, на которомъ и класть шапки. Затѣмъ А. А. Л. предложилъ по вопросу о дѣтскомъ столѣ нѣсколько примѣрныхъ обѣдовъ для дѣтей и нѣсколько общихъ замѣчаній о питаніи дѣтей; обсуждать этого не стали. А. Н. К. сообщилъ семьѣ, что родные Л. Ф. К. болѣютъ все время и просятъ ее пріѣхать мѣсяца на 2. А. Н. думаетъ самъ поѣхать тогда на короткое время и вернуться съ Сашей, а Л. Ф. останется уже

собою разныя братскія семьи, независимо отъ рода труда, равноправны: занятія интеллигентныя и административныя не предпочитаются физическому труду.

тамъ одна. Разрѣшеніе на такой отпускъ можетъ дать только Дума. семьѣ же слѣдуетъ только рѣшить, можно ли устроить Сашу; А. Н, думалъ бы, что онъ можетъ быть вполнѣ на попеченіи дежурной. М. И. Л. думаетъ, что для дежурной трудно будетъ справиться, тѣмъ болѣе лѣтомъ, когда А. Н. нужно будетъ рано вставать и уходить на работу, къ тому же у насъ теперь очень мало сестеръ на дежурствахъ. Предложили сестрамъ подумать, можно ли устроить Сашу въ такомъ случаѣ своими силами или нужно просить кого либо на помощь. Затѣмъ Ѳедоръ Евфимовичъ Чвертка (старшина) спросилъ всѣхъ о взаимныхъ отношеніяхъ, нѣтъ ли какихъ либо недоразумѣній. Всѣ отозвались, что ничего не имѣютъ и довольны. Теперь мы приближаемся ко времени говѣнія, сказалъ старшина Ѳодоръ Евфимовичъ—къ Страстной недѣлѣ, когда нужно особенно постараться исправить, уладить всякія несогласія и недоразумѣнія между собою, устранить всякое недоброе чувство къ кому бы то ни было; нужно намъ очищать себя отъ всякаго горькаго чувства, которому хотя бы и случайно дали мы возможность накопиться въ душѣ. Я хочу подѣлиться чувствами, которыя переживалъ въ это время: у большинства изъ насъ есть уже дѣти и потому должны быть родительскія чувства. Когда заболѣлъ Костя и болѣзнь съ каждымъ днемъ становилась все упорнѣе и упорнѣе, я пережилъ много горькаго и тревожнаго чувства, даже отчаянія временами, которыя смѣнялись надеждой и облегченіемъ на душѣ при всякомъ признакѣ улучшенія въ его здоровьѣ. Для меня, я прямо скажу, непереносимымъ ударомъ была бы смерть Кости, можетъ быть, это нехорошо, даже грѣхъ; говорятъ же, что если любить кого такимъ образомъ, то отымается. Это тяжелое чувство во мнѣ усугублялось еще сознаніемъ полной безпомощности: доктора нельзя было вызвать вслѣдствіе бездорожья. И вотъ оставалось только одно—молитва. Говорятъ, кто на морѣ не бывалъ, тотъ Богу не маливался, и еще, что дѣти научатъ родителей молиться Богу; и это правда; эта недѣля много мнѣ принесла, многое пережилось. Теперь я надѣюсь, что въ другой разъ я спокойнѣе отнесусь при такомъ случаѣ, не съ такимъ волненіемъ; но теперь это было ново для меня. Я хотѣлъ этимъ подѣлиться съ вами, такъ какъ увѣренъ, что каждый пойметъ эти чувства. Въ такое время конечно особенно дорого участіе и я хотѣлъ принести свою благодарность всѣмъ присутствующимъ и многимъ отсутствующимъ членамъ Братства за ихъ сердечное участіе, за теплыя молитвы; мнѣ дорого было замѣтить каждое крестное знаменіе при молитвѣ за Костю. Хотя за это время я былъ совсѣмъ оторванъ отъ семьи, но мнѣ кажется, что именно въ это время я еще болѣе сроднился со всѣмъ Братствомъ, такъ какъ видѣлъ и чувствовалъ, что живъ настоящій духъ братской жизни въ насъ, искренно-сердечное участіе другъ къ другу. Особенно вызываетъ чувство благодарности, что эти теплыя чувства проявляются

Я уже сказалъ, что въ Воздвиженской экономіи члены Братства составляютъ собственно лишь администрацію имѣ-

---

не только къ тебѣ лично, но и къ тому, что дорого для тебя. Такъ вѣдь и должно быть, нужно, чтобы ребенокъ одного былъ дорогъ всѣмъ. Не нужно пропускать намъ случая выражать свои чувства въ такихъ обстоятельствахъ—это сильно роднитъ и сближаетъ въ одну истинно братскую семью.

Всѣ поблагодарили Ѳодора Евфимовича за то, что онъ подѣлился своими чувствами и этимъ закончилось собраніе.

Въ четвергъ начали побѣлку общежитія къ празднику; бѣлили только общія комнаты, частныхъ на этотъ разъ старшина Ѳодоръ Евфимовичъ не разрѣшилъ бѣлить. Какъ обычно въ это время въ продолженіи двухъ дней было очень плохо въ комнатахъ, негдѣ было что называется приткнуться—гдѣ бѣлятъ, гдѣ моютъ, гдѣ загромождено. Небольшое неудовольствіе было между старшиной Ѳодоромъ Евфимовичемъ и хозяйками; первый былъ недоволенъ на то, что нѣкоторыя въ своихъ комнатахъ велѣли помазать печки и трещины, а хозяйки на нераспорядительность, вслѣдствіе чего велѣно было побѣлить печки въ корридорахъ и передней уже послѣ того, какъ были вымыты полы въ этихъ комнатахъ. На этихъ дняхъ ослабѣвшій на время интересъ къ событіямъ на театрѣ военныхъ дѣйствій снова выросъ, теперь слѣдятъ за движеніемъ эскадры Рождественскаго.

Относительно предстоящихъ праздниковъ въ семьѣ говорили, что хорошо было-бы какимъ нибудь образомъ уменьшить хлопоты на Страстной недѣлѣ, можно меньше печь пасохъ, лучше послѣ праздника испечь свѣжаго хлѣба, а то у насъ долго еще послѣ Пасхи берегутся совсѣмъ засохшіе куличи.

Можетъ быть въ этомъ году такъ и сдѣлаютъ тѣмъ болѣе, что сестрамъ придется очень трудно, такъ какъ ихъ мало. Нужно будетъ просить у Маріи Николаевны на это время кого либо изъ сестеръ помочь присмотрѣть за дѣтьми. Е. В. П-ва сама предложила сестрамъ придти помогать имъ печь пасхи, такъ какъ будетъ свободна это время. Въ субботу у насъ были пріѣзжіе гости И. А. Б. и И. В. К. Первый пріѣхалъ познакомиться съ Братствомъ, а второй проситъ принять его въ Братство. Б. произвелъ пріятное впечатлѣніе, онъ, видимо, серьезно заинтересованъ Братствомъ, такъ какъ самъ предполагаетъ организовать небольшую общину. Онъ ужиналъ у насъ, въ воскресенье обѣдалъ, разсказывалъ, какъ онъ посѣщалъ Толстого. Второй гость очень молчаливъ и застѣнчивъ, такъ что впечатлѣнія опредѣленнаго отъ него нельзя было имѣть. Въ воскресенье не было ничего въ виду очень плохой погоды. Утромъ Г. Г. принесъ къ намъ свою маленькую Маню; онъ послѣ долгаго обдумыванія и посовѣтовавшись съ докторомъ рѣшилъ воспользоваться предложеніемъ А. Е. и отдалъ ей своего ребенка (т. е. по смерти его матери). А. Е. и А. И. охотно по-братски предложили свою помощь отцу. Многіе члены семьи были искренно рады такому чисто братскому свѣтлому явленію.

нія, да изъ нихъ же скотники и коровницы при молочномъ скотѣ, а всѣ остальныя полевыя и хозяйственныя работы производятся наемными рабочими. Но есть одна семья въ Братствѣ, которая составляетъ собственно сельско-хозяйственную рабочую артель. Она обитаетъ въ Рождественскомъ хуторѣ. Тамъ работаютъ сами братчики, впрочемъ при помощи наемныхъ рабочихъ. Когда мы были на этомъ хуторѣ, мы застали братьевъ за уборкой кормовой травы... Въ домѣ насъ угостили хорошимъ квасомъ: день былъ знойный... Осматривали мы дѣтскій пріютъ.

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Рождественскій хуторъ представляетъ изъ себя самый интересный уголокъ Воздвиженскаго Братства. Болѣе всего, повидимому, любопытно знать, какъ идутъ работы на этомъ хуторѣ, каковы здѣсь результаты. Разумѣется, наблюсти это въ свое кратковременное пребываніе на хуторѣ мы не могли. Но вотъ свѣдѣнія, которыя можно получить изъ отчетовъ Братства.

Хуторъ Рождественскій былъ основанъ въ 1892 году на окраинѣ полей Воздвиженской экономіи, въ разстояніи 3-хъ верстъ отъ Воздвиженска; онъ устроенъ спеціально для поселенія Братской рабочей артели. На хуторѣ былъ выстроенъ домъ для братскаго общежитія и скотные дворы; новое хозяйство было снабжено необходимымъ хозяйственнымъ инвентаремъ—живымъ и мертвымъ; стоимость инвентаря, а также затраты на озимые посѣвы были записаны на счетъ новой Братской артели, образовавшейся въ большинствѣ изъ выпуска воспитанниковъ Воздвиженской С.-х. школы 1892 года. За земли, отошедшія въ пользованіе артели въ количествѣ 233 десятинъ, была положена ежегодная аренда въ суммѣ 1339 р. 90 коп. Впослѣдствіи арендная плата была замѣнена обязательствомъ для артели — содержать дѣтскій пріютъ, учрежденный на этомъ хуторѣ. Учредители Братства смотрѣли на Рождественскій хуторъ какъ на практическую школу, куда поступали молодые люди прямо со школьной скамьи и гдѣ они могли проявить свои практическія

Разумѣется другой ребенокъ доставитъ много хлопотъ и неудобствъ— какъ А. Е. такъ и А. И-чу, но они изъ братскаго чувства охотно взяли все это на себя. Да поможетъ Господь А. Е-нѣ во взятомъ ею на себя отвѣтственномъ дѣлѣ, а мы всѣ, особенно сестры, своимъ отношеніемъ, кто чѣмъ можетъ, надѣюсь, облегчатъ ей ея задачу.

способности. Изъ лицъ, выказавшихъ эти способности, устроивались братскія семьи въ разныхъ экономіяхъ учредителя Братства, гдѣ они ставились на болѣе или менѣе отвѣтственныя должности по управленію хозяйствомъ. Это дѣлалось съ единственною цѣлью подготовить членовъ Братства къ самостоятельной хозяйственной дѣятельности въ будущемъ, послѣ передачи имѣнія Братству, что имѣлось въ виду со времени возникновенія Братства. Выбывающихъ такимъ образомъ изъ хутора Рождественска молодыхъ людей замѣщали вступающими въ Братство воспитанниками Воздвиженской сельско-хозяйственной школы,—людьми менѣе опытными. Все это, конечно, не могло не отражаться дурно на результатахъ молодого хозяйства Рождественскаго хутора, но съ этимъ мирились, сознательно принося въ жертву главной цѣли интересы этого маленькаго хозяйства. Также дурно отражались на хозяйствѣ Братства и довольно частые въ то время выходы изъ Братства его членовъ. Въ настоящее время Рождественскій хуторъ экономически соединенъ съ Воздвиженскимъ имѣніемъ, хотя въ немъ продолжаетъ вестись отдѣльное хозяйство съ отдѣльнымъ сѣвооборотомъ и хозяйственнымъ инвентаремъ. При хуторѣ состоитъ теперь 115 дес. пахатной земли и 48 дес. луговъ; раньше было пахатной земли значительно больше, но такъ какъ она была разбросана отдѣльными кусками между кустарникомъ и на окраинѣ владѣній, за лугами, и представляла почву неплодородную и крайне неудобную для обработки, то ее рѣшено было засадить сосною. Всѣ работы на поляхъ и по двору исполняются членами Братства; наемныхъ людей очень немного и они при первой возможности замѣняются членами Братства. То, что въ хуторѣ Рождественскомъ, при такомъ незначительномъ количествѣ обработываемой земли, все-таки приходится пока прибѣгать къ наемному труду, объясняется тѣмъ, что тамъ, кромѣ полеводства, довольно въ большомъ размѣрѣ ведется скотоводство и свиноводство; оттуда поставляется мясо для всего Воздвиженскаго имѣнія; люди нужны для ухода за садомъ и питомниками, заложенными въ количествѣ 8 десятинъ...

Въ этихъ свѣдѣніяхъ многое остается невыясненнымъ.

Братскія семьи находятся въ постоянномъ общеніи. Ихъ объединяютъ, кромѣ обычныхъ братскихъ интересовъ, празд-

ничныя собранія и особыя братскія торжества, напр. пріемъ новыхъ членовъ. Обращается вниманіе на „красоту и торжественность". По большимъ праздникамъ всѣ одѣваются въ бѣлое. Пріемъ новыхъ братьевъ и сестеръ сопровождается крестнымъ ходомъ, молебномъ... Существуетъ Братскій знакъ—крестикъ. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ Братство собирается — днемъ на дѣловыя Братскія собранія или на собранія литературно - музыкальныя, а по вечерамъ на галлереѣ при домѣ блюстителя для непринужденной братской бесѣды... Намъ удалось присутствовать на такой бесѣдѣ...

Остается сказать о томъ, какъ Трудовое Братство смотритъ на свое будущее,—и мы закончимъ очеркъ его строя и воззрѣній.

Православное Кресто-Воздвиженское Трудовое Братство—читаемъ мы въ Краткихъ Свѣдѣніяхъ о Братствѣ, изданныхъ въ 1905 г. — предназначено быть *центральнымъ*, какъ бы колыбелью всѣхъ будущихъ отдѣленій и имѣющихъ изъ нихъ возникнуть самостоятельныхъ трудовыхъ братствъ, какъ въ предѣлахъ нашего отечества, такъ и за его предѣлами. Центральное Братство будетъ признано законченнымъ, когда по числу своихъ сочленовъ окажется въ состояніи довольствоваться своими силами, не прибѣгая къ помощи наемныхъ рабочихъ, когда на всемъ протяженіи братскихъ владѣній не будетъ ни одного постояннаго жителя, не состоящаго членомъ Братства. Тогда молодые люди, выходящіе изъ братскихъ школъ, и лица, вновь вступающія въ Братство со стороны, будутъ приниматься по прежнему въ центральное Братство, а опытные въ братскомъ дѣлѣ полноправные братья получатъ изъ основного капитала или доходовъ съ той части имѣнія, которая будетъ къ тому предназначена послѣ смерти послѣдняго изъ переживающихъ семьи Неплюевыхъ, ссуду на учрежденіе новаго отдѣленія Братства по договору, заключенному между основателями этого отдѣленія и думою центральнаго Братства. Отдѣленіе можетъ стать и самостоятельнымъ Братствомъ, никогда однако не прерывая нравственной связи съ центральнымъ Братствомъ. Такія братства могутъ быть учреждаемы не только въ селахъ, но и въ городахъ, избирая своею спеціальностью трудъ промышленный и торговый и даже всякія

либеральныя профессіи, т. е. братства докторовъ, юристовъ, ученыхъ, художниковъ и пр.

Мы были въ Воздвиженскѣ экскурсіей человѣкъ въ 25,— большинство составляли студенты нашей академіи. Пробыли въ Воздвиженскѣ три полныхъ и два неполныхъ дня. Н. Н. Неплюева не было дома, — и мы пользовались гостепріимствомъ его матушки Александры Николаевны, которая несетъ обязанности Попечительницы Преображенской с.-х. школы, и сестеръ — Маріи Николаевны (Уманецъ), которая руководитъ воспитаніемъ дѣвушекъ, и Ольги Николаевны, которая завѣдуетъ Янпольскимъ дѣтскимъ общежитіемъ. Со стороны Братства насъ принималъ Ѳедоръ Евфимовичъ, управляющій Воздвиженской школой, и Василій Михайловичъ, состоящій личнымъ секретаремъ Н. Н. Неплюева и представлявшій его въ его домѣ, въ которомъ мы жили. Насъ встрѣтили въ высшей степени радушно. Удобства, которыми было обставлено наше пребываніе, и сердечная любезность хозяекъ оставили въ насъ самую пріятную память. Были приняты всѣ мѣры, чтобы дать намъ возможность использовать время, бывшее въ нашемъ распоряженіи, для всесторонняго ознакомленія съ братской жизнью. Конечно, мы не можемъ сказать о себѣ, что на мѣстѣ изучили во всей полнотѣ братскую жизнь; но что́ можно было видѣть и узнать въ три дня, мы видѣли и узнали. Что прежде мы знали изъ книгъ, теперь предстало предъ нами въ качествѣ живой дѣйствительности; слова, формулы, цыфры приняли для насъ плоть и кровь; мы видѣли картину братской жизни и почувствовали ея атмосферу. Нужно было видѣть, какъ братскія дѣтишки при первомъ удобномъ случаѣ безцеремонно взбирались на колѣна къ Александрѣ Николаевнѣ, чтобы понять, какая здѣсь царитъ простота сердечныхъ отношеній. Мы видѣли школьниковъ за работой въ мастерскихъ и подивились ихъ силѣ и ловкости; мы бесѣдовали съ членами старшаго Братскаго кружка и не менѣе подивились той самоувѣренности, съ какою они отвѣчали опредѣленными словами по всѣмъ вопросамъ христіанской жизни,— очевидно, всякія сомнѣнія устранены отъ нихъ прежде, чѣмъ могли въ нихъ возникнуть. Намъ хотѣлось поговорить и съ кѣмъ-нибудь изъ учениковъ, не числящихся въ братскихъ.

кружкахъ, но намъ это не удалось. Намъ назвали одного изъ старшихъ, какъ упорно отказывавшагося вступить въ братскій кружокъ; но когда мы съ нимъ встрѣтились, выяснилось, что онъ уже заявилъ о своемъ желаніи зачислиться въ младшій Братскій кружокъ. О томъ, что Воздвиженску, изобилующему лѣсами и парками, недостаетъ проточной воды, мы уже знали изъ описаній Воздвиженскаго Братства, но нужно было лично посѣтить Воздвиженскъ, чтобы видѣть странное обстоятельство: всѣ женщины и дѣвушки Крестовоздвиженскаго Братства нецвѣтущи, — и на всѣхъ лежитъ какая-то печать грусти. Я называю это обстоятельство страннымъ, потому что женщины въ Братствѣ не изнурены работой и находятся въ благопріятныхъ физическихъ условіяхъ. Я говорилъ объ этомъ съ членами Братства и мнѣ отвѣчали: „Мы это знаемъ. На это печальное обстоятельство въ Братствѣ уже обращалось вниманіе, но не извѣстны причины его". Можетъ быть, эта печать грусти и эта тѣнь аскетизма неотъемлемый признакъ христіанства?..

Наканунѣ нашего отъѣзда изъ Воздвиженска, вечеромъ воскреснаго дня, собралось все Братство въ домѣ Н. Н. Неплюева, въ которомъ мы обитали, и наша бесѣда на верандѣ этого дома затянулась до поздняго часа. По желанію своихъ студентовъ, я сказалъ коротенькую рѣчь Братству. Не могу сейчасъ воспроизвести буквально того, что у меня тогда вылилось подъ живымъ впечатлѣніемъ всего видѣннаго и слышаннаго... Сказалъ я, что наши экскурсанты являются здѣсь—и кажется первыми — представителями богословской науки, что по существу между задачами Братства и задачами богословской школы находится тѣсная связь и между нами должно быть живое общеніе. Здѣсь стремятся на практикѣ осуществить то, что мы изучаемъ въ теоріи, и дѣло Братства для насъ полно интереса какъ одинъ изъ опытовъ, безъ отношенія къ которымъ наша богословская наука является отвлеченною и схоластическою. Мы, богословы, должны внимательно изучать то, что здѣсь дѣлается. Но и представители Братства должны быть внимательны къ нашей богословской наукѣ, если хотятъ быть чуждыми сектантской исключительности и партійной односторонности. Миновали тѣ времена, когда богословская наука была мерт-

вымъ изученіемъ мертваго матеріала; нынѣ мы прямо и смѣло смотримъ въ глаза самой жизни, не сторонимся отъ ея запросовъ и принимаемъ самую откровенную постановку религіознаго вопроса. Если на сторонѣ Братства преимущество живого опыта, то на нашей сторонѣ преимущество широкаго историческаго горизонта и объективнаго безпристрастія, не суженнаго оградой одного лишь двора, хотя бы и просторнаго. Мы ставимъ для себя задачей прослѣдить всю историческую даль христіанскаго опыта и ознакомиться со всѣми его явленіями въ современной жизни, которыя можемъ сравнивать... И вотъ въ эти дни мы проѣхали почти всю Россію отъ холоднаго сѣвера до жаркаго юга... И мы можемъ засвидѣтельствовать, что нигдѣ не встрѣтили такого своеобразнаго уголка. Эти сердечныя отношенія братьевъ и сестеръ, эти объединяющія всѣхъ высокія христіанскія задачи, это радушное гостепріимство, которое мы здѣсь нашли, сдѣлаютъ для насъ навсегда памятными дни, проведенные здѣсь... Поблагодаривъ Братство за его гостепріимство и за тѣ удобства, въ которыхъ мы знакомились съ его жизнью, я просилъ простить насъ, если мы слишкомъ назойливо заглядывали въ каждый уголокъ, въ ихъ души, если мы въ своихъ бесѣдахъ, особенно съ учениками, ставили искушающіе вопросы: это проистекало единственно отъ нашей любознательности, отъ нашего желанія все вывѣдать, все видѣть и слышать, но никакъ не отъ нашего недовѣрія къ ихъ дѣлу. Мы хотѣли только узнать и даже воздерживаемся отъ критики, такъ такъ не хотимъ ослаблять живыхъ впечатлѣній... Впрочемъ въ эту минуту, близкую къ разставанію, считаемъ вѣроятнымъ желаніе членовъ Братства знать наше мнѣніе объ ихъ дѣлѣ. Но мнѣніе каждаго изъ насъ есть личное мнѣніе, которое ничѣмъ не можетъ быть стѣснено, но и не можетъ имѣть какого-либо обязательнаго значенія. Если угодно, я могу высказать свое мнѣніе, рискуя быть непонятымъ, такъ какъ оно исходитъ изъ нѣкотораго міровоззрѣнія, Братству конечно неизвѣстнаго, но оставляя за собою право впослѣдствіи высказаться полнѣе и яснѣе. Я цѣню съ христіанской точки зрѣнія лица, а не формы. И во всемъ дѣлѣ Братства я вижу и цѣню дѣло одной личности—его основателя. Всѣ члены Братства для меня пока не дѣятели, а благотворимые, при чемъ форма

ихъ жизни интересуетъ меня исключительно какъ форма благотворенія по отношенію къ нимъ, но не какъ самобытное начало новой жизни, на которое возлагаютъ большія надежды... Конечно, и каждый ученикъ, усовершившись, можетъ быть какъ учитель и даже выше его. Но это дѣло будущаго. И мы отъ души желаемъ, чтобы каждый изъ членовъ Братства не почилъ на полученномъ, но сталъ бы живымъ подражателемъ своего учителя...

Сердечно простились мы съ Братствомъ...

Крестовоздвиженское Трудовое Братство имѣетъ много друзей, съ которыми находится въ дѣятельныхъ и разнообразныхъ, преимущественно письменныхъ сношеніяхъ, и много недоброжелателей, отъ которыхъ старательно отписывается. Среди послѣднихъ особенно извѣстенъ Ив. Абрамовъ, написавшій брошюру *Въ культурномъ скиту* (среди неплюевцевъ), заклейменный среди членовъ Братства именемъ ренегата. Въ этой брошюркѣ указывается на соглядатайство, ханжество и лицемѣріе, которыя порождаются системой воспитанія, принятой въ Воздвиженскихъ школахъ, на гипнотизирующее и подавляющее всякіе проблески индивидуальнаго развитія вліяніе личности г. Неплюева на учениковъ, на барскую театральность пріемовъ, которыми обставляется его отношеніе къ школѣ и Братству, на его любовь къ красивой фразѣ, на сантиментальную и удушливую атмосферу постоянныхъ поцѣлуевъ, рѣчей, адресовъ, на паразитарную жизнь братчиковъ и на дурное экономическое и санитарное положеніе рабочихъ въ экономіяхъ г. Неплюева. Съ своей стороны я рекомендую брошюрку Абрамова (и названныя въ ней статьи другихъ отзывовъ о Братствѣ) вниманію всѣхъ, кто заинтересованъ именно въ практической сторонѣ братской жизни, кто напр. хотѣлъ бы, при возможности, примѣнить ту же систему воспитанія къ какой-нибудь школѣ. Я принципіально не противъ такого рода критики, какая примѣнена въ брошюркѣ Абрамова, т. е. разсмотрѣніе закулисныхъ мелочей, которыя могутъ набрасывать тѣнь ироніи и подозрѣнія на громкое дѣло. И во всякомъ случаѣ представители Братской системы должны считаться съ голосомъ тѣхъ, которымъ они благодѣтельствуютъ, которыхъ они воспитываютъ: если съ этой стороны раздается протестъ про-

тивъ желѣзной дисциплины и шпіонства, то это не можетъ быть для нихъ безразличнымъ. Пусть, наконецъ, это только неудавшіеся, ренегаты, но вѣдь и они были въ этой системѣ, они могутъ быть названы жертвами ея. Если бы только одна такая жертва была заложена въ основу братской жизни, то и это уже заставило бы насъ призадуматься.

Я принципіально не противъ такой закулисной критики, но лично я далекъ отъ нея. Признаюсь въ своей неосвѣдомленности съ этою стороною братской жизни,—поэтому я не могу провѣрить этого отзыва, не высказываюсь ни за него, ни противъ него. Я не собираюсь устроивать школы, не беру на себя составленіе уставовъ,—мое вниманіе поглощается идейною стороною дѣла. Я склоненъ понимать людей и объяснять ихъ дѣйствія въ лучшую сторону. Конечно, могутъ смѣшиваться съ хорошими и дурные мотивы, хорошее въ общемъ дѣло можетъ имѣть смѣшныя детали, но это важно лишь для того, какъ смотритъ на самую форму, а не для того, кто смотритъ на суть дѣла. Если и правда, что въ *этомъ* случаѣ къ хорошему присоединяется смѣшное и къ великому мелочное, то вѣдь не трудно предположить, что въ другомъ случаѣ этого соединенія могло бы и не быть. По существу дѣло нужно судить въ основномъ, а не случайномъ. Я и ставилъ задачею своего очерка такъ изобразить основу и жизнь Братства, какъ та и другая предносятся взору самихъ учредителей и членовъ Братства. И думаю, что въ этомъ отношеніи на меня едва-ли могутъ посѣтовать дѣятели Воздвиженска. Меня скорѣе можно упрекнуть въ противномъ, что я при описаніи слишкомъ близко держался буквы братскихъ уставовъ и не внесъ достаточно деталей. Но я и хотѣлъ очертить основную сторону братской жизни, т. е. лучшую возможную братскую организацію, не заподозривая никого въ неискренности. И теперь я хочу сдѣлать нѣсколько замѣчаній съ этой же существенной точки зрѣнія—во исполненіе своего обѣщанія Братству.

Важнѣйшій недостатокъ въ религіозномъ міровоззрѣніи Н. Н. Неплюева тотъ, что въ немъ не обезпечивается свобода автономной разумной личности. Не только вообще каждый религіозенъ по-своему, но и въ частности христіанская религія каждымъ усвояется, если только усвояется, во свѣтѣ личности,—усвоенное христіанство не есть общая формула,

а личное творчество. Это по смыслу евангелія. Поэтому настойчивое желаніе учредителя Братства, чтобы члены Братства думали его мыслями и говорили его словами, не можетъ имѣть перспективы долговѣчности. Въ этомъ случаѣ даже недостатокъ литературнаго таланта, вполнѣ понятный у практическаго дѣятеля, отсутствіе литературно-изящной закругленности системы и афористическихъ формулъ, возбуждающихъ самодѣятельность мысли и создающихъ сектантскую изолированность, можетъ сыграть неблагопріятную роль, несмотря на утомительное повтореніе однѣхъ и тѣхъ же мыслей и словъ. Прочна лишь та система, которая разсчитана на свободное творчество грядущихъ поколѣній. То же слѣдуетъ сказать и относительно практическихъ формъ жизни. Если формы не претендуютъ на сакраментальное значеніе, если онѣ не подводятся подъ категорію мертваго и тяжелаго долга, то ихъ увѣковѣченіе въ лучшемъ случаѣ вызоветъ протестъ, въ худшемъ создастъ лицемѣріе. Въ предисловіи Н. Горбова къ *Сельской школѣ* С. А. Рачинскаго разсказывается слѣдующее. „...Послѣ ужина мой помощникъ и другъ, Романъ Степановичъ Крыловъ, также бывшій ученикъ Рачинскаго (нынѣ уже діаконъ), обыкновенно молился одинъ въ опустѣвшемъ классѣ. Я не входилъ туда, чтобы не мѣшать ему. Между тѣмъ началъ я замѣчать, что часто въ спальнѣ (она же и столовая), гдѣ послѣ ужина оставались ученики, недостаетъ нѣсколько мальчиковъ, преимущественно изъ старшихъ. Взглянулъ я разъ въ классъ и вижу: передъ иконой молится Романъ, а поодаль на колѣняхъ стоитъ кучка ребятъ, что они начали приходить потихоньку, стараясь быть незамѣченными, въ классъ,—и тоже молились". Не правда ли, чудная картина? Христосъ былъ съ этими потихоньку приходившими помолиться. Но послушайте дальше. „Потомъ они упросили Романа вычитывать всѣ молитвы вслухъ. Такимъ образомъ сама собой, по желанію самихъ же ребятъ, вечерняя молитва расширилась, и теперь на ней прочитываются уже всѣ *молитвы на сонъ грядущимъ*, для поддержанія бодрости прерываемыя пѣніемъ"... Потомъ, конечно, для поддержанія бодрости придется прибѣгать къ дисциплинарнымъ мѣрамъ, бороться съ разговорами и смѣшками во время молитвы, повторить все то, что теперь продѣлывается во всѣхъ духовныхъ семинаріяхъ.

Какъ не поймутъ люди, что переходъ отъ добровольнаго дѣла, выливающагося въ свободную форму, къ обязательной формѣ есть самый рѣшительный, что это величайшій грѣхъ— осквернить святую свободу религіознаго творчества номистическими кандалами. Въ брошюрѣ А. Лютецкаго *Самобытное воспитаніе* передается, что организація братскихъ кружковъ въ Воздвиженской школѣ возникла свободно. Это прекрасно. Но она и должна продолжаться свободно. Если же на внѣкружковыхъ смотрятъ косо, то стало быть ангелъ свободы давно отлетѣлъ на небо, а на его мѣстѣ вселилась мертвая дисциплина. Ничего такъ не нужно избѣгать, какъ лицемѣрія. Христосъ время отъ времени спрашивалъ своихъ учениковъ: „не хотите ли вы отойти отъ Меня"? А простымъ смертнымъ учителямъ нужно повторять такіе вопросы предъ своими учениками ежедневно. Изъ трехъ учениковъ старшаго Братскаго Кружка на мой вопросъ: „на чьей сторонѣ у васъ соблазняющія выгоды, кто изъ васъ герои— вступающіе въ кружки или остающіеся внѣкружковыми?" — двое отвѣтили: „конечно, мы герои царства Божія", а третій сказалъ: „ну, что вы? Чтобы не вступить въ кружокъ, нужно быть героемъ"... Въ предѣлахъ школы воспитаніе можно основывать на внушеніи и дисциплинѣ, но мысль, что этимъ путемъ можно создать дѣятелей жизни и пересоздать самую жизнь, нужно назвать утопіей. Искусственная изоляція не можетъ быть признана серьезной мѣрой. Прежде всего, въ отношеніи къ внутреннимъ предѣламъ самой колоніи—на чемъ основываются надежды на долговѣчность воспитательнаго значенія заведеннаго строя? *Руководящія правила въ братствѣ и школахъ его* пестрятъ словами „долженъ", „должна", „должны", повторяющимися сотни разъ. „Воспитанники должны понимать... должны помнить... должны сознавать. Субботній кругъ долженъ быть"... И такъ далѣе. Что это— пророчество на основаніи новооткрытыхъ силъ и законовъ или непререкаемое законодательство въ надеждѣ на новыя силы, привитыя человѣчеству? Если ни то, ни другое, то это пустыя слова. И ихъ безсиліе скоро окажется. Исходя только изъ прожитой исторіи христіанства, легко предвидѣть распаденіе колоніи. Дѣло въ слѣдующемъ. Въ Братствѣ подрастаютъ дѣти. Кто поручится, что всѣ они свободно воспитаются въ духѣ Братства, что половина ихъ не потребуетъ

свободы младшихъ сыновей—свободы (не говорю жить распутно) по своему мыслить, по своему молиться? Достоевскій самымъ страшнымъ зломъ каторги называлъ то, что несчастный лишается возможности остаться въ одиночествѣ. Побыть время отъ времени одному съ самимъ собою—это такая святая потребность. Религія преимущественно есть дѣло одинокой личности. Помолиться своему Богу, своему Отцу Небесному—это въ иныя минуты и для иныхъ натуръ столь же необходимо, какъ въ другія минуты и для другихъ натуръ объединиться въ молитвѣ. Для иныхъ дороже всего мыслить своими словами, составить свою систему міровоззрѣнія, попытать свои пути... Нынѣ члены Трудового Братства оставляютъ отца и мать; придетъ время, и они станутъ въ коллизію съ своими дѣтьми. Не трудно оставить отца и мать, труднѣе—бросить дѣтей. И предъ Трудовымъ Братствомъ возникнетъ дилемма: или извергать вмѣстѣ съ неудавшимися дѣтьми ихъ родителей, или расширить свободныя условія пребыванія въ Братствѣ. О томъ, что дѣти духовенства должны посвящать себя тому же служенію, наговорено много красивыхъ словъ; однако этотъ порядокъ сдѣлалъ изъ духовенства простыхъ наемниковъ. Въ болѣе широкихъ размѣрахъ подобное пониженіе нравственнаго уровня пережило все христіанство, лишь только всѣ дѣти христіанъ стали считаться христіанами. Какъ можетъ избѣжать одинаковой судьбы и Воздвиженское Братство?...

Много важнѣе вопросъ объ отношеніи Братства къ окружающему міру. Трудовому Братству постоянно приходится слышать такое возраженіе: „Братство замыкается, живетъ своею обособленною жизнью и не приноситъ никакой пользы окружающему обществу“. Въ отвѣтъ на такое возраженіе учредителемъ Братства составлена брошюра *Жизненное значеніе трудовыхъ братствъ церковное, государственное и общественное—бесѣда для друзей и враговъ*. Здѣсь учредитель Братства пишетъ: „Если мы не беремъ на себя судить тѣхъ, кто не приступаетъ къ дѣлу устроенія жизни на началахъ вѣры, любви и мира, не считая себя въ правѣ оскорблять ихъ публичными выговорами за это, справедливость требуетъ, чтобы и мы не подвергались оскорбленіямъ публичныхъ выговоровъ за то доброе дѣло, которое безкорыстно и самоотверженно созидаемъ на пользу общую... Обвинять

насъ въ томъ, что мы излишне обособляемся, со стороны лицъ постороннихъ нашему дѣлу несправедливо, жестоко и оскорбительно для насъ какъ судъ надъ совѣстью нашею"... На это слѣдуетъ отвѣтить, что можно не судить лицъ и судить принципы ихъ дѣятельности. Если бы члены Трудового Братства просто жили, какъ имъ хочется, то ихъ жизнь не имѣла бы принципіальнаго значенія и они въ правѣ были бы требовать, чтобы ихъ оставили въ покоѣ, но они претендуютъ на то, что осуществляютъ въ своей жизни христіанскіе принципы, и потому лица постороннія могутъ судить о принципахъ ихъ рѣчей и дѣлъ,—тѣмъ болѣе, что въ основѣ ихъ идеи лежитъ рѣзкая критика всего наличнаго строя жизни и мысль, что форма Братства есть единственная форма осуществленія христіанства. Это, какъ хотите, смѣлый вызовъ всѣмъ постороннимъ лицамъ высказаться объ ихъ дѣлѣ. Всѣ, принимающіе близко къ сердцу вопросъ христіанскій и вопросъ общественный, должны рѣшить: 1) осуществляется ли идея христіанства въ формѣ Трудового Братства и 2) даетъ ли форма Братства рѣшеніе общественнаго вопроса?

Авторъ брошюры пишетъ: „То, что мы дѣлаемъ, не ново, а старо, какъ христіанство. Это именно то, что во всѣ вѣка проповѣдывалось съ церковныхъ каѳедръ, что заповѣдано намъ Спасителемъ міра. Ново только наше отношеніе къ вѣрѣ. Ново то, что мы отъ словъ перешли къ дѣлу, отъ проповѣди словомъ къ проповѣди дѣломъ. Нова та степень осуществленія правды, которую мы отъ себя требуемъ, та степень практическаго осуществленія вѣры и идеаловъ, возможность которой мы на дѣлѣ доказываемъ"... Нѣтъ, нова въ исторіи христіанства столь сознательно и прямо высказанная мысль объ обособленіи христіанской общины отъ окружающаго міра въ дѣлѣ благотворительности. Врагъ древняго христіанства и защитникъ язычества свидѣтельствовалъ: „іудеи не имѣютъ у себя нищихъ, нечестивые галилеяне (христіане) питаютъ нашихъ вмѣстѣ съ своими"... Тертулліанъ говорилъ язычникамъ: „наше милосердіе даетъ болѣе на улицахъ, чѣмъ ваша набожность въ храмахъ... Если всѣ люди имѣютъ любовь къ своимъ друзьямъ, то особенность христіанъ состоитъ въ томъ, что они любятъ даже и тѣхъ, которые ненавидятъ ихъ"... Въ неограниченности своихъ благотвореній церковь всегда видѣла признакъ своей уни-

версальности и вмѣстѣ съ тѣмъ средство для побѣды надъ всѣмъ міромъ. Этому вѣчному христіанскому принципу Трудовое Братство сознательно измѣняетъ, разрывая такимъ образомъ христіанско-общинное дѣло отъ дѣла общественнаго.

Дѣло общинное не то же, что дѣло общественное, а христіанство въ томъ, чтобы благотвореніе общины расширить до предѣловъ общественныхъ. Единеніе внутри общины еще можетъ не побѣдить опаснаго уединенія. Вотъ относящаяся сюда страничка изъ сочиненій самого Н. Н. Неплюева. „Уединеніе, пишетъ онъ, можетъ быть одиночное, можетъ быть семейное, можетъ быть кружковое. Человѣкъ, выбравшій изъ всего человѣчества любящую и покорную жену и кромѣ нея да покорныхъ себѣ, вполнѣ отъ него зависимыхъ, дѣтей, никого и ничего знать не желающій,—развѣ это не представитель самаго грубаго семейнаго эгоизма, расширенное „я“, уединившееся отъ всего остального міра? Такой человѣкъ можетъ имѣть обширныя дѣловыя и соціальныя связи, но это будетъ только внѣшнее соприкосновеніе съ толпою, общеніе биржи и раута, а не христіанское общеніе нѣжнаго братолюбія. Онъ и семья его—обособленный, замкнутый міръ, уединившійся отъ всѣхъ, не желающій интимнаго, братскаго единенія ни съ кѣмъ... Можно и изъ цѣлаго кружка лицъ, изъ цѣлой партіи, даже изъ цѣлаго народа, изъ цѣлой церкви сдѣлать для себя одну большую фиктивную семью, соединенную какими-либо матеріальными интересами, фанатизмомъ, національною или исповѣдною гордостью и все это не будетъ христіанскимъ братскимъ общеніемъ, а тѣмъ же эгоистическимъ обособленіемъ еще болѣе расширеннаго „я“, уединеннаго отъ всего остального міра“... Авторъ этихъ строкъ глубоко убѣжденъ, что обличенное въ этихъ словахъ уединеніе чуждо Трудовому Братству, что оно существуетъ по совершенно иному принципу. „Съ христіанской точки зрѣнія истинно братское общеніе только тамъ, гдѣ люди соединены живою вѣрою въ общаго Отца Небеснаго“... Онъ полагаетъ, что только вѣра въ общаго Отца даетъ истинное общеніе внутри самого Братства и что такое внутреннее единеніе имѣетъ только Братство. Но это ошибочно думать, что вообще крѣпкая и нѣжная любовь возможна только въ христіанскомъ обществѣ. Нѣтъ, и язычниковъ можетъ соединять между собою крѣпкая лю-

бовь, и мытари могутъ быть нѣжны въ отношеніи другъ къ другу. Отличіе истинно-христіанской любви отъ любви языческой, отъ любви семейной и кружковой, не въ томъ, что только она есть крѣпкая и искренняя любовь, а въ томъ, что семейная и кружковая любовь ограничивается предѣлами семьи и круга, тогда какъ христіанская любовь выступаетъ за предѣлы христіанской общины. „Любите враговъ вашихъ. Ибо, если вы будете любить любящихъ васъ, какая вамъ награда? Не то же ли дѣлаютъ и мытари? И если вы привѣтствуете только братьевъ вашихъ, что особеннаго дѣлаете? Не такъ же ли поступаютъ и язычники"? Трудовое Братство хочетъ оградить себя отъ этой логики христіанской любви. Его основатель разсуждаетъ такъ: „Обвиненіе Трудового Братства въ замкнутости и обособленіи сводится къ требованію отъ насъ братскихъ отношеній не только между собою, но въ той же мѣрѣ ко всѣмъ безъ различія. Такихъ обязательствъ мы на себя не принимали и не примемъ; я совершенно отвергаю право у окружающаго насъ общества предъявлять къ намъ такія требованія. Самое понятіе „братство" заключаетъ въ себѣ требованіе взаимности. Есть логика братская и есть логика анти-братская". Т.-е. съ братьями нужно жить по-братски, а съ прочими такъ, каковы они сами. Братскія отношенія ко всѣмъ были бы, будто, лживымъ отношеніемъ. „Мы даромъ не отдаемъ окружающему насъ міру продукты нашего труда и вообще не доставляемъ ему братскихъ выгодъ, пока онъ не желаетъ принять на себя братскій подвигъ. Вотъ почему мы не согласны обманывать народъ и заигрывать съ нимъ на почвѣ братскихъ отношеній", т. е. улучшать матеріальное положеніе наемныхъ рабочихъ и благотворить окружающему населенію. Итакъ съ хорошими по-хорошему и съ злыми по-злому. Принципъ поражаетъ своею простотою. Но это есть ветхозавѣтный принципъ: любить ближнихъ и ненавидѣть враговъ. Христіанство открыло міру совершенно другой принципъ. Нужно любить не только ближнихъ, но и враговъ,—мало того, не только добрыхъ, но и злыхъ. Это именно значитъ любить совершенною любовью Отца Небеснаго, Который повелѣваетъ солнцу Своему восходить надъ злыми и добрыми и посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ. Единственное условіе (conditio sine qua non) того, чтобы об-

щина пріобрѣла христіанскій характеръ, это если община благотворитъ не только своимъ, но и чужимъ, не только добрымъ, но и злымъ, не только праведнымъ, но и неправеднымъ. Только въ этомъ единственномъ случаѣ естественная любовь перерождается въ религіозную, христіанскую. Иначе будетъ кружковая любовь людей, соединенныхъ матеріальными интересами и взаимнымъ преслѣдованіемъ идеи, — рабочая ассоціація... Никто не говоритъ, что окружающее общество имѣетъ право предъявлять къ Братству какія-нибудь требованія. Дѣло совсѣмъ не въ этомъ. Дѣло въ самомъ Братствѣ. Если бы, — повторю еще разъ, его члены жили такъ просто потому, что имъ такъ хочется, то ни о какихъ правахъ окружающаго общества не было бы рѣчи. Но Братство претендуетъ быть выразителемъ христіанской идеи, съ рѣзкимъ сужденіемъ по адресу всѣхъ, кто живетъ иначе. Это иное дѣло. Въ этомъ дается основаніе прилагать къ Братству извѣстный критерій для сужденія о его дѣлахъ. „Отъ словъ своихъ оправдаешься,—и отъ словъ своихъ осудишься". Каждый судится по своимъ принципамъ. Каждый въ своей совѣсти и въ своемъ исповѣданіи носитъ мѣру своего суда. Претендующее быть единственнымъ носителемъ въ современной жизни христіанской идеи, Крестовоздвиженское Братство *обязано* стоять на высотѣ этой идеи, *должно* быть судимо по этой идеѣ. А оно не стоитъ на этой высотѣ, оно понижаетъ христіанскій идеалъ. За разсужденіями, что только этимъ путемъ христіанство пріобрѣтаетъ жизненное значеніе и вѣрующіе получаютъ опредѣленную программу, мы признаемъ извѣстную силу. Ну и пусть въ такомъ случаѣ прямо и открыто скажутъ, что христіанство въ своей евангельской высотѣ непримѣнимо къ жизни, не можетъ создать общины, есть чистая утопія, это по крайней мѣрѣ будетъ откровенная и искренняя мысль. Какъ искренняя, она будетъ имѣть свою цѣну. Но мы рѣшительно отказываемся понять, почему Братство можетъ накоплять свое благоденствіе, тогда какъ для отдѣльнаго христіанина это невозможно, такъ какъ его окружаетъ вопіющая нужда, назойливо вымогающая его сочувствіе и жалость. Что же, Братство можетъ купить себѣ дорогую роскошь обособленности отъ окружающей нужды и страданій?! Какою же цѣною? Иди прочь, бѣднота и нужда, — мы помогаемъ другъ

другу!.. Это все, что хотите,—только это не христіанство... Это какая-то эволюція въ отношеніяхъ „русскаго помѣщика“ къ „русскому крестьянину“, эволюція рабочаго вопроса, но не эволюція христіанства.

Посмотримъ теперь на общественное значеніе Братства. Въ названной выше брошюрѣ читаемъ: „Трудовое Братство являетъ собою полезный для Церкви и Государства опытъ стройной организаціи и сплоченія прихода, опытъ оздоровленія и оживленія общественной клѣтки церковнаго и государственнаго организма, что такъ необходимо для здоровья живого организма Церкви и Государства, организмовъ, на здоровьѣ которыхъ не можетъ не отражаться губительно болѣзненное состояніе живыхъ клѣтокъ, ихъ составляющихъ. Для Церкви и Государства тѣсно сплоченное и стройно организованное Трудовое Братство является лучшею гарантіей неизмѣнной вѣрности имъ и практическаго осуществленія въ жизни ихъ идеаловъ мирнаго преуспѣянія страны и мирнаго прогресса“. Т. е. Трудовое Братство есть часть государства и церкви. Чѣмъ болѣе благоустроена и чѣмъ болѣе благоденствуетъ часть, тѣмъ лучше цѣлому. Въ этомъ общественное значеніе Трудового Братства. Противъ этого спорить трудно. Но такое общественное значеніе можетъ имѣть и эгоизмъ кружковой или семейный. Въ семьѣ особенно указываютъ гармонію личнаго эгоизма съ интересами цѣлаго. „Чѣмъ эгоистичнѣе семья, тѣмъ—говорятъ—она замкнутѣе въ себѣ, отрѣзаннѣе отъ міра: и тѣмъ болѣе собирается тепла въ ней, главнаго жизненнаго условія дѣтей, будущихъ согражданъ отечества. Чѣмъ эгоистичнѣе мужъ, тѣмъ онъ требовательнѣе къ женѣ: строже блюдетъ ея вѣрность, какъ жены, и преданность дѣтямъ, какъ матери. Опять выигрываетъ, отъ эгоизма мужа, интересъ общества, коего прекраснымъ членомъ является таковая жена и мать. Жена эгоистичная—она держитъ мужа: тогда—растетъ хозяйство, избытокъ, все части собственности націи. Такимъ образомъ здѣсь чѣмъ больше кто себѣ требуетъ, тѣмъ болѣе онъ всѣмъ даетъ“. Да что семья? То же можно сказать и объ индивидуальномъ эгоизмѣ и благоденствіи. Чѣмъ лучше мнѣ, тѣмъ лучше государству, такъ какъ я часть государства. Такъ именно разсуждаетъ извѣстный сторонникъ экономическаго индивидуализма, Бастіа, утверждающій, что

личный эгоизмъ находится въ естественной гармоніи съ общимъ интересомъ и каждый, заботясь о себѣ, тѣмъ самымъ служитъ обществу. Все это такъ, разумѣется. Но это только посредственное служеніе обществу, это только натуральное (а не моральное) совпаденіе эгоизма съ общественною пользою, поскольку эгоизмъ въ извѣстныхъ границахъ совпадаетъ съ общественнымъ благомъ. Однако государство не есть только сумма индивидуумовъ и отдѣльныхъ союзовъ. Государственные и общественные порядки имѣютъ объективное существованіе и оказываютъ вліяніе на жизнь индивидуумовъ и отдѣльныхъ союзовъ. Государственныя и общественныя нужды требуютъ отъ гражданъ и непосредственнаго вниманія. Въ положеніи Минина послужить обществу значило пожертвовать женой и дѣтьми, а не сохранять семейный эгоизмъ. Въ положеніи помѣщика рабовладѣльческой страны жалкій минимумъ нравственности поддерживать свое семейное или сословное благоденствіе. При извѣстныхъ обстоятельствахъ эгоизмъ и общественная польза сталкиваются; нѣкоторыя острыя общественныя нужды требуютъ прямого вниманія со стороны индивидуумовъ и кружковъ и даже жертвы индивидуальными, семейными и кружковыми интересами. Заведенный порядокъ только поддерживаетъ общественную жизнь. Всякій прогрессъ общества, всякій подъемъ его на высшую ступень совершается сознательными усиліями свободныхъ дѣятелей. Есть же различіе между какимъ-нибудь полипнякомъ или трубчатникомъ и человѣческимъ обществомъ. У трубчатника (сифонофоры) одни члены служатъ питательными органами, другіе плавательными и т. д. Каждые служатъ цѣлому, отправляя свои спеціальныя функціи и только этимъ путемъ. Но человѣческое общество прогрессируетъ только потому, что его члены *сознательно* относятся къ общему дѣлу, къ общественнымъ вопросамъ, служатъ общественнымъ нуждамъ. При недостаткѣ вниманія къ общественному дѣлу, застывшіе порядки начинаютъ неблагопріятно дѣйствовать на состояніе кружковъ, семей и индивидуумовъ. Несомнѣнно, и въ странѣ рабовладѣльческой или въ странѣ, придавленной бюрократическимъ режимомъ, могутъ быть нѣкоторые индивидуумы, или сословія, или кружки особенно благоденствующими, но это именно паразитарные члены, у которыхъ самое благо-

денствіе можетъ быть лишь чисто физіологическимъ и неизбѣжно сопровождается духовнымъ пониженіемъ. Самое безучастіе къ жертвамъ общественнаго строя является свидѣтельствомъ объ ихъ нравственномъ разложеніи. Здѣсь не можетъ быть выбора—необходимо выдти изъ скорлупы индивидуальнаго, семейнаго или кружковаго эгоизма на болѣе широкую арену общественной дѣятельности.

Представители Крестовоздвиженскаго Трудового Братства думаютъ, что оно имѣетъ и прямое общественное значеніе. „Обособляясь отъ окружающаго насъ общества въ размѣрѣ требованій совѣсти нашей, мы, говорятъ члены Братства, однако имѣемъ несравненно большую степень общенія, нетолько между нами, но и съ окружающимъ насъ обществомъ, чѣмъ могли бы имѣть внѣ Братства. Многіе этого не понимаютъ, для многихъ это не очевидно только потому, что общеніе это имѣетъ болѣе систематичный характеръ и иныя формы, чѣмъ тѣ, къ которымъ привыкли въ рутинѣ окружающей насъ жизни“. Такія вводныя слова повышаютъ вниманіе читателя къ слѣдующимъ строкамъ. Оказывается, существуютъ систематичныя сношенія Братства съ обществомъ, лишь отличны они отъ шаблонныхъ и рутинныхъ, лишь не замѣчаются они по ихъ крайней своеобразности. Что же это за формы сношенія? „На братство наше мы смотримъ, какъ на *живую книгу, раскрытую для чтенія всѣхъ, отъ ученаго до неуча, отъ знатнаго до простолюдина*, для всѣхъ, кто пожелаетъ читать ее, не считая себя въ правѣ писать на страницахъ ея, что вздумается, книгу, болѣе убѣдительную и краснорѣчивую, чѣмъ все, что мы могли бы сказать въ защиту и разъясненіе жизненной правды вѣры и самыхъ возвышенныхъ гуманитарныхъ идеаловъ“. Это значитъ, что опытъ братской жизни, практикуемой въ Воздвиженскѣ, есть спасительный для всѣхъ образецъ, цѣлительный для общества примѣръ, при чемъ, разумѣется, не вина Братства, если не понимаютъ этого значенія его и не желаютъ его использовать. „Именно въ этомъ *высшая общественная заслуга наша*, способная, при доброй волѣ понять насъ и воспользоваться жизненнымъ опытомъ нашимъ, стать истиннымъ общественнымъ благодѣяніемъ“... И Братство не только молчаливо совершаетъ спасительный примѣръ,—„двери Братства нашего широко раскрыты для всѣхъ, кто захочетъ посѣтить

его и на мѣстѣ съ нимъ ознакомиться, будь то представитель самыхъ высшихъ слоевъ общества или простой крестьянинъ".

Разумѣется пріемъ гостей, на который въ Братствѣ ассигнуется до 800 рублей въ годъ. Этого мало. „*Теорія нашего дѣла и животворящій духъ его подробно выяснены въ четырехъ томахъ* полнаго собранія моихъ сочиненій. Именно въ этихъ формахъ, *наряду съ воспитаніемъ души народной* къ дисциплинѣ вѣры и любви, въ лицѣ тѣхъ дѣтей народа, которыхъ мы воспитываемъ, горячо желая сдѣлать ихъ достояніемъ Божіимъ и братьями нашими по достоянію Божію—дѣлу Братства Трудового, мы и полагаемъ самое широкое и самое полезное общеніе съ окружающимъ насъ обществомъ".

Таковы *четыре* главныя формы общенія Братства съ обществомъ. Нужно сказать особо о послѣдней формѣ. На Воздвиженскія школы отпускается государственныхъ средствъ что-то около 5000 рублей и Государство ставитъ этой школѣ цѣлью распространеніе въ народѣ основныхъ сельско-хозяйственныхъ познаній. Братство же съ своей стороны прилагаетъ стараніе удержать учениковъ школы въ предѣлахъ Братства, и это именно называется четвертою формою общественной заслуги Братства. Кажется, здѣсь мы имѣемъ образчикъ совершеннаго извращенія понятій. Въ томъ, что Братство не выпускаетъ учениковъ школы въ народъ, а удерживаетъ ихъ у себя, проявляется несомнѣнная противообщественная тенденція Братства. Это ясно, какъ Божій день. Поэтому формами сношенія Братства съ обществомъ остаются три—примѣръ братской жизни, поясненный гостепріимствомъ и печатнымъ словомъ. Эти формы оказываются недѣйствительными, что даетъ поводъ къ негодованію учредителя Братства. „Не наша вина, восклицаетъ онъ, если не желаютъ вступать съ нами въ тѣ формы общенія, которыя логично вытекаютъ изъ самого дѣла нашего. Не наша вина, если, живя въ непосредственной близости отъ насъ, даже въ предѣлахъ Глуховскаго уѣзда, относятся съ такимъ презрительнымъ невниманіемъ ко мнѣ и дѣлу Трудового Братства, что сочиненій моихъ не читаютъ и дѣло Братства Трудового на мѣстѣ не изучаютъ"... Отъ этого негодованія г. Неплюева вѣетъ глубокою искренностью, но оно еще болѣе несправедливо.

Не одинъ основатель Крестовоздвиженской колоніи бро-

саетъ подобный упрекъ человѣчеству—это пріемъ всѣхъ утопистовъ, это судьба всѣхъ самообольщенныхъ мечтателей. Утопія есть надежда на водвореніе въ мірѣ золотого вѣка, основанная не на знаніи реальныхъ силъ, дѣйствующихъ въ человѣчествѣ, а на проектѣ автора той или другой утопіи. Въ этомъ и трагизмъ всякаго утописта: онъ глубоко убѣжденъ, что стоитъ только человѣчеству осуществить его проектъ—ну, для пробы, ну, на одинъ день—и счастье человѣчества обезпечено. Однако человѣчество ни мало не склонно продѣлывать надъ собою эксперименты, угодные кому-нибудь. Отсюда негодованіе утописта... Тутъ могла бы помочь только объективность взгляда, до которой одностороннему увлеченію слишкомъ далеко. Возьмемъ примѣръ издалека. Извѣстный Фурье надѣялся, что проектированные имъ фаланстеры исключительно силою примѣра, своею привлекательностью, измѣнятъ соціальную жизнь человѣчества. Можно указать примѣры и ближе къ намъ. Нашъ Толстой увѣряетъ, что стоитъ только одному человѣку понять жизнь такъ, какъ учитъ его понимать ее христіанство, и начать жить такъ и за нимъ сдѣлать тоже другому, третьему, сотому, для того, чтобы разрушился тотъ заколдованный кругъ общественной жизни, изъ которой повидимому нѣтъ выхода. „Пусть только каждый человѣкъ сейчасъ же въ своей жизни, по мѣрѣ силъ своихъ, исповѣдуетъ ту правду, которую онъ знаетъ, или хотя, по крайней мѣрѣ, пусть не защищаетъ ту неправду, которую онъ дѣлаетъ, выдавая ее за правду, и тотчасъ же въ нынѣшнемъ году совершились бы такія перемѣны къ освобожденію людей и установленію правды на землѣ, о которыхъ мы не смѣемъ мечтать и черезъ столѣтія“. И рядомъ съ этими серьезными мыслителями сколько пошляковъ, тоже мечтающихъ и негодующихъ! Вотъ книжка К. Мережковскаго *Рай земной или сонъ въ зимнюю ночь*. Нелѣпѣйшее размазываніе половыхъ мерзостей, — и это проектъ осчастливить человѣчество. Жалкій авторъ, отъ котораго талантъ такъ же далекъ, какъ отъ земли небо, однако искренно презираетъ человѣчество, которое—онъ предчувствуетъ—не пойметъ благодѣтельности его проекта... А вотъ кучка не менѣе жалкихъ стихописателей, думающихъ, что они открыли „невѣдомую міру религію“, что они перерождаютъ человѣчество.

„Стихійныя силы разражаются въ поэзіи Брюсова землетрясеніемъ"... Будто?.. Будьте покойны, ни одно стекло не разобьется отъ этого землетрясенія... Конечно, мечты и слова благородныхъ утопистовъ не сравнить съ этими бреднями, но ихъ негодованіе столь же смѣшно. Да развѣ не то же дѣлаетъ жалкими всѣхъ оффиціальныхъ проповѣдниковъ христіанства? Вѣдь, представьте себѣ, у насъ—допустимъ—35000 проповѣдниковъ. Каждый изъ нихъ, много или немного разъ, скажетъ прекрасное *слово* о христіанской любви и братствѣ. Если бы хоть одного изъ нихъ, хоть на одинъ день послушался русскій народъ, какое это было бы чреватое послѣдствіями событіе. Да въ томъ-то и дѣло, что эти слова безсильны. О, это прекрасныя по содержанію слова, но въ нихъ нѣтъ реальной силы! И потому негодованіе проповѣдника смѣшно. Есть слова и есть реальная сила. Реальная сила есть та, которая дѣйствительно проявляется, если не задерживается препятствіями. Негодованіе въ этомъ случаѣ можетъ имѣть значеніе лишь то, что оно свидѣтельствуетъ объ отсутствіи общественнаго значенія слова или примѣра. Не слушаютъ и не читаютъ, слѣдовательно *слова и рѣчи* не имѣютъ общественнаго значенія. Если бы вопросъ былъ объ юридическомъ оправданіи, тогда имѣла бы смыслъ защита: „я сказалъ или показалъ, а дальше не моя вина". Но вѣдь юридически никого не обвиняютъ, а говорятъ только о фактическомъ отсутствіи общественнаго значенія... Да и кромѣ того, не слишкомъ ли этого мало: „сказалъ слово и показалъ примѣръ?"... Не въ наше бы время слушать такія жалкія слова. Нынѣ для всякаго мыслящаго человѣка не подлежитъ сомнѣнію, что благосостояніе и даже нравственное благообразіе толпы (исключая немногихъ передовыхъ дѣятелей или минутъ нравственнаго подъема) зависитъ отъ общественно-экономическаго строя. Измѣните общественно-экономическій строй, и тогда вы въ правѣ ожидать нравственнаго и экономическаго благоустроенія личнаго и семейнаго. И во всякомъ случаѣ, если личная благотворительность имѣетъ ограниченные и даже ничтожные результаты, то переходъ отъ нея къ общинному устройству въ силу простой логики не позволяетъ остановиться и на этой ступени, но заставляетъ переходить къ слѣдующей — къ активно-общественной дѣятельности.

Подведу итогъ сказанному. Я даю Крестовоздвиженскому

Трудовому Братству дружескій совѣтъ: а) предоставить личностямъ—членамъ Братства больше субъективно-религіознаго простора, нормируя лишь внѣшне-общинныя отношенія братчиковъ, и б) открыть возможно-широкую благотворительную дѣятельность въ отношеніи къ окружающему населенію, не отказываясь отъ активно-непосредственнаго участія и въ общественно-экономическихъ вопросахъ.

Было бы для меня крайне печально, если бы эти мои разсужденія были поняты какъ результатъ моего нерасположенія къ Братству,—это было бы такъ несправедливо! Напротивъ, я говорю все это именно потому, что смотрю вполнѣ серьезно на дѣло Братства и отношусь къ нему съ искреннимъ уваженіемъ, признавая его заслуживающимъ всесторонняго вниманія и изученія. Это ясно изъ каждой строки моего описанія. Только я не принадлежу къ числу людей, для которыхъ въ христіанствѣ все до прозрачности ясно и всѣ христіанско-общественныя проблемы суть легко разрѣшимыя задачи съ однимъ неизвѣстнымъ. Я думаю, что въ христіанской задачѣ много неизвѣстныхъ и что нужно начать научное изученіе современнаго отношенія христіанства къ жизни, современныхъ опытовъ христіанскаго дѣланія: нужно собирать матеріалы, сравнивать, классифицировать, дѣлать выводы. Поэтому-то объективно-научный взглядъ безпристрастнаго наблюдателя имѣетъ свою цѣнность наряду съ дѣланіемъ въ той или другой частной формѣ. И было бы съ моей стороны подлиннымъ неуваженіемъ къ дѣлу Братства и неблагодарностью ему за его гостепріимство, если бы я ограничился гимнологическими чувствами и диллетантскими мыслями, если бы я только восторгался. Я считаю долгомъ высказать тѣ сужденія, которыя подсказываются мнѣ моими религіозными убѣжденіями и общею точкою зрѣнія на всякія формы христіанскаго дѣла. Да и сужденія мои не только не касаются личностей, которыя для меня всегда священны,—они слегка лишь касаются самаго дѣла,—они относятся главнымъ образомъ къ книгамъ основателя Братства, къ данному имъ опредѣленію братскаго принципа, къ словесному выраженію его. Хотѣлось бы, чтобы къ моимъ сужденіямъ члены Братства отнеслись съ тѣмъ братскимъ чувствомъ, которымъ и мнѣ внушены мои слова и мысли, и съ тѣмъ благоговѣніемъ къ высокому христіанскому идеалу, предъ которымъ мелки всѣ наличныя дѣла человѣческія.

V.

Толстовскія колоніи.

Толстовскія колоніи, разсѣянныя тамъ и сямъ, всегда незначительныя по числу членовъ, слишкомъ мало даютъ случайному наблюдателю по своей крайней простотѣ и несложности строя, по возведенному въ принципъ отсутствію опредѣленныхъ порядковъ. Что заслуживаетъ вниманія и изученія въ этихъ колоніяхъ, это не составъ и дѣло какой-нибудь изъ нихъ, а общіе религіозно-моральные принципы, положенные въ основу ихъ и создающіе ихъ характеръ, и общая ихъ судьба.

Свои религіозно-моральные принципы колоніи, о которыхъ у насъ рѣчь, заимствуютъ изъ морально-философскаго ученія Л. Н. Толстого. И намъ нужно было бы начать съ подробнаго изложенія этого ученія, если бы оно не было общеизвѣстнымъ. Напомнимъ его въ самыхъ общихъ чертахъ.

Евангельское ученіе Л. Н. Толстой сводитъ къ пяти отрицательнымъ заповѣдямъ и одной положительной. Пять отрицательныхъ заповѣдей: а) не сердиться, или не гнѣваться, б) не разводиться, или не распутничать, в) не клясться, г) не противиться злу, или не судиться и не воевать, и д) не дѣлать различія между людьми, не считать людей чужими только потому, что они живутъ въ другой землѣ и говорятъ другимъ языкомъ. Заповѣдь о непротивленіи злу постоянно выступаетъ у Толстого съ характеромъ основной, или центральной. Заповѣдь относительно брачной жизни позднѣе перешла у него въ рѣшительное отрицаніе брака. Онъ даже не останавливается предъ возможностью прекращенія человѣческаго рода отъ этого. Зачѣмъ жить? Если цѣль человѣчества—благо, добро, любовь; если цѣль чело-

вѣчества есть то, что сказано въ пророчествахъ, что всѣ люди соединятся во едино любовью, что раскуютъ копья на серпы, то вѣдь достиженію этой цѣли мѣшаетъ что? Мѣшаютъ страсти. Изъ страстей самая сильная и злая и упорная—половая, плотская любовь, и потому если уничтожатся страсти, и послѣдняя, самая сильная изъ нихъ, плотская любовь, то пророчество исполнится, люди соединятся во едино, цѣль человѣчества будетъ достигнута и ему не за чѣмъ будетъ жить. О пяти евангельскихъ заповѣдяхъ Толстой говоритъ, что до сихъ поръ нельзя ни прибавить къ нимъ, ни откинуть отъ нихъ ни одной, что ими вполнѣ исчерпывается все то, что отвращаетъ человѣка отъ истиннаго пути жизни. Эти пять заповѣдей, какъ ихъ Толстой понимаетъ, ведутъ къ отмѣнѣ и уничтоженію собственности, семьи, патріотизма, церкви и государства, и должны возвратить человѣка къ состоянію естественной невинности. Зло нашей жизни происходитъ отъ законовъ государственныхъ и церковныхъ, отъ предразсудковъ національзма и собственности,—и оно само собою прекратится, какъ только человѣкъ будетъ освобожденъ отъ этихъ законовъ, какъ только уничтожатся эти культурные предразсудки. Культура, обнимающая раздѣленіе труда, раздѣленіе народовъ и сословій, суды, клятвы, войска—не только не есть необходимый путь къ счастью и совершенству человѣка, а есть именно причина его страданій и всего зла, наполняющаго его жизнь.

Ученіе евангельское, кромѣ отрицательной, имѣетъ и положительную сторону. Съ положительной стороны, ученіе истины, выраженное Христомъ, не находится въ заповѣдяхъ и законахъ, оно находится въ одномъ—въ смыслѣ, придаваемомъ жизни. Смыслъ этого ученія въ одномъ—въ томъ, что жизнь и благо жизни не въ личномъ счастіи, какъ это думаютъ люди, а въ служеніи Богу и людямъ. И это положеніе не есть предписаніе, которое должно исполнять для полученія за исполненіе награды, не есть мистическое выраженіе чего-то таинственнаго и непонятнаго, а есть откровеніе скрытаго прежде закона жизни, есть указаніе того, что жизнь можетъ быть благомъ только при такомъ пониманіи жизни. И потому все положительное ученіе истины Христа выражено въ одномъ: люби Бога и ближняго, какъ самого себя... Любовь бываетъ ложная, мірская, это—при-

страстіе; и бываетъ любовь истинная. Любовь истинная становится возможной только при отреченіи отъ блага животной личности. Возможность истинной любви начинается только тогда, когда человѣкъ понялъ, что нѣтъ для него блага его животной личности. Только тогда всѣ соки его жизни переходятъ въ одинъ облагороженный черенокъ истинной любви, разрастающійся уже всѣми силами ствола дичка животной личности. Не вслѣдствіе любви къ отцу, къ сыну, къ женѣ, къ друзьямъ, къ добрымъ и милымъ людямъ, какъ это обыкновенно думаютъ, люди отрекаются отъ личности, а только вслѣдствіе сознанія тщеты существованія личности познаетъ человѣкъ истинную любовь и можетъ истинно любить отца, сына, жену, дѣтей и друзей. Любовь есть предпочтеніе другихъ существъ себѣ—своей животной личности. Начало любви, корень ея, не есть порывъ чувства, затемняющій разумъ, какъ это обыкновенно воображаютъ, но есть самое разумное, свѣтлое и потому спокойное состояніе, свойственное дѣтямъ и разумнымъ людямъ. Состояніе это есть состояніе благоволенія ко всѣмъ людямъ, которое присуще дѣтямъ, но которое во взрослом человѣкѣ возникаетъ только при отреченіи и усиливается только по мѣрѣ отреченія отъ блага личности. Величина любви есть величина дроби, которой числитель, мои пристрастія, симпатіи къ другимъ—не въ моей власти; знаменатель же, моя любовь къ себѣ, можетъ быть увеличенъ и уменьшенъ мною до безконечности, по мѣрѣ того значенія, которое я придалъ своей животной личности. Нѣтъ иной любви, какъ та, чтобы положить душу свою за други своя. Любовь—только тогда любовь, когда она есть жертва собой. Только когда человѣкъ отдаетъ другому не только свое время, свои силы, но когда онъ тратитъ свое тѣло для любимаго предмета, когда онъ отдаетъ ему свою жизнь—только это мы признаемъ всѣ любовью и только въ такой любви мы всѣ находимъ благо, награду любви... Такая любовь есть сама жизнь. Не жизнь неразумная, страдальческая и гибнущая, но жизнь блаженная и безконечная. Любовь не есть выводъ разума, не есть послѣдствіе извѣстной дѣятельности; а это есть сама радостная дѣятельность жизни, которая со всѣхъ сторонъ окружаетъ насъ. Кто не знаетъ того блаженнаго чувства умиленія, при которомъ хочется любить всѣхъ: и

близкихъ, и отца, и мать, и братьевъ, и злыхъ людей, и враговъ, и собаку, и лошадь, и травку; хочется одного—чтобы всѣмъ было хорошо, чтобы всѣ были счастливы, и еще больше хочется того, чтобы самому сдѣлать такъ, чтобъ всѣмъ было хорошо, самому отдать себя, всю свою жизнь на то, чтобы всегда всѣмъ было хорошо и радостно. Это-то и есть, и это одно есть та любовь, въ которой жизнь человѣка. Любить вообще значитъ дѣлать доброе. Любить ложною пристрастною любовью это значитъ отнимать у чужихъ блага, которыя могутъ понадобиться своимъ, отказываться отъ любви (къ чужимъ) въ настоящемъ ради любви (къ своимъ) въ будущемъ. Любить истинною любовью значитъ дѣлать добро въ настоящемъ, оказывать добро первому, кто о немъ попроситъ, кто въ немъ нуждается...

Изъ закона любви, поясненнаго пятью отрицательными заповѣдями, слѣдуетъ, въ качествѣ отрицательнаго вывода, упрощеніе жизни и, въ качествѣ положительнаго вывода, необходимость труда, направленнаго на добываніе хлѣба. Поистинѣ чудны и прекрасны тѣ многочисленныя страницы изъ религіозно-моральныхъ сочиненій Л. Н. Толстого, на которыхъ онъ раскрываетъ неразрывную связь праздности и роскоши однихъ съ бѣдностью и страданіями другихъ, праздности и роскоши городской жизни съ бѣдностью и страданіями деревни. Съ стремительною силою страстнаго негодованія и непоколебимаго убѣжденія, съ неотразимою убѣдительностью художественно изображенной правды, Толстой вскрываетъ предъ нами тѣ желѣзныя сцѣпы, которыя влекутъ за привычкой праздныхъ людей курить табакъ жалкую смерть тѣхъ, которые приготовляютъ курево, за страстью богато одѣваться и шумно веселиться страданія, бѣдность и смерть тѣхъ, которые гибнутъ на фабрикахъ, вырабатывающихъ предметы роскоши. Какъ необходимо бросить по любви къ людямъ праздность и роскошь, такъ по той же любви необходимо каждому приняться за хлѣбный трудъ. Откуда происходятъ бѣдствія людей, если исключить изъ числа бѣдствій—тѣ, которыя люди прямо наносятъ другъ другу убійствами, казнями, острогами, драками и всякими жестокостями, въ которыхъ они грѣшатъ тѣмъ, что не воздерживаются отъ насилія? Всѣ бѣдствія людей, за исключеніемъ прямого насилія, происходятъ отъ голода, лишеній

всякаго рода, отягченія въ работѣ, и рядомъ съ этимъ отъ излишества, праздности и вызываемыхъ ими пороковъ. Какая же можетъ быть наиболѣе священная обязанность человѣка, какъ не та, чтобы содѣйствовать уничтоженію этого неравенства, этихъ бѣдствій нужды въ однихъ и бѣдствій соблазновъ въ другихъ? И чѣмъ можетъ человѣкъ содѣйствовать уничтоженію этихъ бѣдствій, какъ не участіемъ въ трудѣ, покрывающемъ нужду людей, и удаленіемъ отъ себя излишествъ и праздности, производящихъ пороки и соблазны, т. е. не тѣмъ, чтобы каждому кормиться своими трудами? Но это не есть только обязанность, трудъ—радостное призваніе человѣка. На ученіе Христа Толстой смотритъ какъ на призывъ людей не дѣлать глупостей, отравляющихъ жизнь, и жить разумною жизнью, которая есть единственно счастливая жизнь. Жертвы, конечно, неизбѣжны, но и мірская жизнь требуетъ отъ человѣка жертвъ, и эти жертвы тяжелѣе тѣхъ, которыя ожидаютъ человѣка на пути Христа. Но мірскія жертвы не даютъ человѣку счастья, а отреченіе во имя Христа есть вѣрный путь къ счастью. Ученіе Христа о томъ, что жизнь нельзя обезпечить, а надо всегда, всякую минуту, быть готовымъ умереть, несомнѣнно лучше, чѣмъ ученіе міра о томъ, что надо обезпечить свою жизнь; лучше тѣмъ, что неизбѣжность смерти и необезпеченность жизни остается та же при ученіи міра и при ученіи Христа, но сама жизнь, по ученію Христа, не поглощается уже вся безъ остатка празднымъ занятіемъ мнимаго обезпеченія своей жизни, а становится свободной и можетъ быть отдана единой, свойственной ей цѣли—благу себѣ и людямъ. Ученикъ Христа будетъ бѣденъ; да, т. е. онъ будетъ пользоваться всѣми тѣми благами, которыя ему далъ Богъ. Бѣденъ—это значитъ: онъ будетъ не въ городѣ, а въ деревнѣ, не будетъ сидѣть дома, а будетъ работать въ лѣсу, въ полѣ, будетъ видѣть свѣтъ солнца, землю, небо, животныхъ и т. д. Болѣть, страдать, умирать онъ будетъ такъ же, какъ и всѣ, но жить онъ будетъ несомнѣнно счастливѣе. Надо возстановить свойственное всѣмъ неиспорченнымъ людямъ представленіе о томъ, что необходимое условіе счастья человѣка есть не праздность, а трудъ; что человѣкъ не можетъ не работать, что ему скучно, тяжело, трудно не работать, какъ скучно, трудно не работать муравью, лошади и всякому животному....

По ученію Христа, каждый отдѣльный человѣкъ, независимо отъ того, каковъ міръ, будетъ имѣть наилучшую жизнь, если онъ пойметъ свое призваніе—не требовать труда отъ другихъ, а самому всю жизнь свою полагать на трудъ для другихъ, жизнь свою отдавать какъ выкупъ за многихъ. Въ сердечныхъ и глубоко убѣжденныхъ словахъ обращается Толстой къ культурному, городскому человѣку, призывая его принять участіе въ рабочемъ трудѣ.—Спустись до низу, встань рядомъ съ тѣми, которые кормятъ голодныхъ, одѣваютъ холодныхъ; не бойся ничего: хуже не будетъ, а будетъ лучше во всѣхъ отношеніяхъ. Стань въ рядъ, возьмись неумѣлыми слабыми руками за то первое дѣло, которое кормитъ голодныхъ, одѣваетъ холодныхъ—за хлѣбный трудъ, за борьбу съ природой, и ты почувствуешь въ первый разъ ту твердую почву подъ ногами, почувствуешь то, что ты дома, что тебѣ свободно, прочно, идти больше некуда, и ты испытаешь тѣ цѣльныя неотравленныя радости, которыхъ ты не найдешь нигдѣ, ни за какими дверями, ни за какими гардинами.

На ученіи Толстого особенно легко видѣть разницу между основами, ведущими лишь къ устройству личной и общинной жизни, и принципами общественной дѣятельности. Онъ рѣшительно высказывается противъ всякой мысли о возможности благоустроить жизнь путемъ общественнаго переустройства. Зло нашей жизни только въ томъ, что всякіе законы сковываютъ человѣка и мѣшаютъ ему быть добрымъ, каковъ онъ по природѣ, самъ по себѣ; а всякое общественное переустройство поставитъ на мѣсто однихъ законовъ другіе законы и потому не уничтожитъ зла. Соціалисты и коммунисты считаютъ зломъ индивидуалистическое капиталистическое устройство общества, анархисты считаютъ зломъ и самое правительство, и всѣ эти партіи не имѣютъ иного, кромѣ насилія, средства соединить людей, т. е. того же средства, къ которому всегда прибѣгаютъ монархисты, консерваторы и капиталисты. Какая бы изъ этихъ партій ни восторжествовала, для введенія въ жизнь своихъ порядковъ, такъ же какъ и для удержанія власти она должна употребить не только всѣ существующія средства и насилія, но и придумать новыя. Порабощены будутъ другіе люди и людей будутъ принуждать къ другому, но будетъ не только то же, но болѣе жестокое насиліе и порабощеніе, потому что вслѣд-

ствіе борьбы усилятся и выработаются новыя средства порабощенія. Всякій путь общественнаго переустройства, по мнѣнію Толстого, только увеличиваетъ зло жизни. Такъ въ частности онъ думаетъ и о соціализмѣ. Теперь пока одна область дѣятельности людской не захвачена правительственной властью—область семейная, экономическая, область частной жизни и труда. Но и эта область, благодаря борьбѣ коммунистовъ и соціалистовъ, уже понемногу захватывается правительствами, такъ что трудъ и отдыхъ, помѣщеніе, одежда, пища людей, все понемногу, если только исполнится желаніе реформаторовъ, будетъ опредѣляться и назначаться правительствами. По убѣжденію Толстого, освобожденіе отъ зла совершается не посредствомъ общественнаго переустройства, не посредствомъ борьбы, не разрушеніемъ существующихъ формъ жизни, а только измѣненіемъ жизнепониманія. „Истинное соціальное улучшеніе, пишетъ Л. Н. Толстой въ знаменитомъ отзывѣ объ общественномъ движеніи послѣднихъ дней, можетъ быть достигнуто только религіознымъ и нравственнымъ совершенствованіемъ всѣхъ отдѣльныхъ личностей. Политическая же агитація, ставя предъ отдѣльными личностями губительную иллюзію соціальнаго улучшенія, посредствомъ измѣненія внѣшнихъ формъ, обыкновенно останавливаетъ истинный прогрессъ". Нужно каждому человѣку начать жить по закону Христа, нужно соединяться добрымъ людямъ, и жизнь сама собою переустроится...

Проповѣдь Толстого это одинъ изъ самыхъ могучихъ въ послѣдніе дни призывовъ людей къ христіанскому пути. Многіе изъ людей нашего времени, забывшихъ христіанство или выросшихъ въ средѣ, въ которой христіанство забыто, снова стали къ нему внимательно присматриваться по призыву Толстого... И приходится особенно пожалѣть, что самъ Толстой не сталъ по жизни христіаниномъ, какъ онъ понимаетъ христіанство, и его проповѣдь прозвучала какъ пустой, хотя и могучій звукъ. Онъ обнаруживалъ явныя усилія сдѣлаться христіаниномъ, но эти усилія выразились въ такихъ юмористическихъ формахъ, которыя даютъ право говорить, что ему „христіанство не удалось". Онъ шилъ сапоги и пахалъ землю, не имѣя нужды ни въ обуви, ни въ хлѣбѣ, хотя по его же словамъ работа имѣетъ смыслъ лишь тогда, когда она удовлетворяетъ нуждѣ. Въ положеніе дѣйствительно ну-

ждающагося человѣка онъ не сталъ. „Такъ окруженъ я, признается онъ, всякой роскошью, которую ненавижу и изъ которой не имѣю силъ выбраться". Паханіе земли, рабочая блуза все это у него оказалось видомъ чудачества, барской забавы, особаго рода спортомъ. Онъ отказался и отъ всего своего огромнаго имѣнія... въ пользу своей семьи, съ которой продолжаетъ жить... Онъ даже старается теоретически оправдать такой индивидуалистическій квіетизмъ. Въ заключеніе своего, повидимому, радикальнѣйшаго сочиненія *Царствіе Божіе внутри васъ* онъ пишетъ: „Я не говорю, что если ты землевладѣлецъ, чтобы ты сейчасъ же отдалъ свою землю бѣднымъ, если капиталистъ, сейчасъ бы отдалъ свои деньги, фабрику рабочимъ, если царь, министръ, служащій, судья, генералъ, то чтобы ты тотчасъ отказался отъ своего выгоднаго положенія, если солдатъ, то несмотря на всѣ опасности отказа въ повиновеніи тотчасъ бы отказался отъ своего положенія. Если ты сдѣлаешь это, ты сдѣлаешь самое лучшее, но можетъ случиться—и самое вѣроятное—то, что ты не въ силахъ будешь сдѣлать этого: у тебя связи, семья, подчиненные, начальники, ты можешь быть подъ такимъ сильнымъ вліяніемъ соблазновъ, что будешь не въ силахъ сдѣлать это, но признавать истину истиной и не лгать—ты всегда можешь, и не только можешь, но и долженъ, потому что въ этомъ одномъ, въ освобожденіи себя отъ лжи и исповѣданіи истины, состоитъ единственное дѣло твоей жизни. И стоитъ тебѣ только сдѣлать это и само собой неизбѣжно измѣнится и твое положеніе".

Въ самое недавнее время напечатано письмо Л. Н. Толстого (къ духоборческому вождю П. В. Веригину), весьма важное для пониманія воззрѣнія его на культуру. Возражая адресату, рѣшительно возстававшему противъ печати, какъ средства общенія, Толстой упрекаетъ его въ „сектантской исключительности". Единеніе людей достигается „и торговлей, и завоеваніями, и путешествіями, и книгой, и желѣзными дорогами, и телеграфами, и еще многими другими способами", изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ завоеванія, должно отвергнуть, но остальныя должны быть признаны „удобнымъ орудіемъ служенія Богу" [1]). Конечно, культура имѣетъ недо-

1) Въ частности о книгѣ Толстой писалъ такъ въ другомъ письмѣ къ тому же Веригину: „Столько вредныхъ книгъ написано и распро-

статки, которые должны быть исправлены, но самая культура не можетъ быть признана ошибкой,—ее нужно исправлять, но не уничтожать. Неправильно въ нашей жизни то, что средство, т. е. культура, поставлена цѣлью, а цѣль, благо ближняго,—средствомъ, что благо ближняго, и самая жизнь его, жертвуется для произведенія орудій, все равно—нужныхъ всѣмъ или не нужныхъ. „Надо, чтобы люди понимали, что какъ ни кажутся намъ полезными и важными книгопечатаніе, желѣзная дорога, плугъ, косы,—не нужно ихъ, пропади они пропадомъ до тѣхъ поръ, пока мы не научимся дѣлать ихъ, не губя счастье и жизнь людей". Въ этомъ и только въ этомъ зло культуры. Уничтожать культуры ненужно, уничтожить ее и невозможно, какъ невозможно опять сдѣлаться обезьяною, нужно только знать, что матеріальный прогрессъ есть неизбѣжный ростъ, а не цѣль, что цѣль одна—благо ближняго. „Плакаться же о томъ, что люди не могутъ теперь жить безъ орудій, какъ лѣсные звѣри питаясь плодами, все равно, что мнѣ, старику, плакаться о томъ, что у меня нѣтъ зубовъ и черныхъ волосъ, и той силы, которая была въ молодости. Мнѣ надо не вставлять зубы и подкрашивать волосы и не дѣлать гимнастики, а стараться жить такъ, какъ свойственно старику, ставя на первое мѣсто не дѣла мірскія, а дѣло Божіе—единенія и любви, допуская дѣла мірскія только въ той мѣрѣ, въ которой они не мѣшаютъ дѣлу Божьему. То же надо дѣлать человѣчеству въ его теперешней порѣ жизни. Говорить же, что желѣзныя дороги, газъ, электричество, книгопечатаніе—вредны, потому что изъ-за нихъ губятся людскія жизни, все равно, что говорить, что пахать и сѣять вредно, только потому, что я не во время вспахалъ поле, далъ ему зарости, а потомъ посѣялъ, не запахавъ, то есть сдѣлалъ раньше то, что слѣдовало бы сдѣлать послѣ"...

Это, дѣйствительно, теорія непротивленія злу,—теорія недѣланія.

Указываю на это не для того, чтобы бросить камнемъ въ ясно-полянскаго старца, а потому, что Толстой своею мощною фигурою загородилъ отъ многихъ христіанство и его

странено, что противодѣйствовать этому вреду можно только книгой же. Клинъ выбивать клиномъ"...

немощь является имъ немощью самой религіи, потому что толстовщину искренно возненавидѣли люди, которые ищутъ правды и силы религіи, и тѣнь этой ненависти пала на христіанство, съ которымъ себя отождествляетъ толстовщина.

Такая могущественная словомъ и художественно высокая проповѣдь христіанства и такое рѣшительное отсутствіе христіанскаго дѣла!

Вотъ что пишетъ о Толстомъ одинъ паломникъ, посѣтившій его въ Ясной Полянѣ въ недавнее время. „Остановившись на секунду во время прогулки, Левъ Николаевичъ сказалъ мнѣ:

— Мнѣ хорошо, ужасно хорошо, слишкомъ хорошо. Никакого отчаянія, никакой тоски и унынія. И вотъ одного жаль, что я не *пострадалъ,* и вообще, что я мало страдалъ... Пострадай я за свои мысли, онѣ производили бы другое впечатлѣніе...

При этихъ словахъ мнѣ показалось, что предо мною въ самую жизнь Толстого, въ его психологію открывается какой-то большой, яркій просвѣтъ. Самъ Толстой чувствуетъ, что онъ прежде всего судья, а не пророкъ, а ему хотѣлось бы, надо было бы быть пророкомъ, надо бы *запечатлѣть, освятить* въ предѣлахъ человѣческаго разумѣнія суровостью своего ученія, суровостью своей личной жизни и страданіемъ—свой путь, свою критику, свое отрицаніе и свою любовь... Но „мнѣ хорошо, слишкомъ даже хорошо“—говоритъ и повторяетъ онъ. И вотъ какая-то неудовлетворенность, неравновѣсіе...

Судья, а не пророкъ... И оттого-то самого Толстого гораздо больше судятъ, чѣмъ идутъ за нимъ. Всѣ преданія, весь властный голосъ прошлаго за то, чтобы аскетизмъ проповѣдывался аскетами, чтобы человѣкъ освящалъ суровостью своей личной жизни суровость своего ученія, и не только мы, не только властный голосъ прошлаго, но и самъ Толстой за это... А между тѣмъ, сколько мира, спокойствія, довольства разлито по всему яснополянскому порядку, по его зданіямъ, по лицамъ его обитателей, какъ искренно звучатъ слова Толстого: „мнѣ хорошо, слишкомъ даже хорошо“, и естественно, что его ученіе, путь котораго такой скорбный и тяжелый, находитъ въ душѣ другихъ лишь отзвукъ, а не

признаніе!.. Подвижничества нѣтъ, нѣтъ святости, есть поразительно умная и красивая человѣческая жизнь, выработанная изъ обстановки старо-дворянскаго, помѣщичьяго обихода"...

Но этого мало сказать, что нѣтъ святости, что за Толстымъ не идутъ. Страшное противорѣчіе между словомъ Толстого и его дѣломъ можетъ имѣть роковое послѣдствіе для дѣла христіанства въ средѣ всѣхъ тѣхъ, которые по толстовщинѣ судятъ о христіанствѣ. „Не страшно ли въ самомъ дѣлѣ—говорятъ—то, что и этотъ человѣкъ, который такъ безконечно жаждалъ правды, такъ неумолимо обличалъ себя и другихъ, какъ никто и никогда, что и онъ допустилъ въ свою совѣсть такую вопіющую ложь, такое безобразное противорѣчіе?" И можетъ быть никто на протяженіи почти двухтысячелѣтней исторіи церкви не принесъ такого вреда дѣлу христіанства, дѣлу религіозной любви, какъ Толстой, десятки лѣтъ проповѣдующій только о любви. Страшно то, что, глядя на Толстого, заговорили не только о ложности или истинности христіанства, какъ говорили прежде, но заговорили о смѣшной сторонѣ христіанства. Засмѣялись надъ христіанствомъ гордаго аристократа, милліонера, который проповѣдуетъ терпѣніе народу, такъ много терпѣвшему, который охраняетъ своею проповѣдью свои владѣнія отъ ненавистнаго соціализма, который и этою проповѣдью даетъ женѣ возможность пріумножать богатства. Была ли когда такая насмѣшка надъ христіанствомъ?..

Въ личной исторіи Толстого примѣчательно особенно то обстоятельство, что онъ художественно создалъ теорію христіанства... Наличность дѣятелей любви, благотворительности и милосердія еще не рѣшаетъ сама по себѣ христіанскаго вопроса. Дѣятельность любви можетъ быть простымъ результатомъ природной жалости и въ этомъ случаѣ она одинакова въ средѣ христіанской и въ средѣ языческой. Это именно является характернымъ для нашихъ дней. И тѣмъ съ большимъ вниманіемъ мы прислушиваемся къ словамъ Л. Толстого, который христіанскую любовь возвелъ въ систему стройнаго міровоззрѣнія. Только любовь даетъ человѣку истинную жизнь и полноту счастья, только любовь рѣшаетъ всѣ противорѣчія нашей жизни, только для любви призванъ человѣкъ въ этотъ міръ,—для любви ко всѣмъ лю-

дямъ. И вотъ при такомъ-то ясномъ сознаніи христіанскаго блага, при такомъ-то глубокомъ пониманіи сущности христіанской любви—Толстой остается язычникомъ, такъ что и проповѣдь христіанства является лишь художественнымъ украшеніемъ его языческой жизни. И конечно, у многихъ вкрадется въ душу подозрѣніе къ этой эстетической любви, многимъ она покажется искусственнымъ цвѣткомъ отвлеченной мысли, художественно-прекрасной замѣной простого живого дѣла, эстетическою потребностью художественнаго таланта...

Въ этомъ случаѣ „христіанство“ сводится къ простому психологическому факту, который предуказанъ еще въ *Запискахъ изъ подполья*. „Кончалась полоса моего развратика, говоритъ о себѣ герой подполья, и мнѣ становилось ужасно тошно. Наступало раскаяніе... Но у меня былъ выходъ, все примирявшій, это—спасаться во „все прекрасное и высокое“, конечно въ мечтахъ. Мечталъ я ужасно... Бывала вѣра, надежда, любовь. Я смѣло вѣрилъ тогда, что какимъ-то чудомъ, какимъ-нибудь внѣшнимъ обстоятельствомъ все это вдругъ раздвинется, расширится; вдругъ представится горизонтъ соотвѣтственной дѣятельности, благотворной, прекрасной и, главное, *совсѣмъ готовой*, и вотъ я выступлю вдругъ на свѣтъ Божій, чуть-ли не на бѣломъ конѣ и не въ лавровомъ вѣнкѣ... Сколько любви, Господи, сколько любви переживалъ я, бывало, въ этихъ мечтахъ, хоть и фантастической любви, хоть ни къ чему человѣческому на дѣлѣ не прилагавшейся, но до того было ея много, этой любви, что потомъ, на дѣлѣ, ужъ и потребности даже не ощущалось ее прилагать... Эти приливы „всего прекраснаго и высокаго“ приходили ко мнѣ и тогда, когда я на самомъ днѣ находился, но не истребляли однако жъ развратика своимъ появленіемъ; напротивъ, какъ будто поджившяли его контрастомъ, и приходили ровно на столько, сколько было нужно для хорошаго соуса. Соусъ тутъ состоялъ изъ противорѣчія и страданія, изъ мучительнаго внутренняго анализа“... На Толстомъ исполнилось это подпольное пророчество: его христіанство явилось лишь художественнымъ соусомъ къ языческой жизни. И такимъ оно явилось и должно было явиться потому, что оно оторвалось отъ евангельской эсхатологіи, но не пристало и къ современнымъ формамъ

общественной дѣятельности,—оно оказалось мертвымъ, искусственнымъ правиломъ жизни для всѣхъ...

Но у Толстого нашлись и послѣдователи, которые хотятъ жить по его ученію, и соединяются для этой цѣли въ Толстовскія колоніи. Эти колоніи возникаютъ то тамъ, то здѣсь, всегда не многолюдныя и не продолжительныя. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ было бы немаловажно привести въ извѣстность число этихъ колоній, но собственно въ религіозно-научномъ отношеніи важнѣе слѣдить за ихъ судьбою. Я не былъ поставленъ въ такія счастливыя условія, которыя могли бы дать возможность прослѣдить судьбу какой-нибудь колоніи, мои наблюденія въ этомъ отношеніи слишкомъ незначительны, чтобы имѣть общій интересъ, и я долженъ заимствовать свѣдѣнія изъ чужихъ рукъ.

Въ Смоленскомъ Вѣстникѣ за 1891 годъ была передана шестилѣтняя исторія одной Толстовской колоніи, пересказанная потомъ въ Русскомъ Богатствѣ за 1893 годъ. Колонія основалась на живописномъ берегу Днѣпра. Два брата, довольно состоятельные, образованные, видавшіе виды—особенно старшій, долго прожившій за границей и наблюдавшій жизнь американскихъ общинниковъ и сектантовъ, купили землю, сдѣлали необходимыя постройки и завели хозяйственный инвентарь. Вообще нужно замѣтить, что охотники дать подъ колонію землю и обезпечить ея начальное существованіе находятся,—и обычно это безкорыстные жертвователи, увлеченные лишь идеею общежитія. Не всегда сами жертвователи становятся и общинниками, но въ этомъ случаѣ было такъ. Всѣ постройки и вся хозяйственная заготовка были исполнены основательно. Чтобы устроить хозяйство, которое потомъ должно было вестись личнымъ трудомъ, пришлось допустить компромиссы—обратиться къ помощи работника. Позднѣе обходились безъ этой помощи въ работахъ, но пастуха приходилось нанимать все время, такъ какъ никто изъ колонистовъ не хотѣлъ исполнять этихъ обязанностей. Равнымъ образомъ, все время колонія пользовалась притокомъ денегъ со стороны, и это накладывало на трудъ колоніи печать какъ бы легкомысленной забавы. И таковы всѣ толстовскія колоніи, о которыхъ приходится читать и слышать. Выходитъ такъ, какъ будто человѣкъ кладетъ деньги въ банкъ, или передаетъ женѣ, а самъ начи-

наетъ опытъ трудовой жизни, съ возможностью всегда прервать трудъ. Рѣшительнаго поворота, порыванія съ прошлымъ нѣтъ,—недостаетъ вѣры, что дѣлается дѣло серьезное и нужное. Въ Америкѣ подобныя общины процвѣтаютъ, но тамъ сама жизнь внушаетъ серьезный взглядъ на трудъ. У насъ же все какъ-то идеологично и легкомысленно, много словъ и мало дѣла. По виду упрощеніе въ колоніи было полное: простая одежда—поддевка, синяя рубаха, сапоги, простой столъ—щи, чечевица, горохъ, молоко, простыя отношенія—„бабы“, какъ въ шутку называли женщинъ, мыли и штопали бѣлье, пекли хлѣбы и готовили къ столу. Но хозяйство шло съ трудомъ. Засѣвался хлѣбъ по три десятины въ каждомъ полѣ, убирались луга, чистились заросли, но эта обработка земли велась плохо и хозяйство не могло прокормить, безъ сторонней помощи, плохихъ работниковъ, хотя было бы для этого достаточно въ хорошихъ рукахъ. Кромѣ того, колонія заполнялась праздными гостями, которые работали слишкомъ много языкомъ и слишкомъ мало руками, предъ всѣмъ восторгались, постоянно носились съ проектами и проводили жизнь паразитовъ. Горячо толковали на тему, что нужно трудами рукъ своихъ доставать себѣ пропитаніе, что каждый не работающій сидитъ на плечахъ у ближняго своего, и въ то же время въ дѣйствительности кушали чей-то, только не свой хлѣбъ... Хозяйство шло безъ всякаго порядка... Согласились избрать изъ своей среды завѣдывающаго работами и избрали человѣка, понимающаго сельское хозяйство и работящаго. Но его не слушались. Его распоряженія называли насиліемъ надъ личностью. Скошено, напр., сѣно и нужно воспользоваться хорошей погодой, чтобы убрать его. Завѣдующій говоритъ объ этомъ за завтракомъ. Но колонисты и ухомъ не ведутъ: одинъ идетъ письмо писать, другой беретъ книгу и уходитъ въ тѣнистое мѣсто, третій садится на лугу, собираетъ въ кучу женщинъ и разсказываетъ имъ тихимъ плавнымъ голосомъ, что ихъ община представляетъ, собственно говоря, нелѣпость, такъ какъ жизнь человѣка—въ духѣ и стремленіи отойти къ Отцу, а не въ заботахъ о пропитаніи и заготовкѣ хлѣба... Завѣдующій взялъ грабли и пошелъ убирать сѣно; за нимъ еще двое побрели, прочіе остались; а къ вечеру пошла туча, разразилась проливнымъ дождемъ и сѣно ис-

портилось... Съ хозяйственными орудіями обращались изъ рукъ вонъ плохо, неряшливо. Лопается черезсѣдельникъ, толстовецъ, не долго думая, обрѣзаетъ гужъ и поправляетъ бѣду. Отъ граблей во время покоса осталось одно жалкое воспоминаніе...

На эти пустяки и мелочи главные члены колоніи не обращали вниманія, которое всецѣло было поглощено идейною стороною жизни... Говорили много, бесѣдовали часто. Говорили о Богѣ, о евангеліи; любимою темою былъ вопросъ о непротивленіи злу насиліемъ. Бесѣды были поразительно безплодны, постоянно возвращались къ одному и тому же пункту, развивали страсть поспорить и всѣмъ надоѣдали. Иногда сама жизнь грубо вмѣшивалась въ эту безплодную болтовню и или требовала или давала прямыя и ясныя рѣшенія. Такъ, споры о непротивленіи злу стали извѣстны окружающему населенію; крестьяне хорошо поняли, что сосѣдей этихъ бояться нечего, потому вѣра у нихъ такая: дѣлай ты съ ними, что хочешь, въ судъ не пойдутъ, люди смирные, тихіе. Это давало поводъ курьезнымъ случаямъ. Идутъ, напр., колонисты въ поле и видятъ, что крестьянскіе телята ходятъ по ихъ овсу; согнали разъ, согнали другой и просили мужиковъ не пускать; смотрятъ, а телята опять въ овсѣ. Остановились и не знаютъ, что дѣлать. Заспорили. Одинъ говоритъ, что сгонять—насиліе, а другой говоритъ, что это будетъ не насиліе, а доброе дѣло, потому что овесъ будетъ спасенъ. Стоятъ да спорятъ, а телята топчутъ и ѣдятъ овесъ. Прибѣжала какая-то баба и угнала телятъ, а они все стоятъ и спорятъ...

Или еще. Взяли разъ колонисты къ себѣ на воспитаніе въ сосѣднемъ городѣ уличнаго мальчишку, Петьку, лѣтъ 13. Мальчикъ былъ впечатлительный, способный и смѣлый. Присмотрѣлся онъ къ толстовцамъ и пожелалъ извлечь для себя пользу изъ ихъ ученія. Видитъ онъ—зипунишка на немъ сталъ разваливаться, а на нихъ поддевки все здоровыя. Всталъ утромъ пораньше всѣхъ, выбралъ себѣ поддевку по росту и надѣлъ, а зипунишко свой забросилъ. Проснулись всѣ. Видитъ хозяинъ поддевки, въ чемъ дѣло, и обращается къ мальчишкѣ.

— Ты зачѣмъ надѣлъ мою поддевку?

— Потому что моя развалилась, а твоя мнѣ понравилась.

— Ну—ну, скидавай, что бобы-то разводить.

— Зачѣмъ я буду скидавать? Это поддевка моя.

— Скидавай, говорятъ тебѣ, а то самъ сниму.

— Ну-ка попробуй! Что жъ ты вѣру свою хочешь смѣнять? Сказано злому не противься...

У колоніи не было силъ разрѣшить этотъ конфликтъ и она чувствовала стыдъ за свое безвыходное положеніе...

Толстовскія колоніи сознательно изолируются отъ окружающаго міра, поставляя своею цѣлью личное нравственное усовершенствованіе и надѣясь именно этимъ путемъ пересоздать общество. Цѣль наша, говорятъ толстовцы,—осуществить такую общину, въ которой человѣкъ, при содѣйствіи товарищей, могъ бы идти къ нравственному усовершенствованію. Община наша должна быть такова, чтобы всякій нравственно удрученный, усталый и измученный въ борьбѣ человѣкъ могъ найти въ нашей средѣ пріютъ и отдыхъ, чтобы всякій юный, не установившійся еще человѣкъ, ищущій правды, любви и добра, могъ окрѣпнуть у насъ въ своихъ идеалахъ, пріобрѣсти необходимые нравственные устои на своемъ жизненномъ пути.

Но это нравственное усовершенствованіе легко сводится къ пустому словоговоренію, которое вскорѣ начинаетъ надоѣдать. Для многихъ жизнь въ общинѣ обращается въ наивную идиллію. Да и нравственно совершенствоваться, закрывая глаза на нужды окружающей жизни—кажется невозможнымъ. И вотъ пришли къ мысли допустить сношеніе съ внѣшнимъ міромъ. Въ сосѣдней деревнѣ помогли въ работѣ одному старику; завели на Днѣпрѣ лодку, на которой иногда перевозили и крестьянъ; пускали ихъ по субботамъ мыться въ свою баню; устроили было школу для крестьянскихъ дѣтей, но ее закрыло правительство.

Конечно такая пародія на благотворительность не могла отвлечь вниманіе колонистовъ отъ накоплявшагося внутри колоніи нравственнаго разлада. Нашли причину этого въ томъ, что основатель общины оставался собственникомъ земли и на долю остальныхъ членовъ выпадало унизительное положеніе батраковъ. Тогда онъ отказался отъ земли въ пользу общины, но никто изъ членовъ не хотѣлъ переписать на себя земельную собственность, такъ какъ это противорѣчило бы убѣжденіямъ. Между тѣмъ становой ѣздилъ

и требовалъ уплаты по окладнымъ листамъ, отъ которой всѣ отказывались. Была совершена наконецъ дарственная на имя трехъ колонистовъ, но при этомъ ни та ни другая сторона не хотѣла платить установленныхъ пошлинъ...

Нравственный разладъ увеличивался. Причина его, по словамъ автора очерка, лежала въ отсутствіи живого дѣла, въ искусственности жизни, въ томъ, что мысль и душа человѣческая были посажены въ какой-то каменный мѣшокъ, забрели въ какой-то закоулокъ, въ какой-то заколдованный кругъ. Толстовцамъ—писала одна изъ колонистокъ въ Недѣлю—подчасъ не подъ силу бывала та жизнь, какую они избрали, они оказывались слабы. Мука жизни толстовца заключалась въ двойственности, какая существовала между высотою его чувствъ и низостью его поступковъ. Но сами колонисты искали внѣшней причины своей неудачи. Имъ казалось, что вся ихъ жизнь подавлялась личностью основателя. Онъ уступилъ и оставилъ общину. Но жизнь общины не улучшилась. Скука, бездѣятельность, отсутствіе цѣли лежали на всѣхъ тяжелымъ камнемъ и создавали взаимное озлобленіе.

Добавились еще осложненія по вопросу о бракѣ. Толстовскія колоніи бываютъ брачныя и безбрачныя. Въ первыхъ обыкновенно подростающія дѣти вызываютъ распаденіе колоніи. Въ основу колоніи, о которой мы говоримъ, было положено безбрачіе. Но основа эта скоро поколебалась. Одинъ изъ самыхъ убѣжденныхъ толстовцевъ по части безбрачія рѣшилъ жениться; другой, разошедшійся съ женой ради общины, опять съ нею сошелся и уѣхалъ изъ колоніи...

Чувствовался недостатокъ въ насущномъ хлѣбѣ. Но послѣдній ударъ колонія получила отъ сосѣднихъ крестьянъ. Какъ только они узнали, что хозяинъ хутора ушелъ, не скоро возвратится, а можетъ и совсѣмъ откажется отъ земли, такъ и потянулись въ колонію просить дровъ, лѣсу, старыхъ колесъ, саней, денегъ, одежды. Одна баба просила на похороны дочери, которая и не думала умирать; другіе изобрѣтали другія нужды. Помогать было нечѣмъ, приходилось отдавать необходимое. Колонисты стали прятаться, избѣгали встрѣчи съ крестьянами, а тѣ выслѣживали ихъ, охотились на нихъ какъ на дичь. Наконецъ, крестьяне задумали сами освидѣтельствовать помѣщенія колоніи: разломали замки,

обыскали зданіе библіотеки и заброшенный барскій домъ... При такихъ условіяхъ было невозможно жить и послѣдніе колонисты бѣжали.

Исторія другой колоніи разсказана въ книгѣ Е. А. Соловьева „Въ раздумьи“ (1893), пересказана въ томъ же Рус. Бог. за 1893 г. и еще разъ повторена въ недавно вышедшей монографіи Андреевича (Е. А. Соловьева) *Л. Н. Толстой*. Среди толстовскихъ колоній видное мѣсто занимаетъ основанная кн. Хилковымъ община крестьянъ с. Павловки.

Какое значеніе имѣютъ эти колоніи? Что онѣ не успѣваютъ, что онѣ болѣе мечтаютъ о разрѣшеніи религіозно-соціальныхъ вопросовъ, чѣмъ дѣйствительно разрѣшаютъ ихъ, это несомнѣнно. Но это не даетъ еще основаній отрицать какое бы то ни было ихъ значеніе. Онѣ даютъ исходъ душѣ, ищущей правды жизни; онѣ и всему обществу напоминаютъ о несовершенствахъ соціальнаго строя и будятъ его совѣсть. „Я вѣдь отлично сознаю—говоритъ толстовецъ—всѣ ошибки, всѣ промахи этихъ кружковъ, я вижу, какъ маломысленны, какъ недалеки и какъ ничтожны, за малыми исключеніями, всѣ эти кружковцы. Но они все-таки не стоятъ на мѣстѣ, они волнуются, они жаждутъ реформъ, они кричатъ и шумятъ, правда, часто какъ глупыя дѣти, но все-таки ихъ крикъ и шумъ тревожатъ міръ и напоминаютъ ему о его несовершенствѣ и зовутъ его къ лучшему; они бездѣльники и бунтари, но безъ нихъ люди погрязли бы въ тинѣ повседневныхъ заботъ и закоснѣли бы въ самодовольномъ ничтожествѣ“!..

Это „личная“ точка зрѣнія, это оцѣнка „личной“ энергіи толстовцевъ. Но на ихъ колоніи можно смотрѣть съ другой точки трѣнія—съ точки зрѣнія дѣла. Въ этомъ смыслѣ ихъ неуспѣхъ знаменателенъ и наводитъ на многія размышленія. Приведу по этому вопросу слова человѣка, который, очевидно, много думалъ о толстовщинѣ. „Современная свободолюбивая и себялюбивая мысль человѣка или уходитъ въ полное одиночество, откуда относится съ пренебреженіемъ къ ближнимъ и человѣчеству, не желая даже интересоваться вопросами ихъ жизни,—или же согласна вступить въ общеніе съ другими, но никакъ не подъ условіемъ интимнѣйшаго сліянія душъ, т. е. любви, а только *выгоды и товарищества*. Выгоды Толстой презираетъ. Товарищество, для ко-

тораго прежде всего необходима общность интересовъ, одинаково не пользуется его сочувствіемъ. И это-то его невниманіе къ двумъ самымъ большимъ силамъ, помогающимъ сближенію людей, позволяетъ сказать, что его мысль, по злому выраженію одного изъ критиковъ, составляетъ путеводитель въ царство небесное, а не по царству земному.— Мы видимъ около себя, что сближаетъ и объединяетъ людей: рабочіе союзы, соціализмъ, потребительныя товарищества, партійные разсчеты—словомъ, всѣ тѣ теченія жизни, на знамени которыхъ написано: „общій интересъ". Толстому это представляется такъ же плоскимъ, ничтожнымъ и мелкимъ, какъ плоскими, мелкими и ничтожными представляются ему заботы о матеріальномъ обезпеченіи или о завтрашнемъ днѣ. На это онъ смотритъ свысока и побарски, и, право, въ этомъ отношеніи напоминаетъ ту герцогиню, которая посовѣтовала голодающимъ пейзанамъ ѣсть пирожки, разъ у нихъ нѣтъ хлѣба.—Общій интересъ, общая выгода и ими обусловленное товарищество—это наша плоскость; любовь— это плоскость Толстого. Какъ обойтись тутъ безъ взаимнаго непониманія? Какъ иначе объяснить то, что при всемъ своемъ обаяніи Толстой почти не имѣетъ послѣдователей и одинъ изъ самыхъ искреннихъ его послѣдователей, М. С. Новиковъ, промолвился словами: „Пробылъ бы Левъ Николаевичъ хоть три дня въ нашей мужицкой шкурѣ—не то бы заговорилъ". Съ своей отвлеченной идеей міровой любви Толстой остался одинокимъ. Только его величіе, его геній спасли его отъ несчастія и слабости. Но его ученики испытали весь ужасъ слишкомъ отвлеченныхъ началъ. Ихъ колоніи разсыпались среди дрязгъ, взаимнаго недовольства, борьбы мелкихъ самолюбій. Они уходили изъ нихъ раздраженные и разочарованные, сломленные непосильной возложенной на себя ношей. Они стремились къ братству и взаимной любви. Это оказалось не по плечу. Они пренебрегли тѣмъ, что дѣйствительно объединяетъ людей—простымъ чувствомъ товарищества, простымъ сознаніемъ общаго интереса... Толстой въ его отношеніи къ современной жизни похожъ на человѣка, который, входя въ темное подземелье, разсчитывалъ бы на то, что свѣтъ доставитъ ему солнце, и поэтому не запасся ни фонаремъ, ни факеломъ. Поэтому-то его ученіе и не могло создать ничего прочнаго. Для того, чтобы міровая любовь

стала общественной и исторической силой, нужны другая земля и другіе люди. Но изъ этого совсѣмъ не слѣдуетъ, что ученіе Толстого—глупость. Слѣдуетъ только то, что оно въ другой плоскости. Его противорѣчіе съ нашими мыслями и стремленіями—это противорѣчіе временнаго и вѣчнаго, мірового и историческаго... Однако, въ такой ли уже степени, какъ кажется многимъ, это противорѣчіе непримиримо, что ни о какомъ уже соглашеніи, ни о какомъ взаимномъ пониманіи не можетъ быть и рѣчи? Поясню примѣромъ. Существуетъ солнце, дающее жизнь всей землѣ, единственный источникъ всего живого. Это солнце—вѣчные вопросы духа, его стремленіе къ абсолютной правдѣ и абсолютному совершенству, что единственно интересуетъ Толстого, что единственно для него значительно и важно. Но рядомъ съ солнцемъ существуютъ и каменный уголь и десятки другихъ горючихъ веществъ, которыя даютъ намъ и свѣтъ и тепло. На первый взглядъ, что общаго между солнцемъ и неподвижнымъ, какъ бы мертвымъ, каменнымъ углемъ? Однако, всякій знающій человѣкъ скажетъ вамъ, что каменный уголь—это та же вѣками накопленная солнечная энергія или, грубо выражаясь, уплотненные и окаменѣвшіе солнечные лучи, тепло и свѣтъ въ пластахъ и камнѣ, временно холодные и мертвые, но всегда готовые возобновить свою жизнь, свое горѣніе и давать жизнь ихъ окружающему. Не всякій понимаетъ, что это то же самое. Быть можетъ, не совсѣмъ ясно понимаетъ или хочетъ понимать это и самъ Толстой. Онъ видитъ предъ собою только солнце и, ослѣпленный, очарованный его блескомъ, говоритъ только о немъ, только ему поетъ гимны. Для него, живущаго въ надзвѣздныхъ сферахъ, куда онъ поднялся силой своего генія—это вполнѣ естественно. И вполнѣ естественно, что онъ не замѣчаетъ преобразованнаго солнца, его свѣта и лучей, уплотнившихся и окаменѣвшихъ въ углѣ и горючихъ веществахъ. Онъ говоритъ намъ о солнцѣ—міровой любви, единеніи всѣхъ живущихъ, о вѣчныхъ вопросахъ жизни. Мы отвѣчаемъ ему о томъ же солнцѣ, но уже преобразованномъ землей—о товариществѣ, общихъ и групповыхъ интересахъ, союзахъ людей во имя временныхъ историческихъ цѣлей, точной наукѣ, промышленной техникѣ. Разныя слова создаютъ взаимное непониманіе. Но наука доказала, что свѣтъ

и тепло каменнаго угля есть лишь преобразованное землей солнце. Будущее уничтожитъ и кажущееся противорѣчіе между вѣчнымъ и временнымъ, міровымъ и историческимъ, и станетъ яснымъ, что товарищества, союзы, общіе интересы людей не что иное, какъ преобразованная нашей природой, нашимъ тѣломъ, нашей землей—міровая любовь"...

Говоря о религіозно-христіанскихъ общинахъ, мы, кромѣ Крестовоздвиженскаго Трудового Братства и Толстовскихъ колоній, должны были бы назвать наши религіозныя секты, или только мечтающія о коммунизмѣ, или же пытающіяся на дѣлѣ такъ или иначе осуществить эти мечты въ своей общинной жизни—таковы духоборческая секта, штундизмъ, адвентизмъ, малеванщина и др. Подробное изслѣдованіе этихъ сектъ завело бы насъ слишкомъ далеко, да не видимъ въ этомъ и нужды для нашихъ цѣлей. Намъ достаточно указать на тѣ исканія, которыя въ этихъ сектахъ выражаются, не касаясь тѣхъ формъ, къ которымъ они приводятъ. Въ этихъ сектахъ слишкомъ много религіозно-стихійнаго, представляющаго изъ себя несомнѣнный пережитокъ и не имѣющаго широкихъ будущихъ перспективъ. Напр. эта обычная „христовщина", вѣра въ особыхъ носителей „пророческаго духа", которые и управляютъ общинами. Этою своею стороною названныя секты роднятся съ сектами мистическими—хлыстовствомъ, скопчествомъ, отличаясь однако отъ послѣднихъ крѣпкимъ этико-соціальнымъ смысломъ, который дѣлаетъ ихъ интересными не только въ религіозномъ, но и въ моральномъ отношеніи. Издавна секты служатъ у насъ убѣжищемъ, хотя и не безопаснымъ, для всѣхъ, которыхъ не удовлетворяетъ казенный строй оффиціальной церкви, которыхъ возмущаетъ бездушный идолопоклоннический символизмъ, которые ищутъ поклоненія Богу въ духѣ и истинѣ и хотятъ воплотить религіозную правду въ живой дѣйствительности. Кто хочетъ подслушать душу русскаго народа и подсчитать его моральныя силы, тотъ неизбѣжно долженъ обратиться къ русскимъ сектамъ. Уже поверхностное знакомство съ ними открываетъ предъ нами глубокое недовольство застывшей религіозной традиціей и несправедливымъ полицейскимъ укладомъ,—открываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ глубокія залежи мощныхъ моральныхъ силъ, которыя можно

смѣло усчитывать при всякихъ соображеніяхъ о нашемъ будущемъ. Но, конечно, это дремлющія силы, еще окутанныя мистическимъ туманомъ. Это богатырь безъ глазъ, идущій ощупью. Не намъ учиться у нихъ въ идейномъ отношеніи; онѣ сами ждутъ интеллигентныхъ руководителей, не столько въ области религіозной, сколько въ этико-соціальной. Народъ дастъ силу всякому прогрессивному движенію, у котораго должны быть просвѣщенные вожаки. Съ этой стороны глубоко знаменательна позднѣйшая страничка изъ духоборческой исторіи—вліяніе Толстого на духоборчество... И не одинъ Толстой дѣйствуетъ на этомъ пути. Всѣ иниціаторы новѣйшихъ движеній такъ или иначе спѣшатъ опереться на народную моральную силу,—и тому изъ нихъ принадлежитъ будущность, которое сумѣетъ овладѣть этой силою. Это заставляетъ насъ быть особенно внимательными къ культурнымъ опытамъ христіанской общинной жизни и искать здѣсь указаній на сѣмена будущаго... Не можемъ не отмѣтить, что въ новой борьбѣ взаимно оспаривающихъ другъ друга вліяній на народъ въ его живыхъ элементахъ наша церковь не принимаетъ никакого участія. Съ далекаго прошлаго она не знаетъ другого отношенія ко всякимъ искателямъ новой правды и новыхъ путей, кромѣ отталкивающихъ репрессій и безплоднаго школьнаго миссіонерства. Безъ полицейской поддержки, удерживающей въ церковной оградѣ многочисленныхъ носителей лицемѣрія, скоро сдѣлались бы очевидными печальные результаты этихъ пріемовъ. Но и нынѣ эти результаты, хотя не такъ очевидны,—глубоко знаменательны. За церковную ограду систематически выбрасывается все живое, ищущее, стремящееся, и упорно удерживается въ ней все равнодушное, лицемѣрное, безличное. И этотъ путь приведетъ и приводитъ уже къ тому, что и современныхъ книжниковъ-фарисеевъ опередятъ по пути въ царство религіозной жизни всякіе мытари и любодѣи. И есть лишь одно средство не унижать церкви предъ магометанствомъ и буддизмомъ, въ которыхъ нынѣ происходятъ свободныя движенія, есть одно лишь средство поддержать христіанскую жизнь въ церковной оградѣ—дать здѣсь мѣсто свободѣ религіозной мысли и религіозныхъ опытовъ. Нужно, чтобы церковь была не врагомъ, а другомъ всякой смѣлой богословской мысли, всякаго новаго религіознаго опыта, всякой

попытки въ рѣшеніи религіозно-соціальныхъ вопросовъ. Нужно расширить церковную ограду, чтобы не тѣсно было въ ней свободнымъ религіознымъ исканіямъ...

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Въ книгѣ о нравственныхъ силахъ современной Россіи мы не можемъ не упомянуть о переживаемыхъ нами дняхъ высокаго общественнаго подъема, о дняхъ, которые займутъ въ нашей исторіи центральное мѣсто, раздѣлятъ ее на старый періодъ безправія и новый періодъ „правового порядка", которые введутъ Россію въ семью культурныхъ народовъ въ качествѣ равноправнаго члена.

Въ отличіе отъ историка, энтографа, политика-экономиста, моралистъ, въ строгомъ смыслѣ этого слова, интересуется не всѣмъ объемомъ нашего освободительнаго движенія. Все, что въ современной политико-экономической борьбѣ должно быть отнесено въ сферу законовъ исторической необходимости и классовыхъ отношеній, все, что объясняется личной заинтересованностью и обусловливается силой, всякое предъявленіе правъ и отстаиваніе ихъ, все это не моральная область. Любимцы моралиста—тѣ герои-дѣятели политико-экономическаго прогресса, которые безкорыстно совершаютъ общественное дѣло и жертвуютъ собою на этомъ поприщѣ во имя обездоленныхъ, ради правды. Вопросъ объ этихъ геройхъ есть преимущественно вопросъ о томъ, жива ли Россія какъ національный организмъ, или это глиняный колоссъ. Эти дни дали громкій отвѣтъ. Они поставили внѣ сомнѣнія, что есть среди насъ дѣятели, у которыхъ, независимо отъ личнаго благосостоянія, сердце кровью обливается при видѣ общественной неправды, соціальныхъ насилій. И не бѣдна Россія такими героями—ихъ сотни и тысячи, и въ ихъ рукахъ будущее нашего отечества.

И въ специфически-религіозномъ отношеніи героизмъ общественнаго дѣла привлекаетъ къ себѣ наше вниманіе. Мы видѣли, что подвигъ личной благотворительности и общинной жизни, создавая съ субъективной стороны истинно-живыя души, оставляетъ не рѣшенной задачу религіозно-общественную. Неизбѣжность этой задачи блестяще раскрыта у насъ покойнымъ В. С. Соловьевымъ, какъ во многихъ его

сочиненіяхъ, такъ особенно въ *Оправданіи добра*. Признавая субъективную абсолютность христіанскаго настроенія, онъ основательно доказываетъ, что его объективное обнаруженіе обусловливается исторической эволюціей, что общественною силою принципъ абсолютнаго добра можетъ стать лишь съ помощью общественной организаціи. Поэтому христіанство не упраздняетъ объективнаго строенія человѣческой общественности, а пользуется ею какъ формою и орудіемъ для воплощенія своего безусловнаго нравственнаго содержанія,— оно именно требуетъ, чтобы человѣческое общество становилось организованною нравственностью... Можно было бы назвать изъ самыхъ послѣднихъ дней рядъ литературныхъ трудовъ, разъясняющихъ эти религіозно-общественныя воззрѣнія Соловьева въ примѣненіи къ задачамъ нашего времени...

Современный героизмъ общественнаго дѣла заслуживаетъ вниманія. Однако слѣдующее обстоятельство ослабляетъ и даже сводитъ къ нулю религіозно-христіанское значеніе этого героизма. Среди современныхъ героевъ общественнаго дѣла мы не знаемъ ни одного дѣятеля, который явно руководился бы христіанско-общественнымъ идеаломъ и опредѣлялся бы религіозно-христіанскими мотивами. Соотвѣтственно этому, среди формъ, которыя принимаетъ наше общественное движеніе, нѣтъ ни одной, которая была бы создана христіанствомъ, даже нѣтъ ни одной, которая была бы усвоена Церковью. Напротивъ, освободительное движеніе, которое выставило такъ много самоотверженныхъ дѣятелей, само не только не ставитъ себя подъ знамя христіанства, но и объявляетъ себя враждебнымъ ему. Поэтому наблюдатели нашей общественной жизни указываютъ на „два отдѣльныхъ не соединяющихся между собою русла: русло языческое, внѣрелигіозное, въ которомъ несется мощный потокъ почти всей нашей культуры и въ частности политики, и русло (оффиціально) христіанское“, совершенно чуждое общественному теченію...

Какъ бы то ни было, фактически общественность служитъ предѣломъ нашего христіанства: на этомъ предѣлѣ и мы прерываемъ наше обозрѣніе живыхъ душъ.

ЦЕРКОВНОСТЬ,

какъ принципъ нравственнаго богословія [1]).

„Съ культурно-исторической точки зрѣнія церковь важнѣе личнаго христіанства"... *Основы христіанства,* т. III, стр. 130.

Мм. Гг. Я приступаю къ курсу чтеній въ наступившемъ академическомъ году послѣ напечатанія въ истекшемъ 1908 г. оконченной богословской системы „Основы христіанства".

До того времени мои силы были поглощены этою общебогословскою работою, постепенно нараставшею около темъ моей магистерской и докторской диссертацій, и содержаніе моихъ лекцій имѣло тоже общебогословскій характеръ— въ невольной зависимости отъ личныхъ кабинетныхъ занятій.

Нынѣ же я получаю впервые возможность посвятить свои лекціи болѣе скромнымъ спеціальнымъ задачамъ своей каѳедры, тѣсно ограниченной въ расчлененной семьѣ богословскихъ дисциплинъ. И я считаю долгомъ начать съ разсмотрѣнія принципіальнаго вопроса о нравственномъ богословіи, какъ наукѣ. Какъ сейчасъ увидимъ, это вопросъ далеко не изъ легкихъ.

I.

Нравственность совмѣщаетъ въ себѣ одновременно и черту общеобязательности, общедоступности, и черту самой глу-

[1]) Вступительная лекція по Нравственному богословію, прочитанная въ сентябрѣ 1909 года.

бочайшей интимности. Мы сталкиваемся съ нравственной проблемой при малѣйшей попыткѣ войти въ сношеніе съ людьми, при первыхъ шагахъ общенія съ ними,—мы приходимъ къ этой же проблемѣ и въ самыхъ сокровенныхъ мысляхъ своихъ, на далекихъ вершинахъ философскаго созерцанія. Добро открываетъ послѣднюю сущность человѣческой воли, даетъ безспорное свидѣтельство его свободы, обнаруживаетъ таинственную подпочву его характера; нравственная трагедія заключаетъ въ себѣ самую высшую красоту; нравственный опытъ вводитъ человѣка глубже всего въ тайны религіи и придаетъ самый жгучій интересъ вопросамъ о положеніи человѣка въ міровомъ цѣломъ.

Въ отношеніи людей другъ къ другу, говоря словами Лютарда,—„разсматривать предметы съ нравственной точки зрѣнія значитъ разсматривать ихъ съ самой высшей, съ самой послѣдней точки зрѣнія, и занять, по отношенію къ вещамъ и людямъ, нравственное положеніе это значитъ занять положеніе наиболѣе соотвѣтствующее нравственному достоинству человѣка. Самый высшій и самый послѣдній моментъ въ сношеніяхъ людей другъ съ другомъ, во вліяніи одного человѣка на другого состоитъ въ томъ, что мы обращаемся къ нравственной природѣ другого. Нравственное вліяніе есть самое высшее вліяніе. Съ другой стороны, если мы исчерпали въ отношеніяхъ своихъ къ какому-либо человѣку всѣ средства, всѣ убѣжденія, то послѣднее, за что мы принимаемся, это—апелляція къ совѣсти его. Принимаясь за это, мы затрогиваемъ самое высшее достоинство человѣка и напоминаемъ ему о его внутреннемъ святилищѣ. Этимъ мы признаемъ, что нѣтъ болѣе высшаго обсужденія вещей, какъ нравственное, и нѣтъ болѣе священныхъ обязательствъ, какъ тѣ, которыя налагаются совѣстью“.

Въ отношеніи метафизическомъ—нравственное сознаніе представляетъ самымъ фактомъ своего существованія наиболѣе яркій просвѣтъ въ потусторонній міръ. Долгъ, по словамъ Канта, есть „именно то великое, что возвышаетъ человѣка надъ самимъ собою (какъ частью чувственнаго міра), что соединяетъ его съ порядкомъ вещей, который разсудокъ можетъ только мыслить, и что вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ подъ собою весь чувственный міръ, а вмѣстѣ съ нимъ эмпирически-опредѣляемое существованіе человѣка во

времени и совокупность всѣхъ цѣлей (что возможно только такому безусловному практическому закону, какъ моральный). Это не что иное, какъ *личность*, т. е. свобода и независимость отъ механизма всей природы, разсматриваемая вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ способность существа, которое подчиняется своеобразнымъ, именно своимъ собственнымъ, даннымъ въ разумѣ чистымъ практическимъ законамъ; слѣдовательно, лицо, какъ принадлежащее чувственному міру, подчиняется здѣсь своей собственной личности, поскольку оно вмѣстѣ съ тѣмъ относится и къ міру интеллигибельному; поэтому не слѣдуетъ удивляться, если человѣкъ, какъ принадлежащій двумъ мірамъ, долженъ смотрѣть на свое собственное существо по отношенію къ своему второму и высшему назначенію съ уваженіемъ и съ величайшимъ уваженіемъ долженъ смотрѣть на его законъ". „Двѣ вещи— по словамъ того же Канта—наполняютъ душу всегда новымъ удивленіемъ и благоговѣніемъ, которыя поднимаются тѣмъ выше, чѣмъ чаще и настойчивѣе занимается ими наше размышленіе,—*это звѣздное небо надъ нами и моральный законъ въ насъ*. Какъ то, такъ и другое не нѣчто, закутанное мракомъ или лежащее внѣ моего горизонта; я вижу ихъ предъ собою и непосредственно соединяю ихъ съ сознаніемъ своего существованія. Первое начинается съ того мѣста, которое я занимаю во внѣшнемъ чувственномъ мірѣ, и въ необозримой величинѣ расширяетъ мое единеніе среди міровъ надъ мірами и системами изъ системъ, въ безграничномъ времени ихъ періодическаго движенія, въ ихъ началѣ и продолжительности. Второй начинается съ моего невидимаго я, съ моей личности, и представляетъ меня въ мірѣ, который воистину безконеченъ, хотя его слѣды замѣтны только въ разсудкѣ, и съ которымъ (а чрезъ это и со всѣми видимыми мірами) я сознаю себя не только въ случайномъ, какъ тамъ, но въ полномъ и необходимомъ единеніи. Первый взглядъ на это безчисленное множество міровъ какъ бы уничтожаетъ мое значеніе, какъ животнаго созданія, которое снова должно отдать планетѣ (только точкѣ въ міровомъ цѣломъ) ту матерію, изъ которой оно возникло, послѣ того, какъ эта матерія короткое время (какимъ образомъ, неизвѣстно) была одарена жизненной силой. Второй, напротивъ, безконечно возвышаетъ мое зна-

ченіе, какъ интеллигенціи, чрезъ мою личность, въ которой моральный законъ открываетъ мнѣ жизнь, независимую отъ животности и даже отъ всего чувственнаго міра, поскольку это можно видѣть изъ цѣлесообразнаго назначенія моего существованія чрезъ этотъ законъ, который не ограничивается условіями и предѣлами этой жизни". Отношеніе между этими мірами—звѣзднымъ, природнымъ, въ которомъ человѣкъ исчезаетъ какъ незамѣтная точка, какъ мимолетное явленіе, и внутреннимъ, моральнымъ міромъ моей личности—создаетъ самое существенное содержаніе религіозной проблемы: нравственнымъ сознаніемъ, по философіи Канта, постулируются бытіе Бога, нравственный міропорядокъ и безсмертіе души.

Если таково значеніе нравственнаго сознанія, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что этика увѣнчиваетъ собою каждую значительную философскую систему. Не въ томъ дѣло, что нравственная проблема есть одна изъ проблемъ, входящихъ въ область философіи, а въ томъ, что этика есть самая излюбленная часть болѣе или менѣе глубокой философской системы: нравственное міровоззрѣніе это, обычно, послѣдняя мечта философа, тайно руководящая его въ рѣшеніи всѣхъ другихъ философскихъ проблемъ и явно завершающая его систему. Что посѣщеніе Мекки для мусульманина, паломничество въ Іерусалимъ для христіанина, то рѣшеніе моральнаго вопроса для философа,—тотъ предѣлъ, когда онъ съ облегченною грудью можетъ сказать Божественному Логосу: „нынѣ отпущаеши раба твоего". Какъ на примѣръ я могу указать на „Систему Синтетической философіи" Г. Спенсера. По его плану „Система" оканчивается „Основаніями нравственности". Первый томъ этого сочиненія былъ изданъ въ 1892 году. Но уже въ 1879 году, когда еще не появились въ свѣтъ второй и третій томы „Основаній соціологіи", авторъ спѣшитъ напечатать „первый отдѣлъ своего заключительнаго труда", что „могло показаться несвоевременнымъ и неумѣстнымъ". И вотъ что онъ пишетъ въ предисловіи къ этому выпуску: „Такое отступленіе отъ первоначально принятаго мною порядка было вызвано опасеніемъ, что настойчивое слѣдованіе этому порядку можетъ повести къ тому, что этотъ заключительный трудъ, завершающій собою задуманный мною рядъ изслѣдо-

ваній, можетъ остаться невыполненнымъ. Многочисленные намеки, повторявшіеся въ послѣдніе годы все чаще и яснѣе, показали мнѣ, что я легко могу потерять окончательно если не жизнь, то здоровье, прежде нежели мнѣ удастся достигнуть до послѣдней части поставленной мною себѣ задачи. А между тѣмъ я считаю, что всѣ предыдущія части должны быть разсматриваемы лишь какъ вспомогательныя средства для выполненія этой послѣдней части моей задачи. Въ моемъ первомъ очеркѣ,—появившемся еще въ 1842 г. и состоявшемъ изъ ряда писемъ объ „Истинной сферѣ правительственной дѣятельности",—я уже указалъ въ общихъ чертахъ, въ чемъ заключаются по моему мнѣнію нѣкоторые изъ основныхъ принциповъ хорошаго и дурного поведенія въ политической области; и съ тѣхъ поръ до настоящей минуты моею конечною цѣлью, лежавшею позади всѣхъ ближайшихъ моихъ цѣлей, всегда было стремленіе—найти научное основаніе для принциповъ хорошаго и дурного поведенія вообще, т. е. во всѣхъ сферахъ дѣятельности, какова бы она ни была. Понятно, что я не могу смотрѣть равнодушно на возможность оставить эту задачу невыполненной послѣ того, какъ я сдѣлалъ такія обширныя приготовленія къ ея выполненію; а потому я и стараюсь отвратить эту возможность, если не вполнѣ, то хотя отчасти". Спенсеръ счелъ бы задачу своей „синтетической философіи" не выполненной, если бы не завершилъ ее этикой. Это же можно сказать почти о всѣхъ философскихъ системахъ. Для каждой изъ нихъ рѣшеніе этическихъ проблемъ образуетъ послѣдній выводъ, крайній пробный камень. И какъ часто мы видимъ крушеніе философскихъ системъ при этомъ испытаніи, обнаруживающемъ непрочность исходныхъ точекъ и ложность методовъ!

Этика, составляя естественное увѣнчаніе и послѣдній выводъ философскихъ системъ, неотразимо привлекаетъ къ себѣ вниманіе и ученыхъ всякаго рода. Химики [1]), біологи [2]), математики [3]),

---

[1]) M. Berthelot *Science et morale.*

[2]) Э. Геккель *Монизмъ, какъ связь между религіей и наукой,—Міровыя загадки,—Чудеса жизни;* И. И. Мечниковъ *Этюды о природѣ человѣка,—Этюды оптимизма.*

[3]) Н. А. Шапошниковъ *Опытъ математическаго выраженія понятій и выводовъ этики.*

историки [1])—рано или поздно, болѣе или менѣе рѣшительно, высказываются по вопросамъ морали. Каждый съ своими методами, чаще всего непригодными къ своеобразной области интимнѣйшихъ чаяній, завѣтныхъ идеаловъ, съ своимъ неуклюжимъ, заплетающимся языкомъ, или чрезмѣрно робко или черезчуръ смѣло, подобно закаленному въ бояхъ воину, впервые взявшему въ руки непослушное перо—каждый хочетъ по своему обосновать или освѣтить вѣчный этическій вопросъ. Безъ специфическихъ опредѣленныхъ принциповъ, упрощая до крайности, какъ профаны, моральную проблему, они даютъ наивные отвѣты на философскіе вопросы, имѣющіе долгую исторію.

Да и кто не интересуется нравственными вопросами? Мало того—кто не имѣетъ опредѣленнаго отвѣта по всякому изъ этихъ вопросовъ, сильнаго предрасположенія къ тому или иному этическому направленію? Моралистъ, какъ профессоръ и какъ писатель, имѣетъ въ своихъ слушателяхъ и читателяхъ строгихъ цѣнителей, которые произносятъ приговоръ надъ его *первымъ* словомъ, надъ его *первой* строкой. Его аудиторія—это засѣданіе судей, предъ которыми онъ выступаетъ въ качествѣ обвиняемаго и даже завѣдомо виновнаго. И въ этомъ отношеніи каѳедра нравственной философіи рѣзко отличается отъ всѣхъ другихъ научныхъ дисциплинъ. Во всѣхъ остальныхъ профессоръ вступаетъ въ аудиторію нагруженный, скопившимися въ цѣлые вѣка, познаніями, которыхъ не имѣютъ студенты и которыя придаютъ ему въ ихъ глазахъ солидный авторитетъ. Съ теченіемъ времени и они овладѣютъ этими познаніями, и каждый изъ нихъ можетъ сравняться съ учителемъ, но въ аудиторіи имъ даются свѣдѣнія, которыхъ они не имѣютъ. Не то въ области нашей науки. Здѣсь лекторъ оперируетъ надъ фактами, которые всѣмъ доступны, надъ переживаніями, которыя разсматриваются со стороны общепонятной,—и онъ имѣетъ дѣло съ слушателями, которые носятъ въ душѣ свое убѣжденіе по каждому частному вопросу нравственной философіи. Будетъ ли то заранѣе сложившееся убѣжденіе, или оно дано въ видѣ неясныхъ предрасположеній и формируется въ тотъ моментъ, когда во-

[1]) Проф. Карѣевъ *Мысли объ основахъ нравственности.*

просъ ставится и рѣшается съ каѳедры или въ раскрытой книгѣ, все равно — сопротивленіе неизбѣжно, какъ неизбѣжно каждое покоющееся тѣло оказываетъ сопротивленіе силѣ, приводящей его въ движеніе, и каждое движущееся тѣло оказываетъ сопротивленіе силѣ, измѣняющей его направленіе или его скорость. Мало того—какъ каждому существу свойственно самосохраненіе, такъ оно свойственно и каждой идеѣ, каждому убѣжденію, которое, при наличности теоретической заинтересованности ко всему новому, необходимо охраняетъ себя отъ наплыва новыхъ идей, борется съ ними, отстаиваетъ свою позицію. Это неизбѣжно и, отчасти, это желательно. Иначе мы имѣли бы индифферентныхъ слушателей, которые пропускали бы мимо ушей или, по крайней мѣрѣ, мимо сердца наше слово,—индифферентныхъ читателей, которые не открыли бы нашей книги. Однако дѣло не ограничивается этими желательными предѣлами. Здѣсь мы сталкиваемся съ однимъ психологическимъ явленіемъ, которое нужно оцѣнить. Каждое нравственное міровоззрѣніе выростаетъ, какъ изъ своего корня, изъ нравственной личности самого философа. Эта связь нравственной системы съ живою личностью автора составляетъ обязательное условіе жизненности нравственной философіи, ея эстетической цѣнности. Моралистъ несетъ въ аудиторію свое трепещущее сердце, онъ пишетъ кровью и нервами, онъ обнажаетъ свою грудь предъ слушателями и читателями, онъ, какъ поэтъ, всегда проповѣдуетъ, обращается ко всѣмъ съ интимной рѣчью, ищетъ и жаждетъ дружескаго вниманія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ каждая наука, именно какъ наука, выражается въ логическихъ понятіяхъ, а не въ художественныхъ образахъ. Также создается и моральная наука. Моралистъ-философъ не ораторъ, который будитъ страсти; онъ прежде всего обращается къ уму, и если въ послѣднемъ итогѣ хочетъ дѣйствовать на сердце, то не иначе какъ чрезъ умъ: какъ ученый, онъ предлагаетъ логическія понятія. Эти понятія питаются его сердцемъ, напитываются его кровью, оживляются его душою; но при всемъ томъ это—связь интимная. Явнаго соотношенія между сердцемъ философа и логическими понятіями его нравственной философіи нѣтъ: во-первыхъ, *совнѣ* нельзя уловить нити, соединяющія тезисы нравственной философіи съ сердцемъ, во-вторыхъ,

нѣтъ прямой адэкватности между порывами сердца и логическимъ *содержаніемъ* понятій. Каждую значительную нравственную философію нужно *объяснять* во свѣтѣ авторской біографіи, но заключать отъ положеній философіи къ біографіи читатель не имѣетъ возможности и это не соотвѣтствовало бы намѣреніямъ философа. Если вы предварительно ознакомитесь съ біографіей Спинозы, съ его героической волей, съ его нѣжнымъ сердцемъ, это прольетъ обильный свѣтъ на его „Этику, изложенную геометрическимъ методомъ". Но если вы сначала изучите его этику и по ней захотите возсоздать его біографію, вы составите ложный образъ Спинозы и для васъ будетъ неожиданностью его дѣйствительная біографія. И намѣренія философа—дѣйствовать на вашъ умъ. У оратора, у поэта устанавливаются таинственныя сношенія между его личностью и аудиторіей, онъ дѣйствуетъ на сердце слушателей; ученый моралистъ обращается къ уму. Пусть и его система выростаетъ изъ его сердца, но это можетъ сказаться, развѣ, въ цѣломъ строѣ его философіи, въ ея стилѣ, тонѣ, темпераментѣ, въ ея идеалахъ, но не въ логическихъ тезисахъ ея, не въ каждомъ ея логическомъ положеніи. Есть одна только точка, чрезъ которую его душа вливается въ его систему, но эта точка не имѣетъ логическаго измѣренія; она прилагается всюду, но ея движеніе не образуетъ линій и фигуръ. Въ дѣйствительности, пожалуй, каждый моралистъ, лучшій моралистъ, не можетъ не быть отчасти поэтомъ или ораторомъ, обращается не только къ уму слушателей, но вмѣстѣ съ тѣмъ душою дѣйствуетъ на ихъ души, вліяетъ своею личностью; пусть такъ, но въ тезисахъ своей философіи онъ апеллируетъ къ одному уму. Его намѣреніе—дѣйствовать на умъ, и, можетъ быть, его методологическій идеалъ—создавать только понятія. Поэтому, самымъ вѣроятнымъ нужно считать, что аудиторія и публика будутъ *чувствовать* личность философа-моралиста, но элементарная справедливость требуетъ, чтобы *оцѣнки* подвергались только его логическіе тезисы, чтобы *судили* объ нихъ не съ точки зрѣнія достоинства или недостоинства, а исключительно съ точки зрѣнія логической основательности и послѣдовательности. Между тѣмъ—это и составляетъ то психологическое явленіе, о которомъ мы теперь говоримъ—молодая аудиторія и сред-

няя читающая публика склонны судить о первомъ словѣ моралиста подъ угломъ достоинства или недостоинства личности, ставя критеріемъ сужденія свое личное убѣжденіе или убѣжденія своей среды. Невольно, можетъ быть, чувствуя личность моралиста, основательно предполагая глубочайшій корень нравственнаго міровоззрѣнія въ личности автора, слишкомъ поспѣшно и слишкомъ неосновательно надѣются открыть подземный родникъ въ мѣстѣ паденія каждой капли дождя, въ каждой извилинѣ журчащаго ручья. Молодая аудиторія относится ко всѣмъ нравственно-философскимъ истинамъ исключительно съ высоты *благородства* своихъ юныхъ общественныхъ порывовъ, политическихъ программъ; почтенная средняя публика смотритъ на нравственно-философскія сочиненія исключительно съ твердыни установившихся обычаевъ. Тѣ и другіе, враждебно настроенные противъ всего бьющаго изъ глубины творческой личности, клеймятъ именемъ низкаго, неблагороднаго, безнравственнаго каждый логическій тезисъ нравственной философіи, отступающій отъ модныхъ программъ и старыхъ обычаевъ. Не хотятъ понять, что въ наукѣ, въ ея логической сторонѣ нѣтъ мѣста категоріи благородства и неблагородства, достоинства или недостоинства, — здѣсь примѣнима только одна категорія истиннаго или ложнаго, обоснованнаго или необоснованнаго, послѣдовательнаго или непослѣдовательнаго. Не хотятъ понять, что значеніе средствъ измѣняется отъ того, ставимъ ли мы цѣли ближайшія или отдаленныя, временныя или вѣчныя, что связь между вѣчными цѣлями и временными средствами, между личностью философа и его логическими тезисами можетъ быть какъ прямая, такъ и обратная, что пути, по которымъ подземный родникъ пробивается на поверхность земли, скрыты отъ глазъ поверхностныхъ, стороннихъ наблюдателей. Развѣ не чаще, чѣмъ наоборотъ, бываетъ, напримѣръ, что жизнерадостность возвѣщается философомъ, который, по свойствамъ ли своего характера, или по обстоятельствамъ своей судьбы, проводитъ аскетическій образъ жизни? Конечно, оптимизмъ бываетъ иногда свидѣтельствомъ розовыхъ щекъ, а пессимизмъ— сломанной ноги, и это обычнѣе у поэтовъ, чѣмъ у философовъ. Бываетъ даже такъ, что пессимизмъ и оптимизмъ періодически чередуются по мѣрѣ того, какъ опорожняется

или наполняется кошелекъ. За доводами дѣло не станетъ. Но эта прямолинейная зависимость логики отъ печени даетъ въ результатѣ пошлую философію. Болѣе глубокая философія есть философія трагедіи, когда философъ ищетъ въ своихъ созданіяхъ восполненія того, чего ему недостаетъ въ жизни. Методологическій же идеалъ философіи въ логической объективности мысли. И оцѣнивать философскія системы подъ угломъ достоинства или недостоинства мыслей значитъ стоять тоже на пошлой точкѣ зрѣнія. Это открываетъ широкія двери для всякихъ шарлатановъ, ловко поддѣлывающихся подъ вкусы аудиторіи и публики и достигающихъ популярности при посредствѣ громкихъ фразъ „съ благороднымъ пафосомъ“. Но это тормазитъ развитіе цѣнной философской мысли. При такихъ критеріяхъ оцѣнки погребается все великое и оригинальное. Какъ нельзя являться на рынокъ съ крупными денежными знаками, рискуя потерять возможность купить кусокъ хлѣба, такъ и судъ толпы направленъ противъ всего высокаго, творческаго, оригинальнаго, противъ крупныхъ знаковъ въ нравственной наукѣ. Книги, изслѣдующія нравственные вопросы наиболѣе глубоко, встрѣчаются съ ненавистью и озлобленіемъ, и моралистъ невольно становится пророкомъ. Можно безошибочно утверждать, что эти быстрые круги злобы, расходящіеся въ морѣ толпы отъ сочиненія по нравственной философіи, служатъ свидѣтельствомъ—увы! единственнымъ свидѣтельствомъ—высокой цѣнности книги.

Можно ли указать средства противъ этой, ослѣпляющей умъ, тиранніи чувствъ? И каковы задачи нравственной философіи?

Единственное средство—научная дисциплина умовъ. Да, никогда не обольщайтесь горячностью своего убѣжденія: на вѣсахъ науки она не имѣетъ ни малѣйшаго значенія. Наука—это дисциплинированное мышленіе: она исходитъ изъ опредѣленнаго принципа, который послѣдовательно проводитъ методологическимъ путемъ. Такова же и нравственная философія, какъ наука. Убѣжденіе по тому или другому изъ входящихъ въ ея содержаніе вопросовъ, какъ бы оно ни казалось благородно или практически важно, не имѣетъ научной цѣнности до тѣхъ поръ, пока вы не сведете рѣшенія вопроса къ опредѣленному принципу и не продумаете

его въ связи цѣльной и стройной системы. Эта тираннія чувствъ, о которой мы говорили, есть результатъ умственной недисциплинированности, — а нравственная философія, сама своими силами, дисциплинируя умы, расчищаетъ вокругъ себя почву. Она имѣетъ дѣло съ общеизвѣстными фактами нравственнаго сознанія и соціологіи, но она обрабатываетъ эти факты методологически, съ точки зрѣнія установленнаго принципа. Въ этомъ ея сила и значеніе. Ея первая и послѣдняя задача—отыскать принципъ нравственнаго сознанія. Въ другихъ наукахъ можно работать надъ частнымъ вопросомъ, можно накоплять познанія въ отдѣльной области. Въ нравственной наукѣ отдѣльныхъ вопросовъ нѣтъ; здѣсь изъ каждаго пункта можно идти только къ центру, здѣсь со всѣхъ сторонъ отыскивается эта единственная центральная точка. Въ другихъ наукахъ могутъ быть каменщики, не вѣдающіе общей идеи архитектора; здѣсь каждый работникъ долженъ быть архитекторомъ, всякій долженъ знать всю идею стройки. Исторія другихъ наукъ— постепенное проведеніе пути, ведущаго къ далекой, можетъ быть, недостижимой цѣли, къ которой однако практически полезно приближаться, хотя бы черепашьимъ шагомъ; исторія нравственной философіи это исторія попытокъ отыскать въ безводной пустынѣ скрытый подземный родникъ. Каждая нравственная система роетъ въ этой надеждѣ, и если надежда обманывается, рытье безполезно, его нужно засыпать, чтобы не чернѣли обманчивые колодцы. Безспорно полезнымъ остается методъ мысли, научаетъ многому и исторія этихъ неудачныхъ попытокъ,—и это есть методъ отысканія единой таинственной точки, на которой утверждается все стройное зданіе нравственнаго сознанія. И если бы даже единственнымъ результатомъ методологическихъ пріемовъ мышленія было „знаніе того, что мы ничего не знаемъ“, и это былъ бы важный результатъ, какъ свобода отъ предразсудковъ и заблужденій. И не составляетъ разницы, *отыскивается* ли методологическимъ путемъ эта точка, или же, опытно-постигаемая, она методологически лишь оправдывается: все равно—безъ методологіи нѣтъ нравственной философіи, а исходный пунктъ методологическаго нравственно-философскаго мышленія въ опредѣленномъ принципѣ.

Подойдемъ теперь съ этой стороны къ нравственному

богословію, въ собственномъ смыслѣ этого слова, и посмотримъ, что̀ оно представляетъ изъ себя въ дѣйствительности и чѣмъ оно должно быть.

II.

Въ христіанствѣ нравственность занимаетъ первенствующее мѣсто. Въ полнотѣ своего историческаго явленія христіанство многосторонне: въ немъ есть метафизика, культъ, право, административный строй, какъ и въ другихъ религіяхъ. Но въ христіанствѣ нѣтъ мѣста отрѣшенной метафизикѣ, отвлеченному гносису: „ученіе Христа есть единственное изъ всѣхъ религіозныхъ ученій потому, что въ немъ метафизическія основы имѣютъ всецѣло нравственное значеніе". Нѣтъ въ христіанствѣ мѣста магическому, отрѣшенному отъ нравственныхъ основъ, культу, самодовлѣющей дисциплинѣ и строго юридическому строю. Съ другой стороны, и каждая религія даетъ моральныя нормы. Однако, при наличности такихъ нормъ, каждая религія ищетъ соединенія человѣка съ Богомъ другими путями—путемъ мистерій, семейной святыни, народной исторіи, и одно лишь христіанство чрезъ самую нравственность возводитъ къ Богу, самое добро поднимаетъ до религіозной высоты, единственнымъ путемъ къ соединенію съ Богомъ называетъ любовь. Христіанство въ религіозной абсолютности добра, въ абсолютной цѣнности личности. Оно не религія красоты, не религія природы, не религія семьи и націи, не государственная религія, оно религія добра.

Если такъ, то среди богословскихъ дисциплинъ особымъ почетомъ и вниманіемъ должно бы пользоваться нравственное богословіе, которое, повидимому, вводитъ въ самую суть христіанства. Такъ ли въ дѣйствительности?

Сорокъ-тридцать лѣтъ тому назадъ профессора духовныхъ академій, обсуждая по разнымъ поводамъ вопросъ о нравственномъ богословіи, констатировали отсутствіе у насъ нравственнаго богословія, какъ науки. „Строго говоря, у насъ еще нѣтъ науки о нравственности, какъ науки". Такъ писалъ проф. М. А. Олесницкій въ 1879 году [1]). „Кто зна-

---

[1]) Тр. К. Д. А. 1879, янв. стр. 74. То же въ *Исторіи нравственности и нравственныхъ ученій*, ч. I, 1882 г., стр. 7.

комъ съ состояніемъ у насъ этики, пишетъ онъ далѣе, и кому, съ другой стороны, извѣстны условія построенія науки и возможность строго научнаго изложенія ученія о нравственности, тотъ безъ малѣйшаго колебанія будетъ утверждать, что этика находится у насъ въ настоящее время въ весьма неудовлетворительномъ состояніи, что она не построяется у насъ на строго научныхъ началахъ, на которыхъ должна построяться, какъ наука, — построяется въ формѣ науки даже меньше, и значительно меньше, чѣмъ другія богословскія науки, къ области которыхъ она принадлежитъ, какъ этика богословская, и въ которыхъ также ощущается недостатокъ научнаго построенія въ современномъ смыслѣ этого слова“ [1]). То же самое свидѣтельствовали въ Хр. Чт. 1868 г. Х. (=архим., послѣ епископъ, Хрисанѳъ), въ Прав. Собес. 1872 — 1875 г.г. проф. А. И. Гренковъ [2]).

Нынѣ смѣло можно повторить тотъ же самый отзывъ. Нравственнаго богословія, какъ науки съ своимъ собственнымъ, специфическимъ содержаніемъ, методологически объединеннымъ въ опредѣленномъ принципѣ, у насъ не существуетъ и до настоящаго времени. Оно есть только искомое. Его содержаніе — это неизвѣстный иксъ, къ которому доселѣ подходили и подходятъ еще ощупью. Въ этомъ не трудно убѣдиться, если мы ознакомимся съ программами академическихъ чтеній по нравственному богословію и разсмотримъ существующіе учебники по этому предмету.

Нельзя не задуматься уже надъ тѣмъ обстоятельствомъ, что программы, по которымъ читается нравственное богословіе въ четырехъ академіяхъ, довольно рѣшительно не совпадаютъ. Обратимся къ 1907—1908 учебному году, позднѣйшему, за который мы имѣемъ печатныя свѣдѣнія въ академическихъ отчетахъ. Въ петербургской академіи чтенія по нравственному богословію распадались на три части: часть первая—сущность нравственности, разсматриваемой съ естественной точки зрѣнія, и оцѣнка ея на основаніи

---

[1]) Ibid. (Исторія нр. стр. 110).

[2]) Ср. у проф. А. А. Бронзова *Нравственное богословіе въ Россіи въ теченіе XIX столѣтія* и Н. П. Архангельскаго *Задача, содержаніе и планъ системы православно-христіанскаго нравоученія.*

откровенной (о свободѣ воли, нравственномъ законѣ и совѣсти); часть вторая—сущность нравственности, разсматриваемой спеціально съ христіанской точки зрѣнія (о грѣхопаденіи прародителей и о спасеніи человѣка со стороны объективной и субъективной); часть третья—о частнѣйшихъ обнаруженіяхъ христіанской нравственности въ отношеніяхъ христіанина къ Богу, себѣ самому и ближнимъ [1]). Въ московской академіи предметомъ чтеній было—за первое полугодіе—*вѣра и жизнь по евангелію:* ветхозавѣтная основа евангелія, Отецъ Небесный, духовная праведность, вѣчная жизнь, Спаситель, царство Божіе,—за второе полугодіе—*апологія христіанской нравственности:* изложеніе и критика этическихъ системъ эвдемонизма, эволюціонизма, позитивизма и соціализма. Въ казанской академіи въ томъ же академическомъ году было прочитано историко-критическое введеніе въ науку и ученіе о нравственномъ идеалѣ вообще и о превосходствѣ христіанскаго идеала нравственности предъ идеалами естественной морали (при чемъ о нравственномъ мотивѣ и совѣсти читалъ на своихъ лекціяхъ профессоръ психологіи). Отчетъ кіевской академіи къ сожалѣнію не даетъ нужныхъ свѣдѣній; но нѣтъ никакихъ основаній думать, чтобы программа чтеній по нравственному богословію въ ней совпадала съ чтеніями въ другихъ академіяхъ [2]).

Такой фактъ невозможенъ въ области другихъ наукъ. И хотя впечатлѣніе, имъ производимое, нужно ослабить, во-первыхъ, тѣмъ соображеніемъ, что во всѣхъ академіяхъ подъ разными планами читается въ сущности, въ догматическомъ смыслѣ и въ смыслѣ библейско-святоотеческихъ источни-

---

[1]) По этому плану составлено *Православно-христіанское ученіе о нравственности* протопр. І. Л. Янышева.

[2]) Бывшаго профессора кіевской академіи М. А. Олесницкаго книга *Изъ системы христіанскаго нравоученія* составлена по слѣдующему плану: часть первая—общее ученіе о христіанской нравственности и нравственной жизни (свобода, идеалъ, нравственное благо, совѣсть, характеръ) и (второй отдѣлъ) ученіе о грѣхѣ и спасеніи (объективномъ и субъективномъ); часть вторая—частное или спеціальное ученіе о нравственности и нравственной жизни христіанина: отдѣлъ первый—личныя или индивидуальныя нравственныя отношенія христіанина къ Богу, къ ближнимъ и къ самому себѣ, отдѣлъ второй—общественныя нравственныя отношенія христіанина (семейство, общежительность, государство и церковь).

ковъ, одно и то же христіанское ученіе о практической жизни, и, съ другой стороны, что и „на Западѣ, гдѣ написаны десятки системъ нравственнаго богословія, нѣтъ и двухъ между ними, составленныхъ по одному и тому же плану"; однако не устранимъ тотъ выводъ, что „нравственное богословіе—наука не установившаяся еще, какъ установилась уже, напр., догматика", что „еще не найденъ такой планъ, который можно было бы назвать болѣе или менѣе общепризнаннымъ", что разногласія свидѣтельствуютъ, какъ „трудно составить планъ нравственнаго богословія". А мы уже видѣли, что научность нравственной системы касается прежде всего стороны методологической, и легко также видѣть, что съ различіемъ въ планѣ связано различіе въ тонкостяхъ пониманія христіанскаго вопроса.

Переходимъ къ нашимъ учебникамъ по нравственному богословію. Они составлены по одному плану. Но какъ появился этотъ планъ? Онъ выработанъ механически, канцелярски, безъ малѣйшей мысли о сущности науки. Первые опыты у насъ нравственнаго богословія были, какъ это вполнѣ естественно, компилятивнаго характера, списывались съ западныхъ—католическихъ (преимущественно) и протестантскихъ образцовъ. По одному изъ такихъ компилятивныхъ опытовъ составлена оффиціальная программа православнаго нравственнаго богословія [1]). Легко и просто!

Что же представляютъ по своему содержанію эти системы, составленныя по оффиціальному плану, по которымъ воспитывается наше духовное юношество? Безъ всякихъ ограниченій можно сказать, что онѣ производятъ на читателей отталкивающее впечатлѣніе безсодержательностью матеріала, безтолковостью плана и общею безъидейностью.

Этотъ отзывъ мы произносимъ не въ упрекъ каждому изъ составителей, а для характеристики состоянія науки. И этотъ отзывъ не тотъ имѣетъ смыслъ, въ какомъ можно говорить о всякихъ плохо составленныхъ учебникахъ, а тотъ, что ставится подъ вопросомъ самое существованіе науки. Читатель спрашиваетъ: если таково содержаніе нрав-

---

[1]) Чит. поучительную и добросовѣстно составленную книгу проф. А. А. Бронзова *Нравственное богословіе въ Россіи въ теченіе XIX столѣтія.*

ственнаго богословія, то имѣетъ ли эта наука право на существованіе? кому и зачѣмъ это нужно и интересно знать? Эти вопросы невольно возникаютъ въ виду крайней бѣдности содержанія, бьющей въ глаза случайности въ подборѣ и связи матеріала, полнаго отсутствія принципіальнаго освѣщенія его.

Въ вину составителямъ системъ нравственнаго богословія, какъ и другихъ богословско-практическихъ наукъ (гомилетики, пастырскаго богословія, каноническаго права), можно поставить недостатокъ общебогословской широты взгляда. И выходитъ—въ то время, какъ христіанство, въ качествѣ религіи духовной жизни, ставитъ захватывающіе вопросы, обсуждается въ сотняхъ сочиненій, живыхъ и интересныхъ, въ то время, какъ именно нынѣ интересуются практическимъ христіанствомъ широкіе круги, нравственное богословіе еле-еле ворочаетъ языкомъ, говоритъ какъ сквозь сонъ. Это оттого, что составитель нравственнаго богословія пособіями для себя беретъ лишь узко-спеціальныя статьи и книги. Среди ученыхъ моралистовъ циркулируетъ такой анекдотъ. Одного студента спросили на экзаменѣ, чѣмъ живутъ обитатели Гебридскихъ острововъ. Онъ отвѣтилъ: они добываютъ скудныя средства къ существованію тѣмъ, что стираютъ другъ другу одежду. Этотъ анекдотъ болѣе всего приложимъ къ представителямъ нравственной науки. Если всѣ жители бѣдны, то, очевидно, они не могутъ поживиться другъ отъ друга: необходимы внѣшніе источники обогащенія. Изъ десятковъ безсодержательныхъ статей и книгъ по нравственному богословію не составить новой содержательной системы. Необходимо раскрыть окна, впустить свѣжій воздухъ изъ окружающаго простора. Для богослова-моралиста необходима широкая освѣдомленность въ нравственной философіи, во всѣхъ антропологическихъ наукахъ, въ художественной литературѣ, но болѣе всего и безусловно необходимо широкое общебогословское образованіе—не въ предѣлахъ лишь школьной подготовки, а во всей широтѣ и основательности самостоятельныхъ изысканій. Нравственное богословіе, какъ узкая спеціальность, на подобіе математики, медицины, или, ближе къ намъ, церковной исторіи, литургики,—даже не мыслимо: вычлененіе его въ общемъ богословіи вполнѣ условно, вызывается лишь раздѣленіемъ пре-

подавательскаго труда,—его основа должна быть широкая, общебогословская. И это, конечно, одна изъ причинъ низкаго уровня нравственнаго богословія.

Съ другой стороны, можно указать нѣчто и въ извиненіе нашихъ составителей нравственно-богословскихъ системъ. Какъ мы уже видѣли и какъ это легко понять безъ нарочитыхъ указаній, — какъ нравственная философія вообще, такъ и нравственное богословіе въ частности и въ особенности не могутъ быть построены безъ личной подпочвы. Здѣсь успѣхъ обусловливается живостью личныхъ христіанскихъ переживаній автора. И не забывая того, что нравственная философія состоитъ въ выработкѣ логическихъ понятій, доступныхъ объективному сужденію, а не въ выработкѣ художественныхъ образовъ и не въ личныхъ изліяніяхъ; добавляя сюда, что нравственнымъ богословіемъ предполагается библейско-святоотеческій авторитетъ, — все-же никогда не нужно забывать крупной роли личнаго фактора въ построеніи системы нравственнаго богословія. Вѣдь общее богословіе такъ и распадается на догматику—эту систему чисто объективныхъ понятій, и нравственное богословіе, гдѣ уже по самому общефилософскому понятію о нравственности богословіе трактуется со стороны, обращенной къ человѣку, и гдѣ, поэтому, безусловно невозможна та чистая объективность, которая умѣстна въ догматикѣ. Между тѣмъ то неблагопріятное отношеніе къ личной основѣ нравственной системы со стороны аудиторіи и читающей публики, которое уже было отмѣчено, осложняется въ спеціальной нравственно-богословской области неодобрительнымъ отношеніемъ къ ней со стороны оффиціальныхъ ревнителей церковной традиціи, которые на какую-бы то ни было наличность субъективнаго элемента въ богословскомъ трактатѣ смотрятъ догматически-отрицательно и допускаютъ только сухо-схоластическое обсужденіе предмета.

Но отмѣчая эти обстоятельства, которыя могутъ быть поставлены въ вину составителямъ нравственно-богословскихъ системъ или ослабляютъ ихъ вину, мы настоящимъ объектомъ своего обсужденія ставимъ методологическую сторону богословско-этическихъ системъ. Мы видимъ, что ни разнообразіе программъ академическихъ чтеній, ни механически составленная и убивающая научную работу оффиціальная

программа нашихъ учебниковъ не свидѣтельствуютъ въ пользу блестящаго состоянія нашей науки. И намъ нужно заняться вопросомъ объ основномъ принципѣ нравственнаго богословія и его планѣ—не съ тѣмъ, чтобы къ множеству другихъ плановъ добавить еще одинъ возможный; но мы должны разсмотрѣть этотъ вопросъ критически, составить критически-обоснованный планъ науки нравственнаго богословія [1]).

III.

Мы начнемъ съ окраинъ системы нравственнаго богословія и постепенно подойдемъ къ ея основному содержанію.

Довольно безспорно можно указать, чѣмъ нравственное богословіе должно начинать и чѣмъ оно должно заканчивать.

Оно должно начинать исторіей христіанскаго нравоученія. Это далеко не то же, что исторія науки, занимающая въ системѣ каждой науки первыя страницы: вѣдь *исторія* той науки, которая не заслуживала бы права на существованіе, тоже не могла бы не быть ничтожною. Исторія христіанскаго нравоученія имѣетъ не случайную важность, безотносительное значеніе,—и задача эта не исполняется никакою другою богословскою дисциплиною. Въ то время какъ церковная исторія съ излюбленнымъ интересомъ останавливается (кромѣ внѣшней судьбы христіанства) на исторіи догматовъ и исторіи церковнаго строя, причемъ „излагаетъ только такія событія, которыя не имѣютъ мѣста въ Библіи“ [2]), нравственное богословіе должно остановиться съ полнымъ вниманіемъ на исторіи библейско-святоотеческаго нравоученія. Оно должно показать, что̀ такое христіанство, какъ нераздѣльное вѣро-и-нравоученіе, въ своей евангельской сущности, затѣмъ—какія задачи возникали для практическаго христіанства въ послѣдующей исторіи и какъ онѣ

---

[1]) Уже названная нами книга Н. П. Архангельскаго *Задача, содержаніе и планъ системы православно-христіанскаго нравоученія* разсматриваетъ этотъ же вопросъ и представляетъ интересное разсужденіе, но ей именно недостаетъ общебогословской широты взгляда и критическаго отношенія къ предмету.

[2]) Проф. В. В. Болотовъ *Лекціи по исторіи древней церкви*, I, (1907 г.) стр. 228.

рѣшались апостольскимъ и святоотеческимъ авторитетомъ. Нравственное богословіе, какъ и догматика, должно систематизировать библейско-святоотеческое ученіе, но исторія христіанскаго нравоученія для него болѣе важна, чѣмъ для догматики исторія догматовъ. Догматика исходитъ изъ соборныхъ вѣроопредѣленій, изъ точныхъ догматическихъ формулъ, причемъ исторія догматовъ служитъ лишь къ уясненію этихъ вѣроопредѣлительныхъ формулъ. Не то въ нравственномъ богословіи, такъ какъ нравственныя христіанскія истины не формулированы на соборахъ, а даны для нашей науки въ цѣломъ библейско-святоотеческаго ученія. И прежде всего евангельское ученіе, въ своей сущности, входитъ въ содержаніе именно не догматическаго богословія, а нравственнаго: евангельское ученіе объ Отцѣ Небесномъ, духовной праведности, вѣчной жизни и царствѣ Божіемъ ничѣмъ, даже со стороны формулировки, не измѣнено въ апостольско-святоотеческомъ ученіи и сполна входитъ въ составъ нравственнаго богословія. Затѣмъ—апостольско-святоотеческое ученіе съ точки зрѣнія нравоученія важно не потому, чтобы оно точно формулировало евангельское ученіе (какъ это есть въ догматическомъ отношеніи), а потому, что въ теченіе церковной исторіи христіанская жизнь усложнилась и христіанское ученіе св. апостолами и св. отцами церкви освѣщено съ новыхъ сторонъ. И это осложненіе христіанской жизни, сопровождавшееся новымъ освѣщеніемъ христіанскаго ученія, должно быть именно разсмотрѣно въ исторической перспективѣ, которая является необходимымъ условіемъ пониманія историческихъ задачъ христіанства, къ которымъ пріурочено апостольское и святоотеческое ученіе. При этомъ нравственному богословію придется особенно пользоваться услугами патристики, которая воспроизводитъ ученіе каждаго отца церкви въ его цѣломъ и въ связи съ личнымъ характеромъ и историческими условіями, что необходимо для пониманія нравоучительныхъ тезисовъ у каждаго отца церкви. Однако исторія христіанскаго нравоученія не сольется съ патристикой, поскольку первое въ качествѣ исходной точки имѣетъ евангельское ученіе и разсматриваетъ историческія эпохи и разные типы церковно-историческаго нравоученія. Какъ бы то ни было, вся эта работа по исторіи нравоученія является

необходимою для научной систематизаціи библейско-святоотеческаго ученія,—иначе это будетъ механическая систематизація, распредѣленіе многоразличнаго матеріала по искусственнымъ рубрикамъ. Однако остается еще вопросъ, по какимъ именно типамъ и проблемамъ нужно систематизировать святоотеческое нравоученіе, и на этотъ вопросъ мы попытаемся отвѣтить ниже, хотя уже изъ сказаннаго слѣдуетъ, что система христіанскаго нравоученія по своему основному направленію или духу должна имѣть библейскій характеръ.

Нравственное богословіе должно начинаться исторіей христіанскаго нравоученія. Столь же безспорно можно указать, чѣмъ нравственное богословіе должно заканчивать: его заключительной частью должна быть апологія христіанской нравственности [1]). Наше время есть время рѣшительной борьбы міра со Христомъ. Отъ всѣхъ прежнихъ временъ борьба нашихъ дней отличается тѣмъ, что она сосредоточивается не на периферіяхъ христіанства, а на его центральномъ пунктѣ—на нравственной сущности христіанства. Нападки современныхъ враговъ христіанства направлены на нравственное ученіе евангелія. Нынѣ не только критикуютъ христіанскую догматику съ точки зрѣнія разума, не только указываютъ на саморазложеніе христіанства въ его исторіи, но нынѣ не находятъ возможнымъ удовлетворяться и христіанской моралью, указываютъ существенные недочеты въ евангельской нравственности. По словамъ Б. Баха, было бы безполезно отрицать фактъ, что въ настоящее время высшее нравственное чувство оскорбляется христіанскимъ ученіемъ болѣе, чѣмъ въ свое время совѣсть первыхъ христіанъ оскорблялась сатурналіями въ культѣ Прозерпины. Можно назвать десятки новѣйшихъ этическихъ трудовъ, враждебныхъ христіанству. Кронебергъ, авторъ книги Ethische Präludien, старается на протяженіи всего сочиненія доказать, что традиціонное христіанство не только не можетъ быть понято нашимъ разумомъ, но оно и безнравственно и служитъ препятствіемъ на пути развитія человѣческаго характера. Другой авторъ, G. Séailles, въ своемъ трудѣ Les affirmations de la conscience moderne прово-

---

[1]) Ср. Хр. Чт. 1898 г. янв. стр. 113 слѣд.

дитъ ту мысль, что христіанство перестало вліять на нашу жизнь не столько вслѣдствіе крушенія своей доктрины, сколько вслѣдствіе моральной недѣеспособности,—и самые догматы, по его словамъ, потеряли свою жизненную силу, главнымъ образомъ, потому, что они служатъ лишь оболочкой нравственнаго міровоззрѣнія, которое для насъ устарѣло... Отсюда возникаетъ для христіанскаго нравственнаго богословія серьезная задача—встать на защиту христіанской морали, оградить ее отъ всѣхъ нападокъ невѣрующаго разума и показать ея превосходство предъ враждебными ей этическими системами, заключающими въ собственныхъ нѣдрахъ начало разложенія... Въ самые послѣдніе дни борьба съ христіанствомъ вышла на площади и улицы. Появился причудливый рой мелкихъ брошюръ и всякаго рода листковъ, которые удобно прочитываются въ трамваѣ, на станціи, за чашкой чаю. Это, конечно, самая распространенная и самая опасная для церкви литература. Хлесткія изреченія, партійные лозунги, побѣдные крики, наполняющіе воздухъ, дѣйствуютъ на толпу почти неотразимо. Но болѣе или менѣе прочная критика этой легкой, роящейся и жужжащей, аргументаціи невозможна безъ предварительнаго разсмотрѣнія нѣкоторыхъ предпосылокъ. Основныя директивы противохристіанской литературной борьбы даются кабинетною ученостью. Въ самыхъ крикливыхъ уличныхъ листкахъ мы безъ труда подмѣтимъ мотивы ученой философской мысли. И необходимо раздѣлаться съ этими философскими основаніями [1] [2].

Итакъ, безспорно можно указать тѣ важныя задачи, рѣшеніемъ которыхъ должно начинать и кончать нравственное богословіе, однако столь же безспорно, что это скорѣе задачи, которыя предстоятъ академической каѳедрѣ нравствен-

---

[1] Христ. 1908, май, стр. 59—62. Ср. наши апологетическія статьи: ibid. 1907 янв. (Нравственная трагедія соціализма); 1908 май и іюнь (Апологія христіанской нравственности: эволюціонная этика); Бог. Вѣст. 1908, іюль—авг. (Геккель. Монистическая этика); ib. окт. (Соціологическая мораль); ib. дек. (Ортобіозъ); ib. 1909 г. №№ 1—3 (Религіозная проблема въ современномъ освѣщеніи); ib. іюнь, іюль и авг. (Религія и общественность) и др.

[2] Критика католической и протестантской морали относится, очевидно, къ этой же части нравственнаго богословія.

наго богословія, при современномъ распредѣленіи академическихъ дисциплинъ, чѣмъ части системы нравственнаго богословія въ строгомъ смыслѣ. Это, съ одной стороны, вводная часть, объемъ которой значительно можетъ сократиться отъ учрежденія каѳедры библейскаго богословія,— вводный параграфъ объ источникахъ нравственнаго богословія и, съ другой стороны, приложеніе къ нравственному богословію, причемъ и то и другое можетъ разрабатываться самостоятельно, во всякомъ случаѣ — безотносительно къ вопросу о принципѣ нравственнаго богословія какъ системы. Подойдемъ теперь ближе къ этому центральному пункту нравственно-богословской системы.

Въ старину все содержаніе богословія раздѣляли на два отдѣла: doctrina christiana de credendis (=догматическое богословіе) и doctrina christiana de agendis (=нравственное богословіе). Это раздѣленіе, которое и нынѣ почти удерживается, слѣдуетъ назвать неудачнымъ, слишкомъ грубымъ, механическимъ. Вѣдь, при болѣе глубокомъ пониманіи предмета, вѣра, во всемъ своемъ объемѣ, входитъ въ понятіе христіанскаго дѣла. Иначе сказать, въ христіанствѣ нѣтъ мѣста ни отрѣшенному гносису, ни внѣшне-юридическимъ дѣламъ. И евангеліе не учитъ раздѣльно вѣрѣ и жизни [1]). Но можно различать двѣ точки зрѣнія на весь объемъ христіанскаго богословія: объективную и субъективную. Можно все содержаніе богословія изложить подъ угломъ объективнаго воззрѣнія на него, и это именно есть то, что составляетъ догматическое богословіе, и можно также все содержаніе христіанскаго богословія изложить подъ угломъ субъективнаго воззрѣнія на него. Первая—это теологическая точка зрѣнія, вторая—антропологическая. Послѣднею обнимается все содержаніе христіанскаго ученія, но не съ объективной стороны—со стороны существованія Бога, Его дѣлъ и повелѣній, включая сюда сотвореніе человѣка, его руководимую Промысломъ судьбу историческую и загробную, а со стороны личнаго опыта человѣка, его личныхъ переживаній. Ибо, и существованіе Бога, и лицо Христа, и дѣйствіе Св. Духа, и вся судьба человѣчества, какъ дѣло Промысла—все это можетъ быть содержаніемъ человѣческаго опыта, лич-

---

[1]) *Основы христіанства*, т. II, стр. 9.

наго переживанія [1]). Такой родъ богословствованія у насъ необыченъ. Я сдѣлалъ первый опытъ такого (систематическаго) изложенія христіанскаго богословія въ своихъ „Основахъ христіанства". Это изложеніе можно было бы назвать нравственнымъ богословіемъ [2]). У насъ уже громко и авторитетно заявлено о необходимости и громадной важности богословскихъ указаній нравственнаго значенія догматовъ. „Достойнѣйшимъ дѣломъ христіанскаго любомудрія будетъ изслѣдованіе о томъ, какая именно нравственная идея содержится въ каждомъ догматѣ. Это не то, что разумѣется подъ *нравственнымъ приложеніемъ догматовъ* въ нашихъ богословскихъ курсахъ: *въ послѣднихъ* рѣчь идетъ по преимуществу о подкрѣпленіи воли къ исполненію уже данныхъ и ясно опредѣленныхъ заповѣдей въ смыслѣ правилъ *христіанской дѣятельности*; когда же говорятъ о нравственной *идеѣ* догмата, то разумѣютъ такую нравственную истину, которая по самому существу своему содержится въ томъ или иномъ догматѣ и безъ него потеряла бы свою значимость" [3]). Отсюда слѣдуетъ сдѣлать еще небольшой шагъ впередъ, и мы увидимъ, что наиболѣе успѣшно эта задача будетъ выполнена въ томъ случаѣ, если будетъ указана нравственная идея не каждаго догмата въ отдѣльности, а всей системы христіанскаго богословія, и если будетъ указана не нравственная *идея* догматовъ, а антропологическая сторона христіанской догматики, ея субъективная основа. Разсмотрѣть все содержаніе христіанскаго ученія со стороны личнаго опыта человѣческаго, это и значитъ указать нравственное значеніе догматики. Если такое изложеніе христіанскаго ученія назвать нравственнымъ богословіемъ, то это былъ бы

---

[1]) „Всякій догматъ въ мистикѣ разрѣшается во внутреннемъ ходѣ жизни. Въ мистикѣ есть продуктивная сила, а догматическая ортодоксія живетъ только переданнымъ, уже готовымъ догматомъ, другими словами—мистика общему религіозному чувству въ представленіи даетъ опредѣленное содержаніе". Еп. Алексія Сумскаго *Христіанская мистика въ ея отличіи отъ науки и положительной религіи.* (Вѣра и Р. 1904, № 19 стр. 344).

[2]) Ср. о І. Л. Янышева *Сущность христіанства съ нравственной точки зрѣнія* въ Хр. Чт. 1877 г. т. II, стр. 166.

[3]) Еп. (нынѣ архіеп.) Антонія *Полное собраніе сочиненій,* т. II, стр. 11—12.

одинъ изъ возможныхъ типовъ нравственнаго богословія. Но не трудно открыть причины, препятствующія отожествить это изложеніе христіанскаго ученія съ нравственнымъ богословіемъ. Такое изложеніе, развитое въ цѣлую систему, является слишкомъ обширнымъ для нравственнаго богословія, какъ учебнаго предмета. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, принципомъ такого изложенія христіанскаго ученія является субъективное начало, на основѣ котораго можно создать философію христіанства, а не научное богословіе, не науку нравственнаго богословія. И это изложеніе христіанскаго ученія такъ и слѣдуетъ разсматривать какъ философію христіанства, имѣющую крупное значеніе для науки нравственнаго богословія, но не составляющую этой науки. Значеніе философіи христіанства для нравственнаго богословія въ томъ, что она открываетъ нравственную важность догматовъ, служитъ переходомъ отъ догматики къ нравственному богословію. Но, съ перемѣною принципа философскаго на научный нравственно-богословскій, существенное содержаніе христіанской философіи и сведется къ параграфу или отдѣлу о догматической основѣ христіанской нравственности. Можно было бы сказать, что какъ въ философію христіанства, систематически развитую, входитъ, въ качествѣ составной части, собственное содержаніе нравственнаго богословія (научно построяемая нравственность), такъ и въ нравственномъ богословіи христіанско-философскій элементъ составляетъ часть—первую часть о личной христіанской нравственности, за которою должна слѣдовать вторая часть о нравственности церковно-общественной. Но лучше остановиться на отдѣлѣ о догматической основѣ христіанской нравственности, который естественно будетъ слѣдовать за первымъ отдѣломъ объ источникахъ (библейскомъ и святоотеческомъ) нравственнаго богословія, и не поднимать рѣчи о первой части нравственнаго богословія, какъ ученіи о личнохристіанской нравственности, такъ какъ въ нравственномъ богословіи и ученіе о личной христіанской нравственности должно быть объединено съ остальнымъ содержаніемъ нравственно-богословскаго ученія подъ основнымъ нравственно-богословскимъ принципомъ.

Далѣе мы дадимъ критическое обоснованіе послѣдняго.

IV.

Обычный планъ нашихъ системъ нравственнаго богословія складывается подъ тройнымъ вліяніемъ—католичества, протестантства и философіи. Послѣдняя вліяетъ на наше богословіе не прямо, а чрезъ посредство протестантства, въ которомъ нравственное богословіе имѣетъ два направленія, строго богословское и философское. Философія, еще со времени классической древности, установила три принципа нравственнаго ученія—принципъ нравственнаго закона (принципъ долга), принципъ добродѣтели и (преимущественно философскій) принципъ высшаго блага. Католичество усвоило (оставленный христіанству въ наслѣдство іудаизмомъ) принципъ закона, а протестантство—принципъ добродѣтельнаго характера и вѣрующаго настроенія. Вообще говоря, христіанскія системы нравоученія, какъ иностранныя, такъ вслѣдъ за ними и русскія, развиваютъ или одинъ изъ этихъ принциповъ или обнимаютъ два изъ нихъ и даже всѣ три.

Философскій принципъ высшаго блага долженъ быть признанъ несостоятельнымъ и, во всякомъ случаѣ, не примѣнимымъ къ христіанскому нравоученію.

Христіанское міровоззрѣніе могло пристать, конечно, лишь къ идеалистическому направленію философіи, и принципъ высшаго блага есть собственно идеалистическій принципъ: идеалистическій принципъ морали полагается въ *идеѣ* высшаго блага, въ умопостигаемомъ идеалѣ. Противъ идеалистическаго построенія можно сдѣлать много существенныхъ возраженій съ самой философской точки зрѣнія, но мы ограничимся оцѣнкой его на христіанской почвѣ. При всей кажущейся близости между идеализмомъ и христіанствомъ, которая всегда служила соблазномъ для богослововъ, между ними утверждается глубокая пропасть, и увлеченіе богословія философскимъ идеализмомъ всегда приносило болѣе вреда по существу, чѣмъ пользы въ формальномъ отношеніи. Философскій идеализмъ есть интеллектуалистическое построеніе, тогда какъ христіанская религія коренится въ дѣйствительной духовной жизни, и христіанское ученіе выростаетъ изъ духовнаго опыта. Философскій гносисъ не то же, что религіозное опытное познаніе; философское безсмертіе души не то же, что христіанское воскре-

сеніе,—и философско-моральный принципъ высшаго блага не то же, что религіозное начало христіанской нравственности. Христіанская нравственная жизнь начинается не съ идеи, а съ реальнаго факта внутренняго возрожденія, съ дѣйствительнаго обладанія религіознымъ благомъ—вѣчной жизнью.

„Блага любви, вѣры, богообщенія, богопознанія, свободы—всѣ эти блага обнимаются въ понятіи вѣчной жизни. Вѣчная жизнь доставляетъ людямъ несокрушимое блаженство, неисчерпаемую радость. Это—блаженство отъ полноты удовлетворенія, отъ бьющей черезъ край содержательности внутренней жизни, отъ всеобъемлющей осмысленности существованія. Вода вѣчной жизни, принятая вѣрующимъ, утоляетъ его жажду навсегда и становится въ немъ неизсякающимъ родникомъ творческой производительности. Небесный хлѣбъ духовнаго блага вполнѣ насыщаетъ душу. Благая вѣсть христіанской свободы выводитъ человѣка на неувядающую пажить избыточествующей жизни. Эта жизнь съ избыткомъ—абсолютная, безпредѣльная духовная жизнь. Живущій такою жизнью перестаетъ быть простымъ человѣкомъ, онъ становится человѣкомъ съ неба, Божіимъ человѣкомъ. Предъ нимъ открывается перспектива безграничнаго совершенства, не убѣгающаго отъ него въ качествѣ отдаленнаго идеала, но реализующагося въ окрыляющей его безграничной любви, которая никогда не прекращается, все покрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, все переноситъ. Вмѣстѣ съ безкорыстною любовью божественная абсолютность вселяется въ самое сердце человѣческое и наполняетъ его блаженнымъ ощущеніемъ свободы и религіознаго антропоцентризма... Свобода безграничнаго простора вѣчной жизни не то же, что безпредѣльная пустота, и ея блаженство не расплывается въ отрицательномъ благѣ невозмутимаго покоя. Вѣчная жизнь имѣетъ положительное содержаніе, и она даетъ положительное благо богопознанія, богообщенія, небесной радости. Евангельское боговѣдѣніе есть знаніе, что Богъ есть Отецъ. Если мы бросимъ взглядъ на всю дохристіанскую исторію религіи, какъ на исторію постепеннаго освобожденія людей отъ религіознаго страха, то мы увидимъ, что только евангеліе въ образѣ Отца Небеснаго даетъ человѣку самую высшую степень свободы отъ ужаса

міровой тайны, не отрицательной свободы невѣрія, а свободы любви, которая не имѣетъ страха. Свобода невѣрія ведетъ къ одиночеству и самодовольству; она необходимо испытываетъ крушеніе. Напротивъ, свобода вѣры въ отеческую любовь Бога поднимаетъ падшее, воздвигаетъ угнетенное, возстановляетъ уничиженное, даетъ силу ничтожному и бодрость немощному. Это—знаніе, закрытое отъ мудрыхъ и открытое младенцамъ; это—утѣшеніе для уничиженныхъ и обремененныхъ; это—покой для кроткихъ и смиренныхъ сердцемъ; это—иго благое и бремя легкое. Евангеліе—это радостная вѣсть мытарямъ и грѣшникамъ, нищимъ и отверженнымъ, всему потерянному, презрѣнному, погибшему. Христіанское блаженство опирается на сознаніе, что на небесахъ бываетъ радость объ одномъ кающемся грѣшникѣ, что каждый раскаявшійся принимается Отцомъ Небеснымъ съ жалостью, цѣлованіемъ и веселіемъ, что всѣ малые и ничтожные имѣютъ ангеловъ своихъ, предстоящихъ и ходатайствующихъ за нихъ предъ престоломъ Всевышняго, и что нѣтъ воли Отца Небеснаго, чтобы погибъ хотя одинъ изъ малыхъ сихъ. Эта радость неба, эта *небесная* радость наполняетъ и сердце человѣческое въ любви ко всѣмъ гонимымъ и угнетеннымъ, въ любви всепрощенія, въ безкорыстной любви ко врагамъ, ненавистникамъ и гонителямъ. Христіанская радость не уединяетъ человѣка, но соединяетъ его неразрывными узами со всѣмъ міромъ, умиляетъ его душу предъ всякимъ существомъ, дѣлаетъ для него милыми и травку полевую и рѣзвую птичку. Въ такой любви, не знающей ни предѣловъ ничтожества, ни границъ грѣха, небесная радость вселяется въ сердце человѣческое: онъ любитъ и радуется по небесному. Чрезъ собственную радость любви боговѣдѣніе становится для человѣка лицезрѣніемъ Бога, и здѣсь радость евангельская доходитъ до высшей степени блаженства. Его душа становится обителью непрерывнаго пребыванія Бога, становится родною Ему, и отъ сознанія этого радость его достигаетъ полноты и совершенства.

Блаженство вѣчной жизни, блаженство царства Божія, есть блаженство вѣчное, стоящее выше границъ времени, доступное „нынѣ, во время сіе“, дѣйствительное блаженство. Во всемъ евангеліи нѣтъ слова *надежда*. Вся проповѣдь

Христа насыщена радостью, она—дѣйствительное евангеліе, благая радостная вѣсть“ [1])...

Въ то время какъ въ философіи высшее благо сочетается съ человѣческою душою интеллектуалистически, посредствомъ идеи, которая и является съ философско-идеалистической точки зрѣнія единственною движущею силою,—въ религіи, въ христіанской религіи движущею силою служитъ реальнѣйшій зародышъ духовной жизни, растущее своею собственною энергіей сѣмя духовнаго бытія, требующее лишь благопріятныхъ условій для своего естественнаго роста [2]).

Не только философское построеніе христіанскаго нравоученія по принципу высшаго блага невозможно въ цѣломъ, но трудно оправдать наличность въ нравственно-богословской системѣ и особаго философскаго отдѣла, какъ ученія о нравственности съ естественной точки зрѣнія, и именно ученія о свободѣ воли и совѣсти. Уже одно то, что въ академіи читаются метафизика и психологія, дѣлаетъ излишнимъ повтореніе въ нравственномъ богословіи метафизическаго ученія о свободѣ воли и психологическаго ученія о совѣсти. Наряду съ стройнымъ ученіемъ о свободѣ воли въ системѣ метафизики и со систематическимъ ученіемъ психологіи о совѣсти, положительное ученіе объ этихъ предметахъ въ нравственномъ богословіи можетъ быть лишь наивнымъ лепетомъ. Все, что нравственное богословіе можетъ сказать цѣннаго по этимъ вопросамъ, съ удобствомъ умѣстится въ апологетической части, въ видѣ указанія тѣхъ вредныхъ въ нравственномъ отношеніи выводовъ, которые

---

[1]) *Основы христіанства,* II, стр. 250—253.

[2]) Всѣ сочиненія еп. Ѳеофана, можно сказать, раскрываютъ эту одну мысль: христіанская жизнь начинается фактомъ *богообщенія.* „То невѣрно, пишетъ онъ, если бъ кто сталъ думать, что когда Богообщеніе поставляется послѣднею цѣлью человѣка, то человѣкъ сподобится его послѣ, въ концѣ, напр., всѣхъ трудовъ своихъ. Нѣтъ, оно должно быть всегдашнимъ, непрерывнымъ состояніемъ человѣка, такъ что, коль скоро нѣтъ общенія съ Богомъ, коль скоро оно не ощущается, человѣкъ долженъ сознаться, что стоитъ внѣ своей цѣли и своего назначенія. Такое состояніе есть единое истинное состояніе человѣка, есть единый рѣшительный признакъ присутствія въ немъ начала истинно-нравственной и духовной жизни“. *Начертаніе христіанскаго нравоученія,* стр. 35—36.

вытекаютъ изъ позитивнаго детерминизма и натуралистическаго воззрѣнія на совѣсть. Данныя христіанскаго нравоученія, т. е. факты христіанскаго опыта, выставляютъ важныя отрицательныя инстанціи противъ позитивно-натуралистическаго міровоззрѣнія. Но это еще не значитъ, что философское ученіе о свободѣ воли и о совѣсти служитъ предположеніемъ нравственнаго богословія. Со стороны нравственнаго богословія эти экскурсіи въ область философіи всегда, и справедливо, будутъ казаться игрою въ философію. Нужно имѣть хоть какое-нибудь знакомство съ современными философскими системами, чтобы понять, насколько трудно философское ученіе по этимъ вопросамъ приспособить къ „потребностямъ“ нравственнаго богословія. А вѣдь тѣ философскія системы, которыя сами суть не что иное, какъ эхо христіанства, по существу дѣла не могутъ быть удачными. Даже о величественной философіи Канта, который „пытался сохранить практическіе выводы изъ догматовъ Откровенія, отрѣшивъ ихъ отъ ихъ объективной основы, и подыскать для нихъ основаніе въ природѣ человѣческаго разума“,—даже объ этой философіи можно сказать, что она потерпѣла рѣшительную неудачу, причемъ „въ неудачѣ этой попытки замѣчательно особенно то обстоятельство, что правила этики, отрѣшенныя отъ догматовъ, оказались у Канта не только не обоснованными научно, но и взаимно противорѣчащими другъ другу“ [1]). Но самое главное еще не въ этомъ. Если уже нѣкоторыя философскія системы морали, которыя могутъ разсчитывать лишь на однѣ естественныя силы человѣка, считаютъ возможнымъ обходиться безъ предположенія свободы воли [2]), то почему бы думать, что нравственное богословіе должно начинать съ философскаго обоснованія свободы воли? Здѣсь мы сталкиваемся съ примѣромъ научныхъ суевѣрій, которыя держатся тѣмъ упорнѣе, чѣмъ меньше въ нихъ вдумываются. Съ перваго взгляда кажется безспорнымъ, что христіанскую истину воскресенія мертвыхъ тѣмъ легче обосновать, чѣмъ тверже будетъ стоять философская истина безсмертія души. Между тѣмъ стоитъ лишь продумать это

---

[1]) Еп. Антоній *Полное собр. сочиненій*, II, стр. 31.

[2]) Гефдинга, В. С. Соловьева и др.

христіанское ученіе [1]), чтобы видѣть, что оно не имѣетъ ничего общаго съ философскимъ безсмертіемъ души, что одновременно принимать эти два ученія немыслимо, что философское ученіе есть лишь суррогатъ христіанской вѣры. Подобнымъ образомъ относится христіанское ученіе и къ философской доктринѣ о свободѣ воли. Христіанство учитъ, что свободнымъ человѣка дѣлаетъ познаніе христіанской истины, что истинно освобождаетъ людей Сынъ Божій [2]),— оно даетъ человѣку сознаніе и опытъ освобождающаго богосыновства, и этимъ совсѣмъ не предполагается природная свобода. Наоборотъ, именно христіанство дѣлаетъ человѣка свободнымъ. Во всякомъ случаѣ, нравственное богословіе должно имѣть въ виду только этотъ фактъ христіанской свободы, который стоитъ одинаково, свободенъ ли человѣкъ отъ природы или несвободенъ. Вопросы же о томъ, не снимается ли христіанскими границами свободы отвѣтственность съ язычниковъ и грѣшниковъ, нужно признать рѣшительно казуистическими. Когда евангеліе говоритъ о воскресеніи увѣровавшихъ во Христа, оно просто имѣетъ въ виду лишь увѣровавшихъ, просто оставляя внѣ поля своего зрѣнія неувѣровавшихъ; равнымъ образомъ, христіанство имѣетъ дѣло только съ получившими свободу во Христѣ, или отвергшими эту свободу, но не разсматриваетъ человѣка въ чистой естественности внѣ отношенія къ христіанству. При этомъ чисто юридическая точка зрѣнія совершенно чужда евангелію [3]), и оно полагаетъ все благо въ самомъ обладаніи христіанскою свободою, вѣчною жизнью, и все зло въ самомъ отчужденіи отъ нея [4]). Мы уже не будемъ ссылаться на ученіе св. ап. Павла и бл. Августина о предопредѣленіи, и вообще мы не хотимъ сказать, что христіанствомъ предполагается природный детерминизмъ,—это было бы другою крайностью. Мы лишь констатируемъ, что христіанская свобода утверждается сама въ себѣ, что она есть фактъ для христіанскаго богословія первичный, фактъ вполнѣ своеобразный, религіозный, и что она, поэтому, не нуждается во внѣхристіанскомъ, естественно-философскомъ обоснованіи. Предъ

---

[1]) *Основы христіанства,* т. I. стр. 340—358; II, 244—276; III, 143—156.
[2]) Іоан. VIII, 32. 36.
[3]) *Основы христіанства,* т. II, 236—243.
[4]) *Основы христіанства,* т. II, 276—288.

христіанской свободой природная свобода есть не истинная свобода. И, наконецъ, если бы необходимымъ постулятомъ нравственнаго богословія была естественная свобода, какъ философская истина, то все-же нравственное богословіе было бы совершенно безпомощнымъ, такъ какъ оно могло бы приписать человѣку свободу лишь до его грѣхопаденія (что есть отвлеченно-догматическая, а не опытно-нравственная истина) и было бы вынуждено считаться съ тѣмъ фактомъ, что всякій, дѣлающій грѣхъ, есть рабъ грѣха [1]), а это всѣ внѣ христіанства. Подобнымъ образомъ, принято въ интересахъ христіанской нравственности, а слѣдовательно и въ интересахъ нравственнаго богословія—считать „совѣсть голосомъ Божіимъ, идущимъ отъ Бога чрезъ насажденное въ нашей природѣ нравственное чувство", и однако нравственное богословіе констатируетъ, что „вообще судъ совѣсти чаще бываетъ неправильнымъ, чѣмъ правильнымъ" [2]): въ чемъ же различіе нравственно-богословскаго воззрѣнія на совѣсть отъ натуралистически-эволюціоннаго? Почему же признается невозможнымъ насадить христіанство въ душѣ, естественно „эволюціонирующей до нравственнаго сознанія?" Не лучше ли нравственному богословію говорить только о христіанской свободѣ, только о христіанской совѣсти? Не лучше ли начинать съ фактовъ христіанскаго сознанія? Иное было бы дѣло, если бы нравственное богословіе говорило о тѣхъ сторонахъ естественной жизни, которыя и въ христіанствѣ сохраняютъ полноту и свободу естественнаго развитія, каковы—семейная, общественная и государственная формы жизни, имѣющія несомнѣнное нравственное значеніе [3]). Но нѣтъ, нравственное богословіе хочетъ дать въ себѣ мѣсто естественно-философскому ученію о такой интимной сторонѣ человѣческой души, которая

---

[1]) Іоан. VIII, 34.

[2]) С. Никитскаго *Ученіе христіанской православной церкви о нравственности,* вып. 1, стр. 56. 62. Здѣсь же о нравственномъ законѣ стр. 40—41: „человѣкъ самъ по себѣ отнюдь не можетъ служить *первоначальнымъ* источникомъ нравственнаго закона" и стр. 42—43: „естественнымъ нравственнымъ закономъ называется совокупность правилъ дѣйствованія свободы человѣка, составленныхъ самимъ человѣкомъ на основаніи свидѣтельства нравственнаго чувства и.... совѣсти".

[3]) О нихъ рѣчь будетъ ниже.

всецѣло захватывается христіанствомъ, „перерождается“: съ этой стороны для естественнаго ученія о нравственности въ нравственномъ богословіи не можетъ быть мѣста. И уже во всякомъ случаѣ не нужно забывать того факта, что евангельское ученіе не знаетъ понятій совѣсти, природной свободы и естественнаго нравственнаго закона. Предпосылать христіанскому нравоученію философское ученіе объ этихъ предметахъ, это то же, что начинать евангельское ученіе о духовной жизни научной біологіей, а христіанское ученіе о крещеніи и причащеніи—общей гигіеной кожи и физіологіей питанія [1]).

V.

Далѣе поведемъ рѣчь о нравственномъ законѣ, какъ нравственно-богословскомъ принципѣ. Законничество, юридическая оцѣнка нравственнаго дѣланія, это старое наслѣдство іудаизма, воскресшее въ католицизмѣ. Основная черта католичества — въ политическомъ воззрѣніи на сущность церкви, откуда само собою вытекаетъ юридическое пониманіе нравственности, взглядъ на христіанство какъ на новый нравственный законъ.

Несмотря на то, что подъ вліяніемъ католическихъ системъ нравоученія, и въ русскихъ системахъ нравственнаго богословія законническая точка зрѣнія находитъ самое широкое примѣненіе,—въ нашей богословско-критической литературѣ ничто другое такъ основательно не отвергнуто, какъ юридическое пониманіе христіанства—будетъ ли то въ догматической области, въ вопросѣ объ искупленіи, или въ области нравоученія. Въ послѣднемъ отношеніи особенно удачны статьи проф. А. И. Гренкова, которыя мы здѣсь и передадимъ.

Начиная съ Прокоповича, сводившаго все христіанское нравоученіе къ десятословію, нравственное богословіе претерпѣвало болѣе другихъ наукъ давленіе схоластики, такъ какъ построялось по схемѣ католическаго моральнаго бо-

---

[1]) Обо всей философской части нравственнаго богословія, включая сюда всякія collisió officiorum, ἀδιάφορα,—можно сказать, что она находитъ здѣсь себѣ мѣсто по мотивамъ казуистическимъ, особенно очевиднымъ въ католической этикѣ. Ср. Хр. Чт. 1896, нояб.—дек. стр. 627—659.

гословія, получившаго свое начало отъ знаменитаго Ѳомы Аквината. Католическое богословіе на все евангеліе смотритъ преимущественно со стороны юридическо-законодательной; для католика ученіе Господа есть прежде всего lex nova evangelica, къ которому отношеніе христіанина должно быть одно—въ формѣ послушанія: ты долженъ, ты обязанъ,—такова была формула ветхозавѣтнаго нравоученія и дальше ея не пошло—по католическому представленію—нравоученіе новозавѣтное. Отсюда вся система нравственнаго богословія римской церкви обыкновенно мыслится, какъ система обязанностей, которыя обыкновенно излагались и излагаются по тремъ категоріямъ—къ Богу, ближнимъ и къ самому себѣ. Исходнымъ пунктомъ такого построенія обыкновенно служило логическое представленіе о законѣ, и трактатъ о нравственномъ законѣ обыкновенно предшествовалъ спеціальному изложенію обязанностей. Въ частности здѣсь видное мѣсто занимала параллель между закономъ Моисеевымъ и евангельскимъ, съ цѣлью доказать превосходство послѣдняго надъ первымъ, хотя величайшее различіе между Моисеемъ и Христомъ, какъ нравоучителями, именно то, что первымъ былъ данъ законъ, а вторымъ благодать и истина. Между тѣмъ для римскаго богослова важна эта идея законодательности; для него Христосъ есть прежде всего законоположникъ, сказавшій всѣ правила христіанскаго поведенія: вся дѣятельность христіанина есть рядъ поступковъ, согласныхъ или несогласныхъ съ даннымъ правиломъ; только по этой логикѣ должны были явиться opera supererogatoria, и образовалось биржевое отношеніе къ этому капиталу, который можетъ быть зачисляемъ по волѣ папы; только на этой *дѣловой* почвѣ могла появиться казуистика со своими сомнѣніями и діалектическимъ collisio officiorum, которое величайшіе казуисты и богословствующіе юристы римской церкви—іезуиты возвели на высокую степень практической артистичности—дѣлать сдѣлку съ своею совѣстью. Величайшій органическій процессъ живого возрастанія нравственнаго, царскій путь образованія *новаго творенія Божія о Христѣ Іисусѣ* здѣсь оставляется и замѣняется процессомъ кристаллизаціи, напластовыванія, а христіанинъ возвращается къ древней жизни, когда воля человѣка обставлена была законами и прещеніями Іеговы. Католиче-

скія моральныя теологіи наложили на евангельское нравоученіе печать сухости, доктринерства, отвлеченности; это сборникъ назиданій, правилъ, сентенцій; живая истина, высказанная Христомъ, оторвана отъ своего историческаго факта, переложена на отвлеченность, возведена въ разсудочный тезисъ, и великій урокъ Господа, который вносилъ совершенно новый духъ въ цѣлый строй нравственной жизни древняго міра, превратился въ сухую сентенцію, въ скелетъ. Люби ближняго, люби враговъ, будь смиренъ, милостивъ, миренъ, непрестанно молись,—въ этихъ ли отрывочныхъ афоризмахъ евангельское нравоученіе? Христіанское нравоученіе менѣе всего есть доктрина, кодексъ нравственныхъ сентенцій; оно есть идея, духъ, сила и жизнь; раздробите его на категоріи, подведите его подъ разсудочныя рубрики—вы не узнаете евангельскаго духа. Христіанская нравственность не есть правильное, униформное движеніе, повторяющее положенныя извнѣ нормы и исполняющее опредѣленныя заповѣди; это непрерывный творческій процессъ, совершаемый христіаниномъ, какъ членомъ Церкви Христовой, гдѣ живетъ Духъ Святый, Который—по обѣтованію Христа—долженъ научить христіанъ всему. Фарисей съ своею законною точкою зрѣнія, ученіемъ о заповѣди, которая должна механически исполняться, вызывалъ самое грозное обличеніе Господа; дѣйствительно, онъ превратилъ нравственность въ какой-то бездушный механизмъ, который долженъ двигаться, какъ велятъ скрижали закона. Христосъ не даетъ намъ закона въ смыслѣ категорическаго предписанія; единственною заповѣдью Его является заповѣдь о любви, но она касается не единичнаго дѣйствованія, какъ, напр., древнее „не убій“, она не есть отдѣльное правило, стоящее рядомъ съ другими равнородными правилами; это—всеобщій стимулъ всѣхъ возможныхъ дѣйствій христіанина, общее чувство цѣлаго настроенія христіанскаго; любовь не приказывается, а только указывается,—она не исполняется, а воспитывается. Въ этомъ воспитательномъ началѣ весь складъ и характеръ христіанскаго нравоученія; христіанскій нравственный идеалъ не есть аггрегатъ правилъ и заповѣдей, не точная законченная инструкція, которая опредѣляетъ каждый шагъ и пріемъ, это только—принципъ нашей жизни, духовная сила, движущая насъ ко спасенію. Евангеліе при-

подняло предъ нами завѣсу міра горняго, міра высшаго блага, и сказало: стремись туда. Какъ? Этотъ вопросъ предъ христіаниномъ стоитъ во всемъ своемъ величіи. Онъ требуетъ свободы христіанина, работы надъ собой, требуетъ, чтобы служеніе дѣлу спасенія совершалось разумно [1])...

VI.

Еще греческая философія учила о добродѣтеляхъ, такъ называемыхъ философскихъ, и (въ лицѣ стоиковъ) создала идеалъ мудреца, какъ воплощеніе всѣхъ добродѣтелей. Христіанскіе учители рано усвоили эту философскую формулу, построяя христіанское нравоученіе по схемѣ четырехъ философскихъ добродѣтелей, къ которымъ затѣмъ были присоединены три богословскія добродѣтели. Эту нравоучительную формулу особенно усвоило и развило протестантство—въ противоположность юридической морали католичества. „Для протестанта Христосъ не законодатель, а прежде всего возлюбленный Спаситель, Богъ—освятитель его разбитаго въ дребезги существа, въ благодарность Которому человѣкъ можетъ принести единственную угодную жертву—всецѣлостную любовь, какъ чувство, какъ движеніе сердца; протестантъ отвергаетъ значеніе добрыхъ дѣлъ для спасенія, т. е. не допускаетъ юридической, дѣловой нравственности. Вмѣсто идеи закона, объективно понимаемаго, у него является исходнымъ началомъ христіанской нравственности мистическое чувство единенія съ Богомъ, чего онъ надѣется достигнуть чрезъ *вѣру*. Вмѣсто выясненія общей нормы христіанской дѣятельности, вмѣсто подробнаго исчисленія частныхъ правилъ и предписаній христіанскаго нравоученія, протестантскій моралистъ изслѣдуетъ психологическую основу нравственности, самого человѣка, какъ нравственнаго дѣятеля, спасающагося чрезъ вѣру. Для католика въ евангеліи все опредѣлено, предписано и установлено; для протестанта евангеліе далеко не такая справочная книга устава, куда каждый разъ нужно заглядывать и справляться, какъ должно поступить въ данномъ случаѣ. Въ евангеліи, говоритъ про-

---

[1]) Прав. Соб. 1872, III, 78—79. 84—85; 1875, I, 62—63. Относящіяся сюда систематическія разъясненія по существу вопроса см. въ *Основахъ христіанства*, особ. т. II.

тестантъ, изложены только нѣкоторые факты и только въ совокупномъ ихъ соединеніи можно находить основную идею, въ нихъ завитую. Для протестанта христіанское нравоученіе есть наука, предметъ изысканій и изслѣдованій, тогда какъ для католика оно есть начертанный для безусловнаго исполненія уставъ. Послѣдній безпрекословно подчиняется ему, тогда какъ первый пускается въ анализированіе его и ищетъ еще способа приложить найденное нравственное начало къ индивидуальной волѣ человѣка. Такъ Шлейермахеръ, на котораго мы можемъ смотрѣть, какъ на типическаго представителя протестантскаго богословія, въ области нравоученія является почти антиномистомъ; онъ не допускаетъ возможности мыслить о христіанскихъ обязанностяхъ, не даетъ мѣста самому понятію обязанности въ системѣ христіанскаго нравоученія; для него нравственная жизнь есть фактъ, эмпирическое состояніе вѣрующаго. Пальмеръ въ предисловіи къ своей Die Moral des Christenthums прямо заявляетъ, что задача христіанскаго моралиста состоитъ въ изображеніи христіанской жизни, какъ она совершается во Христѣ и чрезъ Христа, въ указаніи суммы духовныхъ силъ и дѣйствій, которыхъ источникъ видитъ въ цѣломъ складѣ новой жизни, которую—какъ дѣло Христа и Его искупленія — онъ называетъ христіанственностью. „Я долженъ, говоритъ авторъ, наблюдать жизненный пульсъ въ христіанинѣ, подмѣтить его единство среди разнообразія, указать тотъ мотивъ, подъ вліяніемъ котораго христіанинъ дѣйствуетъ такъ, а не иначе. Чтобы достигнуть этой цѣли, я не долженъ выяснять норму нравственнаго блага, какъ предписаніе, а долженъ описать самый процессъ такого охристіанизированія, самую христіанственную жизнь“. Въ такомъ же духѣ составляются всѣ новые и новѣйшіе опыты богословскаго нравоученія протестантства. Таковы опыты Вутке, Вендта, Шмидта, Мартензена и другихъ“ [1]).

Принципъ добродѣтели не соотвѣтствуетъ основному содержанію христіанской религіи. Это не столь очевидно, какъ въ вопросѣ о католической морали, но столь же несомнѣнно. Нравственный принципъ добродѣтели предполагаетъ, въ качествѣ высшей цѣли человѣческой жизни, естественное

[1]) Проф. А. И. Гренковъ въ Прав. Соб. 1872, ч. III, стр. 79—81.

совершенство, которое реализуется въ добродѣтеляхъ, придавая имъ этическую цѣнность. Между тѣмъ идея естественнаго совершенства не находитъ себѣ мѣста въ системѣ христіанскаго міровоззрѣнія [1]). То благо, которое даруется человѣку христіанствомъ, называется и духовнымъ совершенствомъ, но это благо *дарується* человѣку въ христіанствѣ, а не составляетъ плода его естественнаго развитія. Духовная жизнь есть божественная жизнь, но божественная жизнь открылась намъ во Христѣ и даруется въ христіанствѣ не въ качествѣ безграничнаю совершенства, не въ видимой славѣ, не въ предикатахъ внѣшняго всемогущества, всевѣдѣнія, видимаго великолѣпія, а какъ внутреннее, невидимое благо. Духовная жизнь есть совершенство, но не то совершенство, которое кажется стоящимъ въ концѣ естественнаго развитія, которое состоитъ въ богатствѣ знаній и гибкости ума, въ крѣпости воли, во внѣшнемъ великолѣпіи природы; но она есть совершенство въ смыслѣ самой дѣйствительности божественной жизни. Такъ какъ любовь есть преимущественное обнаруженіе божественной жизни, то она есть и совокупность христіанскаго совершенства. Можетъ быть различіе въ степеняхъ усвоенія ея человѣкомъ, возрастаніе человѣка въ христіанскомъ совершенствѣ: христіанинъ можетъ быть младенцемъ или взрослымъ. Полнота христіанскаго возраста въ словѣ Божіемъ также называется совершенствомъ. Но никогда въ св. Писаніи подъ христіанскимъ совершенствомъ не разумѣется взрослое или культурное совершенство [2]).

Болѣе соотвѣтствуетъ христіанству основное содержаніе протестантской этики, какъ описаніе „самой христіанской жизни". Оно почти совпадаетъ съ направленіемъ восточно-православной аскетики. Въ нашихъ системахъ нравственнаго богословія оно находитъ самое широкое примѣненіе.

Въ „Христіанскомъ нравоученіи" еп. Иннокентія Пензенскаго мы читаемъ: „Богословіе дѣятельное есть дѣятельная божественная наука, которая учитъ возстановлять въ чело-

---

[1]) Это систематически раскрыто въ III томѣ *Основъ христіанства*, особенно стр. 26—45, куда я и отсылаю читателя.

[2]) Ibid. стр. 51—53.

вѣкѣ образъ Божій, или *возращать сокровеннаго сердца человѣка въ мужа совершенна, въ мѣру возраста Христова*... Существенный предметъ богословія дѣятельнаго состоитъ въ томъ, чтобы показать, какъ сокровенный сердца человѣкъ долженъ родиться и приходить въ возрастъ мужа совершеннаго (2 Тим. III, 17)" [1]). Н. П. Архангельскій, у котораго сдѣланы обильныя выписки изъ системъ нравственнаго богословія, начиная съ системы Иннокентія Пензенскаго, такъ резюмируетъ свои изысканія: „лучшіе наши отечественные православные богословы моралисты... совершенно сходятся... во взглядахъ на предметъ, задачу и цѣль системы христіанскаго нравоученія, какъ на изображеніе процесса спасенія,—изображеніе того, какъ сокровенный сердца человѣкъ рождается и приходитъ въ возрастъ мужа совершеннаго, или, что то же, какъ возникаетъ и растетъ истинно нравственная христіанская жизнь и чрезъ какія проходитъ отдѣльныя конкретныя дѣйствительныя формы въ своемъ стремленіи къ идеалу" [2]).

Я думаю, что это совершенно ошибочный взглядъ на задачи и содержаніе нравственнаго богословія. Обоснованіе своего мнѣнія я начну съ одной частности. Ставя своей задачей описать рожденіе и возрастаніе сокровенной христіанской жизни, наши системы нравственнаго богословія, естественно, начинаютъ съ грѣховнаго состоянія человѣка и уже отсюда переходятъ къ процессамъ христіанскаго рожденія и возрастанія. Единственное исключеніе представляетъ еп. Ѳеофанъ, что отмѣчено и нисколько не оцѣнено у того же г. Архангельскаго. „Всѣ системы, пишетъ послѣдній [3]),... начинаются съ изображенія царства грѣха, явившагося слѣдствіемъ поврежденія нравственной природы человѣка въ паденіи, раскрытія затѣмъ глубины этого поврежденія... Затѣмъ всѣ означенныя системы точно также естественно переходятъ къ изображенію процесса покаянія и обращенія. Точно такому же методу слѣдуетъ и „Путь ко спасенію" еписк. Ѳеофана. Разница лишь въ томъ, что изображенію грѣховнаго состоянія здѣсь предшествуетъ ученіе о полученіи начатка хрис-

[1]) *Сочиненія* Иннокентія, еп. Пензенскаго и Саратовскаго, ч. 1 (1845), стр. 1—3.

[2]) Op. cit. стр. 149—151.

[3]) Стр. 152—153.

тіанской жизни въ крещеніи, что въ предыдущихъ системахъ разсматривается совмѣстно съ возрожденіемъ человѣка въ таинствѣ покаянія".

Понимающимъ дѣло оказывается единственно еп. Ѳеофанъ. Начинать съ творенія міра и человѣка, грѣхопаденія и затѣмъ переходить къ спасенію это значитъ стоять на отвлеченной, логически-догматической точкѣ зрѣнія, которая вполнѣ умѣстна въ догматикѣ и неумѣстна въ нравственно-живомъ представленіи христіанства. „Евангельское ученіе о грѣхѣ составляетъ часть ученія о вѣчной жизни, т. е. евангеліе судитъ объ этомъ предметѣ съ точки зрѣнія вѣчной жизни" [1]). Въ евангельскомъ смыслѣ понятіе объ отрицательной силѣ грѣха и бѣдственномъ состояніи грѣховности дается съ высоты положительнаго блага вѣчной жизни. И нравственное богословіе должно начинать съ *факта* „полученія христіанами начатка христіанской жизни въ крещеніи", вообще—съ положительнаго факта благъ христіанской жизни. Это именно естественно для нравственнаго богословія, противоположное же — искусственно, логически отвлеченно [2]).

Но и помимо этой частности, вообще изображеніе того, какъ сокровенный сердца человѣкъ рождается и приходитъ въ возрастъ мужа совершеннаго, не можетъ составить предмета *науки* нравственнаго богословія: это предметъ для практической науки нравственнаго богословія слишкомъ субъективенъ.

Подъ субъективностью, во-первыхъ, разумѣется *психологическая* внутренность факта, внутренняя переживаемость, вполнѣ однако допускающая закономѣрность, соотвѣтствующую закономѣрности физіологической (физической) и соціологической (исторической). Эта закономѣрность дѣлаетъ возможной науку психологіи. Съ точки зрѣнія этой закономѣрности возникаетъ вторичное понятіе субъективности (субъективизма), какъ психологической ненормальности и случайности, т. е. индивидуальныхъ различій и особенностей, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ преходящимъ обстоя-

---

[1]) *Основы христіанства,* т. II, стр. 276.

[2]) Это по существу дѣла. Но поразительна, кромѣ того, неприлаженность отдѣльныхъ программъ богословія: что за нужда въ нравственномъ богословіи повторять планъ догматическаго богословія?

тельствамъ. Но кромѣ этой послѣдней субъективности, во внутреннихъ переживаніяхъ и неизбѣжно есть элементъ, ускользающій отъ всякой закономѣрности, не доступный объективному познанію (субъективность съ *гносеологической* точки зрѣнія), элементъ ирраціональный, безусловно не повторяющійся, интимный, дѣлающій каждую индивидуальность самоцѣнною, самоцѣлью, прекраснымъ цѣлымъ: это то, что мы называемъ *личностью* въ этическомъ смыслѣ. Не можетъ быть рѣчи объ абсолютной непознаваемости, поскольку самыя интимныя переживанія личности могутъ быть выражены въ логическихъ понятіяхъ и въ художественныхъ образахъ, однако познаніе другого этими путями всегда будетъ познаніемъ по аналогіи, въ глубочайшей сущности субъективнымъ, т. е. здѣсь нѣтъ мѣста абсолютной познаваемости даже въ смыслѣ исчерпывающаго познанія. Можно постигнуть всю математическую мысль другого, но никогда не постигнешь всей души другого, никогда не повторяется человѣческая индивидуальность. Поэтому нѣтъ научнаго познанія человѣческой личности, но она является исходнымъ началомъ какъ поэтическаго творчества, поскольку выражается въ художественныхъ созданіяхъ, такъ и философіи, поскольку выражается въ критически обоснованныхъ логическихъ понятіяхъ. Это философія, какъ критическая поэзія, или—лучше сказать—какъ критическая мистика. Въ частности такой же характеръ имѣетъ и философская этика: такъ какъ послѣднимъ началомъ нравственности служитъ личность, имѣющая мистическія глубины, то, разумѣя это, и говорятъ, что можетъ быть наука о морали (философское построеніе ея), но не можетъ быть научной морали [1]).

Христіанское рожденіе и возрастаніе человѣка относится къ глубинамъ личной жизни и поэтому не можетъ быть предметомъ практической науки нравственнаго богословія: можетъ быть наука о христіанской личности (христіанская философія), но не можетъ быть научной христіанской жизни. Это предметъ слишкомъ интимный, онъ не даетъ мѣста закономѣрности и объективному познанію. Въ этомъ мы убѣдимся, если обратимся къ надлежащимъ источникамъ.

---

[1]) По этому вопросу чит. разныя сочиненія А. Фулье, особенно Les éléments sociologiques de la morale.

Особенно поучительны въ этомъ отношеніи сочиненія еп. Ѳеофана, который былъ и научно-образованнымъ человѣкомъ и христіанскимъ мистикомъ, (не былъ ни полуобразованнымъ „семинаристомъ", ни отвлеченнымъ мыслителемъ), который далъ науку о христіанской жизни и показалъ, что не можетъ быть научной христіанской жизни.

Прежде должно вспомнить, какъ главную основу, евангельское ученіе по этому вопросу,—евангельское ученіе о „духѣ", который дышетъ, гдѣ хочетъ, и голосъ его слышишь, а не знаешь, откуда приходитъ, и куда уходитъ,—о брошенномъ въ землю сѣмени, при чемъ сама земля производитъ зелень, колосъ и зерно, а человѣкъ не знаетъ, какъ сѣмя растетъ [1]). На этой-то основѣ развертываются мысли еп. Ѳеофана. Откроемъ его „Путь ко спасенію".

„Измѣненіе на лучшее, обращеніе къ Богу, какъ будто должно быть мгновеннымъ или минутнымъ, какъ это и бываетъ. Но, приготовительно, оно проходитъ нѣсколько оборотовъ, означающихъ сочетаніе свободы съ благодатію, гдѣ благодать овладѣваетъ свободою, и свобода подчиняется благодати,—оборотовъ необходимыхъ у всякаго. Одни проходятъ ихъ скоро, у другихъ же это продолжается цѣлые годы. Все, *что здѣсь происходитъ, кто можетъ изслѣдить*, особенно когда *очень разнообразны способы благодатнаго дѣйствованія* на насъ, и *безчисленны* [2]) состоянія людей, на коихъ она начинаетъ дѣйствовать? Должно однакожъ ожидать, что, при всемъ разнообразіи, есть здѣсь одинъ общій порядокъ измѣненія, котораго никто миновать не можетъ. Всякій кающійся есть живущій во грѣхѣ,—и всякаго изъ таковыхъ претворяетъ благодать. Посему, на основаніи понятія о состояніи грѣшника вообще, и отношеніи свободы къ благодати, и можно теперь изобразить сей порядокъ и опредѣлить правилами" [3]).

Въ этихъ словахъ еп. Ѳеофанъ высказываетъ первую мысль о неизслѣдимости духовной жизни,—и сейчасъ же ограничиваетъ эту мысль. Этихъ предѣловъ мы никогда не должны забывать, но нельзя не обратить вниманія, какъ не-

---

1) Ср. *Основы христіанства,* т. II, стр. 256.

2) Курсивъ нашъ.

3) *Путь ко спасенію*, вып. II, стр 4.

устойчивы эти предѣлы. „Есть одинъ общій порядокъ измѣненія“. Говоря иначе, есть общая схема, обнимающая однако живую жизнь,—есть общее русло, въ которомъ однако движутся свободные люди. Пожалуй можно говорить о законахъ духовной жизни, но имѣютъ ли какую-нибудь практическую цѣнность эти законы [1])? Каждый спасающійся бываетъ сначала грѣшникомъ, потомъ обращается,—и, обратившись, сначала бываетъ младенцемъ, затѣмъ возрастаетъ. Это „безспорная истина“, не стоющая „мѣднаго гроша“. На основаніи *общаго понятія* о состояніи грѣшника и объ отношеніи свободы къ благодати можно изобразить общій порядокъ спасенія и опредѣлить правилами, но это правила, которыя создаются съ яснымъ сознаніемъ того, что неисчислимы случаи ихъ возможнаго и должнаго нарушенія. Такимъ образомъ мысль, ограничивающая главный тезисъ о неизслѣдимости духовной жизни, сама ограничивается и еще болѣе рѣшительно, такъ что получается формула: хотя и существуетъ нѣкоторая схема спасенія и возможно указаніе относящихся сюда правилъ, однако основною остается неизслѣдимость духовной жизни, разнообразіе путей спасенія,—послѣднею остается мысль объ интимности спасенія, объ *одинокости* духовной жизни. Это и есть планъ, по которому написанъ „Путь ко спасенію“.

Весь второй выпускъ „Пути ко спасенію“ наполненъ перечисленіемъ разнообразныхъ путей обращенія грѣшника. „Милосердый Господь различнымъ образомъ раскрываетъ предъ сознаніемъ обращаемаго свой божественный міръ, въ которомъ опредѣлено жить духу нашему. *Нерѣдко* для сего Онъ является Самъ, видимо, подъ какимъ либо образомъ, при бодрственномъ состояніи человѣка, или во снѣ. Такъ явился Онъ апостолу Павлу на пути его въ Дамаскъ, Константину Великому, Евстафію Плакидѣ, Неанію, шедшему мучить христіанъ, Патермуфію и многимъ другимъ. *Иногда* благоволитъ посылать изъ того міра разныя лица... Такъ великомуче-

[1]) „Повидимому нельзя оспаривать того, что существуютъ законы историческаго развитія. Извѣстно, что каждый народъ растетъ, старѣется и умираетъ. Можно ли оспаривать фактъ дознанной истины? Но я подъ закономъ разумѣю положеніе, которое имѣетъ цѣнность. Если бы кто съ каѳедры возвѣстилъ безспорную истину, что всѣ смертны, то никто не далъ бы ему за нее мѣднаго гроша“. В. В. Болотова *Лекціи по исторіи древней церкви*, I, стр. 2—3.

ница Екатерина обращена явленіемъ ей Божіей Матери... (И т. д.). Кто связанъ плотоугодіемъ, того (спасительная божественная благодать) ввергаетъ въ болѣзни, и, ослабляя плоть, даетъ духу свободу и силу прійти въ себя и отрезвиться. Кто прельщенъ своею красотою и силою, того лишаетъ красоты“ [1])... (И т. д.). Отсюда и „правила“ имѣютъ прежде всего форму совѣта — испытывать разнообразные пути, чтобы встрѣтить свою дорогу. „Благодать Божія обыкла, для воздѣйствія на насъ, избирать извѣстныя посредства, какъ указано въ описаніи чрезвычайныхъ дѣйствій благодати. Итакъ, приложи къ себѣ сіи посредства, и ходи подъ ихъ осѣненіемъ и вліяніемъ. Не падетъ ли и на тебя изъ какого-нибудь лучъ благодати, какъ падалъ на другихъ, подобныхъ тебѣ грѣшниковъ? Избирала Божія благодать для дѣйствія своего храмы Божіи и церковный чинъ. Ходи и ты въ церковь... Дѣйствовала благодать чрезъ слово Божіе. И себѣ возьми его и читай. Можетъ быть, встрѣтишь такое мѣсто, которое поразитъ и тебя, какъ поразило Августина мѣсто, на которое пали глаза его... Умягчалось сердце иныхъ грѣшниковъ отъ бесѣдъ съ людьми благочестивыми. Поди и ты побесѣдуй. Слово за слово въ бесѣдѣ — не выпадетъ ли и такое, которое и у тебя пройдетъ до раздѣленія души и духа?... Сильною являлась молитва бѣдныхъ. Поди и ты, умножь милостыню. Не изведетъ ли молитвенный вопль нищаго и къ тебѣ ангела - руководителя, какъ къ Корнилію сотнику“ [2])?... Въ виду этого разнообразія путей христіанской жизни, второй выпускъ „Пути ко спасенію“ оканчивается такъ: „Вотъ весь порядокъ обращенія! Все сказанное бываетъ у всякаго обращающагося; но какъ и въ какой мѣрѣ—это зависитъ отъ личностей и обстоятельствъ каждаго“ [3]). Еще рѣшительнѣе эта мысль раскрывается въ третьемъ выпускѣ.

[1]) См. *Путь ко спасенію* вып. II, стр. 18—20. 22. 24—31. Отсюда уже не трудно перейти къ тому, что даетъ Григорій Двоесловъ въ III части своего *Правила пастырскаго,* т. е. къ наставленію, какъ проповѣдникъ долженъ сообразоваться въ своихъ поученіяхъ съ различными состояніями слушателей, различно поучая мужчинъ и женщинъ, юношей и старцевъ, бѣдныхъ и богатыхъ, веселящихся и сѣтующихъ и т. д. Однако это различіе состояній далеко не то же, что индивидуализмъ христіанской мистики въ ея существѣ.

[2]) *Путь ко спасенію,* вып. II, стр. 63—64.

[3]) Ibid. стр. 120.

Здѣсь авторъ, сдѣлавъ нѣсколько *общихъ замѣчаній* о „подвигахъ и упражненіяхъ", продолжаетъ: „Всѣ такіе подвиги и упражненія должно проходить каждому подвижнику, въ особенномъ, къ нему примѣненномъ видѣ. Потому, сами по себѣ, они суть еще какъ бы *матеріалы и рамки для правилъ* [1]). Правила строятся изъ нихъ, чрезъ приложеніе ихъ ко времени, мѣсту, лицу, обстоятельствамъ и проч. Это и должно быть сдѣлано *каждымъ подвизающимся*, или самимъ, или по руководству своего руководителя и духовнаго отца,—сдѣлано надъ всякимъ упражненіемъ, и потомъ изъ всей совокупности ихъ построенъ одинъ всеобъемлющій порядокъ духовныхъ упражненій или подвиговъ, гдѣ всему мѣсто и время, большему и малому. Этотъ порядокъ, равно какъ и правила не могутъ быть достаточно указаны въ писанномъ руководствѣ, развѣ только въ началахъ" [2]). „Законъ такой: оставить должно все, что опасно для новой жизни, что возгрѣваетъ страсть, наноситъ суету и погашаетъ духъ; а во всемъ этомъ сколько разнообразія!.... Мѣрою тому пусть будетъ *собственное сердце каждаго*, искренно ищущаго спасенія" [3])... „Вообще о правилахъ брани надобно замѣтить, что онѣ въ существѣ своемъ суть не что иное, какъ приложеніе всеоружія къ частнымъ случаямъ, и что потому ихъ всѣхъ изобразить нельзя. Дѣло внутренней брани и *непостижимо и сокровенно*; случаи къ ней чрезвычайно разнообразны; лица воюющія слишкомъ различны; что для одного соблазнъ, то для другого ничего не значитъ; что одного поражаетъ, къ тому другой совершенно равнодушенъ. Потому, *одного для всѣхъ установить рѣшительно невозможно*. Лучшій изобрѣтатель правилъ брани—*каждое лицо само для себя*. Опытъ всему научитъ. Надобно только имѣть ревностное желаніе побѣждать себя. Первые подвижники не учились изъ книгъ, и однакожъ представляютъ собою образцы побѣдителей. Притомъ, не должно слишкомъ полагаться на эти правила: онѣ представляютъ только *внѣшнее очертаніе*. То, что составляетъ *существо дѣла, каждый узнаетъ только изъ опыта*, когда станетъ сражаться самымъ дѣломъ. И въ

---

1) Курсивъ здѣсь и ниже нашъ.

2) *Путь ко спасенію*, вып. III, стр. 64—65.

3) Ibid. стр. 90—91.

этомъ дѣлѣ руководителями ему остаются только собственное благоразуміе и преданіе себя Богу. *Внутренній ходъ христіанской жизни въ каждомъ лицѣ приводитъ на мысль древніе подземные ходы, чрезвычайно замысловатые и сокровенные.* Вступая въ нихъ, испытуемый получаетъ нѣсколько наставленій въ общихъ чертахъ тамъ сдѣлать то, тамъ другое, здѣсь по такой-то примѣтѣ, а здѣсь по такой-то, и потомъ *оставляется одинъ* среди мрака, иногда съ слабымъ свѣтомъ лампады. Все дѣло у него зависитъ отъ присутствія духа, благоразумія и осмотрительности и отъ невидимаго руководства. Подобная же *сокровенность* и во внутренней *христіанской жизни.* Здѣсь *всякій идетъ одинъ*, хотя бы былъ окруженъ множествомъ правилъ. Только чувства сердца обученныя и особенно внушенія благодати для него суть всегдашніе, необманчивые и неотлучные руководители въ брани съ собою; все прочее оставляетъ его... Всякій учится самъ и изъ собственныхъ своихъ опытовъ, ибо человѣкъ на человѣка не приходитъ, чтобы, то есть, чужое годилось для насъ“ [1])...

Слова еп. Ѳеофана не нуждаются въ комментаріяхъ. А какія слѣдствія для нравственнаго богословія должны быть извлечены изъ тезиса о непостижимости христіанской жизни, это мы изложимъ словами Иннокентія, архіеп. Херсонскаго [2]).

„Возрожденіе, явленіе новаго человѣка на мѣстѣ ветхаго, соединеніе съ Христомъ, оживленіе Духомъ Божіимъ—эта внутренняя существенная перемѣна въ душѣ не можетъ подлежать разумѣнію: сѣдалище этого въ сердцѣ, въ чувствѣ. Существо дѣятельнаго христіанства есть нѣкоторая невыразимая тайна. Мы не можемъ знать, какъ человѣкъ возрождается Духомъ, когда и какъ зачинается внутри его нѣчто новое, противоположное прежнимъ его желаніямъ и дѣйствіямъ. И если вообще нельзя уразумѣть перемѣны нравственной; то, смотря на нее съ высшей точки зрѣнія, тѣмъ болѣе нельзя уразумѣть ее. Только тотъ можетъ знать это, кто извѣдалъ на собственномъ опытѣ, ощутилъ

---

[1]) Ibid. стр. 128—131.

[2]) *Введеніе въ нравственное богословіе* (лекція 5): *Сочиненія* въ изд. Вольфа, т. X (1875), стр. 185—186. 192—193. Курсивъ нашъ.

внутри себя эту перемѣну духа. Жизнь и свѣтъ здѣсь нераздѣльны, и не столько изъ свѣта жизнь, сколько изъ жизни свѣтъ. Истинное разумѣніе только опытное...

„Наша наука имѣетъ еще двѣ сродныя себѣ науки: мистику и аскетику. И всю дѣятельность христіанскую можно назвать мистикою и аскетикою, ибо въ ней много того и другого. Но нравственность христіанскую надо представлять среднею между ними. Мистика углубляется во внутреннія дѣйствія Духа Божія на духъ человѣческій и въ отношенія духа человѣческаго къ Богу: она витаетъ въ глубинѣ духа. Она не можетъ быть *приведена въ строгую науку*, а состоитъ изъ замѣчаній, духовныхъ опытовъ. *Христіанская дѣятельность не можетъ быть безъ мистики; ибо существо ея въ глубинѣ духа.* Аскетика стоитъ на противоположной сторонѣ, ибо занимается тѣломъ, а тѣло состоитъ въ противоположности съ духомъ, по своей грубости, косности, осязаемости, матеріальности. Духъ требуетъ оживленія, просвѣщенія; а тѣло—умерщвленія, обузданія, борьбы. Эта борьба для христіанина необходима. Практическое христіанство должно заимствовать изъ мистики и аскетики то, что *въ нихъ есть болѣе общаго.* Мистика имѣетъ предметомъ болѣе общее—опыты духовные, а предметъ аскетики болѣе частный. Надобно замѣтить, что аскетика и мистика въ чистомъ своемъ видѣ суть науки высокаго достоинства; но когда онѣ переходятъ за черту, то подлежатъ порицанію, особенно мистика. Переходя за черту, она дѣлается поэзіею духовною; мистики впадаютъ въ мечтанія духовныя; смотря на все чрезъ увеличительное стекло воображенія, они настраиваютъ себѣ цѣлый міръ идеаловъ, часто уродливыхъ. Многіе мистики-писатели страдаютъ этимъ недугомъ. Аскетика тоже подлежитъ многимъ злоупотребленіямъ. Подвижничество, конечно, нужно, ибо тѣло противоборствуетъ духу; но главное исходище жизни—духъ, сердце. Многія секты забываютъ это и ожидаютъ всего отъ обузданія тѣла, и потому простираютъ слишкомъ далеко разныя строгости къ нему, напр. посты, которые у нихъ нерѣдко оканчиваются смертью. Мистика имѣетъ предметомъ своимъ болѣе дѣятельную сторону, а аскетика—страдательную. Начало христіанской жизни въ Богѣ, а въ возращеніи и укрѣпленіи силъ ея человѣкъ дѣйствуетъ самъ, при содѣйствіи

конечно силы Божіей. На высшей степени развитія жизни духовной наиболѣе дѣйствій божественныхъ, и наименѣе человѣческихъ; хотя человѣкъ тогда дѣйствуетъ самъ, но чувствуетъ, что у него собственной дѣятельности мало. Аскеты занимаются подвигами матеріальными, и потому дѣлаютъ жизнь скучною, горькою. Здѣсь человѣкъ болѣе дѣйствуетъ самъ, и его дѣятельность—страдательно-производительная".

Это замѣчательная страница въ „нравственномъ богословіи" Иннокентія: здѣсь въ сжатомъ изложеніи даны богатство и глубина мыслей, изъ которыхъ отмѣтимъ наиболѣе важное.

1) Достойно, первѣе всего, примѣчанія сдѣланное архіеп. Иннокентіемъ разграниченіе между мистикой, какъ самою глубиною христіанской дѣятельности, откровеніемъ въ духѣ божественной духовности, и аскетикой, какъ техникой человѣческой самодѣятельности, которая относится къ мистикѣ приблизительно такъ же, какъ матеріальная техника къ творчеству въ искусствѣ. Отсюда слѣдуетъ второстепенное, служебное значеніе аскетики въ христіанской жизни [1]), причемъ аскетика, въ формѣ однообразной уставности, совершенно не объяснима изъ существа мистики. Обычно у насъ смѣшиваютъ мистику и аскетику—особенно тѣ, которые защищаютъ крайности аскетической жизни [2]).

---

[1]) *Основы христіанства,* т. III, стр. 93—107.

[2]) Архіеп. Антоній тоже рѣшительно различаетъ эти двѣ стороны дѣла, особенно въ статьѣ „о монашествѣ ученомъ" (т. II, стр. 416—427). „Какъ жизненный *принципъ*, монашество заключается въ томъ, чтобы ставить *единственною* цѣлью своей жизни созиданіе своего внутренняго человѣка" (=мистика по терминологіи архіеп. Иннокентія), и въ этомъ отношеніи „монашество не отличается отъ общехристіанскихъ обязанностей какъ нѣчто высшее ихъ, что невозможно (Мѳ. V, 48 относится ко всѣмъ христіанамъ)". Чрезвычайно важная мысль! Но исторически „монашеская жизнь *являлась* не какъ принципъ только и не какъ раскрытіе чисто субъективнаго психическаго процесса постепеннаго христіанскаго возрастанія человѣка, но и какъ извѣстный спеціализированный способъ *примѣненія* этого процесса къ жизни, какъ извѣстный опредѣленный индивидуальный и общественный *бытъ*. Раскрытіемъ и регламентаціей этого способа занимаются монастырскіе *уставы,* сохраняющіеся въ преданіи и писанные". Между тѣмъ „обѣты постриженія" нужно „разумѣть въ чисто моральномъ, а не регламентированномъ смыслѣ, гдѣ, напримѣръ, послушаніе разумѣется только

Даже понимающіе *существо* дѣла путаютъ терминологію: „Путь ко спасенію“ еп. Ѳеофана нужно было бы назвать краткимъ очеркомъ не аскетики, а мистики.

2) Архіеп. Иннокентій отличаетъ мистику критическую, что мы называемъ философіей христіанства, отъ мистики некритической, патологической.

3) Онъ говоритъ о важномъ богословскомъ, особенно нравственно-богословскомъ значеніи мистики, христіанской философіи. „Христіанская дѣятельность не можетъ быть безъ мистики“. Христіанская философія образуетъ самое главное условіе научнаго построенія нравственнаго богословія. Можно такъ сказать—у насъ нѣтъ научнаго нравственнаго богословія, потому что не была обработана критическая христіанская мистика. Важность христіанской философіи видна изъ того, что только въ формѣ критической мистики, въ формѣ философской обработки личнаго христіанства—возможно стройное христіанское міровоззрѣніе, объединяющее всѣ стороны христіанства и всю полноту жизни. Чтобы тамъ ни говорили, но въ своей глубочайшей сущности, обнимающей какъ всю длину христіанской жизни, начиная съ тайны духовнаго рожденія и кончая тайною загробнаго богообщенія, такъ и все многообразіе мірской жизни,—въ своей сущности „внутренняя христіанская жизнь сокровенна: здѣсь всякій идетъ одинъ, чѣмъ бы онъ ни былъ окруженъ“.

4) Христіанская мистика не можетъ быть приведена въ строгую науку, точнѣе сказать, въ практическую науку нравственнаго богословія. Въ послѣднюю христіанская мистика и аскетика должны войти со стороны того, что въ

старцу, нестяжаніе—въ смыслѣ отсутствія денежнаго имущества, отъ подвига дѣвства требуютъ—не говорить даже съ женщиной“. Но „въ чинѣ постриженія нѣтъ рѣчи объ обязательности извѣстнаго сложившагося бытового режима“.

Если бы всегда соблюдалось такое разграниченіе понятій, то этимъ мы избавили бы себя отъ многихъ богословскихъ споровъ и недоразумѣній. Къ сожалѣнію для пониманія этихъ различій требуются два, рѣдко сочетающихся, условія—личная духовная опытность и высокая образованность (=высшее богословское образованіе), тогда какъ ни практическое подвижничество безъ образованія (и еще хуже съ семинарскою полуобразованностью), ни отвлеченное раціоналистическое богословствованіе—для этого недостаточны.

нихъ есть болѣе общаго,—со стороны общаго вопроса о цѣли и смыслѣ жизни, гдѣ должно быть выяснено самое понятіе христіанской мистики, понятіе христіанской личности съ ея свободою. Здѣсь же можетъ найти мѣсто и все многообразіе аскетическихъ формъ, поскольку онѣ не претендуютъ на исключительное значеніе высшихъ формъ христіанства: личному дѣлу спасенія должна быть предоставлена свобода. Не одна критическая мистика важна для нравственнаго богословія, но и вся „аскетическая“ литература, какъ бы она ни была проста, навсегда сохранитъ не только свое назидательное значеніе, котораго не замѣнитъ никакое нравственное богословіе, но и свое значеніе, какъ матеріалъ для нравственнаго богословія. Однако все это не наука нравственнаго богословія [1]), имѣющая свой удѣльный вѣсъ, котораго, въ свою очередь, не можетъ замѣнить никакая назидательная письменность.

Въ область практической науки нравственнаго богословія мы вступаемъ тамъ, гдѣ оставляемъ субъективность (субъективизмъ) не только въ смыслѣ религіозно-психологической ненормальности и случайности, но и въ существенномъ смыслѣ христіанскаго мистицизма, и переходимъ къ *объективной церковности*. Вотъ настоящій предметъ практической науки нравственнаго богословія—церковность. Здѣсь и лежитъ различіе между назидательною православною литературою, „аскетическою“ письменностью, и между протестантскою, отвлеченно-раціоналистическою наукою, какъ бы ни казались онѣ иногда совпадающими. Православная мистика даетъ мѣсто церковности, а протестантизмъ, ограничивая науку нравственнаго богословія личною мистикою, свидѣтельствуетъ тѣмъ какъ о своей безцерковности, такъ и о своемъ раціонализмѣ. Его раціонализмъ въ надеждѣ „привести въ строгую науку“ христіанскую мистику, а вынуждается онъ къ этому отсутствіемъ церковности, какъ под-

---

[1]) „У насъ есть картины нравственныхъ подвиговъ, полныя своего рода художественности, есть своего рода священный эпосъ, писанный подъ вліяніемъ самаго живого, непосредственнаго чувства вѣры и благоговѣйнаго одушевленія, отличающійся безыскуственностью и самою цѣльною простотою—наши сказанія о жизни святыхъ. Ихъ любитъ нашъ народъ... Тѣмъ не менѣе это далеко не наука Нравственнаго богословія“. А. Х. (еп. Хрисанѳъ) въ Хр. Чт. 1868, ч. I, стр. 357—358.

линнаго предмета практической науки нравственнаго богословія.

Я выпишу нѣсколько весьма поучительныхъ строкъ изъ книги протопр. І. Л. Янышева.

„Предполагая говорить о нравственности вообще и въ частности о христіанской православной, мы, выходя только изъ самосознанія и самонаблюденія, вынуждены будемъ говорить только о личной, субъективной въ каждомъ изъ насъ нравственности. Изъ этой субъективности для насъ нѣтъ никакого выхода; но онъ и не нуженъ. Христіанская истина такъ же широка, глубока и неизслѣдима, какъ неизслѣдимы глубины ума Божія, виновника этой истины. Каждый изъ насъ усвояетъ эту истину по мѣрѣ полученнаго имъ отъ Бога дара Духа Святаго, который въ свою очередь сообразуется съ индивидуальными особенностями каждаго. Болѣе и болѣе усвоять себѣ эту истину чувствомъ и волею и уяснять разумомъ составляетъ задачу какъ каждаго христіанина неученаго или ученаго, такъ и цѣлой церкви, какъ общества вѣрующихъ. Вселенская церковь, обладая всею истиною всегда, не можетъ однакоже сказать, чтобы уже успѣла уяснить и опредѣлить ее для сознанія вѣрующихъ всесторонне и навсегда. *Изслѣдуйте писаніе*—составляетъ задачу каждаго въ отдѣльности и всѣхъ вмѣстѣ призванныхъ къ вѣрѣ во Христа, разрѣшимую вполнѣ только съ разрѣшеніемъ всей задачи существованія христіанства на землѣ. Субъективизмъ и притомъ христіанскій не только неизбѣженъ, но и обязателенъ для нашей науки. Но чтобы этотъ обязательный субъективизмъ не извратился въ личный произволъ, способный въ своихъ внутреннихъ движеніяхъ воли и чувства, зависящихъ быть можетъ вовсе не отъ духа Христова, видѣть откровеніе божественной истины или наоборотъ то, что въ немъ есть отъ Духа Божія, приписать своей собственной природѣ,— для этого наша наука достовѣрность каждаго факта самосознанія и самонаблюденія или каждую философскую нравственную истину должна подтвердить объективнымъ, самою же церковію даннымъ намъ, авторитетомъ, именно: свидѣтельствомъ положительнаго откровенія, заключающагося какъ въ священномъ Писаніи, такъ и въ священномъ Преданіи“ [1]).

[1]) *Православно-христіанское ученіе о нравственности,* 2 изд., стр. 20—21.

Съ этими мыслями вполнѣ можно согласиться—и съ мыслью о неизбѣжномъ и обязательномъ для нашей науки христіанскомъ субъективизмѣ и съ мыслью о необходимости ограничивать его объективнымъ Писаніемъ и преданіемъ. Христіанская мистика есть переживаніе каждымъ христіаниномъ духовной жизни Христа — родоначальника христіанской жизни. Иначе, безъ этой связи со Христомъ, мы имѣли бы дѣло не съ христіанской мистикой, не съ религіозной философіей христіанства, а съ свѣтской философіей или съ языческой мистикой. Если бы, сверхъ того, христіанская мистика не двигалась въ томъ руслѣ, которое очерчивается каноническимъ писаніемъ и православнымъ преданіемъ, въ тѣхъ рамкахъ, которыя обозначаются церковно-православнымъ догматомъ, то наша христіанская философія не была бы православною. Это—первое предположеніе христіанской мистики, столь же необходимо подразумѣвающееся, какъ русскій языкъ съ его богатствами и съ его границами служитъ первымъ предположеніемъ русскаго писателя. Однако это первое ограниченіе христіанскаго субъективизма не есть послѣднее. И въ этихъ границахъ вполнѣ сохраняется христіанскій субъективизмъ, такъ какъ всякая формула, рѣшительно сохраняемая христіанскимъ мистикомъ, оставляетъ просторъ для субъективнаго пониманія, поскольку дѣло касается личныхъ переживаній, личнаго опыта. Указанная, догматическая, граница не даетъ, такимъ образомъ, той объективности, которая необходима для практической науки нравственнаго богословія: эта объективность, какъ мы сказали, дается церковностью. Принципъ христіанской мистики есть принципъ христіанской философіи; принципъ церковности — это принципъ науки нравственнаго богословія.

VII.

„У насъ всегда было много благочестивыхъ людей, но не было благочестиваго общества, благочестивой общей жизни“ [1]).

Создать благочестивое христіанское общество—на основѣ дѣйствительныхъ силъ христіанства—такова задача нрав-

[1]) Еп. Антонія *Полное собраніе сочиненій,* т. II, стр. 118.

ственнаго богословія, задача, достаточно опредѣленная и самобытная и достаточно важная, чтобы быть объектомъ особой богословской науки.

„Лично-христіанская абсолютность, свободно сочетаясь со всякимъ видомъ природнаго уничиженія и со всякою формою историческаго развитія, не является ни природной, ни исторической силой. Напротивъ, въ формѣ церкви христіанство пріобрѣтаетъ природное и историческое значеніе, становится культурной силой. Личное христіанство и церковь соприкасаются въ религіозно-этическомъ основаніи церкви и расходятся въ культурно-исторической области. Съ культурно-исторической точки зрѣнія церковь важнѣе личнаго христіанства, съ существенно-религіозной — наоборотъ".

„Церковь есть нравственный союзъ христіанъ: таково современное призваніе Церкви, таковы современные запросы, обращенные къ церкви со стороны христіанина. Въ ней хотятъ видѣть царство Духа, въ которомъ христіане взаимно согрѣвались бы, нравственную организацію, въ которой могли бы укрѣпляться своими корнями небесные идеалы. Что христіанство есть внутренняя духовность, въ этомъ первый абсолютъ, не допускающій на себя посягательствъ: христіанинъ никогда не можетъ обратиться въ простую ариѳметическую единицу, въ простой номеръ метрической книги. Но христіанамъ, при всей неприкосновенности ихъ внутренней абсолютности, необходимо соединяться между собою въ одну организацію, собираться во имя Христа, дабы христіанство не было субъективною мечтою, а было объективною историческою силою. Летурно, въ своей книгѣ L'évolution de la morale, характеризуя разныя фазы въ историческомъ развитіи нравственности—нравственность животную, нравственность дикихъ, нравственность варварскую и нравственность (современную) меркантильную, говоритъ, что онъ при этомъ не принималъ во вниманіе отдѣльныхъ лицъ, возвышающихся въ нравственномъ отношеніи надъ уровнемъ своего времени и своего народа: эти лица—аномаліи, подобныя случайнымъ уклоненіямъ въ царствѣ животныхъ, это—слабое меньшинство, которымъ можно пренебречь. Такъ вотъ, чтобы христіанство не было такою, не заслуживающею вниманія, величиною, оно должно быть орга-

низованною силою, съ которою пришлось бы считаться дѣлателямъ исторіи“ [1]).

Съ мыслью о важномъ значеніи церковности, какъ нравственной организаціи, какъ благочестиваго общества, никто не будетъ спорить; также безспорно, что ни одна изъ богословскихъ дисциплинъ не ставитъ церковности своимъ объектомъ, между тѣмъ какъ это предметъ, который можно обсуждать научно. И указывая въ церковности принципъ нравственнаго богословіи, мы *впервые закладываемъ фундаментъ науки православнаго нравственнаго богословія.*

Если мы просмотримъ ту часть нашихъ системъ нравственнаго богословія, которая трактуетъ о христіанскихъ началахъ общественной жизни, то мы безъ труда замѣтимъ, что эта часть особенно страдаетъ крайнею безсодержательностью и абсолютною безцѣльностью, слѣдовательно—окончательною безсмысленностью.

Здѣсь мы можемъ читать [2]): „Христіанское государство обязано выяснить своимъ членамъ общія требованія общественной жизни, развивающіяся изъ нравственности и опредѣленныя историческими отношеніями народа“. „Законодательство должно быть согласовано съ духомъ христіанства; оно должно брать изъ христіанства свое содержаніе“. Есть ли хоть какой-нибудь смыслъ въ этихъ *обязано, должно*? Когда государство говоритъ своимъ гражданамъ: „долженъ“, то за этими предписаніями стоитъ полицейская сила государства. Когда граждане говорятъ государству: „должно“, то они этимъ заявляютъ свои права, которыя будутъ защищать или законнымъ парламентскимъ путемъ или революціей. Когда Кантъ предписываетъ: „дѣйствуй по такому правилу, которое могло бы быть всеобщимъ закономъ“, то онъ исходитъ изъ неотразимой логической силы практическаго разума, т. е. въ правило онъ возводитъ лишь то, что не отдѣлимо отъ самого существа личнаго разума. Фулье строитъ этику на идеяхъ-силахъ. Контъ, Марксъ,

---

[1]) *Основы христіанства,* т. III, стр. 130—131; *Одинокіе* (Христіан. 1907, фев. стр. 312—313).

[2]) И. Пятницкаго *Опытъ православнаго нравственнаго богословія,* стр. 318. Въ данномъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, я называю какой-нибудь учебникъ не для того, чтобы выдѣлить его изъ другихъ, но какъ примѣръ, по которому можно судить и объ остальныхъ.

Энгельсъ, Каутскій выводятъ нравственность изъ историко-соціологическихъ законовъ. Штирнеръ, Ницше опираются на познаніе человѣческой природы... Но какой же смыслъ въ томъ, что какіе-то г.г. Пятницкіе, Покровскіе, Халколиваны, Ѳаворовы учатъ семинаристовъ: „государство должно". Не есть ли это крайній предѣлъ нелѣпости? не достигаетъ ли здѣсь человѣческое безсмысліе ужасающихъ предѣловъ?

Всякіе учебники могутъ быть плохи—и по исторіи, и по зоологіи, и по математикѣ, поскольку они не стоятъ на высотѣ современной науки. Но въ наукѣ нравственнаго богословія мы встрѣчаемся съ принципіальнымъ безсмысліемъ, которое не можетъ быть поставлено въ личную вину г.г. Пятницкимъ, Покровскимъ, Халколивановымъ, Ѳаворовымъ, но которое вытекаетъ изъ самаго существа программы, изъ самой невозможности научно-богословскаго обсужденія предметовъ, которые ею указываются.

Эта часть нравственно-богословскихъ учебниковъ построяется по схемѣ христіанскаго православно-нравственнаго ученія объ общественности, или ученія о христіанско-православной общественности—о семьѣ, государствѣ (и церкви). Но именно такое ученіе и немыслимо.

На природу и міръ христіанство дѣйствуетъ прежде всего благодатью. Насколько для христіанскаго міровоззрѣнія существенна эта сторона религіознаго дѣйствія на природу и міръ, объ этомъ мы не будемъ въ данномъ мѣстѣ говорить лишь потому, что это слишкомъ общеизвѣстно изъ догматики, и потому, что я достаточно высказался объ этомъ въ своей системѣ [1]). Мы лишь должны вспомнить, что это дѣйствіе благодати невидимо, что оно скажется лишь въ концѣ временъ, что оно не затрогиваетъ законовъ природно-исторической жизни [2]). Задачи нравственнаго богословія лежатъ въ сторонѣ отъ этого дѣйствія благодати.

Затѣмъ, христіанинъ, по существу своей духовной жизни, неизбѣжно вступаетъ въ природно-историческую жизнь безъ той нравственной грязи, которая къ ней прилипаетъ внѣ христіанства: естественная жизнь христіанина можетъ

---

[1]) *Основы христіанства,* т. III, стр. 128 слѣд.

[2]) *Основы христіанства,* т. II, стр. 189. 355; т. III, 284.

быть только цѣломудренною, съ евангельскимъ духомъ безусловно непримиримо дикое распутство, несдержанное метаніе похотливыхъ взгляцовъ на всякую мимоходящую женщину [1]), предъ идеей абсолютнаго неба земля есть только царство *цѣломудренной* природы, предъ бездною неба человѣческое--есть только *нравственно*-человѣческое [2]). Это порождаетъ сферу личнаго аскетизма [3]) и даетъ широкую возможность проповѣдническаго воздѣйствія на жизнь, возможность краснорѣчивыхъ наставленій супругамъ, родителямъ, дѣтямъ, господамъ, слугамъ, правителямъ, судьямъ... Образцы такихъ наставленій мы найдемъ уже у апостоловъ. Въ борьбѣ съ лично-сознательною безнравственностью христіанство представляетъ изъ себя незамѣнимую воспитательную силу. Но область этого педагогическо-проповѣдническаго дѣйствія на жизнь не есть область *науки* нравственнаго богословія.

Между сокровенною метафизически-благодатною сферою и лично-сознательною сферою нравственнаго очищенія, личнаго аскетизма, лежитъ третья сфера жизни—природно-историческихъ законовъ, природно-общественныхъ формъ: эта сфера жизни не измѣняется въ своей видимости метафизически-благодатнымъ дѣйствіемъ и не затрогивается въ своей сущности личнымъ аскетизмомъ. Нравственно-богословское *ученіе* объ общественности, о семьѣ и государствѣ, было бы возможно только въ томъ случаѣ, если бы христіанство имѣло для этой сферы свою идею и создавало для нея свой бытъ, если бы нравственное богословіе исходило изъ специфически-христіанской идеи семьи и государства и устремлялось къ созданію христіанскаго семейно-государственнаго быта.

Но христіанской идеи семьи и государства нѣтъ, и христіанскій семейно-государственный бытъ невозможенъ.

Въ этомъ вопросѣ мы больше всего должны избѣгать пустословія, реторическихъ и елейныхъ фразъ: нужна точность и опредѣленность.

Останавливаясь въ частности на бракѣ, мы спрашиваемъ:

---

[1]) *Основы христіанства,* т. II, стр. 210.
[2]) *Основы христіанства,* т. IV, стр. 175.
[3]) *Основы христіанства,* т. III, стр. 93—107.

существуетъ ли христіанская идея (формула, опредѣленіе) брака? Оказывается, что въ евангеліи нѣтъ закона брачной жизни [1]), а церковно-правовымъ сознаніемъ усвоена природно-культурная формула, составленная языческимъ юристомъ Модестиномъ,—усвоена въ качествѣ наилучшей формулы, вполнѣ отвѣчающей запросамъ христіанской совѣсти [2]). Кто хочетъ говорить о христіанскомъ бракѣ, для того этотъ фактъ оказывается непреодолимымъ затрудненіемъ. Христіанской идеи брака, помимо природно-культурной, не существуетъ [3]).

Не имѣя своей идеи брака, христіанство не производитъ и своего брачнаго быта. Оно прилагается къ браку съ своей аскетической стороны, со стороны ограниченій и прещеній, но никакъ не съ положительной стороны повелѣній и поощреній. Развѣ въ христіанствѣ есть что-либо подобное ветхозавѣтному повелѣнію, чтобы молодоженъ „увеселялъ жену свою, которую взялъ“, ветхозавѣтному закону, что „деверь долженъ войти къ бездѣтной вдовѣ брата, взять ее себѣ въ жену и жить съ нею“, что рабыня „пищи, одежды и супружескаго сожитія не должна лишаться“, и особенно закону о субботѣ? Ничего подобнаго, ничего, кромѣ ограниченій и прещеній. А изъ ограниченій и прещеній быта не получится.

Такъ какъ нѣтъ христіанской идеи брака и не можетъ быть христіанскаго брачнаго быта, то наука нравственнаго богословія не можетъ имѣть брака и брачной жизни своимъ объектомъ. Помимо ненаучнаго изложенія проповѣдническихъ наставленій, она можетъ лишь нескладно повторять то, что всесильно проповѣдуется природою и что умѣщается въ языческую формулу брака. „Христіанскихъ супруговъ соединяетъ горячая и преданная любовь другъ къ другу“: а языческихъ? „Христіанскій мужъ относится къ своей женѣ съ полнымъ уваженіемъ“: а языческій? Вотъ

---

[1]) *Основы христіанства,* т. II, стр. 206—211.

[2]) Вотъ эта (старинная и строго каноническая) формула: Nuptiae sunt conjunctio maris et feminae et consortium omnis vitae, divini et humani juris communicatio.

[3]) *Позднѣйшая схоластическая* формула брака ничего въ нашемъ вопросѣ не измѣняетъ уже потому, что она добавляетъ новый моментъ „тайны“, ничего не отмѣняющій въ той природно-культурной формулѣ.

истины, которыя въ научномъ отношеніи „не стоятъ мѣднаго гроша“, и при всемъ томъ эта дешевая мораль никогда не проникнетъ до сути брачныхъ отношеній, законъ которыхъ вложенъ въ самую природу.

То же нужно сказать и о государствѣ: нѣтъ христіанской идеи государства и не можетъ быть христіанскаго государственнаго быта.

Нѣтъ христіанской семейно-государственной общественности,—и нравственное богословіе, ставя своимъ предметомъ такую общественность, бьетъ по пустому воздуху.

И въ томъ еще большая бѣда, что, становясь на точку зрѣнія мнимыхъ христіанскихъ началъ общественной жизни, нравственное богословіе заранѣе лишаетъ себя возможности представить въ полномъ освѣщеніи церковность. Въ этомъ случаѣ церковь разсматривается какъ одно изъ обществъ. „Кромѣ мірскихъ обществъ, существуетъ на землѣ общество духовное—церковь“ [1]). Совершенно протестантская точка зрѣнія [2])! Этой низкой оцѣнкѣ церковности соотвѣтствуютъ ничтожные размѣры (въ 5—6 страницъ) [3]) и ничтожное содержаніе отдѣла системъ нравственнаго богословія о церкви. Здѣсь мы найдемъ два слова изъ догматическаго ученія о церкви, два слова объ отношеніи церкви къ государству и нѣсколько, не имѣющихъ никакой цѣны, заповѣдей: „христіанинъ долженъ сознавать себя членомъ церкви“, „христіанинъ обязанъ участвовать въ общемъ богослуженіи“ [4]).. До невѣроятности жалкія рѣчи [5])! О цер-

---

[1]) О. Ѳаворова *О христіанской нравственности,* стр. 126. Буквально повторяется у Пятницкаго стр. 336.

[2]) См. напр. Dorner *System der christlichen Sittenlehre,* Lemme *Christliche Ethik;* Мартенсена *Христіанское ученіе о нравственности* и др.

[3]) У проф. М. Олесницкаго *Изъ системы христіанскаго нравоученія* отдѣлъ о церкви изложенъ на 9 страницахъ изъ 485.

[4]) У прот. Ѳаворова *О христіанской нравственности.* У него же въ *Очеркахъ нр. пр.-хр. ученія* отдѣлъ такъ и обозначается: „обязанности къ церкви“.

[5]) Если и попадаются болѣе содержательныя страницы о церкви и преимущественно о таинствахъ (и обрядахъ), то и здѣсь церковь „разсматривается со стороны благодатныхъ дѣйствій ея, оказывающихъ извѣстное вліяніе какъ вообще на природу человѣка, такъ и въ частности и на свободную волю его, и со стороны тѣхъ душевныхъ проявленій человѣка, какія дѣлаютъ его способнымъ къ принятію и усвоенію этихъ благодатныхъ дѣйствій“ (Н. П. Архангельскій, 188—189), т. е.

ковности, какъ нравственной организаціи, ни въ одной системѣ ни слова.

VIII.

Церковь тѣмъ отличается отъ всѣхъ общественныхъ союзовъ, что христіанство имѣетъ *свою* идею церкви и можетъ породить своеобразный церковный бытъ.

Идея церкви какъ *общества* (вѣрующихъ во Христа), во-первыхъ, безусловно *универсальнаго*, поскольку богосыновство не знаетъ никакихъ природныхъ и національныхъ границъ, и, во-вторыхъ, совершенно *духовнаго* (діаметрально противоположнаго духу мірскихъ царствъ) какъ во внутреннихъ отношеніяхъ, такъ и во внѣшнихъ [1])—это есть специфическая идея христіанства, которой не имѣли ни іудейство, ни язычество.

Необходимость и важность церковной жизни вытекаетъ изъ реальныхъ началъ христіанскаго опыта, изъ самаго существа христіанства. „Христіанинъ можетъ истинно жить духовною жизнью только въ обществѣ христіанъ, какъ и человѣческою жизнью онъ можетъ жить только въ человѣческомъ обществѣ. Христіане между собою составляютъ нѣкую златую цѣпь, каждый христіанинъ—особое звено въ этой цѣпи, соединяющееся съ другими посредствомъ вѣры, добрыхъ дѣлъ и любви. Христіанинъ живетъ только жизнью Христа, но это общеніе со Христомъ утверждается и становится реальною силою для христіанъ лишь чрезъ ихъ взаимное общеніе, въ церкви Христовой. По употребительному сравненію, Христосъ—центръ, мы—радіусы. Не можемъ мы ни между собою истинно соединяться, не приближаясь къ центру, ни соединяться съ центромъ, не сближаясь между собою. Церковь, такимъ образомъ, имѣетъ религіозно-этическій генезисъ; ея зародышъ въ личной сущности христіанства, въ лично-мистическихъ глубинахъ“ [2])...

Церковность есть не только специфическая христіанская

со стороны догматической (метафизически-благодатной) и со стороны лично-мистической, не составляющихъ собственной области нравственнаго богословія. Ср. Еп. Ѳеофана *Письма*. Имѣются на ту же тему нѣсколько журнальныхъ статей.

[1]) *Основы христіанства* т. II, 349—350.

[2]) *Основы христіанства* т. III, 128—129.

идея, но въ отношеніи къ ней болѣе всего расходятся между собою православіе, католичество и протестантство.

Смотря на церковность, какъ на главный предметъ нравственнаго богословія, мы ближе всего, повидимому, подходимъ къ католичеству. Раскроемъ недавно изданную и научно-апологетически изложенную, какъ ein Wegweiser in den Grundfragen des sittlichen Lebens für alle Gebildeten, нравственно-богословскую систему В. Катрейна [1]): здѣсь центральную часть составляетъ отдѣлъ о церкви. Такъ неизбѣжно должно быть съ католической точки зрѣнія. Однако католическое нравственное богословіе слишкомъ далеко стоитъ отъ православнаго. Здѣсь дѣло въ самой сущности католичества, въ самомъ взглядѣ католичества на церковь. Католичество кладетъ въ основу церковной жизни *власть* и юридическій строй: это со стороны внутренней. Католичество хочетъ *овладѣть* и всѣмъ міромъ, забравъ въ свои руки всѣ стороны естественной жизни, создать для нея христіанскія *формы*—христіанское государство, христіанскій бракъ [2]). Въ католичествѣ нѣтъ мѣста свободно-естественному развитію и свободно-христіанской личности,—католичество, поэтому, не знаетъ христіанской церковности, какъ союза лицъ возрожденныхъ, съ абсолютною цѣнностью и духовною свободою. „Значеніе церковности для учениковъ евангелія вытекаетъ изъ реальныхъ началъ евангельскаго опыта, которымъ опредѣляется производная цѣнность церковной жизни. Подлинно и неотъемлемо евангельское благо принадлежитъ возрожденной личности; оно не можетъ реализоваться безъ свободнаго творчества духа; для его абсолютныхъ требованій единственная и незамѣнимая область примѣненія въ свободной личной энергіи. Поэтому духовнорожденная личность составляетъ съ евангельской точки зрѣнія несравнимую, безподобную цѣнность. Напротивъ, абсолютность евангельской жизни не можетъ выразиться ни въ какихъ учрежденіяхъ, ни въ какомъ внѣшнемъ строѣ, ни въ какой общественной формѣ, которая неизбѣжно бываетъ условною, ограниченною. Поэтому для носителей евангельской жизни церковность не имѣетъ значенія

---

[1]) *Die katholische Moral* von V. Cathrein S. J. Freiburg im Breisgau. 1907.

[2]) *Основы христіанства,* т. III, 298—311; т. IV, 38—39.

самоцѣннаго общественнаго строя. Вопросъ въ томъ, *что* прежде въ христіанской церкви—духовная жизнь ея членовъ, слагающихся въ общество, или общественный строй, какъ производитель христіанскихъ душъ. Съ евангельской точки зрѣнія на этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ отвѣтъ: въ христіанствѣ основная реальность и незамѣнимая цѣнность принадлежитъ индивидуальному духу, а христіанская церковь есть соединеніе вѣрующихъ въ общество, стадо учениковъ Христовыхъ. Въ отношеніи къ вѣрующимъ церковь имѣетъ значеніе не производящее, а производное. Не отъ церкви вѣрующіе, а изъ вѣрующихъ церковь. Въ церковной сферѣ элементы цѣннѣе и важнѣе объединяющей ихъ общественной формы. Въ церкви, какъ въ царствѣ абсолютныхъ личностей, не можетъ быть жертвы духовнымъ благомъ каждаго и ограниченія духовной свободы личностей для процвѣтанія общественнаго строя. Не вѣрующіе для церкви, а церковь для вѣрующихъ“ [1]). Такова

---

[1]) Основы христіанства, т. II, стр. 347—348. Ср. проф. Н. Н. Глубоковскаго *Благовѣстіе св. апостола Павла по его происхожденію и существу,* книга первая, стр. 443—444: „Въ нашемъ спасеніи идея церкви будетъ въ извѣстной степени вторичною, поскольку въ ней указывается уже дальнѣйшій его результатъ въ фактическомъ облагодатствованіи многихъ чрезъ Искупителя. Онъ доставляетъ намъ правду и освященіе и проникаетъ каждаго вѣрующаго съ равною энергіей. Христіанинъ бываетъ лишь воспріемникомъ и органомъ ея дѣйствія, которое во всѣхъ одинаково. Необходимый исходъ понятенъ самъ собою, и достаточно лишь констатировать его. Всѣ христіане объединяются въ Господѣ и въ Немъ связуются до неразрывности по силѣ воплощенія Его духа. Въ этомъ смыслѣ они образуютъ не внѣшній союзъ, а составляютъ органическое цѣлое, гдѣ въ разныхъ положеніяхъ частныхъ членовъ обнаруживается общая функціонирующая стихія благодати Христовой. Не удивительно, что апостолъ языковъ столь часто и опредѣленно называетъ церковь тѣломъ Христовымъ. Но оно не внѣ вѣрующихъ и не независимо отъ нихъ, почему нимало не выражаетъ его объективной наличности помимо отдѣльныхъ лицъ, которыя прививались бы къ нему, какъ заранѣе данному. Напротивъ, сами они слагаются въ живой храмъ одухотвореннаго организма, потому что сплачиваются во Христѣ до нерасторжимости. Наименованіе тѣла Христова есть наиболѣе вѣрная *аналогическая* характеристика *фактическаго* строя церкви, объемлющей собою все общество спасаемыхъ,—по его историческому происхожденію и по свойству внутренняго развитія. Христіане находятся между собою въ органическомъ взаимоотношеніи, и оно отмѣчаетъ только ихъ дѣйствительное соче-

библейская точка зрѣнія. Нравственное богословіе не должно имѣть претензіи быть первою, самою главною среди богословскихъ наукъ,—оно имѣетъ предметомъ производную реальность въ христіанствѣ. Переходя отъ христіанской мистики къ нравственному богословію, мы прежде всего должны держать въ умѣ глубину христіанской мистики, прежде всего должны знать, что христіанская церковь обнимаетъ абсолютныхъ личностей, что она, соединяя ихъ, не ограничиваетъ ихъ абсолютности, а восполняетъ ихъ жизнь, что она возникаетъ изъ реальныхъ началъ личнаго христіанства. Значеніе нравственнаго богословія, какъ науки о церковности, основывается не на забвеніи объ истинѣ христіанской личности, а на переходѣ отъ мистической къ иной точкѣ зрѣнія—культурно-исторической, нравственно-общественной, нравственно-объективной. Это новозавѣтное воззрѣніе сохраняется въ православіи, въ православной

таніе. Неоспоримо, что послѣднее должно имѣть особую причину для своей реальной качественности и находитъ ее въ сыновствѣ Богу, когда мы въ Сынѣ Божіемъ дѣлаемся братьями съ тожественными свойствами свободы. Въ этомъ случаѣ понятіе тѣла Христова до точности покрывается братствомъ христіанскимъ и въ свою очередь будетъ захватывать новый и производный моментъ благодатнаго спасенія. И опять очевидно, что оно—принципіально—возникаетъ въ насъ не чрезъ сопричисленіе къ царству Христову въ церкви, потому что въ мірѣ она сама бываетъ фактически уже послѣ индивидуальнаго освященія многихъ". Ср. также протопр. І. Л. Янышева *Православно-христіанское ученіе о нравственности,* 2 изд., стр. XI: „Сущность нормально-нравственной жизни, ея на землѣ относительное совершенство и блаженство—во всякомъ случаѣ не во внѣшнихъ обнаруженіяхъ, а въ одушевляющемъ ихъ внутреннемъ духовномъ строѣ. Достоинство внѣшнихъ формъ, чего бы онѣ ни касались, церковной ли жизни или формъ индивидуальнаго быта, общественнаго и государственнаго устройства, всегда и вездѣ условно". Впрочемъ, послѣднія строки требуютъ нѣкотораго ограниченія.—Архіеп. Антоній Волынскій какъ будто говоритъ иное, когда (въ своей статьѣ *Нравственная идея догмата Церкви*) опредѣляетъ Церковь, какъ „возстановленное Христомъ единство естества вѣрующаго человѣчества", однако и по его мнѣнію „внѣдреніе новой природы (благодати) въ душу каждаго христіанина происходитъ не столь непосредственно, какъ развитіе человѣческой личности невиннаго Адама на почвѣ человѣческой природы, но прежде всего чрезъ *сознательное* усвоеніе жизни Христовой или *христіанства*" (IV,175—176).

церковности, какъ обществѣ съ соборнымъ внутреннимъ строемъ и съ чисто духовными внѣшними отношеніями.

Католичество не знаетъ истинной церковности, потому что не признаетъ лично-духовнаго, мистическаго начала церкви. Въ протестантствѣ лично-христіанская свобода полагается краеугольнымъ камнемъ. Однако и въ протестантствѣ нѣтъ истинной церковности: оно понимаетъ христіанскую личность какъ самозамкнутую единицу, понимаетъ духовно-личную жизнь въ смыслѣ мистически-пассивнаго, интеллектуалистическаго *настроенія*, отъ котораго нѣтъ перехода къ дѣятельной церковности съ чисто духовными внѣшними отношеніями, но неизбѣженъ уклонъ къ интеллектуалистической отвлеченности, раціонализму, къ сектантскому мистицизму и къ государственно-національстическому строю церкви [1]).

Православіе, не какъ византійское или наше „московское", „истинно-русское" христіанство, а какъ вѣрность новозавѣтной идеѣ, православіе, несмотря на всѣ попытки сдвинуть его или къ католическому абсолютизму церковной власти, простирающейся и на христіанскія личности и на общественныя формы жизни, или къ протестантскому сектантски-замкнутому мистицизму настроенія и церковному національзму,—православіе есть сфера истинной церковности, какъ универсальной общественности духовно-свободныхъ личностей съ соборнымъ внутреннимъ строемъ и съ духовными внѣшними отношеніями.

Мы имѣемъ христіанскую идею церкви. Вмѣстѣ съ тѣмъ христіанство имѣетъ всѣ данныя, чтобы создать церковный бытъ. Онъ и существуетъ, но лишь въ чертахъ внѣшняго остова, костяка, въ видѣ церковно-административнаго строя, общественно-богослужебнаго устава, пастырско-приходскихъ порядковъ, но почти не существуетъ въ видѣ „благочестиваго общества, благочестивой общей жизни", которая одухотворила бы этотъ костякъ, внесла бы жизнь въ этотъ остовъ,—въ видѣ нравственно-общественной, нравственно-культурной организаціи. Въ этомъ видѣ существовала первобытная церковь,—и эта церковная жизнь должна быть возстановлена. Именно въ послѣднее время поднятъ цѣлый

---

[1]) *Основы христіанства,* т. III, 309—315; т. IV, 40—41.

рядъ относящихся сюда вопросовъ—о соборности въ административномъ строѣ, объ участіи мірянъ въ богослуженіи, объ оживленіи приходской жизни, о живой проповѣди, о церковно-общественной благотворительности, о внутренней миссіи, о христіанскихъ союзахъ, собраніяхъ и кружкахъ всякаго рода. Все это входитъ въ интересы науки нравственнаго богословія.

Впрочемъ здѣсь почти незамѣтно начинается область церковной публицистики съ ея текучимъ содержаніемъ, измѣняющимся по ходу жизни, но наука нравственнаго богословія стоитъ въ началѣ, во главѣ угла—этой публицистики: исходя изъ христіанской идеи церковности, изъ глубочайшихъ религіозныхъ началъ, она научно вырабатываетъ то основное понятіе церковнаго быта, которымъ должна руководиться серьезная церковная публицистика,—она стоитъ на границѣ между христіанской мистикой и между опытами живой церковной общественности и церковной публицистикой.

Нравственное богословіе близко соприкасается съ цѣлымъ рядомъ церковно-практическихъ дисциплинъ, съ подраздѣленіями практическаго богословія—съ гомилетикой, пастырскимъ богословіемъ, каноническимъ правомъ, литургикой: оно есть неизбѣжное звено между догматикой и всѣми этими богословско-практическими науками, оно необходимое введеніе къ послѣднимъ, даетъ имъ основныя мысли, служитъ для нихъ связующимъ исходнымъ центромъ [1]).

---

[1]) Отсюда легко видѣть, въ какія группы (по времени прохожденія въ академическомъ курсѣ) должны соединяться богословскія науки: священное писаніе (съ вспомогательными), патристика и церковная исторія—первая группа, къ которой должны быть отнесены и философскія науки; догматика и нравственное богословіе—центральная группа; гомилетика, пастырское богословіе, литургика, каноническое право—послѣдняя группа. Замѣчу кстати, что всѣ эти предметы должны проходиться въ первые три года, а на четвертый курсъ должны быть отнесены тѣ свѣтскіе предметы, которые не имѣютъ ближайшаго значенія для богословской науки и преподаются въ академіи исключительно по мотивамъ приготовленія преподавателей для семинаріи. У насъ на этотъ счетъ царитъ какой-то бюрократическій взглядъ: чѣмъ предметъ важнѣе, тѣмъ онъ долженъ преподаваться безусловно позднѣе и лицами наиболѣе высокаго сана. Такъ въ семинаріяхъ священное писаніе Новаго Завѣта преподается въ 5 классѣ инспекторомъ и въ 6 классѣ ректоромъ,—вслѣдствіе чего, во-первыхъ, семинарское

Неизмѣримое практическое значеніе церковности, какъ предмета науки нравственнаго богословія, обусловливается тѣмъ, что христіанство не измѣняетъ естественныхъ законовъ жизни, семейно-государственной жизни, не создаетъ семейнаго быта и не имѣетъ своей политики, вступаетъ въ эти области не церковно, а лично-религіозно, предоставляетъ имъ свободу естественнаго развитія по свойственнымъ имъ природно-историческимъ законамъ,—и вмѣстѣ съ тѣмъ христіанство можетъ быть примирено съ этими областями естественной жизни подъ условіемъ ихъ морализаціи. Христіанство вступаетъ въ міръ, кромѣ благодатнаго воздѣйствія, и какъ великая нравственная сила, съ высокими нравственными требованіями. Таковъ именно каждый христіанинъ въ своемъ отношеніи къ міру. Но это нравственное отношеніе христіанъ къ міру, чтобы быть общественно-историческою силою, должно быть усилено нравственною организаціею. И это единственный путь для практическаго христіанскаго разрѣшенія всѣхъ соціальныхъ вопросовъ. Успѣхами этой практики христіанское міровоззрѣніе, христіанская философія — не обусловливается, ибо для послѣдней достаточно одной возможности внутренняго лично-религіознаго отношенія ко всей соціальной дѣйствительности,—возможности, которой ничто никогда не измѣнитъ и не отмѣнитъ. Но другое дѣло практическое христіанское разрѣшеніе соціальныхъ задачъ, которое должно быть успѣшнымъ, а можетъ быть успѣшнымъ лишь подъ условіемъ нравственной организаціи. Въ виду безусловности требованій личной христіанской мистики, вопросъ здѣсь въ томъ, чтобы доказанную исторіей безуспѣшность церковнаго отношенія къ соціальнымъ вопросамъ въ смыслѣ власти церкви надъ мірскою жизнью, замѣны естественныхъ формъ жизни мнимыми специфически-христіанскими, юридическаго вмѣшательства въ семейный бытъ, церковной политики,—замѣнить церковностью какъ нравственною организаціей съ чисто духовными

образованіе не имѣетъ новозавѣтно-библейскаго характера и, во-вторыхъ, священное Писаніе преподается прескверно. И въ академіяхъ студенты, когда опредѣляются научные вкусы и предрѣшается выборъ кандидатскихъ работъ, напитываются всякими литературами и исторіями, а основные богословскіе предметы относятся на четвертый курсъ, когда студенты интересуются уже избранными спеціальностями.

отношеніями къ семьѣ и государству, ко всякимъ естественнымъ формамъ мірской жизни. Вопросъ не въ томъ, чтобы выработать мнимыя новыя религіозныя формы общественности, сдѣлать данную природно-общественную дѣйствительность христіанскою въ самыхъ ея формахъ, а въ томъ, чтобы создать новую общественную силу, исключительно нравственную, особый церковный бытъ. Выраженія „христіанская общественность", „церковное отношеніе къ міру" можно совершенно отвергать въ одномъ смыслѣ и принимать въ другомъ. Мы ихъ отвергаемъ въ смыслѣ замѣны естественныхъ формъ жизни мнимо-новыми религіозными, въ смыслѣ насильственнаго религіознаго преобразованія ихъ, въ смыслѣ власти церкви надъ ними, какъ это проявилось наиболѣе ярко въ католичествѣ, но мы принимаемъ ихъ въ смыслѣ созданія особой церковной общественности, какъ христіанско-нравственной организаціи, которая входила бы въ исторію, врѣзывалась бы въ соціальную дѣйствительность—*единственно фактическою нравственною силою.* Вопросъ въ томъ, чтобы христіанскую нравственность, путемъ специфической церковной организаціи, сдѣлать соціально-историческою силою, придать этимъ путемъ голосу христіанской нравственности общественное значеніе, сдѣлать такимъ образомъ христіанство вліятельною общественною силою. Семейно-государственное законодательство должно свободно развиваться своимъ естественнымъ ходомъ, но должно и единственно указаннымъ путемъ можно христіански воспитывать семью и морализировать государственно-общественную жизнь. Церковность должна стать посредницей между личной христіанской мистикой, личнохристіанскою свободою и между природно-историческою необходимостью, естественно-свободною эволюціей соціальныхъ формъ.

Указывая въ церковности главный предметъ нравственнаго богословія, мы становимся въ уровень съ современными условіями христіанской жизни. Историческая задача борьбы съ язычествомъ заставила христіанство, въ первый періодъ его исторіи, подойти къ жизни, къ самымъ ея формамъ семейно-государственнымъ, со стороны символически-аскетической. Такъ какъ всѣ формы мірской жизни осквернялись вѣрою въ языческихъ божествъ, безнравственною

въ своихъ проявленіяхъ, то церковь, имѣвшая своею главною задачею побѣду надъ язычествомъ, могла разрѣшить своимъ членамъ участіе въ формахъ мірской жизни подъ условіемъ христіанскаго ихъ освященія, т. е. отверженія соединенныхъ съ ними языческихъ вѣрованій; ея историческою цѣлью было смѣнить языческое государство христіанскимъ и языческую семью христіанскою, причемъ высшимъ идеаломъ считалось полное воздержаніе отъ участія въ формахъ мірской жизни. Но дѣйствительная побѣда христіанства надъ язычествомъ, полное освѣщеніе всей мірской жизни единымъ свѣтомъ христіанства и полное удаленіе всякой тѣни язычества, измѣняетъ церковно-историческое отношеніе къ формамъ мірской жизни: нынѣ уже нѣтъ языческихъ формъ жизни, нынѣ—единое царство Отца Небеснаго. Въ этомъ единомъ царствѣ Отца Небеснаго формы мірской жизни должны быть предоставлены богоустановленнымъ природно-историческимъ законамъ, и притязаніе на власть надъ этими формами отдѣляетъ католичество отъ православія. Однако это выдвигаетъ новую задачу предъ христіанской церковью—сдѣлать само христіанство соціальною природно-историческою силою путемъ нравственной организаціи. Это именно современная задача церкви.

Легко видѣть, почему мы въ качествѣ принципа нравственнаго богословія беремъ церковность, а не идею царства Божія. Идея царства Божія, не говоря уже объ ея новозавѣтной неустойчивости [1]), обычно понимается въ смыслѣ христіанскаго преобразованія общественности. А поскольку христіанское разрѣшеніе природно-историческихъ проблемъ оказывается невозможнымъ, примѣненіе въ нравственномъ богословіи идеи царства Божія ведетъ къ наполненію ея общимъ гуманистическимъ содержаніемъ [2]). Этотъ результатъ можно объявить неизбѣжнымъ, между тѣмъ идея церковности вводитъ въ самую сущность религіозно-общественной морали. Построенное по этой идеѣ нравственное богословіе должно сохранить свое значеніе и въ глазахъ пред-

---

[1]) *Основы христіанства,* II, 325 сл.

[2]) *Основы христіанства*, IV, 361. Мартенсенъ *Христіанское ученіе о нравственности,* т. II, (въ перев. Лопухина), стр. 748: „царство Божіе обнимаетъ всѣ формы царства человѣческаго“.

ставителей философской этики, которая на гуманистическую поддѣлку въ этикѣ богослововъ, на ихъ игру въ философію, смотритъ, въ случаяхъ крайняго снисхожденія, какъ на безполезное занятіе.

Бросимъ бѣглый взглядъ на весь рядъ современныхъ системъ философской этики. Раздѣлимъ ихъ на двѣ группы—системы идеалистическія и системы научной этики. Позднѣйшая идеалистическая философія свидѣтельствуетъ объ обратномъ воздѣйствіи христіанства на философію,—и въ существѣ дѣла представляетъ столь же печальную игру философіи въ христіанство, какъ и игра богослововъ въ философію. Какъ лучшимъ критикомъ философскаго богословія можетъ быть философъ, такъ и слабыя стороны позднѣйшей идеалистической философіи лучше всего видны богослову. Лучше живая религія, чѣмъ ея блѣдная тѣнь въ философіи; опытное переживаніе божественной жизни выше, чѣмъ философскія доказательства бытія Божія. Идеалистическая философія имѣетъ большую апологетическую цѣнность, но для религіознаго мыслителя она не представляетъ ни малѣйшаго интереса. Для него интереснѣе научное построеніе этики. Что же даютъ системы послѣдней? Спенсеръ, написавшій наиболѣе совершенную во всѣхъ отношеніяхъ научную этику, подходитъ къ нравственности съ общей эволюціонной точки зрѣнія и съ частныхъ точекъ зрѣнія—физической, біологической, психологической и самой высшей—соціологической. Въ этой схемѣ умѣстятся всѣ извѣстныя системы научной этики, если только мы добавимъ, что на послѣдней ступени научная этика разбивается на два русла—соціологическую и индивидуалистическую этику. Всѣ остальныя точки зрѣнія, если даже и окончательно останавливается на той или другой изъ нихъ какая-нибудь система этики,—суть предварительныя, ведущія къ соціологическому построенію. Если мы примемъ во вниманіе болѣе или менѣе безспорный фактъ, что научно-индивидуалистическая этика—этика Штирнера и Ницше—имѣетъ всѣ признаки курьеза [1]), то соціологическая этика (частнѣе, соціалистическая) есть

[1]) Иное дѣло этика мистико-индивидуалистическая, основа нравственности лично-религіозная, о чемъ не можетъ быть рѣчи въ „научной“ этикѣ.

самая типичная научная этика: научное построеніе этики и соціологическое построеніе этики можно отожествить. Это легко было бы подтвердить перечисленіемъ многихъ десятковъ позднѣйшихъ этическихъ сочиненій. Что же слѣдуетъ сказать о соціологической этикѣ со стороны успѣшности ея результатовъ? Всѣ данныя уполномочиваютъ заявить, что соціологическая мораль не рѣшаетъ своихъ задачъ. Возлагаетъ ли она свои надежды на государство, какъ на нравственную организацію уже въ настоящемъ видѣ или въ грядущемъ (соціалистическомъ) строѣ, опирается ли она на религію человѣчества, прибѣгаетъ ли къ культурнымъ стремленіямъ общества или къ національному генію, всегда ее постигаетъ трагическая судьба. Ея неизбѣжная трагедія въ томъ, что она въ мѣру своихъ соціологическихъ устремленій теряетъ личную цѣнность человѣка и упирается въ утилитарно-общежительный строй, всецѣло объясняющійся политико-экономическими причинами и ни мало не возвышающійся надъ мѣщанскими интересами текущаго дня, надъ запросами данной общественной группы [1]). Соціологическая мораль, научно построяемая, жертвуетъ въ пользу коллективнаго цѣлаго абсолютною цѣнностью личности, которая можетъ быть единственнымъ носителемъ нравственнаго блага, такъ какъ внѣ личности всѣ формы коллективнаго общежитія удобнѣе всего изъясняются историческими причинами. Разрывъ научной этики на коллективистическую и индивидуалистическую, при чемъ отъ одной къ другой нѣтъ никакого перехода, является наиболѣе характернымъ для научнаго построенія этики. Этотъ гордіевъ узелъ можно

---

[1]) Это, конечно, вопросъ, требующій продолжительнаго изслѣдованія. Нѣкоторыя попытки къ его рѣшенію см. въ моихъ статьяхъ: „Нравственная трагедія соціализма“ (Христіан. 1907 янв.), „Соціологическая мораль“ (Бог. Вѣстн. 1908 окт.), о Фейербахѣ и Контѣ (ib. 1909 №№ 1—3). Ср. „Трагедія религіи здраваго смысла (Отдыхъ христіанина 1909 янв.). Особенно интересно прослѣдить эволюцію философскихъ воззрѣній Гюйо: см. его *Irreligiозность будущаго,—Искусство съ точки зрѣнія соціологіи,—Воспитаніе и наслѣдственность (соціологическое изслѣдованіе)*. Изъ другихъ трудовъ здѣсь можно назвать G. Ratzenhofer *Positive Ethik*, Durkheim *La division du travail social, Les règles de la méthode sociologique*, Lévy-Bruhl *Morale et la science des moeurs*, Bergemann *Ethik as Kulturphilosophie*, A. Dumont *La morale basée sur la démographie*, Вундтъ, Паульсенъ, Менгеръ, Каутскій и т. д.

разрубить, если этотъ разрывъ, остающійся для научной этики эмпирическою борьбою между индивидуумомъ и обществомъ, безконечно углубить, если дойти, съ одной стороны, до крайняго этическаго субъективизма, до мистически-личной нравственности, и если, съ другой стороны, всякое эмпирически данное коллективное общежитіе, всякія экономическія и правовыя формы, объяснять и устроять безъ участія и предположенія трансцендентнаго, мистическаго (личнаго религіозно-этическаго) начала. Неудача соціологической морали происходитъ отъ того, что дѣйствительность не знаетъ нравственной организаціи, что всякое реальное общежитіе создается утилитарными мотивами, борьбою и сочетаніемъ всякихъ эгоизмовъ. Нужно *создать* нравственную организацію, церковное общество,—и это есть задача нравственнаго богословія. Очевидно, нравственное богословіе претендуетъ на мѣсто, которое не занято ни одною изъ системъ научной морали. Оно занимаетъ пустой промежутокъ между философіей, какъ критической мистикой, и общественными науками; для него будетъ достаточный просторъ, если послѣднія немного потѣснятся, т. е. откажутся отъ всякихъ этическихъ притязаній.

IX.

Въ заключеніе два слова о послѣднемъ видѣ нравственно-богословской программы. Мы намѣтили слѣдующія части: I исторія христіанской этики, II мистика (со включеніемъ аскетики), или философія христіанства, III собственно нравственное богословіе, какъ наука о церковности и IV апологія христіанской нравственности. Начертать болѣе стройно программу академическихъ чтеній затруднительно въ виду того, что каждая изъ вспомогательныхъ частей можетъ произвольно возрастать до какихъ угодно размѣровъ или сокращаться. Исторія христіанской этики, внимательно останавливаясь на евангеліи и на святоотеческой мистико-аскетической письменности, захватитъ почти всю философію христіанства. Равно и философія христіанства можетъ поглотить все существенное содержаніе (основные моменты) исторіи христіанской этики, на долю которой въ такомъ случаѣ останется сухое указаніе хронологическихъ этаповъ. Апологія христіанской нравственности также можетъ имѣть раз-

ные объемы. Идея церковности можетъ найти себѣ мѣсто и обоснованіе какъ въ исторіи христіанской этики, такъ въ мистикѣ и апологетикѣ. Вслѣдствіе этого могутъ создаваться разные типы нравственнаго богословія, имѣющіе равное право на академическую каѳедру, хотя академическія чтенія должны имѣть преимущественно историческій и апологетическій характеръ.

Однако въ строго-учебной программѣ нравственнаго богословія, какъ въ наукѣ о церковности, всѣ части должны быть соразмѣрны. Въ этомъ случаѣ исторія христіанской этики сведется къ отдѣлу объ источникахъ христіанскаго нравоученія; мистика будетъ отдѣломъ о религіозномъ (догматическомъ) основаніи христіанской нравственности (христіанство съ точки зрѣнія цѣли и смысла жизни, значеніе христіанской личности, основа церковности въ глубинѣ христіанской жизни), а главная часть объ устроеніи христіанской церковности...

ПРОПОВѢДЬ.

Очеркъ по вопросамъ гомилетики [1]).

Каковъ долженъ быть проповѣдникъ. 1. Среди всѣхъ видовъ человѣческой рѣчи проповѣдь занимаетъ совершенно исключительное положеніе, какъ слово жизни. Проповѣдникъ научаетъ своихъ слушателей истинной жизни, т. е. онъ не только открываетъ имъ, въ чемъ состоитъ истинное и правое въ противоположность ложному, но и показываетъ имъ, въ чемъ состоитъ дѣйствительная духовная жизнь въ отличіе отъ жизни внѣшней, временной, призрачной,—и не только показываетъ, но и научаетъ ихъ жить этою дѣйствительною жизнью. Но жизни, именно дѣйствительной внутренней жизни, нельзя научить словомъ въ его отрѣшенности отъ жизни, ей можно научить только жизнью и только такимъ словомъ, которое исходитъ изъ жизни. Неразрывное отношеніе къ жизни самого проповѣдника составляетъ первую стихію проповѣдническаго слова. Здѣсь

---

[1]) Настоящая статья представляетъ изъ себя переизданіе, въ переработанномъ видѣ, брошюры „По вопросамъ гомилетики критическіе очерки". Всѣ измѣненія, произведенныя при этомъ переизданіи, включая сюда значительное сокращеніе, объясняются вчлененіемъ этого очерка въ систему *Основъ христіанства*, что потребовало согласованія этихъ прикладныхъ разсужденій съ основными тезисами богословской системы и выдѣленія всего оказавшагося излишнимъ повтореніемъ. Кромѣ того, сообразно съ общимъ характеромъ всего изданія, въ этомъ послѣднемъ очеркѣ проповѣдь разсматривается исключительно съ религіозно-богословской стороны. Всякія указанія на гомилетическую литературу выброшены въ виду того, что этотъ очеркъ генетически ни въ малѣйшей степени не связанъ съ гомилетическими трудами, въ общемъ совершенно ничтожными и не заслуживающими даже критическаго обозрѣнія.

на первомъ мѣстѣ жизнь и затѣмъ слово, какъ живое дѣло. Въ этомъ отношеніи проповѣдь можно сравнивать съ ораторскою рѣчью; но между ними то существенное различіе, что въ ораторѣ личность дѣйствуетъ на слушателей искусствомъ, внѣшнимъ обликомъ, въ немъ дѣйствіе личности есть только образъ, или форма, или внѣшняя сторона рѣчи. И нравственныя требованія классической риторики не выходили изъ предѣловъ искусства психологическаго дѣйствія на сердце и всецѣло ограничивались тѣмъ, чѣмъ ораторъ долженъ казаться для слушателей. Напротивъ въ христіанскомъ проповѣдникѣ на первомъ мѣстѣ внутренняя дѣйствительная жизнь его, внутренній подвигъ. Здѣсь не искусство, а самая жизнь духовная. Посему разсматривать проповѣдь изолированно отъ духовной жизни проповѣдника значитъ ложно понимать проповѣдь. Первый вопросъ гомилетики, ея краеугольный камень—это вопросъ о томъ, каковъ долженъ быть проповѣдникъ.

2. Въ раскрытіи мысли о зависимости успѣховъ проповѣди отъ нравственныхъ качествъ и личной жизни проповѣдника мы должны слѣдовать отъ общаго къ частному и отъ предшествующаго психологически къ позднѣйшему. Мы должны начать съ того, какимъ проповѣдникъ долженъ быть прежде, чѣмъ онъ приступитъ къ проповѣданію Слова Божія, что онъ долженъ имѣть общаго со всякимъ истиннымъ христіаниномъ.

Всѣмъ христіанамъ заповѣдано прославлять Бога своею жизнью, добрыми дѣлами (Мѳ. V, 16). Отъ этого долга не свободенъ и проповѣдникъ, совершающій „служеніе слова“. Самъ Христосъ, нашъ единый учитель (Мѳ. XXIII, 8), выступилъ на служеніе благовѣствованія не прежде, чѣмъ побѣдилъ искушенія (Мѳ. IV, 17). И Онъ не только училъ, но *дѣлалъ и училъ* (Дѣян. I, 1). По Его наставленію (Мѳ. V, 19) поступали (1 Кор. IV, 16; IX, 26. 27; XI, 1; Филип. III, 17; 2 Θесс. III, 7—10) апостолы, заповѣдуя въ свою очередь такъ поступать и своимъ преемникамъ, пастырямъ церкви (1 Пет. V, 3; 1 Тим. IV, 12; Тит. II, 7). Весьма поучительно въ данномъ отношеніи остановиться мыслью на тѣхъ путяхъ, какими христіанство проникало въ среду язычества: оно проповѣдывалось не однимъ словомъ благовѣстниковъ Христовыхъ, но жизнью всѣхъ христіанъ. Объ этомъ сви-

дѣтельствуетъ св. Іустинъ Философъ въ 1 апол. гл. 16. „Господь Іисусъ Христосъ, пишетъ онъ, увѣщавалъ насъ терпѣніемъ и кротостью отводить всѣхъ отъ постыдныхъ дѣлъ и пристрастія къ злу. Это я могу показать на многихъ изъ нашихъ, которые изъ наглыхъ и свирѣпыхъ перемѣнились, будучи побѣждены или тѣмъ, что насмотрѣлись строгости жизни своихъ сосѣдей (христіанъ), или тѣмъ, что видѣли въ спутникахъ чудное терпѣніе въ перенесеніи обидъ, или изъ опыта узнали нравы тѣхъ людей, съ которыми соприкасались по дѣламъ". Въ томъ же направленіи учители церкви оставили многочисленныя наставленія. Св. Іоаннъ Златоустый, высказавшій много прекрасныхъ замѣчаній о проповѣдничествѣ въ 4 и 5 словахъ *о священствѣ*, въ первомъ изъ нихъ пишетъ между прочимъ: „главнѣйшая цѣль ученія та, чтобы и дѣлами и словами привести поучаемыхъ къ той блаженной жизни, которую предписалъ Христосъ,—и каждая изъ этихъ двухъ частей (т. е. дѣлъ и словъ) имѣетъ нужду въ другой, чтобы зданіе было совершенно". Также блаж. Августинъ пишетъ: „какъ бы ни была возвышенна проповѣдь наша, но въ дѣйствительной побѣдѣ надъ слушателями всегда болѣе имѣетъ вѣсу и силы жизнь проповѣдника, нежели слово его" (*Христ. наука*, кн. IV, LIX). Много подобныхъ наставленій даетъ св. Григорій Великій въ *Правилѣ пастырскомъ*, гдѣ мы читаемъ: „каждый проповѣдникъ долженъ учить болѣе дѣлами, нежели словами" (ч. III, XLII) и т. д. Въ нашей отечественной извѣстной книгѣ *О должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ* отдѣльно трактуется объ ученіи словомъ и ученіи дѣломъ.

Только слово того проповѣдника, который самъ живетъ такъ, какъ учитъ жить другихъ, можетъ быть искреннимъ, а искренность есть необходимое условіе дѣйствія слова на волю слушателей.

3. Добрая жизнь кромѣ того, что служитъ хорошимъ образцомъ для слушателей проповѣдническаго слова, имѣетъ то особое значеніе для самого проповѣдника, что даетъ ему духовную опытность.

Ученіе Христа производило на народъ необычайное дѣйствіе (Іоан. VII, 46), потому что Онъ Самъ былъ свидѣтелемъ Своего ученія (VIII, 18). Онъ жилъ жизнью Отца Не-

беснаго (X, 30) и потому истина, которую Онъ слышалъ отъ Отца, пребывала въ Немъ (Ефес. IV, 21; Іоан. XIV, 6). Онъ опытно зналъ, Онъ видѣлъ и слышалъ у Отца то, о чемъ говорилъ (III, 11, 32). Это исключительное отношеніе Христа къ Богу Отцу придавало Его проповѣди ту особенность, что Онъ былъ именно свидѣтелемъ истины. Онъ не выводилъ истины изъ какихъ либо данныхъ, или предпосылокъ, какъ это дѣлаютъ философы, Онъ не доказывалъ ея логическими доводами,—нѣтъ, Онъ только свидѣтельствовалъ о томъ, что видѣлъ и что слышалъ у Отца (Іоан. III, 11, 32).

Также апостолы были собственно свидѣтелями той истины, которую проповѣдывали. И ихъ положеніе среди слушателей было особеннымъ: они были очевидцами жизни, дѣяній, страданій и воскресенія Христа (Дѣян. I, 21, 22; 2 Пет. I, 16) и слышателями Его словъ; они были уполномочены отъ Него Самого свидѣтельствовать о Немъ (Іоан. XV, 26, 27; Дѣян. I, 8). Въ этомъ было ихъ великое преимущество. Они являлись предъ слушателями очевидцами божественной жизни, которая явилась во Христѣ (1 Іоан. I, 1—3).

И преемники апостоловъ въ дѣлѣ христіанской проповѣди также должны быть свидѣтелями божественной истины, принятой ими по преданію отъ Христа и апостоловъ. Въ этомъ именно свидѣтельствованіи христіанской истины задача проповѣдника. Въ способности свидѣтельствовать о ней, а не въ чемъ либо другомъ и, въ частности, не въ учености, хотя бы богословской, лежитъ основаніе проповѣдническаго призванія (ср. Дѣян. I, 21, 22). Но чѣмъ пріобрѣтается для него самая эта возможность? Очевидно, не тѣми особыми историческими условіями, въ которыя были поставлены апостолы, а доступными для него условіями психологическими—духовною опытностью. Прежде чѣмъ выступить благовѣстникомъ Христовымъ христіанинъ долженъ самъ пережить истину, открытую Христомъ и проповѣданную апостолами, опытно убѣдиться, что слѣдованіе Христу дѣйствительно даетъ блага, обѣтованныя Спасителемъ; онъ долженъ дѣйствительнымъ переживаніемъ пріобщиться той духовной жизни, которая проистекаетъ отъ Христа, внутренно сродниться съ Христомъ, воспринять въ себя отъ Его Духа Святаго. Эта духовная опытность на языкѣ Слова Божія

называется помазаніемъ отъ Св. Духа и представляется не исключительною особенностью проповѣдника, но свойственною каждому истинному христіанину (1 Іоан. II, 20. 27). Проповѣдникъ же долженъ обладать имъ преимущественно, иначе онъ можетъ сообщить своимъ слушателямъ только знаніе словъ, а не самой истины. „Кто ведетъ рѣчь о духовномъ, не вкусивъ того самъ, пишетъ св. Макарій Великій (*Добротолюбіе*, т. 1, изд. 3, стр. 220), тотъ уподобляется человѣку, который при наступленіи дневного зноя идетъ пустымъ полемъ и, томясь жаждою, описываетъ источникъ, струящійся водою, изображая себя піющимъ, тогда какъ засохли у него уста и языкъ отъ палящей ихъ жажды... Такъ, если ведутъ рѣчь о совершенствѣ, о радованіи или о безстрастіи не ощущавшіе въ себѣ ихъ дѣйственности и удостовѣренія ихъ; то на дѣлѣ не все бываетъ такъ, какъ они говорятъ. Иное дѣло—разсуждать о хлѣбѣ и о трапезѣ, а иное дѣдо—ѣсть и принимать въ себя хлѣбную питательность и укрѣпляться всѣми членами. Иное дѣло—на словахъ поговорить о самомъ сладкомъ питіи, а иное—пойти и почерпнуть изъ самаго источника и насытиться вкушеніемъ сладкаго питія. Такъ и въ духовномъ: иное дѣло—однимъ вѣдѣніемъ и умомъ объяснять себѣ сказанное, а иное дѣло—существенно, на самомъ дѣлѣ, съ несомнѣнностью, во внутреннемъ человѣкѣ и умѣ имѣть сокровище благодати, внушеніе и дѣйствіе Святаго Духа. Произносящіе одни только слова мечтаютъ и надмеваются своимъ умомъ".

Духовная опытность проповѣдника порождаетъ въ слушателяхъ довѣріе къ его слову: они чувствуютъ, что слышатъ человѣка, на котораго можно положиться, который свидѣтельствуетъ о томъ, что „видѣлъ и слышалъ". На сколько велико въ человѣкѣ стремленіе найти авторитетъ въ области истины, на столько рѣшающее значеніе въ дѣлѣ убѣдительности проповѣдническаго слова имѣетъ это довѣріе, порождаемое въ слушателяхъ духовною опытностью проповѣдника.

4. Жизнь благовѣстника Христова не только должна украшаться добрыми дѣлами и духовною опытностью, но это жизнь полной жертвы, полнаго самоотреченія. Говоря такъ, мы не только не выступаемъ за предѣлы проповѣд-

ической дѣятельности, но подходимъ къ тому, что есть самое существенное въ этой дѣятельности. Въ самомъ дѣлѣ, какая послѣдняя цѣль хрістіанскаго благовѣствованія? Явленіе жизни въ слушателяхъ (2 Тим. I, 10),—жизни истинной, вѣчной, божественной. Но жизнь произвести въ другомъ можетъ только тотъ, кто самъ въ себѣ имѣетъ жизнь; въ слѣдствіи не можетъ быть того, чего не дано въ причинѣ. И этого мало. Какъ жизнь въ другомъ можетъ произвести только тотъ, кто въ себѣ самомъ имѣетъ жизнь, такъ и самое произведеніе жизни не можетъ быть дѣйствіемъ чисто словеснымъ или литературнымъ, но должно быть живымъ воздѣйствіемъ одного лица на другое, жизненнымъ дѣломъ.

Христосъ Своимъ словомъ даровалъ намъ жизнь вѣчную (Іоан. V, 24). Почему же Его слово становится въ насъ началомъ истинной жизни? Потому, что Тотъ, отъ Кого исходитъ это слово, имѣетъ въ Себѣ истинную жизнь (Іоан. V, 26). Посему Христосъ не былъ только учителемъ, но вмѣстѣ и жизнодавцемъ: Онъ Свою жизнь передалъ людямъ, слушающимъ слово Его,—Онъ даровалъ намъ истинную пищу, пребывающую въ жизнь, Онъ Самъ сталъ для насъ истиннымъ небеснымъ хлѣбомъ. Онъ Себя передалъ намъ, Свою плоть и кровь (Іоан. VI, 27. 33. 35. 51. 53—58). Какимъ же образомъ Онъ передалъ намъ Свою жизнь? Это было съ Его стороны дѣломъ жизни,—это было дѣло самоотреченія, смерти. Для того, чтобы люди, призванные Христомъ отъ тьмы къ свѣту, имѣли жизнь въ себѣ, Онъ положилъ за нихъ жизнь Свою (Іоан. X, 10. 11); Онъ плоть Свою отдалъ за жизнь міра (Іоан. VI, 51). Здѣсь мы вступаемъ въ область глубочайшей тайны передачи жизни отъ одного другому, тайны духовнаго рожденія. Мы приближаемся къ ней черезъ образъ рожденія естественнаго. Брошенное въ землю зерно, чтобы принесть плодъ, должно прежде умереть. Смерть является началомъ жизни—не одной жизни того, кто умираетъ, а жизни многихъ, которые нарождаются изъ смерти одного (Іоан. XII, 24). Страданіе и смерть одного человѣка, имѣющаго духовную жизнь въ себѣ,—страданіе и смерть его за другихъ становятся источникомъ жизни для нихъ: смерть одного за другихъ дѣлаетъ изъ его жизни зерно, или зародышъ жизни другихъ. Духовное рожденіе вполнѣ

подобно физическому рожденію страданіями: здѣсь также имѣютъ мѣсто не въ метафорическомъ только смыслѣ, но дѣйствительныя муки рожденія; но оно отличается отъ рожденія физическаго тѣмъ преимущественно, что главною дѣйствующею силою въ немъ является любовь. Она именно выражаетъ собою полноту жизни, передающейся другимъ; она лежитъ въ основѣ сомоотреченія; она есть единственная причина, оживотворяющая смерть; она есть самый ростокъ, пробивающійся къ свѣту изъ мрака смерти. Безъ любви въ этомъ случаѣ — ничего, любовь—все. И смерть Христа за насъ была слѣдствіемъ любви—любви божественной (Іоан. Ш, 16), любви Его Самого: нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ (Іоан. XV, 13).

Подобно тому, какъ въ нашихъ жилахъ течетъ кровь Адама, такъ наша духовная жизнь есть явленіе въ насъ жизни Христа: духовно мы живемъ Христомъ (Іоан. VI, 57 и мн. др.). И подобно тому, какъ жизнь органическая можетъ быть только непрерывною; такъ и духовно живъ только тотъ (христіанинъ), кто чрезъ протяженіе вѣковъ соединенъ со Христомъ чрезъ преемство Его непрерывно продолжающейся жизни. И духовная жизнь идетъ непрерывно чрезъ столѣтія и передается путемъ столькихъ же духовныхъ рожденій, сколько нарождается въ христіанствѣ духовныхъ дѣтей.

Отсюда понятно, въ чемъ состоитъ призваніе и сколь велико значеніе христіанскихъ благовѣстниковъ: они служатъ дѣлу духовнаго рожденія чадъ Христовыхъ, дѣлу непрерывной передачи жизни Христовой, Его любви. Таковы были апостолы. Они были посланы Христомъ въ качествѣ свидѣтелей Его ученія (Іоан. XV, 27); но ихъ служеніе міру не было только словеснымъ, а было жизненнымъ: какъ отъ Христа они не только слышали ученіе, но были возлюблены Имъ и черезъ то сдѣлались причастниками Его вѣчной жизни (Іоан. XV, XVI, XVII), такъ и сами они должны были послужить явленію въ мірѣ любви Христовой и Его вѣчной жизни (2 Тим. I, 10). Потому-то благовѣствованіе, къ которому были призваны апостолы, необходимо соединялось для нихъ съ страданіями, съ муками рожденія и даже смертью плодоносящаго зерна (2 Тим. II, 9. 10; 1 Θесс. II, 8). Апо

столы называютъ своихъ учениковъ дѣтьми, потому что ихъ соединяютъ съ слушателями узы духовнаго рожденія (Филим. 10). Апостолъ Павелъ въ необычайно трогательныхъ чертахъ и неоднократно описываетъ страданія духовнаго дѣторожденія (1 Кор. IV, 9—15; 2 Кор. IV, 5—12 ср. VI, 3—10; XII, 15; XIII, 9; Гал. IV, 19). Легко понять, что апостоловъ соединяла съ ихъ учениками любовь самая глубокая. Это прежде всего была та любовь Христова, съ которою апостолы вышли на проповѣдь, которая легла въ основу ихъ благовѣствованія (Фил. 1, 8). Но затѣмъ страданія благовѣствованія, терпимыя ими ради избранныхъ и поучаемыхъ, дѣлали для нихъ дорогими тѣхъ, ради кого они страдали и умирали. Въ самомъ дѣлѣ, какъ для зерна, которое умерло и дало плодъ, этотъ плодъ есть все, въ немъ жизнь умершаго зерна, такъ и для апостоловъ, которые передавали своимъ слушателямъ благовѣствованіе Христово вмѣстѣ съ своими душами (1 Θесс. II, 8), съ своею жизнію, все дорогое было сокрыто въ ихъ духовныхъ дѣтяхъ, — въ нихъ была ихъ радость, ихъ жизнь, ихъ слава, ихъ похвала (3 Іоан. I, 4; 2 Кор. III, 3; VII, 3. 4. 11. 12; 1 Θес. II, 19. 20).

Тотъ же путь и такой же характеръ благовѣстнической дѣятельности апостолы заповѣдали своимъ преемникамъ въ дѣлѣ благовѣстническаго служенія (2 Тим. I, 8; IV, 5). И дѣйствительно, исторія и писанія знаменитыхъ христіанскихъ проповѣдниковъ представляютъ многочисленныя доказательства ихъ самоотверженной дѣятельности, ихъ глубокой любви къ своимъ слушателямъ. Такъ—ограничимся только немногимъ—св. Іоаннъ Златоустый однажды, послѣ вынужденнаго болѣзнью непродолжительнаго перерыва своей проповѣднической дѣятельности, началъ свою бесѣду (на притчу о должникѣ десятью тысячами талантовъ и пр.) такими словами: „Какъ будто возвратился я къ вамъ изъ дальняго пути,—такъ чувствую себя сегодня. Для любящихъ, когда имъ нельзя быть вмѣстѣ съ любимыми, нѣтъ никакой пользы отъ близости. Потому и мы, оставаясь дома, чувствовали себя ничѣмъ не лучше странниковъ, такъ какъ не могли въ прошедшее время бесѣдовать съ вами. Но простите: это молчаніе было не отъ лѣности, а отъ болѣзни. Теперь вы радуетесь тому, что мы освободились отъ бо-

лѣзни; а я радуюсь, что снова наслаждаюсь вашею любовію. Для меня, и тогда, какъ я былъ боленъ, тягостнѣе самой болѣзни было то, что я не могъ участвовать въ этомъ любезномъ собраніи; и теперь, какъ оправился отъ болѣзни, вожделѣннѣе самаго здоровья то, что имѣю возможность наслаждаться вашею любовію“ и т. п. Онъ же, прощаясь съ (константинопольскою) паствою при отправленіи въ ссылку, говорилъ своимъ слушателямъ такъ: „вы мнѣ отцы, вы мнѣ жизнь, вы похвала. Если вы успѣваете, я прославляюсь, такъ что моя жизнь и богатство находятся въ вашей сокровищницѣ“ и т. д. Какою искреннею и глубокою любовью проникнуты эти слова Христова благовѣстника.

5. Мы видимъ — проповѣдничество коренится въ самой сущности христіанской жизни. Существо христіанской жизни есть любовь, а существо любви въ самодареніи, самосообщеніи. Мотивы спасенія другихъ, какъ расширеніе царства духовной жизни, даются сокровенною дѣйствительностью духовной жизни. Поэтому христіанскіе благовѣстники, въ первомъ ряду которыхъ стоятъ Самъ Христосъ и Его апостолы, суть преимущественные носители и представители христіанской жизни; благовѣстничество есть самый зрѣлый плодъ полноты духовной сокровенной жизни; служеніе слова есть самое высшее изъ всѣхъ христіанскихъ служеній.

Но отъ этихъ общихъ основъ христіанской жизни мы должны идти далѣе къ болѣе специфическимъ признакамъ проповѣднической дѣятельности, составляющимъ особое призваніе проповѣдника.

Подъ призваніемъ проповѣдника слѣдуетъ разумѣть и „глаголъ Божій къ нему“ (Лук. III, 2) и собственное внутреннее влеченіе.

Истинный благовѣстникъ Христовъ есть тотъ, кто призванъ къ сему служенію Богомъ, кто посланъ отъ Него (Рим. X, 15).

Ветхозавѣтные пророки выступали на свое служеніе каждый по особому призванію Божію, движимые Духомъ Святымъ (2 Пет. I, 21). И Христосъ не Самъ присвоилъ Себѣ славу (Евр. V, 5) быть провозвѣстникомъ воли Божіей, но Онъ былъ посланъ на то отъ Бога (Лук. IV, 43; Іоан. III, 2. 34; VII, 16; VIII, 28. 29; XIV, 24). Апостолы, какъ показываетъ самое названіе ихъ, были посланниками Христа на

дѣло проповѣди, были избраны имъ къ благовѣстію Божію (Лук. IX, 2; X, 3; Іоан. XVII, 18; Рим. I, 1 и мн. др.).

Призваніе Божіе встрѣчаетъ или порождаетъ въ истинномъ проповѣдникѣ внутреннее влеченіе къ „служенію слова" Божія (Іер. XX, 7. 9).

Христосъ дѣло благовѣствованія считалъ для Себя столь естественнымъ, сколь естественно въ насъ все, вложенное въ нашу природу отъ рожденія (Іоан. XVIII, 37). Свое внутреннее призваніе къ возвѣщенію воли Божіей Онъ сравнивалъ съ естественными потребностями въ пищѣ и питіи и совершеніе воли Отца — съ питаніемъ (Іоан. IV, 32. 34). Также апостолы проповѣдывали слово Божіе не принужденно, но охотно (1 Кор. IX, 16. 17 ср. 1 Петр. V, 2).

Призваніе весьма важно для проповѣдника и ничѣмъ не можетъ быть замѣнено.

Оно, во-первыхъ, окружаетъ проповѣдника ореоломъ священнаго достоинства и даетъ ему пророческую неустрашимость. Быть посланникомъ Божіимъ, сознавать себя провозвѣстникомъ божественнаго слова—это значитъ имѣть въ себѣ силу, которой не могутъ сокрушить никакія препятствія, которая преодолѣваетъ насмѣшки, гоненія, презрѣніе, изгнаніе, обиды, побои, заключеніе, которая не страшится ни власти, ни учености, ни суевѣрій толпы (Іез. II, 3—6; III, 7—9; Мѳ. X, 28; Дѣян. V, 41. 42; VI, 18—20). Призваніе въ связи съ духовною опытностью даетъ проповѣднику энергію, настойчивость и неусыпность въ служеніи слова. Непризванный проповѣдникъ не находитъ въ себѣ энергіи высказать то, что онъ знаетъ—знаетъ только изъ книгъ; совершенно обратное бываетъ съ проповѣдникомъ, опытно познавшимъ Христову истину и призваннымъ къ служенію слова. Онъ говоритъ свободно, охотно, съ увлеченіемъ (2 Тим. IV. 2 ср. Дѣян. XV, 36; 1 Ѳесс. II, 12; IV, 1; 1 Тим. IV, 16).

Во-вторыхъ, проповѣдническое призваніе дѣлаетъ универсальную христіанскую любовь расположеніемъ и вниманіемъ къ опредѣленнымъ лицамъ, поставленнымъ въ опредѣленныя условія возраста, соціальнаго положенія, степени благосостоянія и пр. Оно низводитъ проповѣдника съ высоты его сокровенной невозмутимости и вовлекаетъ его въ интересы будничной сутолоки.

Св. Григорій Двоесловъ въ объясненіе того, почему пророкъ Іеремія уклонялся отъ „должности проповѣдника“, пишетъ: „Іеремія, стараясь чрезъ созерцательную жизнь болѣе и болѣе утвердиться въ любви къ Богу, хотѣлъ было уклониться отъ этой должности; онъ опасался, чтобы чрезъ принятіе на себя должности проповѣдническаго служенія не лишиться плодовъ безмолвнаго созерцанія“. По смыслу этихъ словъ, проповѣдническая дѣятельность вноситъ ту особенность въ личную духовную жизнь проповѣдника, что послѣдняя примѣняется къ слушателямъ, къ ихъ пользѣ. Личная духовная жизнь проповѣдника должна быть открыта для его слушателей, должна дѣйствовать на нихъ. Жизнь проповѣдника должна быть преимущественно *доброю* жизнью, преимущественно выражаться въ добрыхъ дѣлахъ и именно по отношенію къ слушателямъ, къ ихъ нуждамъ.

Христосъ соединялъ Свою проповѣдь съ благотвореніями (Мр. VII, 37), такъ что весь народъ радовался о всѣхъ дѣлахъ Его (Лук. XIII, 17). Согласно заповѣди Христа (Лук. IX, 12) и апостолы благовѣствованіе слова соединяли съ дѣлами благотворенія, которыя дѣлали ихъ пріятными для слушателей (Дѣян. VIII, 6. 8; XIII, 12). Также должны поступать и послѣдующіе проповѣдники слова Христова. Благовѣстнику Христову надлежитъ быть къ своимъ слушателямъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ: онъ долженъ принимать близко къ сердцу ихъ нужды и страданія, чтобы они привыкли видѣть его сострадающимъ вездѣ, гдѣ только постигаетъ кого-либо изъ нихъ скорбь. Въ такомъ случаѣ голосъ проповѣдника для нихъ будетъ не чуждымъ, но знакомымъ; они будутъ внимать не однимъ только его словамъ, но будутъ видѣтъ предъ собою живого, близкаго къ нимъ человѣка, онъ будетъ говорить имъ своимъ сердцемъ, и они будутъ внимать ему сердцемъ. Хорошо объ этомъ предметѣ разсуждаетъ св. Григорій Двоесловъ: „нельзя одобрить, пишетъ онъ, тѣхъ пастырей, которые посвящаютъ свои занятія исключительно однимъ духовнымъ предметамъ, такъ что внѣшнія нужды паствы для нихъ какъ бы не существуютъ... Пасомые, не видя въ нихъ сочувствія къ своимъ нуждамъ, остаются въ свою очередь равнодушны и къ нимъ, пренебрегая большею частью ихъ пастырскими наставленіями, хотя въ существѣ своемъ и полезными, но слабо

дѣйствующими на сердца ихъ, мало къ тому подготовленныя и удовлетвореніемъ насущныхъ потребностей не привлеченныя... Сѣмя слова Божія легко проникаетъ въ сердца ихъ, возрастаетъ и даетъ плоды тогда только, когда проповѣдникъ орошаетъ и поливаетъ его сострадательнымъ милосердіемъ къ нимъ" (*Пр. паст.* I, 7). Самымъ сильнымъ мотивомъ благовѣстнической дѣятельности должна быть любовь проповѣдника къ слушателямъ, состраданіе къ нимъ. О Христѣ евангелистъ повѣствуетъ: Іисусъ увидѣлъ множество народа и сжалился надъ ними, потому что они были, какъ овцы, не имѣющія пастыря; и началъ учить ихъ много (Мр. VI, 34; Мѳ. IX, 36). И если каждый проповѣдникъ не имѣетъ въ сердцѣ своемъ такой же жалости къ требующимъ наученія, то онъ не можетъ быть благовѣстникомъ Христовымъ. Съ общимъ настроеніемъ любви въ проповѣдникѣ должны соединяться (ср. 1 Кор. XIII, 4—7) кротость, снисходительность и безкорыстіе—по примѣру (1 Ѳесс. II, 7. 9; 2 Ѳесс. II, 7—10; 1 Кор. IX, 1—22) и наставленію апостоловъ (2 Тим. II, 24. 25) и отцовъ Церкви. Такъ св. Игнатій пишетъ епископу смирнскому Поликарпу: „снисходи ко всѣмъ, какъ и къ тебѣ Господь. Носи немощи всѣхъ. Если любишь только добрыхъ учениковъ, еще нѣтъ тебѣ за это благодати: лучше худыхъ покоряй кротостью" (гл. I и II). Также св. Іоаннъ Златоустый въ бесѣдѣ на 1 Тим. II, 25 и мн. др.

Даже любовь къ слову, склонность къ собесѣдованію, сердечная общительность и, какъ бы, духовная расточительность, способность ограничиться небольшимъ кругомъ религіозной дѣятельности—все это входитъ въ составъ проповѣдническаго призванія.

6. Понятіе проповѣди обнимаетъ довольно разнообразные виды дѣятельности и отношеній. Подъ это понятіе подходитъ и миссіонерская проповѣдь — наученіе невѣрующихъ, предшествующее крещенію (*μαθητεια*), и обращенное къ вѣрующей общинѣ „наученіе соблюдать все, что заповѣдалъ" Господь (*διδασκαλια*). Ею обнимаются и интимнѣйшія отношенія „духовнаго отца" къ ищущимъ христіанской истины, и пастырское душепопеченіе, приспособляющееся къ разнообразнѣйшимъ и измѣнчивымъ состояніямъ и положеніямъ паствы и каждаго ея члена, и пророческое выясненіе исто-

рическихъ задачъ христіанства, и учебное наставленіе дѣтей, и церковное назиданіе взрослыхъ простецовъ. Даже богословская литература и (христіанская) поэзія могутъ имѣть пророчески-благовѣстническое значеніе. Неограниченны пути, которыми распространяется духовная жизнь, которыми дѣйствуетъ благодать Божія (1 Кор. Ш, 7—9). Интимно-мистическая основа подпираетъ весь объемъ проповѣдничества, всю совокупность его видовъ, связанныхъ между собою незримыми нитями Промысла. Однако не съ одинаковою строгостью требуется эта основа отъ каждаго вида въ отдѣльности, даже до возможности проповѣди по мотивамъ тщеславія (Фил. I, 15. 18) и наемничества (Мѳ. XXIII, 3). И если не дѣло гомилетической теоріи напоминать такимъ проповѣдникамъ о личной отвѣтственности предъ судомъ Божіимъ, поскольку они, проповѣдуя неискренно и не поступая согласно собственному ученію, осуждаютъ себя самихъ (Лук. IV, 23; XIX, 22; Іак. Ш, 1; Рим. II, 1. 5. 21—23), то, во всякомъ случаѣ, она въ правѣ требовать, чтобы христіанская истина не искажалась и не замалчивалась по страху предъ сильными міра сего: пророческая неустрашимость составляетъ неотъемлемое свойство христіанскаго учительства.

Предметъ проповѣди. 1. Степень важности проповѣдническаго слова (Рим. X, 14) не объясняется достаточно понятіемъ вообще религіи, но основывается на нѣкоторыхъ особенностяхъ религіи Христовой. Въ отличіе отъ всякой иной религіи христіанство есть религія слова. Именемъ Логоса-Слова называется Христосъ (Іоан. I, 1—14). Этимъ названіемъ безъ сомнѣнія указывается на то, что Онъ есть свѣтъ міру (Іоан. VIII, 12). И по Своей дѣятельности во время земной жизни Онъ былъ и преимущественно назывался учителемъ. Это весьма знаменательно и важно для пониманія христіанства. Основанная Христомъ религія требуетъ отъ человѣка не слѣпой, но разумной вѣры; она не подавляетъ его таинственностью, не отгоняетъ его словами procul ite profani, но она обращается къ тому свѣту, который человѣкъ имѣетъ въ себѣ самомъ; она встрѣчаетъ его не мракомъ мистерій, какъ это было и есть въ язычествѣ, но свѣтомъ наученія и призываетъ во свидѣтели своей истинности его собственную совѣсть и разумъ, говоря ему: *пойди*

и посмотри (Іоан. I, 45),—*изслѣдуй писаніе* (V, 39). По словамъ св. Григорія Богослова, „однимъ разумѣніемъ Богъ истинно пріемлется и сохраняется и возрастаетъ въ насъ“ (I, 180). Судьею своей жизни въ христіанствѣ признается прежде всего самъ человѣкъ: онъ вѣдаетъ, что̀ добро и что̀ зло, его совѣсть судитъ его дѣянія и помышленія, онъ разумѣетъ пути жизни и смерти. Посему-то Христосъ апостоламъ Своимъ, какъ послѣднее завѣщаніе, далъ заповѣдь проповѣдывать евангеліе всей твари (Мр. XVI, 15; Мѳ. XXVIII, 19). И апостолы такъ высоко смотрѣли на служеніе слова, что безъ колебанія предпочитали его даже раздаянію хлѣба (Дѣян. VI, 2); ап. Павелъ говорилъ о себѣ: Христосъ послалъ меня не крестить, а благовѣствовать (1 Кор. 1, 17), онъ называлъ благовѣствованіе Божіе священнодѣйствіемъ (Рим. XV, 16). Такъ же смотрѣли на служеніе слова и преемники апостоловъ. Св. Григорій Богословъ называлъ слово самой приличной жертвой Богу, даромъ, который святѣе жертвы подзаконной, святѣе начатка первородныхъ, угоднымъ Богу паче всего, чѣмъ законъ держалъ во власти Израиля, драгоцѣнной евангельской жемчужиной, а себя называлъ служителемъ слова (I, 179. 180).

2. Разсматривая проповѣдничество, какъ служеніе слова, мы прежде всего должны отвѣтить на вопросъ о предметѣ проповѣди.

Для проповѣди есть только одинъ предметъ, и это именно ученіе Христа. Въ самомъ дѣлѣ, вникнемъ въ слова: *предметъ* проповѣди. Очевидно, предметъ проповѣди есть то, чему слушатели должны научаться проповѣдью, въ чемъ они должны быть наставлены, что имъ должно быть преподано въ проповѣди. Но слушатели должны быть научены проповѣдникомъ одному—ученію Христа, въ немъ одномъ должны быть наставлены, оно одно должно быть преподаваемо въ проповѣди. Ученіе Христа, какъ содержаніе проповѣди, есть именно то, что „одно только нужно“ и что „довольно“ для цѣлей проповѣди. Такова основная идея *христіанской* проповѣди, раскрытіе которой составляетъ гомилетическій принципъ въ рѣшеніи вопроса о предметѣ проповѣди.

Основная идея проповѣди можетъ быть раскрываема съ нѣсколькихъ точекъ зрѣнія. Прежде всего слѣдуетъ ука-

зать на богоустановленность проповѣди. Христіанская проповѣдь отличается отъ всякаго другого рода рѣчи тѣмъ, что она имѣетъ историческое происхожденіе. Проповѣдникъ говоритъ не потому только, что онъ желаетъ научить другихъ, и не потому только, что въ проповѣди онъ видитъ единственное средство для достиженія извѣстныхъ цѣлей, а главнѣе всего потому, что проповѣдывать ему повелѣно Христомъ (Іоан. XVII, 18; Мѳ. XXVIII, 19. 20). Въ содержаніи проповѣди менѣе всего возможны неопредѣленность и произволъ; проповѣдникамъ повелѣно учить всѣ народы и учить только одному—соблюдать все, что повелѣлъ Господь. Если бы Самъ Господь не училъ людей, если бы Онъ не оставилъ міру Своего ученія и не послалъ учениковъ проповѣдывать Его Евангеліе всей твари (Мр. XVI, 15), то не было бы и христіанской проповѣди. Апостолы и ихъ преемники посланы Самимъ Христомъ проповѣдывать міру не что иное, какъ Его Евангеліе, Его ученіе. Другого источника, или содержанія, проповѣди нѣтъ: одинъ у насъ Отецъ, Который на небесахъ, и одинъ у насъ учитель и наставникъ Христосъ (Мѳ. XXIII, 8—10). Христіанскій проповѣдникъ учитъ тому, чему самъ наученъ Господомъ Христомъ; онъ передаетъ міру то, что заповѣдано Господомъ (Мѳ. X, 27). Правда, онъ долженъ не просто передать заповѣданное Господомъ, но и быть свидѣтелемъ Ему (Дѣян. I, 8); но это относится къ подвигу жизни, а не къ содержанію проповѣди. Неизмѣнное и опредѣленное содержаніе проповѣди дано для проповѣдника въ ученіи Христа. Въ ораторской рѣчи и во всякомъ другомъ родѣ слова неизбѣженъ вопросъ объ изобрѣтеніи (inventio) матеріи и съ этой стороны оратору и писателю особенно предстоитъ трудъ; только проповѣднику нѣтъ нужды изобрѣтать и выдумывать, потому что онъ говоритъ не отъ себя и не свое, а отъ Господа заповѣданное Имъ.

Одинъ у насъ учитель Христосъ и Онъ есть единственный учитель, не сравнимый ни съ какими другими учителями: Онъ открылъ міру *истину* (Іоан. I, 14. 17; XVIII, 37). Языческій міръ, несмотря на всѣ порывы въ этомъ направленіи и всѣ усилія, не зналъ истины, и вопросъ Пилата ко Христу: что есть истина (Іоан. XVIII, 38)? выражаетъ отчаяніе язычника, ходившаго путями своими, постигнуть ее.

Только Христосъ открылъ міру истину: Онъ далъ человѣку отвѣтъ на вѣчные вопросы, волнующіе человѣческое сердце,—вопросы о томъ, для чего мы живемъ и что должны дѣлать. Его ученіе есть цѣлое и цѣльное міропониманіе, или міровоззрѣніе. Отсюда и христіанская проповѣдь есть наученіе этому міропониманію и это—ея существенная природа, совершенно отличающая ее отъ всякой иной человѣческой рѣчи. Она есть религіозное наученіе, но отличается отъ наставленія всякой иной религіи, не исключая іудейской, тѣмъ, что она просвѣщаетъ человѣка. Не говоря уже о религіяхъ языческихъ, и религія іудейская представляла много узаконеній, которыя были для человѣка чисто внѣшнимъ повелѣніемъ, принимались имъ какъ иго, несвободно и безъ пониманія ихъ внутренняго смысла. Иной характеръ имѣетъ религія Христа. Онъ есть свѣтъ, просвѣщающій человѣка; сообщенная Имъ истина, усвоенная человѣкомъ, даетъ людямъ свободу (Іоан. VШ, 32). Принимая Его ученіе, человѣкъ въ себя самого воспринимаетъ свѣтъ жизни (Іоан. VШ, 12). Это не то, что „свѣтильникъ, горящій и свѣтящій", который свѣтитъ только находящимся близъ него; но міропониманіе Христово есть свѣтъ, который человѣкъ носитъ въ себѣ и уноситъ съ собою всюду. Усвоивъ его, человѣкъ уже сознательно и свободно можетъ опредѣлить свою личную жизнь, рѣшить отдѣльные вопросы христіанской практики (1 Іоан. II, 20. 27).—Составляя особенность христіанской религіи въ отличіе отъ всякой языческой и даже іудейской, проповѣдь тѣмъ болѣе отличается своимъ общимъ содержаніемъ отъ свѣтскаго ораторства. Свѣтскій ораторъ не имѣетъ возможности излагать предъ слушателями свое личное міровоззрѣніе такъ же, какъ и для него не обязательно и даже безразлично міровоззрѣніе его слушателей; онъ говоритъ каждый разъ съ практическою цѣлью освѣтить тотъ или другой частный вопросъ личной или общественной жизни, побудить слушателей къ частному рѣшенію. Такая практическая цѣль можетъ быть достигнута безъ содѣйствія общаго міропониманія, только подборомъ нѣкоторыхъ свѣдѣній и возбужденіемъ тѣхъ или другихъ страстей. Напротивъ, проповѣдникъ имѣетъ своею прямою задачею установить въ душахъ слушателей общее христіанское міропониманіе, привести всѣхъ ихъ къ

единству христіанскаго міровоззрѣнія, чтобы они, усвоивъ его, совершенно свободно и сознательно могли опредѣлять свое отношеніе къ каждому частному случаю жизни. Здѣсь рѣшеніе частнаго вопроса и убѣжденіе къ частному дѣйствію безъ общаго христіанскаго міропониманія и непрерывнаго настроенія имѣютъ слишкомъ ничтожное значеніе; здѣсь каждый частный вопросъ долженъ быть рѣшаемъ на основѣ общаго міровоззрѣнія и каждое частное рѣшеніе воли должно вытекать изъ непрерывнаго настроенія сердца.

Наконецъ, цѣль проповѣди также предполагаетъ ея опредѣленное содержаніе. Цѣль проповѣди—призвать слушателей благовѣствованіемъ ко спасенію (2 Θесс. II, 13. 14), къ жизни и нетлѣнію (2 Тим. I, 10). Но такой цѣли можно достигнуть только чрезъ благовѣстіе Христово, такою жизнепроизводительною силою обладаетъ только Его слово, Его ученіе (Іоан. V, 24 ср. Іак. I, 18 и др.). На языкѣ апостоловъ *слово жизни* (Филип. II, 16) столь же опредѣленно, какъ и *слово истины* (Ефес. I, 13; 2 Тим. II, 15; Іак. I, 18 и др.), указываетъ на ученіе Христа: кромѣ Его ученія нѣтъ другого слова жизни и потому нѣтъ другого предмета проповѣди.

3. Единственный предметъ христіанской проповѣди есть ученіе Христа. Этимъ сказано, что главнѣйшимъ источникомъ для содержанія проповѣди является священное Писаніе. Разумѣется священное Писаніе Новаго Завѣта, такъ какъ Ветхій Завѣтъ служитъ лишь *историческою* основою Новаго Завѣта.

По содержанію проповѣдь должна имѣть библейско-новозавѣтный характеръ. Отношеніе проповѣдника къ церковному ученію опредѣляется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ нравственномъ отношеніи церковное ученіе ничѣмъ не разнится отъ библейскаго, что нравственнаго церковнаго ученія, особаго отъ ученія слова Божія, хотя бы только по формѣ и изложенію, нѣтъ въ нормативномъ смыслѣ: церковное ученіе есть собственно догматическое ученіе. Повидимому церковно-нравственное ученіе дано въ видѣ церковныхъ заповѣдей и церковныхъ обрядовъ. Но послѣднія, какъ дисциплину церковную, необходимо отличать отъ ученія вѣры. Предметомъ проповѣди можетъ быть только ученіе вѣры, которое имѣетъ божественное происхожденіе, но

не дисциплина, которая представляетъ собою область дѣятельности церковной власти, а не учителя. Церковныя заповѣди относятся къ области церковной дисциплины, а не церковнаго ученія. Такъ въ церковныхъ заповѣдяхъ о постахъ выражается дисциплина церкви, а не ея ученіе: ученія о постѣ, особаго отъ ученія слова Божія, хотя бы только по изложенію, церковь не имѣетъ. Равнымъ образомъ, постановленія церкви о совершеніи таинствъ, объ отношеніи пастыря къ паствѣ, о способахъ принятія еретиковъ въ общество вѣрующихъ и прочія подобныя относятся къ дисциплинѣ церковной, а не къ ученію церкви. Вся церковная практика естественно воспитываетъ вѣрующихъ и, въ этомъ смыслѣ, содѣйствуетъ христіанской проповѣди, но не составляетъ предмета ея. Правда, мы имѣемъ исторію святоотеческаго нравственнаго ученія, но это есть ученіе, которое разсматривается нравственнымъ богословіемъ въ исторической перспективѣ, а не церковно-нормативное ученіе. Церковное ученіе ограничивается тѣмъ, что называется ученіемъ догматическимъ въ широкомъ смыслѣ этого слова. Сюда относятся, главнымъ образомъ, соборныя вѣроопредѣленія и, прежде всего, никео-цареградскій символъ вѣры. Какое значеніе имѣетъ церковное ученіе и какъ оно относится къ ученію слова Божія? Церковное ученіе представляетъ собою краткое изложеніе ученія слова Божія по важнѣйшимъ вопросамъ вѣры [1]) и имѣетъ значеніе нормы, которой долженъ держаться христіанинъ въ пониманіи ученія священнаго Писанія по этимъ вопросамъ. Нельзя сказать, что каждому христіанину необходимо собственно *знать всѣ* догматы и безъ знанія ихъ невозможно спастись [2]),— ибо кто же изъ мірянъ знаетъ догматы IV и VI вселенскихъ соборовъ? Но догматы обязательны для всѣхъ какъ предѣлы, которыхъ не должна преступать мысль христіа-

---

[1]) М. Филаретъ (*Изложеніе разностей между в. и н-з. церковью* §§ 1. 8): „единый, чистый и достаточный источникъ ученія вѣры есть откровенное слово Божіе“, при чемъ „допустить неписанное слово Божіе значитъ подвергать себя опасности разорить заповѣдь Божію за преданіе человѣческое“. Арх. Филаретъ (*Пр. Д. Б-ie*, 1, 1864, стр. 7): „догматы суть (созерцательныя) мысли откровенія о Богѣ“.

[2]) Выражаемъ только мысль Арх. Филарета (*Пр. Д. Б-ie*, 1, стр. 10): „иное дѣло отвергать догматъ, иное—не знать его“ и пр.

нина въ разумѣніи евангельской истины. Посему и для проповѣдника они обязательны въ качествѣ такихъ именно предѣловъ. Итакъ, церковное ученіе есть рядъ формулъ, для которыхъ содержаніе дается словомъ Божіимъ, и потому оно немыслимо въ качествѣ особаго отъ священнаго Писанія предмета церковной проповѣди, но оно есть руководство, съ характеромъ безусловнаго авторитета, котораго проповѣдникъ долженъ держаться при изложеніи ученія священнаго Писанія по вопросамъ христіанской вѣры. Предметъ проповѣди одинъ—ученіе Христа, изложенное въ Новомъ Завѣтѣ; но при изъясненіи священнаго Писанія проповѣдникъ обязанъ руководиться авторитетомъ церковнаго разумѣнія. Такъ постановили отцы VI вселенскаго собора: „Предстоятели церквей должны по вся дни, наипаче же во дни воскресные, поучать весь клиръ и народъ словесамъ благочестія, избирая изъ божественнаго писанія разумѣнія и разсужденія истины и не преступая положенныхъ уже предѣловъ и преданія богоносныхъ отецъ; и аще будетъ изслѣдуемо слово Божіе, то не инако да изъясняютъ оное, развѣ какъ изложили свѣтила и учители церкви въ своихъ писаніяхъ“ [1])...

Изъясненное положеніе, важное въ системѣ гомилетики, особенно важно въ практическомъ примѣненіи. Въ наше время часто можно слышать такую проповѣдь, которая представляетъ собою параграфъ изъ догматическаго богословія. Этого не должно быть. Проповѣдь не должна имѣть характера догматики. Православный проповѣдникъ долженъ быть наставленъ въ православной догматикѣ и ни въ чемъ

---

[1]) Въ крайнемъ случаѣ здѣсь дѣло свободнаго выбора: „все равно читаемъ мы въ *Посланіи патр. пр.—кав. ц.* (гл. 2),—все равно, отъ писанія ли поучаться, или отъ вселенской церкви“. Мы говоримъ только о проповѣдническомъ выборѣ. Въ этомъ послѣднемъ, гомилетическомъ, отношеніи для насъ особенно цѣнны указанія книги *О должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ,* поучающей, что „всѣ члены вѣры заключаются въ словѣ Божіи, (посему) должны мы слово Божіе испытывать, отъ него истины божественныя почерпать и народъ учить,—отъ писаній (же) св. отецъ (только) для изъясненія каковаго члена вѣры и для утвержденія предлагаемаго къ народу поученія приличная мѣста можно, а иногда и должно въ бесѣдѣ своей употреблять. Но какъ св. отецъ писанія, такъ и церковныя преданія не должно смѣшивать или сравнивать съ словомъ Божіимъ“ (18—22).

не противорѣчить ей; но не все, чему онъ наученъ въ школѣ, слѣдуетъ ему выносить на церковную каѳедру. Догматика—наука; она суха и отвлеченна; проповѣдь же должна быть живою и дѣйственною, ея предметъ—слово жизни, слово Божіе. „Никто не отрицаетъ достоинства научнаго изложенія христіанскаго ученія, но не ему принадлежитъ первое мѣсто въ нашемъ духовномъ просвѣщеніи, а непосредственному слову Божію“ [1]).

Современность и народность проповѣди. 1. Ученіе Христа представляетъ собою истину, т. е. цѣльное теоретическое міровоззрѣніе, которое обязательно для каждаго христіанина и даетъ каждому усвоившему его человѣку свободу въ пониманіи и опредѣленіи всѣхъ частныхъ случаевъ жизни. Какъ общее міропониманіе, оно не разсчитано на удовлетвореніе исключительно частныхъ нуждъ человѣка и общества; какъ откровенное, оно къ каждому людскому мнѣнію относится отрицательно, не допуская никакого компромисса, никакихъ уступокъ. Но оставаясь всегда неизмѣннымъ и вѣрнымъ себѣ, какъ божественное откровеніе, евангельское ученіе было вмѣстѣ съ тѣмъ народнымъ и современнымъ. Оно опиралось на историко-психологическую основу. Христосъ раскрывалъ Свое ученіе въ связи съ духовнымъ состояніемъ слушателей, ихъ вѣрованіями, ожиданіями, духовными потребностями. Въ вѣрованіяхъ и ожиданіяхъ еврейскаго народа Онъ находилъ точки соприкосновенія съ Своимъ новымъ ученіемъ и излагалъ его съ той стороны, съ которой оно было болѣе доступно пониманію народа.

Какою была проповѣдь Христа, такою же была и проповѣдь апостоловъ. И ихъ проповѣдь прежде всего имѣла неизмѣнное общее содержаніе, чѣмъ было для нихъ ученіе Христа; и ихъ проповѣдь по этому своему общему содержанію была чужда мірского духа (1 Кор. II, 12. 13). Но вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ проповѣдь не ограничивалась буквальнымъ повтореніемъ словъ Христа, а имѣла въ себѣ нѣчто большее. Это большее есть народность и современность ихъ проповѣди. Христосъ обращалъ Свое слово почти исключительно къ погибшимъ овцамъ дома Израилева, а не къ язычникамъ, и потому Онъ излагалъ Свое ученіе въ соот-

---

[1]) Архіеп. Амвросія Х. *Проповѣди*, 1885, стр. 212—213.

вѣтствіе только съ вѣрованіями и ожиданіями еврейскаго народа; Онъ обращалъ Свое слово къ слушателямъ, изъ которыхъ едва нарождалось христіанское общество, и потому Онъ не примѣнялъ Своихъ наставленій къ тѣмъ особеннымъ отношеніямъ, которыя стали возможны только впослѣдствіи, въ сложившемся христіанскомъ обществѣ. Апостолы же, продолжая дѣло Христа, не какъ рабы, а какъ друзья, подъ живымъ воздѣйствіемъ Св. Духа, сдѣлали ученіе Христа живымъ словомъ не только для слушателей изъ іудеевъ, но и для язычниковъ всѣхъ странъ, сдѣлали его живымъ словомъ для сложившагося христіанскаго общества.

Народною и современною была послѣ апостольской и проповѣдь святоотеческая. Такъ проповѣдь съ теченіемъ времени сдѣлала христіанское ученіе живымъ словомъ для людей научно-образованныхъ, служила орудіемъ охраненія христіанскаго ученія отъ ересей и христіанскаго общества отъ расколовъ, была то апологетическою, то нравообличительною. Особенно яркимъ характеромъ современности отличаются святоотеческія проповѣди нравственно-практическаго направленія, въ которыхъ часто встрѣчаются описанія и обличенія современныхъ проповѣдникамъ нравовъ христіанскаго общества; но и проповѣди отвлеченно-догматическаго содержанія, какъ-то богословскія и догматико-полемическія слова свв. Григорія Богослова, Василія Великаго, Григорія Нисскаго, удовлетворяли живымъ запросамъ общества и обнаруживаютъ наклонности людей того времени, когда, „начиная съ императоровъ и нисходя до послѣдняго простолюдина, все принялось разсуждать, вслѣдъ за богословами по профессіи, о Рожденномъ и Нерожденномъ, о троичности лицъ въ Божествѣ, о двухъ естествахъ въ Богѣ Сынѣ“. Святоотеческій способъ учительства есть всецѣло психологическій, способъ приспособленія къ духовному состоянію слушателей. Такъ поступали св. отцы не случайно, а сознательно. Св. Григорій Великій цѣлую и притомъ значительнѣйшую (третью) часть своего „Правила пастырскаго“ посвящаетъ раскрытію различныхъ пріемовъ церковнаго ученія сообразно съ различными состояніями слушателей. Въ предисловіи къ этой части св. отецъ высказываетъ общія соображенія по вопросу о психологической основѣ проповѣди. „Всякое слово учителей, пишетъ онъ, должно быть

приспособлено къ качествамъ и свойствамъ состоянія слушателей, такъ чтобы каждому изъ нихъ предлагаемо было свое, ему свойственное, и вмѣстѣ съ тѣмъ не отступало отъ общихъ требованій назидательности. Ибо что такое напряженные умы слушателей, какъ не струны, если могу такъ выразиться, натянутыя на музыкальномъ инструментѣ, къ которымъ различно прикасается рука искуснаго игрока, чтобы отъ различныхъ соприкосновеній образовалась одна стройная, гармоническая, музыкальная пѣснь? И струны издаютъ мелодическіе звуки потому именно, что приводятся въ движеніе однимъ орудіемъ, но не одинаковыми ударами. Такимъ образомъ и всякій пастырь церкви, какъ учитель и руководитель своей паствы, чтобы пригоднымъ быть для всѣхъ и каждаго къ созиданію ихъ спасенія, долженъ трогать и назидать сердца слушателей своихъ однимъ ученіемъ, но не однимъ и тѣмъ же тактомъ или размѣромъ.

По образцу ученія Христа и Его святыхъ апостоловъ и по примѣру проповѣди святоотеческой должна быть народною и современною и позднѣйшая проповѣдь. Истинность, т. е. наличность христіанскаго міропониманія, или той истины, которую открылъ міру Господь Іисусъ Христосъ, съ одной стороны, и народность, съ другой стороны,—вотъ два начала, изъ которыхъ слагается стихія проповѣди и которыми она отличается какъ отъ всякаго вида (мірской) словесности (своею истинностью), такъ и отъ слова Божія (современностью). Изъ этихъ двухъ началъ первое относится къ содержанію проповѣди, второе—къ образу раскрытія содержанія. Проповѣдь есть современная и народная форма слова Божія; она есть то же слово Божіе, но обращенное къ жизни даннаго времени, опредѣленнаго народа, извѣстныхъ слушателей. Призваніе проповѣдника переводить слово Божіе на языкъ, понятный опредѣленному кругу слушателей, всегда находить ту сторону христіанскаго ученія, съ которой оно болѣе всего благопотребно и доступно опредѣленной паствѣ, придавать ему такое выраженіе, въ которомъ оно отвѣчаетъ на запросы живыхъ людей даннаго времени и мѣста. Если бы Христосъ не далъ намъ Своего божественнаго ученія и не далъ апостоламъ заповѣди проповѣдать евангеліе всей твари, то христіанской проповѣди не могло бы быть, такъ какъ она есть проповѣдь Его

ученія, во исполненіе Его заповѣди; если бы проповѣдь могла быть несовременною и ненародною, то она была бы ненужною, излишнею, проповѣдники могли бы ограничиться чтеніемъ слова Божія. Современность и народность входятъ въ самое понятіе проповѣди. Это, съ словесной стороны, вполнѣ отвѣчаетъ свойствамъ жизненно-проповѣдническаго *призванія*.

2. Современность и народность проповѣди, точнѣе и опредѣленнѣе говоря, состоятъ въ слѣдующемъ. Проповѣдь должна быть понятнымъ для извѣстныхъ слушателей изложеніемъ слова Божія. Здѣсь прежде всего дѣло въ языкѣ: проповѣдникъ долженъ говорить на томъ языкѣ, который понимаютъ его слушатели. Затѣмъ понятность проповѣди состоитъ въ доступномъ для слушателей раскрытіи евангельской истины, въ приспособленіи къ степени ихъ духовнаго развитія. Проповѣднику слѣдуетъ евангельскія истины раскрывать съ той стороны, съ которой онѣ понятны, близки и дороги слушателямъ, слѣдуетъ прививать ихъ къ наличнымъ задаткамъ добра въ сердцахъ слушателей, привязывать къ ихъ добрымъ стремленіямъ, какъ бы ни были послѣднія незначительны, сокровенны и переплетены съ дурными влеченіями сердца. Проповѣдникъ долженъ внимательно вглядываться въ жизнь своихъ слушателей и подобно апостолу Павлу, нашедшему въ Аѳинахъ среди множества храмовъ безнравственныхъ боговъ одинъ, можетъ быть, заброшенный жертвенникъ съ надписью: невѣдомому Богу,—старательно отыскивать въ ихъ сердцѣ добрыя цѣли, ради которыхъ они по заблужденію совершаютъ зло, и дѣйствительно добрыя стремленія, чтобы сказать имъ словами апостола: сіе-то добро, котораго вы, не зная, ищете, дается вѣрою Христовою, сіи-то ваши добрыя стремленія только въ христіанствѣ могутъ найти полное удовлетвореніе. Этимъ путемъ истины евангельскія дѣйствительно прививаются къ сердцу человѣческому и срастаются съ нимъ. Найдя для евангелія доступъ къ сердцу или, что то же, для сердца доступъ къ евангелію, проповѣдникъ далѣе долженъ развивать предъ слушателями евангельскія истины съ мудрою постепенностью, переходя отъ душевнаго къ духовному, отъ земного къ небесному (ср. Іоан. III, 12), такъ чтобы рѣчь его не превышала разумѣнія слушателей. Особенное вниманіе

при этомъ онъ долженъ обращать на то, чтобы для нихъ уяснялась связь всѣхъ евангельскихъ истинъ съ тою, которая прежде всего нашла доступъ къ ихъ сердцу и уже сроднилась съ нимъ. Вообще проповѣдникъ долженъ вдохновляться не требованіями системы, не ходомъ своихъ собственныхъ мыслей, а дѣйствительными потребностями слушателей. Каждое его слово должно имѣть не субъективное логическое, а альтруистическое происхожденіе и возникать на почвѣ духовнаго взаимообщенія его съ слушателями. Христосъ послалъ двѣнадцать учениковъ на проповѣдь по тому же чувству жалости къ народу, по которому Онъ питалъ голодныхъ хлѣбомъ и исцѣлялъ больныхъ (Мѳ. IX, 36; XIV, 14; XV, 32 и пар.); такъ и проповѣдникъ Христовъ долженъ раскрывать свои уста по чувству дѣйствительной нужды и потребностей своихъ слушателей. Мертво то его слово, которое зародилось въ немъ въ ту минуту, когда онъ не помнилъ о слушателяхъ. Проповѣдь должна быть личнымъ обращеніемъ проповѣдника къ слушателямъ, такъ чтобы каждый изъ нихъ чувствовалъ, что проповѣдникъ говоритъ лично ему, видитъ его душу, желаетъ ему добра. При содѣйствіи проповѣди каждый слушатель черпаетъ изъ слова Божія то, что ему нужно и уясняетъ себѣ свою собственную душу. Проповѣдникъ стоитъ близко къ жизни, онъ на стражѣ всѣхъ ея теченій, онъ освѣщаетъ свѣтомъ христіанской религіи каждую въ ней перемѣну. Проповѣдникъ долженъ знать не только состояніе собственно религіозной жизни своихъ слушателей, но и мірскую ихъ жизнь, интересы рабочаго дня, характеръ семейной жизни, образъ отдохновенія, привычки, суевѣрія, всецѣлое теченіе ихъ душевной жизни. Кратко сказать, проповѣдникъ долженъ знать своихъ слушателей во всѣхъ отношеніяхъ. Какъ истинный пастырь, оставляя девяносто девять овецъ, идетъ отыскивать одну заблудшую; такъ проповѣдникъ Христовъ не пренебрегаетъ никакими явленіями въ современной жизни, но, усматривая за каждымъ изъ нихъ душу человѣческую, за которую пролита кровь Христа, онъ освѣщаетъ свѣтомъ евангелія явленія и событія, дѣлаетъ ихъ поучительными и направляетъ общественное настроеніе къ христіанству. Проповѣдникъ живетъ двойною жизнью—своею личною и жизнью слушателей, и потому

истина въ его устахъ, оставаясь въ содержаніи неизмѣнною, невольно измѣняется во внѣшнемъ выраженіи. Живая проповѣдь не можетъ повторяться; и требованіе отъ проповѣди современности есть требованіе, чтобы проповѣдь не повторялась. Живая и дѣйственная проповѣдь не можетъ быть съ совершенною пользою для дѣла произнесена другимъ проповѣдникомъ, въ другое время и въ другомъ мѣстѣ,—она своевременна и умѣстна только однажды.

3. Теперь вопросъ о границахъ примѣненія къ проповѣди характера современности и народности. Достаточно опредѣленное,—насколько здѣсь возможна опредѣленность,—указаніе на эти границы мы усматриваемъ въ самомъ понятіи современности: она не есть въ проповѣди источникъ содержанія, а только образъ, или пріемъ, раскрытія даннаго содержанія, психологическая форма для него. Поэтому словесное обнаруженіе современности въ проповѣди допустимо лишь до того предѣла, пока она не становится содержаніемъ проповѣди.

Въ частности, гомилетика должна твердо помнить, что христіанство нейтрально въ отношеніи къ природно-историческимъ законамъ жизни, къ природно-общественнымъ формамъ ея, и что, поэтому, проповѣдь не можетъ быть современною въ смыслѣ устроенія природно-общественной жизни, въ смыслѣ рѣшенія вопросовъ семейно-народнаго быта и общественно-государственной политики. Проповѣдникъ долженъ стоять въ сторонѣ отъ этихъ вопросовъ, цѣломудренно охраняя чистоту исключительно религіозно-этической точки зрѣнія. Если Христосъ, посылая апостоловъ на проповѣдь, повелѣлъ имъ „никого на дорогѣ не привѣтствовать“, то ужъ минимально это въ примѣненіи къ позднѣйшему проповѣдничеству означаетъ, что христіанскій проповѣдникъ не долженъ приставать ни къ какой политической партіи, не долженъ носить въ своемъ сердцѣ любопытства къ юридической и политической казуистикѣ. Ему слѣдуетъ дорожить неослабленною возможностью и неоскверненною способностью смотрѣть на все sub specie aeterni, относиться ко всѣмъ явленіямъ жизни съ высоты вѣчныхъ цѣлей, ему слѣдуетъ блюсти себя несвязаннымъ никакими случайными программами. Онъ можетъ, съ этой стороны, самое большее—стремиться къ созданію церков-

ности, какъ религіознаго общества, какъ нравственной организаціи,— пунктъ, въ которомъ проповѣдь соприкасается съ христіанской публицистикой и, далѣе, съ нравственно-богословскими задачами. Собственное же, удѣльное, назначеніе проповѣди—нравоученіе и нравственный судъ въ индивидуальномъ примѣненіи, именно въ примѣненіи, прежде всего, къ опредѣленнымъ лицамъ, затѣмъ, къ опредѣленнымъ положеніямъ и состояніямъ, къ данному времени и данной исторической ситуаціи. Исходя изъ научно-богословской истины нейтральности христіанства въ отношеніи къ природно-историческимъ законамъ и природно-общественнымъ формамъ и держась, сообразно этому, въ сторонѣ отъ природно-общественной закономѣрности, проповѣдникъ подходитъ, въ индивидуальномъ освѣщеніи жизни, къ ней на самое близкое разстояніе, становится въ самое тѣсное соприкосновеніе съ нею. Ему нѣтъ никакого дѣла до природно-общественныхъ состояній и положеній, но его прямая забота, чтобы христіанинъ во всякомъ состояніи и положеніи велъ себя соотвѣтственно своему высшему званію, ходилъ всегда предъ лицомъ Бога. Нимало не посягая на природныя основы семьи и не интересуясь каноническимъ вмѣшательствомъ въ ея строй, проповѣдникъ слѣдитъ, чтобы христіанинъ и въ семейномъ отношеніи, при всякомъ юридическомъ положеніи семьи, велъ себя христіански благообразно. Нисколько не касаясь никакой политической программы, проповѣдникъ имѣетъ право требовать, чтобы христіанинъ, при всякой программѣ, оставался въ нравственномъ отношеніи христіаниномъ, чтобы общество, именующее себя христіанскимъ, никогда не забывало нравственныхъ задачъ христіанства, чтобы всякій общественный строй клонился къ благу людей, чтобы нравственный идеалъ и благо человѣка стояли всегда выше всего. Индивидуальное отношеніе къ жизни даетъ проповѣди преимущества, которыхъ не имѣетъ христіанская мистика, построяющая религіозное міровоззрѣніе на единственной основѣ интимнаго, личнорелигіознаго отношенія къ міровой дѣйствительности, и богословская наука, выясняющая (нейтральное) отношеніе христіанства къ природно-общественнымъ законамъ и природно-общественнымъ формамъ: проповѣдникъ освѣщаетъ христіанскимъ свѣтомъ всякое индивидуальное проявленіе жизни.

Но самое важное для него соблюсти христіанскую нейтральность въ отношеніи къ природно-общественнымъ формамъ,— и это дало бы его слову несокрушимую мощь...

Проповѣдь, какъ искусство.—1. На вопросъ, есть ли проповѣдь искусство, въ первомъ изданіи я далъ вполнѣ отрицательный отвѣтъ: она есть не искусство, но простое христіанское ученіе. Нынѣ, въ связи съ общимъ пониманіемъ христіанства, какъ оно изложено въ *Основахъ христіанства*, я значительно измѣняю свой взглядъ. Христіанство вдохновенно и таитъ въ себѣ духовную красоту. Оно есть царство духовныхъ личностей; дѣятели его должны быть вдохновенны и свободны. И проповѣдь, какъ дѣло исполненной Св. Духа личности, должна быть вдохновеннымъ словомъ, должна таить въ себѣ духовную красоту. Это роднитъ ее съ искусствомъ, хотя она отлична отъ другихъ видовъ церковнаго искусства и хотя она не есть только искусство.

Вдохновенность проповѣдническаго слова не мѣшаетъ намъ, по прежнему, отличать проповѣдь, какъ религіозное ученіе, отъ всѣхъ видовъ церковнаго искусства въ томъ отношеніи, что она направляется отъ неба къ землѣ, есть слово Божіе къ людямъ, тогда какъ искусство направляется отъ земли къ небу, отъ людей къ Богу (Еф. V, 19; Кол. III, 16). Но и при этомъ различіи проповѣдь остается вдохновеннымъ словомъ, искусствомъ sui generis. И въ качествѣ религіознаго ученія проповѣдь не должна быть сухою, школьною рѣчью, проповѣдникъ не можетъ быть автоматомъ. Истинная проповѣдь бьетъ изъ глубины личнаго христіанскаго опыта, является плодомъ творчески-свободной личности. Даръ пророчески-назидательной рѣчи ап. Павелъ считаетъ въ числѣ духовныхъ дарованій. Въ этомъ воззрѣніи на проповѣдь ничего не измѣняетъ то обстоятельство, что христіанское ученіе богодаровано и сохраняется церковнымъ преданіемъ, что церковь всегда ревниво оберегала свое исключительное право на учительство. Вѣдь церковь съ теченіемъ времени вынуждена была злоупотребленіями еретиковъ взять и искусство подъ свое наблюденіе. Но это наблюденіе относится, какъ само собою понятно, исключительно къ церковному употребленію произведеній искусства: церковь, не воспрещая частнаго творчества, лишь ограничи-

ваетъ его церковное употребленіе. Такъ и въ отношеніи къ церковному учительству—не въ смыслѣ авторитетнаго рѣшенія вопросовъ вѣры, догматическаго храненія церковнаго преданія, а въ смыслѣ возрожденія и воспитанія духовныхъ чадъ, проповѣдническаго оглашенія—церковь можетъ лишь наблюдать за церковнымъ употребленіемъ благовѣстническаго дара. Она не можетъ создать проповѣдниковъ одною своею властью. Проповѣдническое призваніе никакъ нельзя отожествить съ церковнымъ строемъ: оно не исчерпывается іерархическимъ благословеніемъ. Посылая на проповѣдь (Рим. X, 15), церковь не можетъ и не должна видѣть въ посланныхъ ею своихъ рабовъ или послушниковъ. Своимъ благословеніемъ и подъ своимъ контролемъ она можетъ допускать дѣятелями на нивѣ Божіей лишь свободныхъ носителей духа Божія.

2. Вдохновенное проповѣдническое слово есть искусство sui generis. Оно коренится въ интимномъ христіанскомъ опытѣ, въ общеніи Духа Святаго, въ реальной духовной жизни. Проповѣдническій даръ не есть *только искусство* и, въ частности, *ораторское* искусство. Искусство, въ собственномъ смыслѣ, не состоитъ лишь въ заразительномъ выраженіи чувства, но имъ предполагается также способность художника наблюдать жизнь, воспринимать ее, усвоять чужія разнообразныя чувства, вызывать въ себѣ разъ испытанныя чувства и выражать ихъ преднамѣренно-заразительно, пользуясь извѣстной техникой. Искусство можетъ передавать чувства, хотя пережитыя художникомъ, но не глубоко заложенныя въ его природѣ, не открывающія самой его душевной сокровенности,—и даже совершенство искусства проявляется въ выраженіи такихъ именно схваченныхъ чувствъ во всемъ разнообразіи человѣческой жизни. Таково же и ораторское искусство. Ораторъ по опредѣленію классической риторики, долженъ учить, нравиться и убѣждать (Cicer. *Orator*, c. XXI; Quint. *Instit. orat.* lib. III, c. 5) и точнѣе—учить и нравиться для того, чтобы убѣждать; ораторъ, главнымъ образомъ, долженъ дѣйствовать на сердце (Cic. *Brut.* c. LXXX: permovere atque incitare animos—inflammare animos audientium); цѣль оратора та, чтобы его слушатель по его желанію волновался сильными чувствами (*Orat.* c. XXXVIII). Для этого и сама ораторская рѣчь должна быть

пламенною (nec umquam is, qui audiret, incenderetur, nisi ardens ad eum perveniret oratio. Ibid.). И классическая риторика яркими чертами рисуетъ образъ художественной ораторской рѣчи. Ораторъ долженъ жить преимущественно сердцемъ (pectus est, quod disertos facit. Quint. *Instit. orat.* lib. LX, с. 7); искусство ораторское состоитъ въ умѣньи такъ выражать свои чувства, чтобы они передавались слушателямъ, склоняя ихъ къ опредѣленному дѣйствованію. Отсюда классическая риторика ставила краснорѣчіе въ тѣсную связь съ психологіей, требовала отъ оратора знанія наклонностей своихъ слушателей, умѣнья приспособляться къ ихъ душевному состоянію,—ораторъ долженъ „замѣчать, какая душа, отъ какихъ рѣчей и по какой причинѣ необходимо либо убѣждается, либо не убѣждается“ (Платона *Федръ*, 271, B; въ перев. Карпова, ч. 2, изд. 2, стр. 101); отсюда же она предъявляла извѣстныя требованія къ личности оратора,— она требовала, чтобы ораторъ по своему умственному и нравственному облику заслуживалъ довѣріе у слушателей (Aristot. *Ar. rhetor.* lib. I, c. 2), она даже говорила: nemo orator nisi vir bonus (Quint. *Inst. orat.* lib. XII, с. 10). Но преимущественное свое вниманіе классическая риторика обращала на все то, чѣмъ ораторъ во время рѣчи дѣйствовалъ на слухъ и зрѣніе слушателей, и смотрѣла она на все это исключительно съ художественной точки зрѣнія. Она требовала, чтобы рѣчь оратора была художественна и со стороны формы и по музыкальности строя; она обращала строгое вниманіе на голосъ и произношеніе и ставила успѣхъ ораторской рѣчи болѣе въ зависимость отъ произношенія, чѣмъ отъ содержанія (Id. LXI, с. 3); она полагала, наконецъ, краснорѣчіе не въ одномъ словѣ, но вмѣстѣ и въ „дѣйствованіи“ оратора (est enim actio quasi corporis quaedam eloquentia) и считала весьма важными для успѣха оратора его движенія, осанку и выраженіе лица (Cic. *Orat.* с. XVII. XVIII). Въ классической древности, кромѣ краснорѣчія ученаго и собственно ораторскаго, было даже извѣстно краснорѣчіе софистовъ. Это было мастерство доказывать то, въ чемъ самъ говорящій не былъ убѣжденъ,—доказывать безразлично за и противъ; это было чисто словесное мастерство—изворотливость мысли, умѣнье владѣть рѣчью, играть словами. Такое мастерство софисты примѣняли къ

самымъ отвлеченнымъ философскимъ положеніямъ. Ихъ цѣлью было не столько убѣждать, сколько нравиться (Cicer. *Orat.* c. XIX: non tam persuadere, quam delectare). Напротивъ, христіанское проповѣдничество предполагаетъ такія переживанія, которыя составляютъ самую глубину проповѣднической личности. Христіанскимъ проповѣдникомъ можетъ быть только христіанинъ,—и это христіанинъ, для котораго дѣло проповѣди есть самое высшее христіанское дѣло. Проповѣдь раскрываетъ опредѣленное міровоззрѣніе, которое доставляетъ ей извѣстное содержаніе. Ея задача—передать слушателямъ это цѣльное міровоззрѣніе, передать имъ всю „душу“ проповѣдника (1 Θесс. II, 8) и, въ свою очередь, захватить всю душу слушателей, возродить ихъ. Поэтому христіанской проповѣди совершенно чуждо должно быть все искусственное, разсчитанное на быстрое возбужденіе временныхъ чувствъ, все обязанное исключительно усвоенной техникѣ, внѣшнимъ пріемамъ. Христіанская проповѣдь есть искусство sui generis, но въ ней не должно быть ничего специфически-искусственнаго. Или, по крайней мѣрѣ, все таковое не лежитъ въ сущности проповѣдничества и является параллельнымъ мотиву тщеславія. Поэтому вліяніе языческаго ораторскаго искусства на древнее христіанское проповѣдничество должно признать, въ существѣ дѣла, отрицательнымъ. На ораторскіе пріемы даже у блестящихъ проповѣдниковъ четвертаго вѣка, не говоря уже о послѣдующихъ вѣкахъ упадка просвѣщенія и проповѣдничества,—слѣдуетъ смотрѣть не какъ на достоинство, а какъ на недостатокъ, какъ на уступку проповѣдниковъ по человѣческой слабости, по славолюбію, прихотливымъ желаніямъ слушателей, увлекавшихся краснорѣчіемъ и ждавшихъ отъ проповѣди не наученія, а наслажденія. Такъ смотрѣли на это сами проповѣдники—Іоаннъ Златоустый, Василій Великій, Григорій Богословъ. Такъ первый изъ нихъ въ бесѣдѣ XXX на Дѣянія Апостольскія, упрекая своихъ слушателей за то, что они „не ищутъ слова умилительнаго, а ищутъ слова услаждающаго и произношеніемъ и составомъ рѣчи, какъ будто слушая пѣвцовъ и музыкантовъ“, пишетъ о себѣ: „и мы холоднымъ и жалкимъ образомъ стараемся угождать вашимъ желаніямъ, которыя слѣдовало бы отвергать. И бываетъ то же, какъ если бы какой отецъ своему

слишкомъ нѣжному и при томъ больному сыну давалъ пирожное, прохладительное и все, что только услаждаетъ, а полезнаго ничего не предлагалъ... То же бываетъ и съ нами, когда мы заботимся о красотѣ выраженій, о составѣ и благозвучіи рѣчи, чтобы доставить удовольствіе, а не принести пользу, чтобы возбудить удивленіе, а не научить, чтобы усладить, а не умилить, чтобы получить рукоплесканія и отойти съ похвалами, а не исправить нравы. Повѣрьте мнѣ,—не безъ причины говорю,—когда слова мои сопровождаются рукоплесканіями, въ то время я чувствую нѣчто человѣческое,—почему не сказать правды?—радуюсь и услаждаюсь; но когда, возвратившись домой, подумаю, что рукоплескавшіе не получили никакой пользы, а если чѣмъ и могли воспользоваться, то потеряли отъ рукоплесканій и похвалъ, тогда скорблю, жалѣю и плачу, думаю, что все я говорилъ напрасно, и говорю самъ себѣ: какая польза отъ моихъ трудовъ, когда слушатели не хотятъ получить никакой пользы отъ словъ моихъ?“

3. Во времена средневѣковой схоластики и риторика приняла схоластическій обликъ. Схоластическая риторика это та же классическая риторика съ замѣною художественнаго духа ораторской рѣчи механическимъ примѣненіемъ искусственныхъ, условныхъ пріемовъ. При такой замѣнѣ искусство перестаетъ быть таковымъ и обращается въ ловкость, или мертвую искусственность. Вмѣстѣ съ тѣмъ схоластика имѣетъ по существу много сроднаго съ древней софистикой,—здѣсь мы встрѣчаемъ то же напряженіе самаго отвлеченнаго мышленія; этотъ характеръ схоластики также отразился на схоластической риторикѣ. Она утверждалась на томъ воззрѣніи, что краснорѣчіе оратора состоитъ въ соблюденіи самыхъ опредѣленныхъ правилъ, въ примѣненіи опредѣленныхъ пріемовъ. Главнымъ образомъ это были правила относительно раскрытія данной темы и относительно формы рѣчи, это были условные пріемы построенія предложеній и приведенія доказательствъ. За время средневѣковой схоластики и гомилетика была только отдѣломъ риторики,—это была схоластическая гомилетика. Такою гомилетика въ главномъ и существенномъ остается и до нашего времени. Главная гомилетическая ошибка состоитъ не въ томъ лишь, что она считаетъ проповѣдь искусствомъ,

а преимущественно въ томъ, что она ораторское искусство полагаетъ въ механическомъ соблюденіи опредѣленныхъ правилъ, прежде всего, относительно формы,—полагаетъ его въ опредѣленной формѣ. Въ этомъ рѣшительное извращеніе истины. И потому, что искусство не въ механическомъ соблюденіи опредѣленныхъ правилъ, и потому, что проповѣдь не ораторское искусство,—все ученіе гомилетики о формѣ и вообще о внѣшней сторонѣ проповѣди выражается въ двухъ словахъ: проповѣдь съ внѣшней стороны должна быть вполнѣ безыскусственна и проста. Искусство проповѣди въ духовной опытности проповѣдника, въ жизненности и воодушевленности его слова. Проповѣдь можетъ быть и простою учительною рѣчью, можетъ становиться также искусствомъ и въ ближайшемъ смыслѣ, но это возможно лишь подъ условіемъ свободнаго творчества, а не схоластической теоріи.

И такъ называемый вопросъ о живомъ словѣ есть вопросъ о вдохновенности проповѣди. Вдохновенное проповѣдническое слово можетъ выражаться и литературно и словесно. Проповѣдническое слово предъ слушателями, въ строгомъ смыслѣ церковная проповѣдь, въ случаѣ вдохновенности проповѣдника—можетъ быть только живымъ словомъ.

Приложеніе.

Планъ „Основъ Христіанства".

Исходнымъ пунктомъ „Основъ христіанства" служитъ христологическая идея богоснисхожденія—самоуничиженія Христа, преимущественно раскрытая у ап. Павла въ посл. къ Фил, II, 5—11 и въ ученіи св. Кирилла Александрійскаго. Въ христологической системѣ св. Кирилла особенно важно ученіе о подчиненіи Сына Божія законамъ человѣческой природы и о единствѣ богочеловѣческой жизни при разнородности природъ божеской и человѣческой (т. I, 92—101). Эта святоотеческая мысль проходитъ красною нитью чрезъ всѣ томы „Основъ христіанства". И прежде всего она прилагается къ объясненію евангельской исторіи, такъ какъ „главный смыслъ земной жизни Христа, какъ въ существѣ Его личности, такъ и въ Его историческомъ значеніи, составляетъ откровеніе духовной божественной жизни въ условіяхъ земного существованія" (т. I, 149 — 151). Этотъ смыслъ евангельской исторіи съ особенною ясностью предначертанъ въ исторіи искушеній Христа. „На первое искушеніе Христосъ отвѣтилъ смиренною покорностью естественнымъ законамъ человѣческой жизни; на второе предложеніе Онъ отвѣтилъ отказомъ искушать Господа требованіемъ чрезвычайнаго видимаго покровительства; третьему искушенію Онъ противопоставилъ отказъ отъ служенія злому духу національной гордости" (т. I, 193—195).

Вслѣдъ за евангельской исторіей тотъ же принципъ прилагается и къ изложенію евангельскаго ученія. Сущность евангелія въ томъ, что божественная (духовная) жизнь Христа, Сына Божія, дѣлается достояніемъ вѣрующихъ и въ нихъ сочетается съ природно-исторической необходимостью, которая наполняетъ видимый промежутокъ между начальною (евангельско-историческою) чудесностью и эсхатологическими обѣтованіями,—иначе сказать, въ христіанствѣ абсолютная любовь соединяется съ вѣрою (II, 189 и вообще 165—198). Отсюда евангельская духовная праведность есть принципъ личной духовной жизни, а не условный законъ природно-общественнаго существованія, и въ этомъ отношеніи характерно отличается отъ ветхозавѣтной религіи (II, 199—201). Вѣчная жизнь по евангелію есть явленіе божественной жизни въ условіяхъ временнаго существованія. „Евангеліе учитъ, что человѣкъ можетъ, и въ условіяхъ временнаго существованія, жить божественно-духовною жизнью"

(II, 248). На мірскую жизнь евангеліе смотритъ двояко. Въ естественномъ отношеніи физическая и мірская жизнь составляетъ область воли Божіей, какъ эта послѣдняя открывается въ законахъ природы. Но предъ духовнымъ благомъ вѣчной жизни мірская жизнь, въ качествѣ душевной самоудовлетворенности человѣка, является отрицательною величиною, зломъ. Для евангелія, какъ нѣтъ природной нечистоты, такъ и нѣтъ природной или внѣшней этической цѣнности: самоотреченіе евангеліемъ требуется только для вѣчной жизни, для духовнаго блага: это—исключительно самоотреченіе любви (II, 258—261).

Въ третьемъ томѣ христіанство разсматривается въ перспективѣ начальныхъ творческихъ цѣлей и послѣднихъ эсхатологическихъ чаяній. Цѣль и смыслъ жизни опредѣляются по идеѣ богоснисхожденія. „Пріобрѣтеніе Богу славы въ ничтожествѣ—вотъ цѣль міровой и человѣческой жизни“ (III, 63). Идеи абсолютнаго личнаго счастья и личнаго естественнаго совершенства оказываются ложными (III, 17—45). Первое, что внушается человѣку изначальнымъ предопредѣленіемъ, есть долгъ жизни во всей полнотѣ естества, созданнаго Богомъ, несмотря на злостраданія, соединенныя съ тѣми или другими формами жизни (III, 65). Христіанство представляется высшимъ осуществленіемъ этой цѣли, поскольку соединеніе духовнаго совершенства съ видимымъ уничиженіемъ и блаженства съ внѣшними страданіями составляетъ самое характерное въ христіанствѣ (III, 58). Съ точки зрѣнія этой же идеи и именно по смыслу искушеній Христа разсматривается и всемірная исторія, начиная съ грѣхопаденія прародителей и кончая исторіей христіанской церкви. Вмѣстѣ съ тѣмъ особенность третьяго тома, придающая ему удѣльный вѣсъ, въ томъ, что здѣсь христіанство разсматривается не въ формѣ даннаго ученія, идеально осуществленнаго въ лицѣ Христа, а въ конкретной христіанской личности, въ дѣйствительности церковнаго общества и въ реальности человѣческой исторіи. Это обстоятельство вноситъ новые элементы въ систему, проистекающіе изъ грѣховной немощи человѣка и изъ фактическихъ искушеній христіанства. Это, во-первыхъ, элементъ педагогически-аскетическій, выражающій моральную силу христіанства (III, 93—107),—во-вторыхъ, элементъ церковно-благодатный, возникающій, съ одной стороны, въ виду того, что въ формѣ церкви христіанство пріобрѣтаетъ природно-историческое значеніе, становится культурной силой (III, 130), и, съ другой стороны, церковь является сокровищницей благодати, которая дѣйствуетъ на природу и міръ, истребляя самыя глубины первороднаго грѣха и невидимо пріуготовляя міръ къ эсхатологическому обновленію (III, 128—156).

Въ четвертомъ томѣ обслѣдуется не конкретная жизнь христіанина и христіанства, но здѣсь предметомъ берется отношеніе христіанства, въ его евангельской идеѣ, въ лично-духовной абсолютности, въ смыслѣ чистой божественной жизни, къ природно-исторической жизни въ ея формахъ и въ ея законахъ, т. е. къ той области природно-историческихъ законовъ и природно-общественныхъ формъ,

которая не затрогивается въ своемъ существѣ нравственно-сознательною дѣятельностью христіанина и не измѣняется въ своей видимости благодатною дѣятельностью церкви, но лежитъ между этими сферами. Это отношеніе устанавливается по принципу христіанской свободы, т. е. свободы абсолютнаго религіознаго духа отъ условности историческихъ формъ и свободы природно-исторической жизни отъ внѣшнихъ притязаній религіозной власти. Другими словами, уясняется разнородность областей лично-религіозной (божественно-абсолютнаго содержанія) и природно-общественной (неизмѣнныхъ законовъ природы и условныхъ общественныхъ формъ), сочетающихся по силѣ этой разнородности въ высшее единство (особ. IV, 382—395). Въ этомъ отношеніи критически разсматриваются религіозно-общественныя теоріи Л. Толстого, Ѳ. М. Достоевскаго, арх. Ѳеодора Бухарева, В. С. Соловьева, В. В. Розанова.

Наконецъ, въ послѣднемъ, дополнительномъ, томѣ—съ точки зрѣнія раскрытыхъ раньше принциповъ критически обозрѣвается религіозная жизнь нашихъ дней—во-первыхъ, описываются высшія изъ проявленій современнаго дѣятельнаго христіанства, высшіе виды лично-благотворительной и общинной христіанской дѣятельности,—во-вторыхъ, обосновываются предстоящія задачи христіанской церковности и христіанскаго проповѣдничества.

БИБЛІОТЕКА
ПОЛИТЕХНИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
Живыя души	3—176
Предисловіе	3
Кіевскій Покровскій (Княгининъ) монастырь	8
Вировская обитель	28
Лѣсна	49
Крестовоздвиженское трудовое братство	84
Толстовскія колоніи	153
Церковность	177—246
Проповѣдь	247—278
Каковъ долженъ быть проповѣдникъ	247
Предметъ проповѣди	259
Современность и народность проповѣди	266
Проповѣдь, какъ искусство	273
Приложеніе. Планъ „Основъ христіанства“	279

